

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

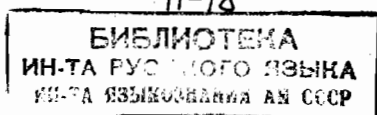
МОСКВА

1976

В очередной выпуск ежегодника вошли статьи советских ученых — участников III Международного конгресса по изучению Юго-Восточной Европы, состоявшегося в 1974 г. в Бухаресте. Авторы рассматривают широкий круг политических, социально-экономических, этнических, культурно-исторических проблем, охватывающих основные этапы исторического развития балканских народов. Большинство статей посвящено вопросам и явлениям, общим для всего региона. В сборнике разносторонне исследуются исторические связи народов нашей страны с народами Балканского полуострова.

Редакционная коллегия:

Г. Л. АРШ (ответственный редактор),
В. Н. ВИНОГРАДОВ, Л. Я. ГИБИАНСКИЙ, Е. П. ЛЬВОВА,
Ю. В. ИВАНОВА, Д. Ф. ПОПЛЫКО (ответственный секретарь)

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник — первый в нашей стране опыт балкановедческого исследования комплексного профиля. В нем публикуются работы советских авторов — участников III Международного конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы*. В научных сообщениях историков, лингвистов, этнографов, историков культуры рассматриваются в разных аспектах важные проблемы исторических, этнических и историко-культурных процессов на Балканах. Структура сборника подчинена задаче изучения многих существенных явлений балканской истории и культурно-исторического развития, выявления связей и взаимодействия балканского региона с другими регионами. В разделе «История» представлены исследования по трем историческим эпохам: феодализму, капитализму и социализму. Ряд материалов посвящен типологии феодализма в Юго-Восточной Европе, его стадияльному развитию и региональным особенностям. При этом подчеркивается, что происходила не смена способа производства, а изменение форм феодальной эксплуатации.

Большая группа сообщений показывает эволюцию освободительного движения и общественно-политической мысли на Балканах на протяжении более чем столетия. Особое внимание уделено взаимодействию балканских народов в освободительной борьбе, общности и специфическим чертам идеологии освободительного движения. Рассматривается также действие на Балканах общих закономерностей мирового революционного процесса, распространение пролетарской идеологии и форм революционной пролетарской борьбы. Целый ряд сообщений посвящен истории международных отношений. Они свидетельствуют о роли России как важного фактора балканской политики. В особый подраздел выделен вопрос об отношениях СССР с балканскими странами. В основной своей части здесь говорится о решающей роли Советского Союза в освобождении народов Юго-Восточной Европы от фашистского ига, о совместной борьбе советского и балканских народов в годы второй мировой войны.

В сообщениях раздела «Этническая история» рассматривается преемственность этнического и культурного развития балканских народов с древнейшего времени вплоть до наших дней. В комплекс-

* Информацию о конгрессе см. в конце книги.

ном плане, с привлечением этнографического, исторического, лингвистического материала здесь трактуются важные проблемы межэтнических связей населения Юго-Восточной Европы, стадийного развития его общественных институтов, взаимодействия Балканской и Карпатской зон.

Раздел «История культуры» охватывает материал широкого диапазона — от византийской цивилизации до социалистической культуры. Сюда входят как исследования сравнительно-исторического плана, так и сообщения, посвященные конкретной проблематике, связанной с изучением отдельных явлений культуры, их специфики. В целом они охватывают проблемы истории культуры народов Юго-Восточной Европы и акцентируют внимание на таких важнейших моментах, как народность, гуманизм, прогрессивное значение культурных связей между народами на поворотных исторических этапах, особенности формирования культур в эпоху становления наций.

Основной задачей «Балканских исследований» и в дальнейшем остается комплексное изучение истории, истории культуры, современного развития народов Балканского полуострова. Основное внимание будет уделено борьбе балканских народов за национальное и социальное освобождение, их историческим и культурным связям с народами СССР. Ближайшие выпуски «Балканских исследований» намечено посвятить национально-освободительному движению на Балканах, значению для Балкан русско-турецкой войны 1877—1878 гг., развитию балканистики в СССР. Предполагается также продолжать публикацию материалов о балканских странах из советских хранилищ и библиографию выходящей в СССР литературы по балканистике. В осуществлении этих планов редколлегия рассчитывает на активное содействие всех специалистов-балкановедов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Феодализм в Юго-Восточной Европе и османское завоевание

(типологические сдвиги в Дунайских княжествах)

П. В. СОВЕТОВ

Медиевистика в настоящее время только приступила к изучению проблемы критериев и типологизации феодализма. Эта проблема носит еще во многом постановочный, нередко дискуссионный характер¹.

Среди постановок проблемы можно указать и на выдвинутую во время кишиневского симпозиума 1973 г. точку зрения по вопросу о критериях построения одного из типологических рядов феодализма². В основе ее лежит утвердившееся в советской и зарубежной марксистской литературе мнение, согласно которому во всемирно-историческом масштабе можно выделить (по горизонтали типологического ряда) два наиболее противоположных в смысле социологической модели типа феодализма: западный и восточный. Среди основных критериев первый характеризуется преимущественно как основанный на частновладельческих (сеньориально-вотчинных) отношениях собственности, второй — на феодально-государственных. Разумеется, такая типологизация может быть результатом только общего социологического подхода, а не конкретно-исторического исследования истории отдельной страны. Она не представляет точного отражения каких-либо конкретных общественных отношений того или иного региона, тех или иных стран эпохи феодализма, позволяя воссоздать лишь наиболее универсальные социально-экономические системы. Вместе с тем она не исключает реально существующих многочисленных конкретно-исторических своеобразий, порожденных особенностями собственного исторического развития отдельных стран и регионов.

В той универсальной схеме, о которой мы говорим, речь идет об одном определенном направлении типологического ряда. В новей-

шей литературе выдвигаются и другие критерии его формирования³. Общее построение всех возможных рядов не входит в нашу задачу. Наша цель — найти в указанном типологическом ряду место феодализму Дунайских княжеств.

При универсальном подходе к этому типологическому ряду в целом надо иметь в виду, что К. Маркс вывел в «Капитале» в теоретическом отношении два «чистых» типа феодальных отношений собственности — частновладельческий (сеньориально-вотчинный, по Марксу свойственный преимущественно Европе) и государственный (преимущественно — Азии) — и сопоставил их⁴. При этом выделении двух «чистых» форм было необходимо отвлечься от всех промежуточных и затухающих форм, которые мешали видеть природу ренты как экономической реализации феодальной земельной собственности и вместе с тем были ее проявлениями⁵. Вот почему, исходя из наличия двух «чистых» типов феодальных отношений собственности, мы не должны забывать при каждом конкретно-историческом исследовании возможность существования многочисленных промежуточных «нечистых» форм. В последних могли причудливо сочетаться оба полярных типа под различными покровами и юридическими вывесками, затемняющими природу экономических отношений собственности. Подобных сочетаний, отражающих отношения собственности при одной и той же общественно-экономической формации, может быть множество, на что также обращал внимание К. Маркс⁶. Поэтому при наличии двух крайних полюсов, типологизированных в социологическом плане, наблюдается большое число конкретно-исторических промежуточных вариантов в данном типологическом ряду феодальной формации. К. Маркс не исключал в этих промежуточных вариантах типологического ряда наличия элементов феодально-государственных отношений собственности в Европе и частновладельческих на Востоке, в Азии⁷. Отсюда условность понятий «западный» и «восточный» феодализм в смысле абсолютного противопоставления двух типов отношений собственности вместо выяснения их относительного удельного веса⁸. И, что самое главное, и в Европе, и на Востоке, в Азии, конкретное сочетание этих двух типов феодальных отношений собственности (конституирующее данный вариант в этом типологическом ряду) не находилось в застывшем виде на всем протяжении феодальной истории той или иной страны или региона.

Во время проведенной в начале 60-х годов советскими историками дискуссии, посвященной развитию феодализма и капитализма в странах Востока (Азии), отмечалось, например, что «под вывеской верховной государственной собственности на землю существовала (и развивалась. — П. С.) частная феодальная собственность»⁹. Типологические сдвиги внутри феодализма от государственной собственности на землю к частновладельческой были характерны для многих районов Азии¹⁰. И наоборот — во многих странах Европы в определенные периоды феодализма под вывес-

кой частной феодальной собственности на землю шел процесс роста прав государства по экономической реализации земельной собственности. Анализируя последний этап феодализма (до его разложения) в Западной Европе, медиевисты характеризуют его как период, когда «над сеньориальной формой ренты надстраивается централизованная ее форма, главным образом в виде государственных налогов, пошлин и сборов»¹¹.

В Валашском и Молдавском княжествах конца XVI—XVIII в. наблюдаются такие же процессы, но носят они, на наш взгляд, характер сдвигов не стадийных, а типологических. Характер подобных сдвигов по горизонтали типологического ряда определялся таким внешним фактором, как турецкое завоевание Юго-Восточной Европы, в том числе и Дунайских княжеств.

Если посмотреть с этой точки зрения на развитие форм феодализма в Дунайских княжествах XV—XVIII вв., перед нами предстанет следующая картина.

В течение XV в. процесс экстенсивного развития феодализма вширь был почти завершен, и в княжествах установилось господство крупной феодальной собственности (особенно в Молдавии, где крупное и среднее землевладение охватывало 81 % земель)¹². Но проникновение феодальных отношений вглубь было еще незначительным. Почти весь прибавочный продукт производился в крестьянском дворе, степень сеньориальной эксплуатации (особенно барщина) была относительно невелика. Она была ниже, чем в других странах Центральной, Восточной и даже Юго-Восточной Европы (до турецкого завоевания)¹³. Заметную роль играла централизованная рента, причем светская вотчина располагала довольно ограниченным иммунитетом¹⁴. Этим объясняется сохранение в определенной мере непосредственных уз зависимости крестьян от феодального государства и замедленные темпы их прикрепления к отдельным феодалам¹⁵. Крестьянин долгое время имел формальное право жаловаться на своего землевладельца в государственные, особенно судебные, органы. Крестьяне располагали реальной возможностью оказывать сопротивление владельцу вотчины, так как они еще не были отделены от военного дела, систематически участвовали в господарском войске и имели при себе оружие¹⁶.

Подобная структура феодальных отношений собственности в значительной мере обусловила и соотношение классовых и внутриклассовых сил в области внеэкономического принуждения. Военно-служилое сословие феодалов-землевладельцев, как результат высокой концентрации частнофеодального землевладения, не превышало нескольких тысяч человек. Поэтому из-за постоянной военной опасности (со стороны Венгрии, Польши и особенно Османской империи) в армию призывались зависимые частновладельческие крестьяне (в таком случае войско вырастало от 10 до 40 тыс.). Но все это ограничивало в типологических рамках сеньориально-вотчинных форм дальнейшее развитие феодализма

вглубь (основная закономерность после завершения этапа экстенсивного развития)¹⁷.

Во многих странах Европы это противоречие разрешалось за счет перестройки старовотчинной структуры путем ее раздробления и формирования более многочисленного сословия феодалов-землевладельцев¹⁸. И в Дунайских княжествах конца XV—XVI в. это противоречие также преодолевалось за счет перестройки указанной крупновотчинной структуры собственности путем ее раздробления (в княжествах преимущественно с сохранением наследственных связей владельцев). Появилось в огромном масштабе мелковетчинное землевладение как новообразование (в Молдавии, где этот процесс поддается статистическому исследованию, наблюдался рост таких вотчин с 19 до 55 % всего вотчинного землевладения). В результате в княжествах стала расширяться земельная база военно-служилого сословия (процесс, который при всем его своеобразии соответствует субинфеодации в Англии XI—XIII вв., складыванию в массовом масштабе рыцарского землевладения в континентальной части Западной Европы XII—XIV вв., формированию помещичьего дворянского землевладения в России XV—XVI вв. и т. д.). Мощь и сила господствующего класса феодалов-землевладельцев в княжествах выросла настолько, что зависимый крестьянин был отстранен от военного дела. Движение феодальных отношений по вертикали общественно-экономического развития в рамках сеньориально-вотчинного типологического пути сделало в XVI в. скачок вперед в виде значительного роста сеньориальной эксплуатации и усиления внеэкономического принуждения в вотчине, превращения основной массы зависимых частновладельческих крестьян в крепостных — «вечин» в Молдавии и «румын» в Валахии¹⁹.

Однако начавшееся в течение XVI в. укрепление сеньориально-вотчинного строя еще не достигло уровня его развития в Центральной и Восточной Европе, когда этот процесс стал приостанавливаться и видоизменяться под влиянием внешнего фактора — постепенного усиления турецкого ига. Развитие феодализма вглубь в Молдавском и Валахском княжествах продолжалось, но его типологические пути видоизменялись. Действие внутрiformационной закономерности развития феодализма вглубь (в рамках сеньориально-вотчинных отношений собственности) в княжествах полностью не завершилось, когда в конце XVI — начале XVII в. в феодальных отношениях в целом начались довольно интенсивные внутрiformационные сдвиги (ограничение сеньориальной ренты и огромный рост централизованной), которые в дальнейшем (XVII—XVIII вв.) принимают характер вполне очевидной тенденции перехода от господства одного типа феодальных отношений собственности (частнофеодальных, сеньориальных) к преимущественному развитию других (феодально-государственных)²⁰. Помимо стадияльных сдвигов по вертикали общественно-экономического развития, в Дунайских княжествах началось смещение

феодализма и в горизонтальном плане по типологическому ряду.

Развитие молдавского феодализма вглубь при параллельном скользянии по горизонтали типологического ряда привело к тому, что интенсификация феодальных отношений произошла при резком ослаблении сеньориально-вотчинных отношений собственности и большом укреплении феодально-государственных. Выразилось это в ряде аспектов видоизменения форм феодализма: а) фиксация и ограничение сеньориальной ренты на уровне меньшей доли прибавочного продукта при огромном росте в то же время централизованной ренты²¹; б) почти полное ограничение иммунитета вотчины в области взыскания централизованной ренты²²; в) распространение централизованной ренты на львиную долю прибавочного продукта и на часть необходимого продукта, в результате чего княжества были доведены до экономического упадка²³, началась все более прогрессирующая прямая перекачка остатков сеньориальной ренты в русло централизованной за счет тяжело-налогообложения частнофеодального вотчинного землевладения²⁴; г) сдвиги в отношениях собственности привели к сдвигам и в системе внеэкономического принуждения. Произошло ослабление внеэкономического принуждения сеньориально-вотчинного типа, которое вылилось в ослабление уз личной зависимости частновладельческих крестьян в вотчине и сопровождалось укреплением феодально-государственного принуждения. В результате крепостное право вотчинного типа (прикрепление крестьян — вечин и румын к вотчине и личности землевладельца, доходившее до их купли-продажи) было отменено законодательством К. Маврокордата в 40-х годах XVIII в., а взамен крестьяне были прикреплены к месту несения централизованной ренты²⁵. Одновременно многие бывшие вечины и румыны, частновладельческие крестьяне, были прикреплены к различным представителям феодально-государственной иерархии в качестве обязанных денежной, натуральной и отработочной централизованной рентой, которая в 4—8 раз превосходила сеньориальные платежи своим землевладельцам. Личностные отношения имели тенденцию постепенного переключения из сферы сеньориально-вотчинных отношений собственности в сферу феодально-государственных²⁶.

Изменение типологических путей развития феодализма вглубь имело в Молдавии и Валахии вполне очевидную причину (которая, впрочем, привела и к консервации самой феодальной формации вплоть до второй половины XVIII в.)²⁷. Турецкое владычество, выкачивавшее из Дунайских княжеств значительные доходы главным образом за счет централизованной ренты, было главным катализатором усиления феодально-государственных отношений собственности. Если в других балканских странах после турецкого завоевания частнофеодальные отношения собственности были в значительной степени сломлены и заменены отношениями феодально-государственными²⁸, то в Дунайских княжествах обошлось без такой коренной ломки. Местное частнофеодальное

землевладение не было разрушено, но оно было резко ограничено в экономической реализации этой собственности за счет многократного превосходства централизованной ренты над сеньориальной. В результате, если феодальная собственность на землю как категория юридическая стала исключительно частнофеодальной, то категория экономических отношений собственности на землю стала преимущественно феодально-государственной.

Модификация феодальных отношений собственности в конце XVI—XVIII в. проявлялась не только в том, что феодально-государственные отношения собственности все больше наслаивались поверх частновладельческих. Их сфера расширялась также за счет действия тенденции окрестьянивания все более значительной массы представителей низших ступеней светского землевладения²⁹. Отстраненные от получения господствующей централизованной ренты (к получению доли этой ренты приобщались в основном служилые бояре, многие из которых были выходцами из других балканских районов) и облагаемые тяжелыми налогами, землевладельцы-вотчинники опускались все ниже по лестнице феодального благосостояния. Владельцы мелких и мельчайших вотчин нередко вынуждены были переходить грань, отделявшую мелкую вотчину от владения крестьянского типа. Мелковотчинное владение из организации по присвоению частнофеодальной, сеньориальной ренты превращалось в организацию по производству централизованной ренты³⁰. Тенденция окрестьянивания мелкофеодального частного землевладения приближала отношения собственности на землю к государственному феодализму в «чистом» виде. Но этот процесс так и не был завершен, хотя вотчинный путь реализации феодальной собственности на землю был доведен до столь низкого уровня (особенно за счет преобразования вотчинной ренты в централизованную), что у современников, этих событий второй половины XVII — середины XVIII в. возникло убеждение в грядущей катастрофе частнофеодального землевладения. Летописцы все время подчеркивают, что обеднение, оскудение и, наконец, разорение было общим процессом, захватившим основную массу землевладельцев-вотчинников, не имевших доступа к централизованной ренте³¹.

Таким образом, если в результате турецкого завоевания в других балканских странах горизонтальный, т. е. типологический, сдвиг принял более быстрые и «чистые» формы распространения феодально-государственных отношений собственности, разрушивших частнофеодальное землевладение, то в Дунайских княжествах этот же процесс имел более затяжной характер и приобрел завуалированные формы «наслоения» и установления господства феодально-государственных отношений собственности поверх полностью юридически сохранившегося частнофеодального землевладения.

Так что в целом на юго-востоке Европы можно выделить две зоны форм феодализма, сформированные в результате осуществления двух различных вариантов проявления одной и той же тен-

денции сдвига по горизонтали типологического ряда. Объединяло эти обе зоны юго-востока Европы то, что они имели общие отличительные черты в развитии форм феодализма по сравнению с Центральной и Восточной Европой (господство феодально-государственных отношений собственности и в результате — движение в одном и том же направлении по типологическому ряду). Вместе с тем каждая из этих двух зон отличалась одна от другой в силу различий в вариантах проявления одного и того же типологического сдвига, который выразился в разной степени приближения к одному и тому же «абстрактному полюсу» типологического ряда — феодально-государственным отношениям.

Вот почему большая часть специфических форм феодализма, отличавших Дунайские княжества от других балканских областей Османской империи, была, как правило, общей для княжеств (Молдавии и Валахии) и Центральной и Восточной Европы (например, частнофеодальное землевладение, хотя в княжествах оно все больше теряло свое значение в качестве материальной основы взывания ренты).

В результате получилось, что Дунайские княжества оказались в конце XVI—XVIII в. на границе двух различных феодальных систем, по своим формам приближающимся к двум противоположным полюсам типологического ряда. Формы феодализма в Дунайских княжествах XVII—XVIII вв. представляли собой компромисс между этими двумя типологически противоположными системами; экономически ближе к первой из них, а юридически — ко второй. Это противоречие вытекало из того, что в результате многократного наслоения феодально-государственных экономических отношений собственности поверх юридически полностью сохранившихся частновладельческих, юридическая форма собственности на землю в Дунайских княжествах осталась исключительно частнофеодальной, в то время как категория экономических отношений собственности на землю стала преимущественно феодально-государственной.

¹ См. материалы совещания медиевистов в 1966 г.: «Средние века», вып. 31. М., 1968, стр. 24—26, 29, 36, 42, 150 и др.; о критериях типологизации см. также: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, стр. 3—8; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. — «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973, стр. 12—13; Г. Г. Литаврин. Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII—XIV в. (К проблеме типологии феодализма). — Там же, стр. 52—60; Е. П. Наумов. Сербский феодализм накануне турецкого завоевания. — Там же, стр. 61—67, и другие.

² «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», стр. 3—7, 84—93.

³ См. приведенную литературу о критериях типологизации.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 804.

⁵ Там же, стр. 631, 637.

⁶ Там же, т. III, стр. 810—811. Здесь К. Маркс упоминает (для Европы) «...ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога».

- ⁷ Не случайно К. Маркс обратил внимание на приближение форм феодализма в Западной Европе XIV—XV вв. к восточному типу (см. *К. Маркс. Капитал*, т. I, М., 1951, стр. 722).
- ⁸ *К. Маркс. Капитал*, т. III, стр. 804.
- ⁹ Сб. «О генезисе капитализма в странах Востока XV—XIX вв.» М., 1962, стр. 365—374, 396—398, 403—404, 408, 410—411, 413.
- ¹⁰ *К. З. Ашрафян. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.)*. М., 1965.
- ¹¹ *М. А. Барг. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе.*— «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 79; см. также: *А. Д. Серовский. К вопросу о распределении прав собственности среди бургундских феодалов X—XII вв.*— «Средние века», т. 28, М., 1965, стр. 38—39.
- ¹² См.: *Н. А. Мозов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 139—140; Șt. Ștefănescu. Istorie și demografie.*— «Studii», 1967, N 5, p. 938; *П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии*, т. I, Кишинев, 1972, стр. 81—84.
- ¹³ *П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии*, т. I, стр. 251—255.
- ¹⁴ *V. Hanga. Contribuții la problema imunității feudale.*— «Studia Universitatis Babeș-Bolyai», ser. III, fasc. 2, 1960, p. 29—51.
- ¹⁵ См. *П. В. Советов. О праве перехода зависимых крестьян в Молдавии XV — середины XVI в.*— «Известия Академии наук МССР», 1962, № 1, стр. 3—18.
- ¹⁶ См. *П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии*, т. I, стр. 234—262.
- ¹⁷ См.: Там же, стр. 252—255; *Șt. Ștefănescu. Istorie și demografie*, p. 938.
- ¹⁸ См.: *С. Д. Скаскин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века*. М., 1968, стр. 217—219; *О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики*. Л., 1968, стр. 275.
- ¹⁹ См.: *Н. А. Мозов. Молдавия эпохи феодализма*, стр. 141—251; *V. Costăchel, A. Cazacu, P. Panătescu. Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII)*. București, 1957, p. 123—128; *Șt. Ștefănescu. Elemente comune de civilizație feudală în Țările Române și Rusia.*— «Studii», 1959, N 2.
- ²⁰ См. *П. Ф. Дмитриев, П. В. Советов. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв.*— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.». Вильнюс, 1965, стр. 272—282; *D. Mioc. Le montant de bir en Valachie du XVI siècle.*— «Revue roumaine d'histoire», 1963, N 1; «Studii», 1959, N 2, p. 73; *S. Columbeanu. Caracterul exploatării feudale a țărănimii în deceniile anterioare răscoalei lui Tudor Vladimirescu.*— «Studii», 1961, N 3; *Fl. Constantiniu. Relațiile agrare din Țara Românească în secolul al XVIII lea*. București, 1972, p. 201—202.
- ²¹ См. *П. Г. Дмитриев, П. В. Советов. Роль централизованного пути...*, стр. 276—277.
- ²² Там же; «История Молдавской ССР», т. I, Кишинев, 1965, стр. 199—204; «Documenta Romaniae Historica, seria Țara Românească». București, 1965, vol. XXI (1626—1627), p. 83—86, 96—100; Arhivele statului din Iași, CCCXXIII/38.
- ²³ *Д. М. Драгнев. Прогресс, замедленное развитие или экономический упадок?*— «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», стр. 99—107.
- ²⁴ О налогообложении вотчины см.: *П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии*, т. I, стр. 467—469; *D. Mioc. La répartition des charges fiscales et le poids de la fiscalité sur les différents groupes sociaux et économique à la fin du XVII-e siècle en Valachie.*— «L'impôt dans le cadre de la ville et de l'Etat». Bruxelles, 1966, N 13, p. 296—316.
- ²⁵ *Я. С. Гросул, Н. А. Мозов, П. В. Советов. Современная историография об аграрных отношениях в Молдавии и Валахии периода перехода от феодализма к капитализму.*— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 21—22; *Д. М. Драгнев. Аграрное*

- законодательство К. Маврокордата и изменение правового положения молдавских крестьян ... «Ежегодник... за 1961 г.» Рига, 1963, стр. 252—264.
- ²⁶ В. Я. Гросул, П. Г. Дмитриев, П. В. Советов. Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян в Молдавии XVIII — начала XIX в. — «Известия Академии наук МССР», 1967, № 2, стр. 3—46.
- ²⁷ П. Г. Дмитриев. Консервация феодальных отношений в Молдавии турецко-фанариотским гнетом. — «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма», стр. 108—114.
- ²⁸ О степени ломки см.: *Josef Perenyi. Quelques aspects de la coexistence des civilisations balkaniques du XV-e au XVIII siècle.* — «Revue des études sud-est européennes». Bucarest, 1963, N 1—2, p. 171—172; *E. Frances. La féodalité byzantine et la conquête turque.* — «Studia et acta orientalia», vol. IV. Bucarest, 1962, p. 69—89; *В. Мутафчиева.* Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962; *Б. Цветкова.* Поземлените отношения в българските земи под османско владичество до средата XVII в. — «Исторически преглед», кн. 2. София, 1950; *F. G. Milcova.* Sur la teneur et le caractère de la propriété d'Etat des terres mirije dans l'Empire ottoman du XV-e au XIX siècles. — «Etudes balkaniques», t. 5. Sofia, 1966, p. 155—175.
- ²⁹ П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии, т. I, стр. 456—486.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *M. Kogălniceanu. Cronicele României sau Letopiseșele Moldoviei și Valahiei*, ed. II, t. II. București, 1872, p. 59, 234, 289, 347, 364, 373; t. III, p. 37, 70, 116, 120, 158, 379.

К характеристике экономического облика городов Юго-Восточной Европы в период позднего феодализма (по загребским материалам XVI—XVII вв.)

Е. С. МАКОВА

Из различных аспектов проблемы нами выбран один — выявление типических черт в развитии ремесла. Прежде всего предстоит ответить на вопрос, какие моменты можно считать характерными для отраслевой структуры ремесла в городах интересующего нас района в период, предшествующий рассматриваемому. К сожалению, историография еще не дала на этот вопрос вполне определенного и убедительного ответа.

Значительный вклад в изучение интересующей нас проблемы внесли труды венгерских историков, где имеется соответствующий статистический материал для XV в.: монография Е. Сюча, а в последнее время — работы В. Бачкаи¹. В результате можно, например, констатировать, что в венгерских городах удельный вес текстильного производства был значительно ниже, чем в западноевропейских.

Интересная попытка выявить и объяснить специфические черты, присущие соотношению между «сильными» и «слабыми» отраслями в средневековых городах Далмации, была предпринята М. М. Фрейденбергом². Советский историк утверждает, что «производственной доминантой» в далматинских городах было кожевенное ремесло, что при отсутствии упоминаний о ткачах наблюдается «гипертрофия портновского дела», связанного отчасти с обработкой текстильных полуфабрикатов, и т. д.

Наконец, убедительный статистический материал, характеризующий отраслевую структуру ремесла в Загребском Градеце, был собран И. Кампушем³. Хотя автор не проанализировал своих таблиц в интересующем нас аспекте, цифры говорят сами за себя: на 40 имен сапожников и 13 портных приходится всего одно упоминание о ткаче. Удельный вес кожевенно-скоряжных и текстильных ремесел в Загребском Градеце по данным переписи 1368 г. был таким же, как в далматинских городах по подсчетам Фрейденберга.

К сожалению, в монографии С. Лишева о средневековом болгарском городе вопрос отраслевой структуры ремесла не поставлен⁴. Это объясняется и состоянием источников, которые не дают прочных оснований для суждений об уровне развития той или иной отрасли. Точно так же скупы свидетельства источников о развитии ремесленного производства в средневековых городах Сербии и Боснии. Однако, судя по упоминаниям «Закона Нового Брда» о ремесленных профессиях, в городе заметную роль играло кожевенное, кузнечное и портняжное производство; о профессиях, связанных с производством тканей, «Закон» не упоминает⁵.

Итак, характерной особенностью экономического облика балканских и венгерских городов в средние века было, по-видимому, слабое развитие текстильного производства и сравнительно высокий удельный вес кожевенно-скоряжного.

Условия для развития городского ремесла на юго-востоке Европы еще до начала широкой экспансии османов складывались, на наш взгляд, невыгодно: отсюда вывозились товары, могущие служить сырьем для ремесла (кожи), а ввоз ремесленных изделий с Запада составлял сильную конкуренцию местному производству.

Политическая ситуация, сложившаяся на Балканах в XVI—XVII вв., не могла не повлиять на развитие городской жизни. Разумеется, города, захваченные турками, в свое время пострадали от военных действий, но уже в XVI в. на значительной части полуострова наступила относительная стабилизация, а вместе с ней оживление экономической жизни в ряде городских центров. Югославские историки отмечают для этого периода прогресс в развитии македонских, сербских и боснийских городов. Наряду с традиционными для балканских земель отраслями здесь успешно развиваются такие, о которых в предшествующий период ничего или почти ничего не известно (в области производ-

ства металлических и текстильных изделий). В какой-то степени их развитие может быть объяснено изменением этнического состава населения и военными нуждами⁶. Некоторые позитивные моменты в развитии городов, испытывавших влияние османского феодализма, акцентируются в новейших трудах болгарских ученых⁷.

Бурные политические события препятствовали равномерному подъему городской экономики. Несмотря на это, в целом для XVI и большей части XVII в. характерны некоторые весьма существенные положительные сдвиги. Особого внимания заслуживает факт, что в источниках появляются упоминания о вывозе ремесленных изделий: кордована и сукна из Скопле, боснийских и болгарских тканей⁸.

Значительных изменений в отраслевой структуре ремесла, на первый взгляд, не произошло. Если производство текстильных изделий и получило какой-то стимул для развития, то все-таки вряд ли оно перешло в разряд «сильных» ремесел: вывоз тканей не выходил за пределы балканского региона и венгерских земель, вместе с тем источники зафиксировали и наличие ввоза сукна в болгарские и боснийские города⁹. Производство кожаных изделий в славянских городах на территории Османской империи, безусловно, оставалось доминантой.

Картина развития ремесленного производства в этих городах, которая вырисовывается из существующей литературы, кажется довольно полной; недостает только цифрового материала, который бы позволил судить более точно о соотношении между «сильными» и «слабыми» ремеслами, а также охарактеризовать основные тенденции в развитии тех и других.

В высказываниях советской историографии о венгерских городах содержится мнение, что период турецкого господства был временем упадка ремесла¹⁰. Однако Й. Перени, специально исследовавший положение венгерских городов, которых в той или иной мере коснулось турецкое господство, дает не столь однозначную оценку, отмечая, в частности, что «число ремесел внезапно возросло», некоторые венгерские ремесленники (особенно кожевники и гончары) изучали и воспринимали «методы производства, неизвестные дотоле»¹¹.

Переходя к характеристике городов в той части интересующего нас региона, что находилась вне сферы непосредственного влияния османского феодализма, приходится отметить, что экономическое развитие этих городов изучено слабее. В особенности это относится к вопросу о развитии ремесла в далматинских городах в XVI—XVII вв. (исключение до некоторой степени составляет Дубровник, где, как установлено югославскими историками, в XVI в. ремесленное производство развивалось весьма успешно)¹².

За последние годы немало сделано для изучения городской жизни на территории Трансильванского княжества и Валахии¹³. Несомненно, отраслевой структуре ремесла в этих городах были присущи черты, которые можно считать типичными для балкан-

ского региона; так, сведения о вывозе кож и мехов заставляют предполагать значительное развитие кожевенно-скорняжного ремесла. В XVI—XVII вв. ремесленное производство здесь, сохраняя феодальный характер, делает некоторые успехи: об этом свидетельствует рост числа ремесленных профессий и, что особенно важно, факты вывоза ремесленной продукции.

Положение славонских городов в составе империи Габсбургов в существующей весьма скудной литературе освещено довольно односторонне. Как югославская, так и советская историография акцентирует в основном негативные моменты, приписывая их отчасти влиянию тяжелой политической ситуации (это преимущественно характерно для хорватских историков), отчасти — вредному воздействию некоторых социально-экономических факторов (распространение барщинной системы на селе и «революция цен», что способствовало укреплению экономических позиций феодалов в ущерб интересам горожан)¹⁴.

Хотя приводимые аргументы выглядят убедительными и вывод об «экономическом кризисе» или упадке логически обоснованным, представляется целесообразным проследить на статистическом материале основные тенденции развития различных отраслей загорбского ремесла на протяжении того периода, который историография характеризует преимущественно с отрицательной стороны.

Единственным источником, отразившим приблизительно верно интересующие нас процессы на протяжении второй половины XIV—XVI в., могут служить материалы судебных дел, содержащие в основном регистрацию вызовов в суд; со второй половины XV в. к ним прибавляются списки присяжных и членов городского совета, в которые обычно (хотя не так последовательно, как бы хотелось) вносились данные о роде занятий фигурирующих там лиц.

Тот факт, что извлеченные из судебных дел и списков статистические данные достаточно объективно отражают действительность, подтверждается их сопоставлением между собой, а также с данными переписей налогоплательщиков, сохранившимися от 1368 и 1553 гг.: основные контуры отраслевой структуры ремесла, вырисовывающиеся из переписей, судебных дел и списков, совпадают. В дальнейшем для XV—XVI вв. мы будем оперировать цифровым материалом, полученным на основе подсчета имен ремесленников, упоминаемых в судебных делах.

Для XVII в. мы не располагаем цифрами, соизмеримыми с более ранними данными. Однако статистическая обработка списков «новых граждан» в сопоставлении с некоторыми фактами позволяет предположительно судить о тенденциях в развитии ремесел как новых, так и унаследованных от предшествующего периода¹⁵.

По данным за 1450—1593 гг. отраслевая структура ремесел представляется следующим образом: на 1-м месте — ремесла, связанные с обработкой кож, производством кожаных и меховых из-

делий — около 40%; на 2-м — металлообрабатывающие ремесла — 25; на 3-м — производство тканей, одежды и предметов туалета — 19,5; на 4-м — производство продуктов питания — около 10; на 5-м — строительные ремесла, производство изделий из дерева и глины — 5,5%. По сравнению с первой половиной XV в. повысился удельный вес 1-й, 2-й и отчасти 3-й групп отраслей (соответственно на 4,8, 11, 75 и 2%) и снизился удельный вес 4-й и 5-й групп (соответственно на 10,3 и 8,25%).

Повышение удельного веса двух первых групп произошло за счет ремесел, производящих более сложные и дорогостоящие изделия (ремесла скорняка, седельника, особенно щитника, оружейника, слесаря, ювелира; процент сапожников, а возможно, и кузнецов несколько снизился).

На фоне данных о развитии 4-й и 5-й групп отраслей положение в первых двух группах может быть истолковано как следствие некоторых демографических сдвигов и изменений в социальной структуре городского населения, связанных с неблагоприятной политической обстановкой. Сокращение прироста, а затем и уменьшение численности городского населения, исчезновение «инквизинов» как особой социальной прослойки¹⁶ — все это должно было привести к снижению спроса на товары широкого потребления и услуги, связанные с ремонтом одежды, обуви и предметов хозяйственного обихода.

4-я группа отраслей представлена в основном как раз ремеслами, обслуживавшими массового потребителя; следовательно, влияние указанных факторов наиболее заметно должно было сказаться именно здесь; особенно характерен пример пекарей, которые в конце XV в. вовсе исчезают как самостоятельная профессия.

5-я группа отраслей весьма разнородна и в силу этого подвержена различным влияниям: так, если на производство глиняной посуды могли отчасти повлиять отрицательно вышеуказанные факторы, то производство луков, стрел и колчанов утратило значение в силу прогресса военной техники. В целом, однако, решающее воздействие на ремесла, объединенные в 5-ю группу, оказывало строительное дело: наибольший процент в этой группе приходится на долю каменщиков, плотников и гончаров (последние принимали участие в строительных работах в качестве печников). Резкое снижение удельного веса ремесел, связанных со строительством, наступает в XVI в. (в судебных делах упоминания о гончарах и каменщиках для XVI в. вовсе отсутствуют); материалы приходо-расходных книг коммуны свидетельствуют, что основную массу работников на стройках составляли словенцы, немцы и итальянцы, в значительных масштабах, особенно во второй половине XVI в., применялся труд зависимых крестьян. Строители представляли собой менее обеспеченный (в массе) и в силу этого более подвижный социальный элемент: судя по переписи 1368 г., большинство из них (почти 2/3) принадлежало к числу «инквизинов». Естественно предположить, что многие из них могли покинуть го-

род, в котором жизнь перестраивалась на военный лад и над которым нависла реальная угроза завоевания.

Однако уже в это тяжелое время в развитии городского ремесла можно заметить, наряду с симптомами упадка, положительные сдвиги. Возникновение в конце XV в. кожевенно-скорняжного цеха и особенно основание в 1521 г. цеха кузнецов, слесарей и оружейников заставляет предположить, что в этот период имело место не только относительное повышение удельного веса указанных профессий, но и абсолютное увеличение числа ремесленников в этих отраслях и возрастание их роли в жизни города. Еще более любопытен факт повышения удельного веса ткачей, особенно заметного во второй половине XVI в. — в период, когда усиливается налоговый гнет и обнаруживается отрицательное влияние на городское хозяйство «революции цен».

Итак, хотя тяжелое положение, в котором оказались в конце XV—XVI в. славонские города, не могло не повлиять отрицательно на развитие некоторых отраслей, оно, судя по статистическим данным, не привело к общему упадку ремесла. В целом тенденции, определявшие его развитие в период со второй половины XV до середины XVI в., мы условно назвали бы *экстраверсией*, подразумевая под этим развитие отраслей, значение которых выходило за тесные городские рамки и которые стимулировались внешними факторами (рост военной опасности и спрос, предъявляемый повседневные нужды широких слоев постоянного городского населения). Примерно с середины XVI в. развитие этих тенденций приостанавливается.

Ввиду отсутствия для XVII в. статистических материалов, вполне соизмеримых с более ранними, этот период приходится выделить особо, хотя некоторые прежние тенденции в формировании отраслевой структуры ремесла продолжали действовать.

По данным списков «новых граждан», на первом месте по-прежнему стоит производство кожаных изделий (50%), на долю 2-й и 3-й групп отраслей приходится соответственно 20,25 и 13,1%, т. е. положение этих трех групп в отраслевой структуре ремесла, по-видимому, существенно не изменилось.

Обращают на себя внимание три новых момента: высокий процент каменщиков (8,3), наличие упоминаний о пекарях и отсутствие упоминаний о мясниках.

Данные о строительных ремеслах могут быть истолкованы как яркое свидетельство положительных сдвигов в жизни города. О том же свидетельствует появление после длительного перерыва профессиональных пекарей. Объективность наших статистических выкладок в данном случае подтверждается постановлением магистрата от 1660 г., где прямо отмечается факт недавнего появления среди горожан множества пекарей¹⁷.

Профессия мясника, по-видимому, начала утрачивать значение еще прежде. Поскольку загребские мясники, подобно венгерским,

активно участвовали в вывозе скота¹⁸, развитие этой профессии в городских условиях зависело от рыночной конъюнктуры: повышение цен и вывозных пошлин на скот во второй половине XVI в., отрицательно сказавшееся на деятельности крупных загребских купцов, должно было аналогичным образом сказаться и на деятельности профессиональных мясников. Возможно, было и еще одно обстоятельство, повлиявшее на отношение городских жителей к профессии мясника, — известный сдвиг в области социальной психологии, отвращение от «неблагородных» занятий. XVII век был веком «мещанина во дворянстве», тяга к нобилизации усиливается уже в XVI в., и загребский горожанин согласен был уступить свои прежние позиции в некоторых хозяйственных отраслях сельскому жителю¹⁹.

В тех группах отраслей, где на первый взгляд особых изменений не заметно, ощущается главным образом развитие тех тенденций, которые наметились уже в XVI в. — особенно в конце столетия. Во 2-й группе отраслей процент слесарей превышает процент кузнецов, документы XVII в. упоминают даже цех слесарей (если под этим названием понимается и не новая организация, а цех, созданный в 1521 г., то симптоматична сама перемена названия). В 3-й группе профессии ткача и пуговичника, упоминания о которых учащаются со второй половины XVI в., занимают прочное, хотя и скромное место (процент ткачей среди ремесленников, принятых в число горожан, сам по себе невелик — 3,55, — однако среди 18 профессий, упоминаемых в списках, эта профессия по своему удельному весу может быть поставлена на 7-е место; под 1645 годом упоминается «новый цех пуговичников», под 1698 — цех ткачей; известно также, что в городе получило широкое распространение производство тканых шерстяных поясов, которые шли на экспорт²⁰. Статистический материал позволяет предположить, что уже под конец XVI в. и в 1-й группе намечаются некоторые тенденции, развившиеся впоследствии: соотношение между ремеслами, производящими предметы широкого и сравнительно узкого потребления, изменяется в пользу первых (приостанавливается развитие производства конской сбруи, меховых изделий и щитов; последняя отрасль, очевидно вследствие прогресса военной техники, в XVII в. совсем исчезает, напротив, успешно развивается сапожное ремесло, о чем свидетельствует как высокий процент сапожников в списках «новых граждан», так и появление нового цеха, объединившего ремесленников, специализировавшихся в производстве более изящной обуви)²¹.

Итак, в целом, как нам кажется, ремесленное производство в Загребе приспособляется к условиям относительно мирного существования, ориентируясь вместе с тем на спрос, предъявляемый широкими слоями городского населения.

В связи с общим впечатлением более или менее благополучного развития встает вопрос о пресловутом «кризисе XVII века».

Как указал на XIII Международном конгрессе историков в

Москве датский историк Н. Стеенсгорд, «ссылки на затруднения, наблюдавшиеся во всех текстильных центрах Европы», служат наиболее веским аргументом в пользу тезиса об экономическом кризисе²². Однако Стеенсгорд высказал мысль, что стагнация сукноделия не была явлением общеевропейским, что параллельно с упадком в старых городских центрах текстильного ремесла успешно развивалось производство грубых шерстяных тканей на селе и «в новых промышленных центрах», относительно которых мы пока не располагаем статистическим материалом. Несомненно, балканские города могут быть причислены к последней категории.

Сокращение ввоза сукна с Запада в страны Юго-Восточной Европы отмечено разными авторами и интерпретируется по-разному. Так, исследователь польско-венгерских торговых связей Я. Малецкий, говоря о снижении экспорта сукна из Кракова в земли венгерской короны, выдвигает альтернативу: или в землях Венгерского королевства сократился спрос, или сукно из Польши шло туда другим путем²³. И. Перени, также отметивший интересующее нас явление, подошел к нему иначе. По его мнению, уменьшение ввоза западных товаров (в первую очередь сукна и, между прочим, вроцлавского, которое ввозилось в середине XVI в. также и в Загреб) в венгерские земли, захваченные турками, имеет причиной в значительной мере известные демографические изменения: «Венгерское дворянство и бюргерство, которые покупали до сих пор эти импортные товары, исчезли, а те, кто остались, уже могли покупать только сукна балканского происхождения»²⁴.

По загребским таможенным реестрам XVI—XVII вв. отчетливо прослеживается изменение ассортимента тканей, ввозимых местными купцами²⁵. Так, если в середине XVI в. самой «модной» тканью была так называемая каразия (на ее долю приходится примерно половина всего количества «штук» ввезенной материи), то в реестре 1642 г. ее всего 0,5 «штуки». В 1553—1558 гг. очень большой популярностью у загребских купцов пользовалось вроцлавское сукно (то самое, о котором писал И. Перени), — в реестре 1642 г. оно вовсе не упоминается. Зато в 1642 г. в очень большом количестве импортировался так называемый даровац — грубое сукно, по-видимому, поступавшее из Хорватского Приморья. Этот сорт сукна ввозился и в XVI в.; но тогда его было ввезено за весь период, отраженный в таможенных записях (1544—1558 гг.), на сумму примерно 450 флоринов, тогда как в одном только 1642 г. — примерно на 650. Среди сукон, которые измерялись на «штуки», в реестре 1642 г. первое место занимает так называемый керентух, само название которого указывает на словенское происхождение и который в реестрах XVI в. вовсе не упоминается. Итак, мы, по-видимому, должны признать, что в XVII в. сукна югославянского происхождения в загребской торговле сильно потеснили те, что ввозились из более отдаленных стран. В значительных количествах ввозилось также полотно из Краины. Но никаких данных о ввозе тканей восточного происхождения у нас нет.

Итак, на наш взгляд, отнюдь не следует преувеличивать влияния османского феодализма на формирование отраслевой структуры ремесла. В частности, на развитие текстильного производства могли оказывать воздействие процессы, которые отчетливо прослеживаются на западе Европы; гибель «старого сукноделия» и перемещение текстильного производства в новые центры и на село, где существовал больший простор для технико-технологического процесса, «общая ориентация на рынок испанских колоний»²⁶, — всё это факторы, имевшие значение не только для экономического развития западных стран. Они, по-видимому, должны были повлиять, во-первых, на размеры экспорта сукна в страны Юго-Восточной Европы, во-вторых, в этих странах могли иметь место аналогичные явления как естественное следствие хотя бы того же технико-технологического процесса: например, широкое применение водяных мельниц в высокоразвитом текстильном производстве Сливена, отмеченное Эвлией Челеби²⁷, или — как косвенное свидетельство — возрастающий вывоз грубошерстного сукна из Хорватского Приморья. Разумеется, в Хорватии условия сельской местности не слишком благоприятствовали развитию «нового сукноделия», зато в городах отсутствие соответствующих цехов могло создать для него на некоторое время объективные предпосылки; другой вопрос, насколько они были реализованы.

Надо учитывать и еще одно обстоятельство. Спрос на тонкое полотно и так называемый фиорет (в 2,5 раза дороже каразии), занимающие в загребском импорте наряду с вышеназванными видами тканей самые значительные позиции, свидетельствует скорее всего о переменах в образе жизни городского населения — о тяге к нобилитации, если не в юридическом, то хотя бы в бытовом отношении. Уже в XVII в. люди, причастные к развитию экономической мысли, которая делала еще первые шаги, выделяли среди ремесел более перспективные (в том числе слесарное и ткацкое) и советовали уделять им особое внимание²⁸. Развитие ткацкого производства, бытового строительства, производства дорогих сортов кожи, металлических изделий, галантереи и новых фасонов обуви — это явления в какой-то степени одного порядка, свидетельствующие о подъеме жизненного уровня и изменении вкусов буржуазства.

Мы еще недостаточно знаем о технических достижениях интесующей нас эпохи, но отмеченные явления подразумевают их сами по себе; что же касается военной техники, то прогресс в этой области налицо и его влияние на отраслевую структуру ремесла прослеживается по нашим материалам наиболее отчетливо.

Период позднего феодализма ознаменовался повсюду в Европе глубокими изменениями в жизни общества. Процессы, происходившие в связи с этим в отраслевой структуре ремесла, на первый взгляд незаметны, но игнорировать их нельзя. В балканских землях, находящихся на рубеже между Востоком и Западом и

ставших жертвой османской экспансии, нормальный процесс экономического развития был отчасти нарушен, но все же и здесь наблюдаются черты, обусловленные обстоятельствами времени.

- ¹ J. Szűcs. Városok és kézművesség a XV sz. Magyarországon. Budapest, 1955; V. Bácskai. Magyar mezővárosok a XV században. Budapest, 1965 (ср.: В. Бачкай. О характере и роли аграрных городов в Венгерском государстве XV в.—«Средние века», вып. 36. М., 1973).
- ² М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, стр. 184—188.
- ³ I. Kampsuš. Prilog pitanju o poreznom sistemu u Gradecu od XIV do XVI stoljeća.—«Radovi Filozofskog fakulteta u Zagrebu», sv. 5, 1963, str. 12, 25. К. Гротхузен в своей монографии о средневековом Загребе использовал подсчеты И. Кампуша (см. К.-Д. Grothusen. Entstehung und Geschichte Zagrebs bis zum Ausgang des 14. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1967).
- ⁴ С. Лишев. Българският средновековен град. София, 1970.
- ⁵ «Закон о рудничима деспота Стефана Лазаревића». Београд, 1962.
- ⁶ «Историја народа Југославије», књ. II. Београд, 1960, стр. 55, 89, 91, 93, 136—137, 484—485, 489—490, 550, 552—553, 577—578; ср.: М. Hadži-jahić. Die privilegierten Städte zur Zeit des Osmanischen Feudalismus. Mit besonderer Berücksichtigung der Privilegien der Stadt Sarajevo.—«Südostforschungen», Bd 20, 1961, S. 135; R. Samardžić. Belgrad, centre économique de la Turquie du nord au XV-e siècle. La ville balcanique XV—XIX ss.—«Studia Balcanica», 1970, N 3, p. 41; М. Vasić, Н. Kreševljaković. Esnafi i obrti u starom Sarajevu. Sarajevo, 1958 (rec.).—«Prilozi za proučavanje istorije Sarajeva», god. 1, knj. 1. Sarajevo, 1963, str. 295—296.
- ⁷ Б. Цветкова. Прочувания на градското стопанство през XV—XVI век. София, 1972; Н. Тодоров. Балканският град XV—XIX век. София, 1972.
- ⁸ J. Perenyi. Villes hongroises sous la domination ottomane au XVI-e—XVII-e siècles. Les chefs-lieux de l'administration ottomane.—«La ville balcanique XV-e—XIX ss.»: В. Цветкова. Указ. соч., стр. 83, 91, 97—99.
- ⁹ Н. Kreševljaković. Esnafi i obrti u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1964, str. 46—47; В. Цветкова. Указ. соч., стр. 91; Н. Филиповић. Из историје Новог Брда у другој половини XVI вијека.—«Годишњак Историског Друштва Босне и Херцеговине», год. VI. Сарајево, 1954, стр. 73.
- ¹⁰ «Историја Венгрии», т. 1. М., 1971, стр. 340.
- ¹¹ J. Perenyi. Указ. соч., стр. 26, 29.
- ¹² «Историја народа Југославије», књ. II, стр. 215. Большой материал к характеристике отраслевой структуры ремесла собран Д. Роллером (см. D. Roller. Dubrovački zanati u XV i XVI stoljeću. Zagreb, 1951). Ценные статистические данные о ремесленном населении Задра в интересующий нас период можно найти у Р. Елича (см. R. Jelčić. Stanovništvo Zadra u drugoj polovini XVI. i početku XVII. stoljeća gledano kroz matice vijenčanih.—«Starline JAZU», knj. 49. Zagreb, 1959).
- ¹³ St. Pascu. Le développement des métiers et du marché en Transylvanie au Moyene Age jusqu'à la fin du 16. siècle.—«Revue roumaine d'histoire», t. 1, N 1, 1963; S. Goldenberg. Clujul in sec. 16. București, 1958; он же. Der Südhandel in den Zollrechnungen von Sibiu (Hermannstadt) im 16. Jahrhundert.—«Revue des études sud-est-européennes», Bucarest, 1964, N 3—4; C. Giurescu. Istoricul oraşului Braila. București, 1967.
- ¹⁴ I. Kampsuš. Prilog poznavanju tridesetine u XVI. st. (s osobitim obzirom na registre prihoda od tridesetine zagrebačkih trgovaca i račune Zagrebačkog Gradeca).—«Historijski zbornik», sv. XIX—XX. Zagreb, 1966—1967; он же. Prilog poznavanju privrednok položaja Zagrebačkog Gradeca u XVI st. na osnovu varoških računa prihoda i rashoda.—«Radovi Filozofskog fakulteta u Zagrebu», sv. 6, 1958. Е. С. Макова. К вопросу о состоянии ремесла в Загребе в XVI в.—«Вестник Московского университета», 1964, № 5; она же. Состояние заградской торговли по данным таможенных записей

- городской коммуны в середине XVI в. — «Советское славяноведение», 1966, № 4.
- ¹⁵ Источники опубликованы в издании: «Povjesni spomenici slobodnoga kraljevskoga grada Zagreba», sv. 6—8. Zagreb, 1900—1902; sv. 14. Zagreb, 1932; sv. 18. Zagreb, 1949.
- ¹⁶ Инквизиции — население, не имевшее дворовых участков в городе и проживавшее в чужих домах. По переписи 1368 г. их можно насчитать 352 чел., по переписи 1553 — не более 15-ти (см. *I. Kamruš. Prilog poznavanju privrednog položaja...*, str. 24).
- ¹⁷ «Povjesni spomenici...», sv. 18, str. 154.
- ¹⁸ *Е. С. Макова. Состояние заградской торговли...*, стр. 54; *В. Бачкай. О характере...*, стр. 63.
- ¹⁹ Материалы XVII в. позволяют предположить, что дело снабжения города мясом попадает в руки крестьян.
- ²⁰ «Povjesni spomenici...», sv. 18, s. 98, 344, 155; sv. 13, s. 99—248.
- ²¹ Там же, т. 18, стр. 212, 344.
- ²² *Н. Стеенсгорд. Характерные черты экономического и политического кризиса в XVII в. Тезисы доклада на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970, стр. 4—5.*
- ²³ *Ј. Матеcki. Handel zewnętrzny Krakowa w XVI w. — «Zeszyty naukowe w Krakowie», zesz. II (1960), str. 128a.*
- ²⁴ *Ј. Перени. Указ. соч.*, стр. 28.
- ²⁵ «Povjesni spomenici...», sv. 13. Zagreb, 1931, str. 93—248; sv. 19. Zagreb, 1953, str. 109—140.
- ²⁶ *А. Н. Чистоваонов. Детерминанты технологии средневекового шерстоткачества (преимущественно на материалах Нидерландов). — «Средние века», вып. 36. М., 1973, стр. 25—26.*
- ²⁷ «Księga podróży Ewliji Czelebiego». Warszawa, 1969, str. 83.
- ²⁸ *Ю. Крижанич. Политика. М., 1965, стр. 400.*

Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцихского (Чилдырского) пашалыка

М. Х. СВАНИДЗЕ

Система землевладения является одной из важных проблем в исследовании османского феодализма. Для успешной разработки ее следует изучить социальный строй, в частности формы землевладения тех стран, которые были покорены Турцией и в которых была установлена османская система землевладения, сохранившая в известной степени местные формы феодального строя, что несомненно оказало влияние на формирование институтов османского феодализма.

Эта проблема наиболее интенсивно изучается историками-туркологами в странах Юго-Восточной Европы.

Цель настоящей статьи — рассмотреть основные формы землевладения в Ахалцихском пашалыке и выявить некоторые присущие им особенности в период османского господства.

После завоевания Трапезундского государства (1461 г.) османами натиску завоевателей подверглось и соседнее грузинское

феодалное княжество Самцхе-Саатабаго. Еще в XIV в. для Самцхе-Саатабаго был составлен «Судебник Бека и Агбуги», на основании которого можно судить о феодальном строе страны¹.

Во главе княжества и феодальной иерархии стоял самый крупный землевладелец — сеньор «патрон-атабаг» (из дома Джакели). Адкурский епископ Мацкверели был главой христианской церкви Самцхе.

От атабага зависели представители феодальной знати — «дидебули» (князья) и «азнауры» (дворяне) различных категорий, составлявшие класс помещиков. Высшую социальную прослойку Саатабаго представляли дидебули — привилегированная феодально-служилая знать. Они имели обширные земельные владения, крепости, монастыри и несли почетную службу у атабага. Класс феодалов состоял в основном из трех категорий. К первой относились дворяне, «отправляющие почетную службу у патрона — в числе лучших», а также «тадзреули» — дворяне, «владевшие крепостью и монастырем». Ко второй категории относились дворяне, которые не имели крупной собственности, сюда же входили «котлосани», «абджаросани» и «карвосани», «которые имели должность от патрона». К третьей категории относились мелкопоместные дворяне.

В Самцхе насчитывалось свыше двадцати знатных фамилий, у которых были обширные владения, собственные усыпальницы, монастыри и придворные церкви. Правовое положение и знатность дидебулов определялись размерами их собственности.

Основная масса крестьянства, прикрепленная к земле, считалась собственностью феодала. Последний имел право продавать и дарить не только землю, но и крестьян.

В 1579 г. по приказу султана были объединены завоеванные турками в разное время отдельные части Самцхийского атабагства и создан Ахалцихский (Чилдырский) пашалык. Однако прочность местного феодального строя и упорное сопротивление грузинского народа препятствовали быстрому отуречиванию этого края, и лишь после полувековой борьбы туркам удалось уничтожить здесь полностью институт атабагства².

В 1628 г. султан назначил правителем Ахалцихского пашалыка принявшего ислам племянника атабага Бека Джакели, который с тех пор стал называться Сафар-папой³.

Различная участь постигла местных феодалов в период турецкого завоевания Самцхе: некоторые погибли в сражениях или были вынуждены покинуть страну и переселиться в другие районы Грузии. Часть феодалов лишилась своих привилегий и поместий. Некоторые феодалы сумели сохранить свое прежнее положение и привилегии, став на службу турецким завоевателям, и, оказывая им услуги и помощь, тем самым предавали интересы своего народа, который вел упорную борьбу с поработителями.

Примерно аналогичная картина наблюдается и на Балканах в период турецкого завоевания.

С целью ликвидации местного грузинского феодального строя, дальнейшего отуречивания края и внедрения османских форм землевладения и землепользования турки во время правления Сафар-паши произвели перепись Ахалцихского пашалыка ⁴.

Изучение турецких источников дает нам основание сделать вывод, что турецкие чиновники перепись этой части Грузии производили и ранее.

Например, в 1573—1574 гг. было составлено «Канун-наме Гюрджистана» («Свод законов Грузии») ⁵. Как известно, «Канун-наме» обычно предпосылалось пространному реестру, который составлялся в результате общей переписи.

Анализ «Канун-наме Гюрджистана» 1573—1574 гг. свидетельствует, что ему предшествовал «старый реестр» и что для составления «нового реестра» был издан специальный указ. В настоящее время мы не располагаем сведениями, которые позволили бы нам точно указать время составления первого «Канун-наме Гюрджистана». По нашему мнению, это произошло где-то в середине XVI в., когда турки захватили западную часть Самцхе и создали там санджаки. Перепись этого края была произведена и в 1595 г., когда был составлен «Пространный реестр вилайета Гюрджистан» ⁶.

Таким образом, процесс переустройства грузинского феодального строя на турецкий лад в Самцхе-Саатабаго не был однократным актом, он протекал медленно и не был завершён даже после ликвидации здесь института атабага.

В результате изучения «Пространного реестра вилайета Гюрджистана» выясняется, что в Самцхе произошло перераспределение земли за счет грузинских землевладельцев. В реестре описано множество фактов перехода земель из рук грузинских феодалов в руки турецких чиновников. Имеются также данные о бывших владельцах поместий. На основе анализа реестра и предпосланного ему «Канун-наме» можно сделать вывод, что в Самцхе были введены основные формы османского землевладения: хасс, зеамет, тимар, вақф, мюльк, мюльки-меврус, чифтлик и др.

Однако, несмотря на это, туркам не удалось полностью уничтожить грузинские феодальные устои и окончательно внедрить османские правила землевладения. «В пределах Саатабаго, по завоевании его турками, не могла быть вдруг произведена ломка, и грузинская ленная система, несколько видоизмененная в духе турецкой системы, держалась долго... Право поземельной собственности, под влиянием все более и более бравшего в их жизни верх ислама, правда, исчезло вместе с грузинским крепостным правом, но владение и распоряжение дворянскими поместьями не выходило из рук грузинских феодалов», — пишет об этом один из исследователей этого вопроса Д. З. Бакрадзе ⁷.

Прежде всего следует отметить, что Ахалцихский пашалык был пожалован в наследственное владение принявшим ислам грузинским феодалам, членам семьи атабага (дома Джакели) ⁸. Это свидетельствует о том, что султан был вынужден пойти на компро-

мисс и отказаться от общеустановленного правила. По-видимому, турецкое правительство сохранило за ними их владения (или часть из них). Годовой доход ахалцихского паши составлял 925 000 акче⁹, что превышало доходы бейлербеев Трапезундского и Карсского пашалыков. Только шесть бейлербеев империи (Румелии, Анатолии, Арзрума, Диярбекира, Вана и Шехризолья) имели больший доход¹⁰.

Показания источников свидетельствуют, что ахалцихские паши в условиях турецкого господства сохранили в известной степени право распоряжаться крепостными крестьянами: «Атабег, везирь, Ростом-паша жалует Махмуду Копадзе два двора крестьян с их недвижимостью»¹¹. Этот документ был составлен на грузинском языке везирем Ростом-пашой, который был внуком Сафар-паши, правившим Ахалцихским пашалыком в 1647—1659 гг.¹² На документе печать турецкая, именная, можно заключить, что он составлен в период правления Ростом-паши.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в условиях Ахалцихского пашалыка, после уничтожения грузинского феодального княжества — атабагства, здесь еще бытовали прежние правовые нормы, по которым правитель Ахалцихе, Ростом-паша, мог дарить своих крепостных крестьян Махмуду Копадзе¹³ — грузину-феодалу, принявшему ислам. Примечательно и то обстоятельство, что паша именует себя атабагом и в документе названа также грузинская фамилия феодала — Копадзе.

Некоторым крупным феодалам, ставшим на службу турецкому правительству, удалось сохранить свои владения, пожалованные им турецким султаном в частную собственность (мюльк) по праву юрдлука и оджаклыка. Таковыми были четыре санджака Ахалцихского эялета: Ливана, Нисфи-Ливана, Шавшети и Пертекрек¹⁴.

Для определения характера владений этого типа интересные данные содержит ферман султана Ибрагима I (1640—1648), пожалованный в 1640 г. бею Ливаны Хосрову: «Да владеет отныне Хосров своим санджаком на том же основании, на каком грузинские беги владеют своими поместьями, и пока он останется предан нашей особе и религии, да распоряжается наследственно и беспрепятственно принадлежащими ему замками, деревнями и крестьянами и пользуется доходами своих поместий. Из высокопоставленных везирей, бегларбегов, санджакбегов и военных чинов да никто в качестве сборщика не коснется владений Хосрова»¹⁵.

Этот документ примечателен в том отношении, что и в период османского владычества грузинские беи (феодалы) распоряжались принадлежавшими им ранее замками, деревнями, крестьянами и пользовались их доходами. Следует также отметить, что владения этого типа не вносились в реестр¹⁶.

Сказанное отнюдь не означает, что османское землевладение вовсе не коснулось земель грузинских беев. Как известно, право владения этими землями беи получали от султана. Таким образом, верховным распорядителем земель считался султан, несмотря на

то что местные обычаи землевладения и землепользования в основном оставались неприкосновенными¹⁷.

Выясняется, что санджакбеи Батуми (Абашидзе) и Аджарии (Химшиашвили) также владели поместьями по праву юрдлука и оджаклыка¹⁸.

По-видимому, свои поместья сохранил также один из представителей местных владетельных князей — коблиянских атабегов. Об этом свидетельствует ферман, выданный в 1758 г. султаном Мустафой (1757—1774) Сулейману Эсаду, для закрепления за ним права владения большим поместьем в окрестностях Окрос-цихе (Алтункала), ежегодный доход которого составлял 200 900 акче¹⁹.

В Ахалцихской ливе также встречаются поместья типа юрдлука и оджаклыка, принадлежавшие мамираванским санджакбеям (грузинскую фамилию которых нам не удалось установить). Их ежегодный доход составлял 262 000 акче²⁰.

По нашему мнению, юрдлуки и оджаклыки, созданные в Ахалцихском пашалыке султанским правительством, следует рассматривать как компромисс между тимариотской системой и грузинскими формами феодального землевладения, существовавшими здесь до османского владычества. Все это лишний раз подтверждает, что «в османском государстве существовала преемственность между османскими феодальными институтами и институтами завоеванных стран»²¹ и что в Ахалцихском пашалыке были сохранены некоторые ранее существовавшие владения.

В «Гюрджистанском реестре» упомянуты деревни, находившиеся вне реестра. По реестру 53 деревни не были подчинены системе османского налогообложения и на них не распространялись турецкие законы. Указано лишь название этих деревень²².

Это обстоятельство можно объяснить тем, что подобные деревни даже после составления реестра оставались во владении грузинских феодалов — беев. Поскольку они не были внесены в реестр, то на них не распространялась и османская налоговая система. По-видимому, эти деревни можно уподобить санджакам, находящимся «вне реестра», пожалованным в частное владение по праву юрдлука и оджаклыка. Несомненно, в этих деревнях до определенного времени существовали грузинские феодальные порядки. Возможно, подобные деревни были пожалованы султаном грузинским феодалам в частное владение.

Мы располагаем также архивными материалами, проливающими свет на интересующий нас вопрос. Например, в одном документе говорится, что Махмуд Майдан-бей просит разрешения у Ахалцихского временного правления²³ о продаже девяти деревень, так как эти деревни издавна принадлежали его роду; для доказательства он представил султанский ферман. После проверки этого документа и опроса местных жителей выяснилось, что Махмуд-бей «происходил от грузинских князей Хурцидзе²⁴, когда же турки завоевали Ахалцих, то и предки его, в числе других князей, принуждены были принять магометанское вероиспове-

дание и на все вышеозначенные деревни, коими они владели и при грузинских царях, получили от султана бараты на владение оными, и как в сей барате главною деревнею означена деревня Мейдан и коему другая по обыкновению причислены, то предки его и получили название Мейдан-беков»²⁵.

Этот документ свидетельствует, что часть грузинских феодалов, владевшая поместьями при грузинских царях и принявшая мусульманство в период османского господства, сумела сохранить свои поместья до начала XIX в.

По-видимому и среднее дворянство, принявшее ислам и поступившее на службу к туркам, также сохранило свои поместья в виде тимаров. Но, к сожалению, дошедшие до нас соответствующие бараты относятся к XVIII и началу XIX в. и по этим документам невозможно установить подлинную фамилию владельца. Какими правами пользовались эти беи-тимариоты, можно судить по документам, представленным ими в ахалцихское временное правление: «1. Помещики, кои имеют, по тимарским баратам, имение, есть военные люди султана, и если случится война, то собирают знамена и отправляются в поход. 2. Помещику тимарского имения султан позволяет продать свое имение другому кому-либо, купленное, оно также значится военным; если кто из сих помещиков не захочет продать своего имения, то может владеть вечно и потомственно, никто не может нарушить его прав»²⁶.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что тимариоты имели право продажи своих тимаров при условии, что покупатель будет военным лицом (т. е. сипахием). Этим тоже подтверждается компромисс османского правительства в отношении грузинских беев, которым было дано в рамках военно-ленной системы право продажи тимаров (бывших ранее в их частной собственности) военным лицам. Формально это не нарушало принципов военно-ленной системы, и турецкая власть ничего не теряла. Это является еще одним доказательством преемственности грузинских форм землевладения в военно-ленной системе Османской империи.

В некоторых странах во время захватнических войн султанское правительство в ряде случаев было вынуждено сохранить за частью феодалов их владения в качестве зеаметов и тимаров, не требуя от них принятия ислама. Это подтверждается наличием христиан-сипахиев, владельцев тимаров и зеаметов на Балканском полуострове в XV в.²⁷ Сказанное полностью можно отнести к Самцхе-Саатабаго, завоеванному турками.

В 1578 г. Мустафа Лала-паша, приступив к захвату Самцхе, дабы привлечь на свою сторону членов семьи атабага, пожаловал им владения: Манучару — Ацкурский санджак, его брату Кваркваре — Олтиси, остальные братьям — большие зеаметы, их матери — три большие деревни в качестве хасса. Но вскоре султан вызвал Манучара и Кваркваре в Стамбул и потребовал от них отказаться от христианства и принять ислам.

В «Пространном реестре вилайета Гюрджистан» упоминаются «зиммы» — феодалы-христиане, владеющие чифтликами, которые в случае войны должны были незамедлительно принять участие в походе ²⁸.

Годовой доход этих чифтликов в среднем составлял 500—200 акче. Крестьяне-христиане, жившие на этих чифтликах, примерно 4—8 дворов, были внесены в реестр и платили феодалу различные налоги (испендж, десятину с пшеницы, ячменя и др.) ²⁹.

Встречавшиеся на Балканах мелкие тимары с небольшим доходом ³⁰, которыми владели также христиане, по своему статусу уподобляются чифтликам, указанным в реестре. Так, например, в одном документе читаем: «Тимар некоего Луки Издолды, состоящий из села Граматико в нахии Хулюфча, с доходом от испенджа, от налога на свиней и десятины с пшеницы, ячменя и льна в размере 378 акче». Отмечено, что тимариот должен сам участвовать в походе во время войны ³¹.

Из сказанного можно заключить, что мелкие тимары, находившиеся на Балканах, и чифтлики, встречавшиеся в реестре, обнаруживают много общих черт: они принадлежали христианам-феодалам, их жители крестьяне-христиане облагались в пользу своих феодалов почти одними и теми же налогами. Феодалы были обязаны в случае войны сами участвовать в походах. Следовательно, упомянутые в реестре чифтлики не что иное, как мелкие тимары.

Можно предположить, что чифтлики, которые находились во владении феодалов-христиан, в условиях османского господства сохранили некоторые грузинские феодальные порядки.

Таким образом, система землевладения в Ахалцихском пашалыке имела ряд специфических черт. В результате упорного сопротивления грузинского народа султанское правительство было вынуждено пойти на компромисс и искать себе опору в местных грузинских феодалах; туркам пришлось признать традиционное феодальное право последних на землю и лишь условно считать их владения феодально-ленными.

Часть грузинских крупных феодалов путем перехода на сторону турок и принятия ислама сумела сохранить прежние права и привилегии (Джакели, Химшиашвили, Хурцидзе, Эристави, Абашидзе и др.). Этим феодалам-санджакбейм в качестве юрдлука и оджаклыка были пожалованы поместья, которыми они владели до османского завоевания.

Некоторые местные средние и мелкие дворяне сохранили часть своих владений и стали сипахиями, другие же, оставаясь христианами, также удержали некоторую часть своих земель, но с течением времени и они постепенно перешли в мусульманство.

Принявшие ислам грузинские феодалы не вознаграждались ленами за военную службу, за ними лишь закрепляли, полностью или частично, земли, которыми они владели ранее.

В Ахалцихском пашалыке наряду с военно-ленной системой продолжали существовать несколько видоизмененные местные феодальные формы землевладения и соответствующие им институты, что подтверждает преемственность между феодальными институтами Османской империи и завоеванной страны.

- ¹ «Судебник Бека и Агбуга». Пер. В. Д. Дондуа и И. С. Долидзе. Тбилиси, 1960. Франц. пер. см.: «Code géorgien du roi Vakhtang VI», t. II. Strasbourg, 1935; о феодальном строе Грузии см.: *Н. А. Бердзенишвили*. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.). Тбилиси, 1938; *В. Н. Габашвили*. Феодальный строй Грузии XVI—XVII вв. Тбилиси, 1958 (на груз. языке).
- ² Подробнее см.: *М. Х. Сванидзе*. Из истории грузино-турецких отношений в XVI—XVII вв. Тбилиси, 1971, стр. 125—135, 187—208, 304—330 (на груз. языке).
- ³ *M. Brosset*. Histoire de la Georgie II, p. 1 livraison. St.-Petersbourg, 1856, p. 230.
- ⁴ Там же, стр. 228.
- ⁵ *Ö. L. Barkan*. XVI—XVII inci asirlarda Osmanlı İmparatorluğunda Ziraat Ekonomisinin Hukukî ve Malî Esasları, birinci cilt. Kanunlar. İstanbul, 1943, s. 195—197.
- ⁶ «Defter-i mufassal-i vilayet-i Gürcistan, türkçe metnin neşr, tercume, teşrih ve tetkike deni S. S. Cikia, birinci kitap». Tbilisi, 1947.
- ⁷ *Д. З. Бакрадзе*. Исторический очерк турецкой системы землевладения. Приложение к протоколу «Кавказского юридического общества». Тифлис, 1890, стр. 30.
- ⁸ *M. Brosset*. Указ. соч., стр. 228.
- ⁹ *Aynî Ali*. Osmanlı Devleti Arazi Kanunları, çeviren N. Tuncer. Ankara, 1962, s. 220.
- ¹⁰ Там же, стр. 219—220.
- ¹¹ *Д. З. Бакрадзе*. Археологическое путешествие по Гурии и Аджаре. СПб., 1878, стр. 83.
- ¹² *M. Brosset*. Указ. соч., стр. 230.
- ¹³ Род Копадзе упоминается в грузинских документах XVI в.: «Копадзе с усыпальнею, монастырем и придворною церковью» (см.: *Д. З. Бакрадзе*. Археологическое путешествие..., стр. 83; «Материалы по истории Южной Грузии XV—XVI вв.», публикация текстов, исследование К. Г. Шарашидзе. Тбилиси, 1961, стр. 36).
- ¹⁴ *Aynî Ali*. Указ. соч., стр. 13.
- ¹⁵ *Д. З. Бакрадзе*. Археологическое путешествие..., стр. 30—31.
- ¹⁶ В этой связи не лишены интереса данные о доходах санджаков, находившихся во владении грузинских беев. Хасс санджакбея Шавшети равнялся 658 000 акче, санджакбея Пертекрек — 462 190 акче, Ливаны — 365 000 акче (см. *Aynî Ali*. Указ. соч., стр. 13). Итак, годовой доход трех санджакбеев (о четвертом санджаке [сведения не сохранились] составлял полтора миллиона акче, следовательно, и в новых условиях (в период османского господства) они сохранили свое экономическое и политическое влияние.
- ¹⁷ *М. Х. Сванидзе*. О юрдлуках и оджаклыках как одной из форм землевладения в Османской империи (на примере Чилдырского эялета). М., 1966, стр. 5.
- ¹⁸ *А. Б. Авалиани*. Формы землевладения в Аджарии (перед освобождением от турецкого ига. 40—70 гг. XIX в.). Батуми, 1960, стр. 55—60 (на груз. языке).
- ¹⁹ *С. С. Джикия*. Турецкий документ XVIII в. об Окрос-Цихе. — «Труды Тбил. гос. ун-та», т. 91, 1960, стр. 161—185 (на груз. языке с русск. резюме).
- ²⁰ «Defter-i mufassal-i vilâyet-i Gürcistan», s. 262.

- ²¹ Ср.: В. П. Мутафчиева. К вопросу о землевладении в Сирии в XIV—XVI вв. — «Византийский временник», т. XXVI, 1965, стр. 64—66; А. Sućeska. Ajani. Sarajevo, 1965, str. 168—169.
- ²² «Defter-i mufassal-i vilâyet-i Gürcistan...», s. 449, 515, 516.
- ²³ Ахалцихское временное областное правление было образовано после освобождения русскими войсками Ахалцихского пашалыка в 1828 г. и просуществовало до 1839 г. (См. Центральный гос. исторический архив Грузинской ССР, ф. 47).
- ²⁴ Хурцидзе были видным феодальным родом в Самцхе.
- ²⁵ Центральный гос. исторический архив Грузинской ССР, ф. 47, д. 57, л. 34.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Б. А. Цветкова. Новые данные о христианах-сипахиях на Балканском полуострове в период турецкого владычества. — «Византийский временник», т. XIII, 1958, стр. 184—198; Бр. Бурев. Хришћани спахије у Северној Србији у XV в. — «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине», т. IV. Сарајево, 1952, стр. 165—169; Н. Inaldžik. Od Stefana Dušana do Osmanskog carstva, Hrišćanke spahiye u Rumeliji u XV vijeku i njihovo porijekle. — «Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju Jugoslavenskih naroda pod turskom vladavinom», III—IV. Sarajevo, 1952—1953, str. 23—54.
- ²⁸ «Defter-i mufassal-i vilâyet-i Gürcistan...», s. 342—343, 348, 352—353, 358.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Б. А. Цветкова. Указ. соч., стр. 191—192; Н. Inaldžik. Указ. соч., стр. 33.
- ³¹ Б. А. Цветкова. Указ. соч., стр. 191.

Об особенностях экономического развития Дунайских княжеств в конце XVII—XVIII в.

Д. М. ДРАГНЕВ

В отличие от Западной, а также Центральной и Восточной Европы социально-экономические изменения в Дунайских княжествах рассматриваемого периода, как это установлено в ряде работ советских историков, обуславливались внутрiformационными типологическими сдвигами, происшедшими под влиянием усиления иноземного гнета¹. Важным рычагом, приведшим в движение эти сдвиги, была централизованная рента. Рост ее удельного веса приводил к тому, что феодально-государственные отношения собственности стали все больше наслаиваться поверх частновладельческих.

Несомненное влияние оказало усиление оттоманского гнета на экономический строй Дунайских княжеств в конце XVII—XVIII в. В исторической литературе было высказано несколько точек зрения на экономическое развитие княжеств того времени. Согласно одной из них последствиями установления оттоманского ига в Дунайских княжествах было сокращение на всем протяжении XVI—XVIII вв. численности народонаселения, падение уровня сельскохозяйственного производства и ремесла, упадок экономи-

ческого и политического значения городов. Преодоление упадка увязывалось с ослаблением оттоманского гнета в конце XVIII в. и его свержением в следующем столетии (румынские буржуазные историки А. Голеску, А. Ксенопол², советские историки Ф. А. Грекул, С. И. Самойлов и др.³). Существует и противоположная точка зрения, согласно которой турецкое завоевание не приостановило экономическое развитие завоеванных стран. В современной турецкой буржуазной историографии было высказано мнение, что оттоманское господство являлось здесь условием прогресса, ибо оно якобы обеспечивало спокойствие, справедливость и экономическую стабильность⁴.

Самой распространенной оказалась третья точка зрения: оттоманское иго затормозило, но полностью не остановило экономический прогресс в княжествах. Происходило замедленное экономическое развитие, причем его уровень в каждом столетии был выше предыдущего (см. издания: «История Молдавии»⁵, бухарестское издание «Истории Румынии»⁶). Из этой концепции исходит большинство современных румынских историков при изучении аграрных отношений, ремесла, торговли⁷. Но и эта концепция, которая, казалось, учитывала слабые стороны предыдущих, не смогла определить место целого ряда явлений в экономической жизни княжеств. Некоторые исследователи, изучившие отдельные отрасли народного хозяйства и их историю (сельское хозяйство, ремесло, внутренняя и внешняя торговля), стали приводить данные о том, что в Молдавии с последних десятилетий XVII в. эти отрасли приходят в упадок или в состояние депрессии⁸. Были приведены также отдельные свидетельства о застое и упадке некоторых отраслей хозяйства Валахии во второй трети XVIII в.⁹ Появляется новая постановка вопроса, согласно которой период последних десятилетий XVII — середины XVIII в. был определен как время экономического упадка в Молдавии¹⁰, а вторая треть XVIII в. — хозяйственного застоя и частичного экономического спада в Валахии¹¹.

Бесспорно, что в экономической истории Дунайских княжеств конца XVII—XVIII в. еще многое не исследовано. Однако уже теперь представляется правомерной новая постановка вопроса о зигзагообразном развитии их хозяйства в этот период: замедленное поступательное экономическое развитие прерывалось периодами упадка или застоя, что нашло свое выражение в динамике численности народонаселения, состояния сферы производства и обмена.

В исторической литературе давно установлено, что в конце XVII — середине XVIII в. Дунайские княжества лишились части населения¹². Сторонники концепции замедленного (но непрерывного) экономического развития княжеств в XVII—XVIII вв. обычно не объясняли причин этих потерь. Для сторонников же концепции постоянного экономического упадка эти потери были показателем дальнейшего его углубления. Выдвигалась и третья точ-

ка зрения: уменьшение населения в Дунайских княжествах XVIII в. было связано с переселением в Трансильванию значительной части их жителей (венгерские буржуазные историки Янчо Бенедек, Шекфью Гюла¹³, советский историк В. П. Шушарин¹⁴ и др.). Это переселение рассматривалось некоторыми авторами как завершающий этап начавшегося в древности процесса расселения волохов в пределах Карпато-Дунайских земель. Длительность этого процесса объяснялась пастушеским, полукочевым характером их хозяйства¹⁵. Однако эта точка зрения явно несостоятельна. Она не учитывает степени сопоставимости между собой трансильванских переписей населения, значительного роста населения Молдавии (в процессе преодоления экономического упадка) между 1742—1772 г., эмиграции населения Валахии в других (кроме Трансильвании) направлениях, убыли населения этого княжества во время эпидемий, голода, войн¹⁶.

Отрицая наличие массового переселения жителей Дунайских княжеств в Трансильванию, мы не ставим, однако, под сомнение сам факт определенной убыли численности населения в княжествах в отдельные периоды. Источники зарегистрировали спад численности населения Молдавии на рубеже XVII—XVIII вв. и в Валахии во второй трети XVIII в. Так, в Молдавии в 1742 г. по нашим подсчетам было 56 404 тягловых двора¹⁷, в то время как в 1591 г. на сопоставимой территории проживало около 45 тыс. семейств¹⁸. Можно думать, что с 1592 г. и до начала упадка в Молдавии конца XVII в. численность народонаселения заметно возросла и затем она была отброшена почти к исходной точке. В Валахии по переписи 1739 г. числилось 147 тыс.¹⁹, а по оценке уездных исправников в 1772 г.— лишь 90 тыс. семейств²⁰.

Определенное уменьшение числа жителей было замечено не только в сельской местности, но и в городах. С 70-х годов XVII в. и до начала XVIII в., по сообщению Д. Кантемира, в Яссах произошло значительное сокращение числа домов²¹. Запустили молдавские города Байя, Котнары, Фалчиу, Васлуй, Лапушна и др., валашские города Гергица, Орашул де Флочь, Байя де Арама и др. В то же время в историографии отмечается, что за первые три четверти XVIII в. как в Молдавии, так и в Валахии о появлении какого-либо нового важного ремесленно-торгового центра не могло быть и речи²².

Как в динамике численности народонаселения, так и в развитии отдельных отраслей хозяйства признаки экономического упадка ранее всего проявились в Молдавии. Несомненно, что основной причиной экономического упадка явилось усиление экономического гнета Порты, приведшего к катастрофическому росту удельного веса централизованной ренты в условиях сокращения совокупной ренты²³. Однако в отличие от Валахии, в Молдавии проявился еще ряд неблагоприятных факторов, ускоривших и углубивших упадок. Среди них определенная роль принадлежит изменениям во внешнеторговых связях княжества.

Известно, что основой хозяйственной жизни Молдавии эпохи феодализма было сельскохозяйственное производство. Городская жизнь была развита относительно слабо, и внутренний рынок потреблял небольшую долю продуктов сельского хозяйства. Значительная часть товарной продукции была ориентирована на внешний рынок. Но, как уже установлено, в отличие от других стран к востоку от Эльбы, здесь не развилось зерновое бранищно-фольварочное хозяйство²⁴. Производство зерна было слабо развито и в крестьянском хозяйстве. Принудительная его закупка Портой по сниженной цене, отсутствие путей его экспорта на европейский рынок не вызывали стимулов к развитию земледелия в княжестве. В стране господствовала традиционная животноводческо-земледельческая система сельского хозяйства с преимущественным развитием пастбищного скотоводства. Хотя Порты и закупала скот по сниженной цене, эти закупки не носили постоянный характер и чаще всего были ниже возможностей княжества. Известно, что Молдавия экспортировала несколько десятков тысяч голов скота на рынки Центральной и Западной Европы²⁵. Однако с середины XVII в. наступает период значительного обесценивания восточно-европейского сельскохозяйственного экспорта. Континентальная торговля приходит в упадок: датские и фризские быки заменяют рогатый скот из Польши и Молдавии на рынках Центральной Европы²⁶.

До середины XVII в. Молдавия была активным поставщиком скота и продуктов скотоводства для развивающихся городов Речи Посполитой. Однако упадок там городской жизни (уменьшение численности населения, аграризация городов)²⁷ резко снизил их значение как потребителей молдавских сельскохозяйственных товаров. Вдобавок ко всему молдавский торговый путь, связывавший Турцию с Речью Посполитой, с 1673 г. теряет свое значение и его новая трасса начинает пролегать через Валахию и Трансильванию²⁸. Молдавия утрачивает доходы и от транзитной торговли. Торговые же связи с другими странами (Россия, немецкие земли и т. д.) были слабыми²⁹. Результат упадка сельскохозяйственного экспорта не замедлил сказаться: в стране наблюдается значительный денежный голод, усиливаются натуральные эквиваленты обмена³⁰.

Упадок сельского хозяйства в княжестве выразился в значительном снижении объема производства, падении уровня его интенсивности³¹. В вотчинном производстве исчезает господское хозяйство на землях, изъятых ранее из общинного пользования, — «бранища». Эти земли возвращаются в русло традиционного землепользования³². Приходят в запустение многие очаги барского хозяйства — многие земельные угодья, пасеки, виноградники, загоны для выращивания скота — «кышлы» и др. Интерес землевладельцев к вотчинному хозяйству падает. Деятельность крестьян в вотчине часто совершенно не управляется владельцами. Эти изменения, внятые в изолированном виде, могут создать впе-

чатление важной хозяйственной перестройки — падении господского производства и расширении крестьянского. Однако, поскольку происшедшие изменения не диктовались всем ходом внутреннего социально-экономического развития, а были навязаны извне, общее падение уровня производительных сил в странах препятствовало росту объема производства в одних организационно-экономических сферах за счет снижения в других. Свертывание господского производства здесь не привело к росту крестьянского. В условиях, когда присвоение прибавочного продукта с крестьян централизованным путем обгоняло развитие производительных сил, крестьянское хозяйство все более шло в направлении своего разорения, деградации.

Господари и служилое боярство пытались компенсировать потери доходов от сельскохозяйственного производства путем усиления налогового гнета в стране (это усиление обуславливалось также ростом экономического гнета Порты). Налоги налагались даже на вотчинное хозяйство, что приводило к разорению или крайнему оскудению землевладельцев, не имевших доступа к централизованной ренте³³, к массовой эмиграции податного населения. На оставшихся налогоплательщиков перекладывалось и бремя убежавших, что еще более усугубляло их положение. Крестьяне вывозили на местный рынок часть необходимого продукта. На вырученные деньги они не покупали ремесленные изделия, а выплачивали их в счет многочисленных податей. Городские ремесленники-налогоплательщики, не находя сбыта своим товарам, обращались к сельскому хозяйству или покидали города. Наблюдавшаяся в начале XVIII в. так называемая революция моды сопровождалась большим спросом господствующего класса на ремесленные изделия и предметы роскоши, привозимые из-за рубежа, что опять-таки ударило по местным ремесленникам³⁴. Иностранные купцы, имея большие привилегии, стали полностью господствовать в торговле княжества. Последние факторы наложили отпечаток на дальнейшее развитие промышленности и торговли в XVIII—XIX вв. Денежным голодом в стране воспользовались иностранные ростовщики. Они все больше закабалили мелкотоварное и крестьянское ремесло³⁵. Частое пребывание иностранных войск на территории Молдавии, набеги татарских орд, ряд опустошительных эпидемий и голодных лет еще более усугубляли положение трудящихся масс.

В целом, в своей совокупности все дополнительные неблагоприятные факторы способствовали более раннему началу упадка и более глубокому его проявлению в Молдавии, чем в соседней Валахии.

Экономический упадок в Молдавии можно было бы сравнить с аналогичными явлениями в некоторых странах Западной Европы в XIV—XV вв., учитывая, конечно, принципиальные отличия периодов. Известно, что там явления упадка и застоя наблюдались в некоторых отраслях хозяйства в связи со сдвигом внутри

феодальной формации. Они выразились в упадке так называемой старой сеньории и превращении мелкокрестьянского хозяйства в абсолютно господствующую форму феодального производства³⁶. Это явление сопровождалось усилением феодально-государственных отношений собственности.

В Молдавии ко времени упадка не сложилась сеньория западного образца и упадок охватил всю вотчинно-сеньориальную систему эксплуатации. К тому же упадок в Молдавии не был следствием естественного изживания определенных форм эксплуатации, а происходил под влиянием внешнего фактора: рост экономического гнета Порты, упадок в соседних странах, последствия войн и т. д. Еще меньше почвы для сравнения экономического упадка в Молдавии с явлениями упадка и застоя в ряде стран Европы XVII в., проходившего там в условиях кризиса феодальной формации. Можно говорить о влиянии экономического упадка в Речи Посполитой на Молдавию, о внешних сходных его проявлениях. Причины же были разными и исходили из различия типологических особенностей феодализма в Молдавии и других странах (или регионах) Европы.

Процесс преодоления экономического упадка в Молдавии начинается с третьей четверти XVIII в. Он был связан с некоторым ослаблением экономического гнета Порты (после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.), с правительственной политикой по регламентации форм присвоения прибавочного продукта, заселению края, предоставлению податных льгот отдельным товаропроизводителям³⁷ и др. Начинается развитие вотчинного хозяйства, которое воспользовалось как податными льготами, так и новым ростом внешнего спроса на молдавскую сельскохозяйственную продукцию³⁸. Однако развитие вотчинного производства продолжается еще в рамках традиционного животноводческо-земледельческого хозяйства. Хозяйственные описи молдавских вотчинников убедительно доказывают, что развитие шло на основе дальнейшего расширения скотоводческого направления хозяйства, которое в определенной мере стало интенсифицироваться³⁹.

Развитие барского хозяйства в период преодоления упадка наметило новый типологический сдвиг: усиление вотчинно-сеньориальных черт в типологии молдавского феодализма, которые постепенно достигают превосходства над централизованно-государственными в первой половине XIX в.⁴⁰

Преодоление экономического упадка на феодальной основе не означает, однако, повторения старых форм хозяйствования. Экономика Молдавии соприкасалась с формирующимся мировым капиталистическим рынком, потребности которого не могли не оказать своего влияния. Появляются первые мануфактуры, где применяется наемный труд заграничных мастеров⁴¹, расширяется предпринимательская деятельность вотчинников, отдельных купцов, мещан. Они применяют вольный наем в предпринимательских целях⁴². Все эти явления могут свидетельствовать о зарождении

в Молдавии на рубеже XVIII—XIX вв. элементов буржуазных отношений.

Несколько иной была экономическая эволюция Валашского княжества. Уже отмечалось, что некоторые явления упадка и застоя наблюдаются в Валахии несколько позже, чем в Молдавии, хотя экономический гнет Порты в конце XVII в. в Валахии был не менее жестоким. Отсутствовали добавочные факторы, которые ускорили процесс присвоения господствующим классом не только прибавочного, но и части необходимого продукта трудящихся масс. Они проявились в первой половине XVIII в. (разрушительные последствия войн, изменения внешнеторговой конъюнктуры, наплыв иностранных купцов и ростовщиков и т.д.) и в сочетании с новым ростом требований Порты вызвали резкое увеличение централизованной ренты. В результате во второй трети XVIII в. наблюдается отмеченное выше обезлюдение страны, сокращение поголовья скота и посевных площадей⁴³, застой городской жизни⁴⁴. Правда, характер проявления признаков упадка и застоя в Валахии еще нуждается в дальнейшем изучении. Для нас важен вывод о том, что даже в пределах региона с единой типологией феодализма между входящими в его состав территориями не было экономического единства до такой степени, чтобы упадок одних его частей вызывал упадок других.

Бесспорно, что и другие территории Юго-Восточной Европы, находившиеся под османским игом, при усилении гнета не всегда одновременно приходили в экономический упадок. Различными могли быть продолжительность и глубина упадка. Так, в едином балканском регионе экономическое единство не достигло той степени, при которой экономические сдвиги носили повсюду тождественный характер. В историографии уже приводились данные об упадке сельскохозяйственных районов вокруг Константинополя в XVIII в.⁴⁵, об экономическом упадке в некоторых югославянских землях в отдельные десятилетия XVII—XVIII вв.⁴⁶, об упадке промышленности ряда балканских городов в первой половине XVIII в.⁴⁷ и т. д.

Вероятно, периоды экономического упадка еще не везде выявлены историками (как это было до недавнего времени для Молдавии и Валахии) ввиду недостаточности источниковедческой базы для изучения экономической истории Юго-Восточной Европы в XVII—XVIII вв. Гнет Порты усилился здесь тогда до такой степени, что возникающие отдельные неблагоприятные для экономического развития факторы могли служить дополнительным толчком к экономическому упадку или застою. Зигзагообразное экономическое развитие (сочетающее замедленное развитие с упадком и застоём) было характерной чертой социально-экономической эволюции многих территорий, находящихся под османским игом.

- ¹ П. Г. Дмитриев и П. В. Советов. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян Молдавии XV—XVIII вв.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год». Вильнюс, 1965.
- ² A. G. Golesco. De l'abolition du servage dans les Principautés Danubiennes. Paris, 1856.— «Acte și legiuiri privatoare la cheștiunea țărănească», vol. IV. București, 1908, p. 175—178; A. D. Xenopol. Istoria Românilor din Dacia Traiană, vol. V. Iași, 1892, p. 543—568.
- ³ Ф. А. Грекул. Молдавия и Валахия под турецким игом в XVII—XVIII вв.— «Новая история», т. I. М., 1951; С. И. Самойлов. Народно-освободительное восстание 1821 г. в Валахии.— «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 97.
- ⁴ См.: М. С. Мейер. Османская держава и балканские народы.— «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 142.
- ⁵ «История Молдавии», т. I. Кишинев, 1951.
- ⁶ «Istoria României», vol. III. București, 1964.
- ⁷ V. Mihoșdea. Relațiile agrare din secolul al XVIII-lea în Moldova. București, 1968; Șt. Olteanu și C. Șerban. Meșteșugurile din Țara Românească și Moldova în evul mediu. București, 1969; L. Lehr. Comerțul Țării Românești și Moldovei în a doua jumătate a sec. al XVII-lea.— «Studii, revistă de istorie», N 1, 1968.
- ⁸ E. M. Подградская. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI—XVII веках. Кишинев, 1968, стр. 150; Н. А. Демченко. Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967, стр. 57; D. Ciurea. Orașele și târgurile din Moldova în cadrul perioadei de descompunere a feudalismului.— «Studii și cercetări», fasc. I. Iași, 1956, p. 97; C. Cihodaru. Podgoriile de la Cotnari și Hirău în economia Moldovei din sec. XV—XVIII.— «Analele șt. ale univ. Al. I. Cuza», sec. III, t. X. Iași, 1964, p. 1—25.
- ⁹ «Istoria României», vol. III, p. 383—385; S. Papacostea. Contribuție la problema relațiilor agrare în Țara Românească în prima jumătate a veacului al XVIII-lea.— «Studii și materiale de istorie medie», vol. III. București, 1959, p. 301.
- ¹⁰ П. В. Советов. Социально-экономический строй Молдавского государства (30-е годы XVI — начало XVIII в.) — «История МССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 182—184; Д. М. Драгнев. Усиление турецко-фанариотского гнета в Молдавии XVIII в.— «История МССР», т. I, стр. 285—314.
- ¹¹ Д. М. Драгнев. Прогресс, замедленное развитие или экономический упадок?— «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.)». Кишинев, 1973, стр. 91—107.
- ¹² См.: Șt. Ștefănescu. Istorie și demografie.— «Studii, revistă de istorie», N 5, 1967, p. 942—945.
- ¹³ Iancsó Benedek. A román nemzetiségi törekvések története és jelenlegi állapotai, vol. I—II. Budapest, 1896—1899; Hóman Bálint-Szekfű Gyula. Magyar történet. Budapest, 1939.
- ¹⁴ «История Венгрии», т. I. М., 1972, стр. 406—407.
- ¹⁵ Hóman Bálint-Szekfű Gyula. Magyar történet, p. 129.
- ¹⁶ См.: Д. М. Драгнев. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVIII в.— «Юго-Восточная Европа в средние века», т. I. Кишинев, 1972, стр. 277—327.
- ¹⁷ Там же, стр. 295—300.
- ¹⁸ «Documente privind istoria României, veac. XVI», vol. IV. București, 1952, p. 4—6.
- ¹⁹ Bauer Friedrich Wilhelm. Memoires historique et géographique sur la Valachie. Francfort et Leipsik, 1778, p. 48.
- ²⁰ Д. М. Драгнев. Динамика численности..., стр. 315.
- ²¹ Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 14.
- ²² «Istoria României», vol. III, p. 383.
- ²³ «История МССР», т. I, стр. 182—184.
- ²⁴ П. В. Советов. Бранищное хозяйство и землепользование молдавской вотчины в средние века.— «Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма». Кишинев, 1972, стр. 40—49.

- ²⁵ *Е. М. Подградская*. Торговые связи..., стр. 98—123.
- ²⁶ *А. Мончак*. Континентальная торговля между Востоком и Западом как один из факторов развития Центральной Европы (в период с середины XVI до XVIII в.).— «V Международный конгресс экономической истории». Л., 1970, стр. 6.
- ²⁷ «История Польши», т. I. М., 1954, стр. 272—277.
- ²⁸ *L. Demeņi*. Comerțul de tranzit spre Polonia prin Țara Românească și Transilvania (ultimul sfert al secolului al XVII-lea).— «Studii, revistă de istorie», N 3, 1969, p. 465—498.
- ²⁹ *N. Iorga*. Istoria comerțului românesc. Epoca mai nouă. București, 1925, p. 6—24.
- ³⁰ *Н. А. Мозов*. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 371.
- ³¹ См.: «История МССР», т. I, стр. 289—290; *Д. М. Драгнев*. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). Кишинев, 1975.
- ³² *П. В. Советов*. Бранищное хозяйство..., стр. 82—90.
- ³³ *Я. С. Гросул, Д. М. Драгнев, П. В. Советов*. Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии.— «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. 79, 1965, стр. 175.
- ³⁴ *E. Pavlescu*. Economia breslelor în Moldova. București, 1939, p. 435—454.
- ³⁵ *I. Caproșu*. Samăta și cămătari în Moldova în epoca fanariotă.— «Anuarul Institutului de istorie și arheologie A. D. Xenopol», t. VIII, 1971, p. 27—60.
- ³⁶ *М. А. Барг*. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе.— «Вопросы истории», 1963, № 3.
- ³⁷ «История МССР», т. I, стр. 328—331; *Gh. Ghibănescu*. O pagină din istoria finanțelor Moldovei.— «Buletinul Ioan Neculce», fasc. V. Iași, 1925, p. 32.
- ³⁸ *A. D. Xenopol*. Istoria Românilor..., p. 148—149.
- ³⁹ *R. Rosetti*. Cum se căutau moșile în Moldova la începutul veacului XIX. Extras din «Analele Academiei Române», seria II, t. XXXI. București, 1909, p. 23—135; *S. Columbeanu*. Economia domeniului feudal din Moldova și Țara Românească la începutul secolului al XIX-lea (1800—1830).— «Studii, revistă de istorie», 1965, N 2, p. 393—415; Biblioteca Academiei Republicii Socialiste România, Secția manuscriselor, N 4500—4513, Documente, N MCXXVII, N MLXI, N CMXCVII-2 и др.
- ⁴⁰ *В. Я. Гросул*. Изменение формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии и ее особенности (первая треть XIX в.).— «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.)». Кишинев, 1973, стр. 114—125.
- ⁴¹ *L. Voicu*. О мануфактурном периоде промышленности в Молдавии. «Nouvelles études d'histoire», vol. II. București, 1960.
- ⁴² *Д. М. Драгнев*. О применении и характере наемного труда в вотчинном хозяйстве Молдавии XVII — начала XIX в. «Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма». Кишинев, 1972, стр. 162—167.
- ⁴³ *Ș. Papacostea*. Contribuție la problema relațiilor..., p. 301.
- ⁴⁴ «Istoria României», vol. III, p. 383—385.
- ⁴⁵ *M. Alexandrescu-Dersca*. Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinople au XVIII-e siècle.— «Studia et acta orientalia», vol. I. București, 1958, p. 16.
- ⁴⁶ «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 211 и др.
- ⁴⁷ *А. Д. Новичев*. История Турции, т. I. Л., 1963, стр. 215.

Танзимат и балканские народы (1839—1853)

А. Д. НОВИЧЕВ

3 ноября 1839 г. министр иностранных дел Турции Мустафа Решид-паша, инициатор и главный идеолог реформ по европейскому образцу, огласил султанский рескрипт—Гюльханейский хатт-и шериф, ознаменовавший собой начало длительного периода реформ (танзимат), отвечавших потребностям наметившейся тенденции капиталистического развития¹. В исторической литературе этот период принято делить на два этапа — до и после Крымской войны 1853—1856 гг. В нашей статье мы ограничиваемся первым этапом. Предварительно напомним краткое содержание Гюльханейского хатт-и шерифа. В нем указаны три цели, которые, опираясь на коран, султан стремился достигнуть: 1) гарантировать всем своим подданным безопасность жизни, чести и имущества; 2) обеспечить правильное распределение и взимание налогов; 3) упорядочить набор рекрутов и сократить срок военной службы.

В условиях царившего в Турции произвола властей осуществление первой цели имело важнейшее значение. Отсутствие безопасности жизни, чести и имущества было одним из главных препятствий для буржуазного накопления. Рескрипт декларировал равенство перед законом всех подданных Турции без различия вероисповедания и этнического происхождения. Провозглашением этого принципа Мустафа Решид-паша и его соратники надеялись завоевать доверие Европы, добиться прекращения борьбы балканских угнетенных народов за свою независимость, избежать вмешательства держав во взаимоотношения Порты с ее христианскими подданными и превращения ее внутреннего вопроса в международную проблему.

Гюльханейский хатт-и шериф не отличался ни широтой замысла и программы реформы, ни четкостью планов реформаторов. Но даже этот весьма ограниченный по содержанию акт был принципиально новым явлением в политической жизни Турции своего времени, так как означал собой начало развития страны по пути капитализма. Гюльханейский хатт-и шериф явился началом периода реформ — танзимата, длившегося свыше тридцати лет².

Важное значение при изучении танзимата во всех его аспектах имеет проблема: танзимат и угнетенные балканские народы. Специальное место в ней занимает вопрос об их отношении к первому акту танзимата. Султанский рескрипт 1839 г. позволял этим народам питать некоторую надежду на уравнивание в правах с мусульманами и, пусть частичное, избавление от национально-религиозной дискриминации во всех сферах их жизни.

Вот почему, как это отмечают непосредственные наблюдатели, значительная часть немусульманского населения Балкан с ра-

достью встретила Гюльханейский рескрипт. Один из таких наблюдателей писал: «Христианские подданные смотрели на хатт, как на начало нового времени... Гюльханейский хатт придал райе смелости бороться за свои права и внушил им мысль о равенстве людей перед законом»³. Бухарестские болгары дважды, в 1839 и 1841 гг., издали Гюльханейский хатт-и шериф на родном языке и распространили его по всей Болгарии⁴.

Наряду с этим среди угнетенных народов оказались также лица, которые, приспособившись к турецкому феодальному режиму и извлекая для себя выгоду из этого, выступали вместе с турецкими консерваторами против реформы. Больше всего их оказалось среди верхнего социального слоя греческого населения. К ним принадлежал и сам патриарх — глава греко-православной религиозной общины⁵.

В своей деятельности реформаторы исходили из принципа, что Турция лишь в том случае сможет продвигаться по пути прогресса, если будет уничтожен царящий в стране произвол органов власти и его место займет закон⁶. В связи с этим они особое значение придавали уголовному закону, который был призван обеспечить сохранность жизни, чести и имущества всех подданных султана без исключения. Закон был принят 3 мая 1840 г. Он запрещал представителям власти любого ранга лишать кого бы то ни было жизни; право осуждения преступника на казнь было присвоено только суду, приговор которого подлежал утверждению султаном. Запрещалась конфискация имущества казненных. Закон предусматривал строгие наказания за взяточничество.

В 1841 г. был подготовлен коммерческий кодекс, составленный по образцу французского кодекса 1807 г.; тогда же была начата административная реформа, целью которой являлось усиление централизации и зависимости от Высокой Порты начальников областей (эялетов) — вали и ограничение их власти. В частности, из их ведения были изъяты военные дела и сбор налогов. При каждом вали и начальнике района — санджака предписывалось создать совещательные советы — меджлисы из представителей мусульман и немусульманских религиозных общин. В функции меджлисов входило обсуждение местных вопросов, касавшихся администрации, финансов, правосудия и др. Предполагалось, что меджлисы будут препятствовать беззаконию и произволу провинциальных властей.

Некоторые реформы касались крестьян: запрещение барщины, унификация основного крестьянского натурального налога — ашара, упразднение чрезвычайных налогов, отмена откупной системы взимания налогов (ильтизам) и др. Был также изменен в пользу налогоплательщиков порядок сбора личного налога — джизье, который взимался только с немусульман мужского пола. Под давлением консерваторов Мустафа Решид-паша весной 1841 г. был уволен в отставку и вернулся на свой пост лишь в октябре 1845 г. Через год он был назначен великим везирем. С этого вре-

мени возобновилось проведение реформ, предусмотренных Гюльханейским хатт-и шерифом. Реформаторы издали ряд указов, расширивших круг наследников государственных земель (мири) и возможности их приобретения⁷; они поощряли развитие сельского хозяйства, торговли, промышленности, строительство дорог, уделяли много внимания распространению светского просвещения⁸.

Упомянутые реформы носили весьма ограниченный характер и не затрагивали основ турецкого феодально-теократического режима. Они были недостаточны даже для обеспечения принципов, провозглашенных в Гюльханейском акте. Все же в известной мере они способствовали развитию Османской империи по буржуазному пути. В этой связи мы хотим отметить тот общий для всех подданных Османской империи результат, что их жизнь, честь и имущество оказались в большей безопасности, чем до реформы. Это констатировали современники реформ и непосредственные наблюдатели: русский путешественник П. А. Чихачев⁹, английский путешественник Макфарлан¹⁰, русский генеральный консул в Бейруте К. М. Базили¹¹, современный английский исследователь Ф. Бэйли¹² и др. Эти перемены имели особое значение для торговой буржуазии, среди которой, как известно, преобладали немусульмане, в особенности на Балканах.

Оценивая результаты танзимата для угнетенных балканских народов, необходимо прежде всего исходить из того, способствовали ли они и в какой мере их экономическому и социальному прогрессу.

К какому выводу по этому вопросу пришли исследователи? Учитывая, что Болгария представляла в это время наиболее крупную балканскую провинцию Османской империи, ознакомимся прежде всего с мнением болгарских ученых. Вот что пишет известный болгарский историк академик Жак Натан:

«Несмотря на половинчатый характер реформ, оставшихся во многих отношениях лишь на бумаге, они все же нашли отзвук в стране. Будучи результатом действия вновь назревших экономических факторов, реформы в известном смысле содействовали развитию материальных производительных сил и разрушали устой турецкого феодального строя»¹³.

В коллективном труде болгарских ученых по истории Болгарии особо подчеркивается, что танзиматские реформы способствовали усилению борьбы болгарского народа за свою независимость. «Самым существенным приобретением от хатт-и шерифа, — пишут авторы, — были не мелкие успехи, а смелость и энергия, которые этот акт придал болгарам для борьбы в различных формах против разложившейся турецкой власти с целью завоевать минимальные условия и права, необходимые для развития, — в форме крестьянских восстаний, бунтов, церковно-национальной борьбы и повседневной общественной деятельности в городах и селах. Следовательно, хатт-и шериф дал толчок и помог усилить борьбу болгарского народа против турецкой феодальной власти»¹⁴.

В других балканских провинциях Османской империи также отмечались некоторые существенные социально-экономические сдвиги в результате реформ. Так, в Боснии была отменена широко распространенная здесь система барщины — кулук (кулук — по-турецки — рабство), которая тяжелым бременем ложилась на крестьян — кметов. После отмены кулука в системе помещичьего хозяйства произошли серьезные изменения. Крупные землевладельцы стали прибегать к наемной рабочей силе¹⁵.

Изменения произошли и в промышленности Боснии и Герцеговины. Распоряжениями турецких властей были уничтожены цеховые ограничения, представилась возможность свободно торговать ремесленными изделиями. Значение цехов стало постепенно падать, начали зарождаться капиталистические отношения¹⁶.

В Македонии, как и в Боснии, турецкие феодалы — сипахи оказывали длительное упорное сопротивление упразднению военно-ленной системы и танзиматским реформам. По этой причине ликвидация здесь сипахийского землевладения в некоторых районах затянулась до 60-х годов XIX в. Тем не менее и здесь реформы привели к некоторым прогрессивным переменам — к ускорению ликвидации сипахийского землевладения, переходу к чифтликской системе и формированию новых аграрных отношений. Законом 1851 г. была запрещена барщина, предписывалось не брать с крестьян больше 8% за предоставленный им кредит и пр.¹⁷

В области торговли реформы (коммерческий кодекс 1850 г. и др.) способствовали ее развитию¹⁸. С середины XIX в. торговый капитал начал внедряться в производство. Это привело к исчезновению цеховых элементов в ремесленном производстве и появлению новых мастерских типа простой кооперации (прежде всего в текстильном производстве)¹⁹.

Историки Албании отмечают известные положительные социально-экономические сдвиги и в этой отсталой стране. Известно, что реформы танзимата здесь были встречены восстаниями феодалов, отстаивавших старые феодально-патриархальные устои. Им удавалось не раз привлечь на свою сторону крестьян, недовольных ростом налогов и новой воинской повинностью. Все же сдвиги были. Вот что пишут советские историки Албании: «Турецкие реформы середины XIX в. при всей их ограниченности все же способствовали разложению старых феодальных устоев. Аграрное законодательство и, в частности, закон, разрешивший немусульманам владение землей, ускорили процесс введения земли в торговый оборот и появление товарных хозяйств в албанской деревне. Прекращение феодальных усобиц и некоторое упорядочение административного аппарата также дали толчок торговой и предпринимательской деятельности молодой албанской буржуазии»²⁰.

Не следует, однако, переоценивать вышеупомянутые результаты танзиматских реформ. Будучи с самого начала ограниченными и половинчатыми, эти реформы не могли обеспечить большого

роста производительных сил. Для примера укажем, что уже после провозглашения Гюльханейского хатт-и шерифа в Видинском пашалыке 4/5 и в Македонии свыше 2/3 годной для обработки земли пустовало. Такое же положение наблюдалось и в других областях. Развитию сельского хозяйства мешали феодальный режим, коррупция и невежество, царившие в правящих кругах ²¹.

Что касается промышленности, то те же причины сдерживали и ее рост. К ним добавилось новое препятствие после того, как Мустафа Решид-паша подписал сперва с Англией в 1838 г., а затем и с другими европейскими странами кабальные для Турции торговые договоры, которыми иностранцам были предоставлены широкие возможности для импорта европейских товаров в Турцию. В результате некоторые отрасли промышленности на Балканах, особенно текстильная, пришли в упадок. Местные же, в частности болгарские, богачи, даже такие, которые при содействии Порты построили фабрики или вели обширную торговлю, были вынуждены приспособляться к господствующему феодальному (или полуфеодальному) режиму и применять в своей деятельности характерные для него методы ²².

Не избавили танзиматские реформы балканские народы от произвола и притеснения властей. В этой связи коснемся административных реформ.

Мустафа Решид-паша и его соратники придавали этим реформам большое значение, полагая, что они обеспечат законность в стране, устранят произвол, коррупцию, взяточничество, столь характерные для турецких властей. Однако административные реформы не затронули устоев господствующего режима. Главное их предназначение состояло в том, чтобы усилить центральную власть и соответственно — зависимость от нее провинциальных властей, прежде всего вали.

Аппарат власти сосредоточился в руках турецкой феодальной и полуфеодальной бюрократии. По-прежнему немусульмане не допускались к государственной службе. Реформаторы в некоторых местах создали при вали меджлисы, куда входили и немусульмане. Но, как сообщали австрийские консулы в Русе и Софии в своих донесениях в начале 50-х годов XIX в., немусульманские члены меджлиса как огня боялись своих местных начальников, беспрекословно утверждали все их незаконные действия. Так что их участие в меджлисах свелось к пустой формальности ²³. И так было повсеместно.

Особенно страдали крестьяне (а они составляли подавляющую часть населения) от произвола властей при взимании налогов. Ильгизам, отмененный в 1840 г., был восстановлен уже в 1842 г. Возмущение крестьян злоупотреблениями властей было настолько велико, что во многих местах вспыхнули восстания.

Волнения среди населения были вызваны также грубым нарушением обещания Гюльханейского хатт-и шерифа обеспечить неприкосновенность личности, чести, имущества каждого подданного

империи, без различия веры и национальности. Так, крестьяне Видинской области, восставшие в 1850 г., жаловались паше, присланному из Константинополя для расследования событий, что крупные землевладельцы «не позволяют осуществить ни одной реформы, провозглашенной в Константинополе». Среди выдвинутых крестьянами требований было, как сообщает наблюдатель событий француз С. Роберт, «обеспечение применения на деле реформ, провозглашенных султаном, и строгого контроля за деятельностью местных властей, на которых крестьянин не может публично жаловаться, не рискуя своей жизнью». Роберт лично убедился в правоте болгарских крестьян. Он пишет: «Из хороших мер, которые предписаны его величеством султаном в отношении райи, ни одна не выполняется»²⁴.

Требования соблюдать танзимат выдвигались не только болгарами, но и сербами, босняками и др. Восстания, разразившиеся в ответ на злоупотребления властей и нарушение ими Гюльханейского хатт-и шерифа, который сам султан клятвенно обязался соблюдать, охватили большую территорию Османской империи. Они имели место в Видинском эялете, на островах Крите, Кипре, Самосе, в эялетах Диарбакыре, Трабзоне, в Македонии, Албании и других местах.

В докладе, представленном великим везирем султану о причинах волнений в Анатолии и Румелии, указывалось, что главной из них были злоупотребления, допущенные при сборе налогов²⁵.

В 1855 г. Ф. Энгельс, характеризуя новых начальников провинций, писал, что «невежество, наглость и стяжательство пашей сохранились в полной силе, остались такими же, как и в период хозяйничания азиатских сатрапов; и если в течение последних двадцати лет нам редко приходилось слышать о восстаниях пашей, то мы достаточно слышали о восстаниях провинций против своих алчных правителей. Эти правители — в прошлом самые ничтожные домашние рабы и «люди, готовые на все», — пользовались своим положением, чтобы накапливать богатства путем вымогательств, взяток и бессовестного хищения государственных средств»²⁶.

Сильное сопротивление со стороны консерваторов встретила декларация Гюльханейского хатта о равенстве мусульман и немусульман перед законом.

Прежде всего следует подчеркнуть, что сами реформаторы во главе с Мустафой Решид-пашой это равенство воспринимали весьма ограниченно. Уравнение в правах понималось реформаторами не как предоставление немусульманам полных политических и гражданских прав (таких прав не имели и сами турки), а лишь как обеспечение известного равенства перед законом в суде (например, судьям было предписано принимать на равных основаниях показания свидетелей мусульман и немусульман), в государственных учреждениях, при уплате налогов, во владении имуществом (с известными ограничениями) и др.

Но от немусульман требовалась безусловная покорность. Малейшее проявление недовольства режимом безжалостно подавлялось стоявшими у власти Мустафа-пашой и его сторонниками. Так, получив сведения о волнениях среди болгарских крестьян в Видинском эялете в 1850 г., Порта предписала вали этой области предупредить болгар и потребовать от них повиновения, а в случае продолжения волнений подавить их силой²⁷. Турецкие войска жестоко подавили восстание в Видинском, а также в других эялетах Европейской Турции.

Порта выступала в роли душителя революционных, прогрессивных и освободительных движений в годы танзимата и в зависевших от нее вассальных княжествах на Балканах. В автономном Сербском княжестве она поддерживала установившийся здесь после подавления революционных движений в Европе в 1848—1849 гг. реакционный полицейский режим²⁸. Совместно с царем Николаем I она разгромила восставших в Молдавии и Валахии в 1848 г.²⁹ В 1852 г. Порта обрушила большую армию на Черногорию, где начался процесс обновления системы управления и усилилось движение за полную независимость от Турции³⁰. Основные усилия на Балканах и в годы танзимата турецкие власти направляли на то, чтобы, применив все средства принуждения, заставить угнетенные народы отказаться от стремления добиться независимости. Значительную помощь в этом оказывали Порте духовные сановники, руководившие греко-православной общиной. Таким образом, в вопросе об отношении к угнетенным народам, к их требованиям и нуждам, а особенно к их борьбе за независимость, реформаторы говорили на одном языке со своими политическими противниками, притом даже в тех случаях, когда требования сводились к выполнению обещаний Гюльханейского хатт-и шерифа.

Обещание Гюльханейского хатт-и шерифа об установлении равенства между мусульманами и христианами осталось невыполненным. К. Маркс убедительно показал, что для осуществления такого равенства и предоставления политических и гражданских прав всем подданным Турции, независимо от религиозной принадлежности, требовались отделение церкви от государства и новый гражданский кодекс. Но в Турции того времени, которая имела «своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви» и где коран служил для всей империи и власть имущих «одновременно источником веры и закона», уравнивать в правах мусульман и немусульман было невозможно. Принятие же нового гражданского кодекса, «основанного на полном отделении государства от церкви», означало бы осуществление в Турции «полного социального переворота»³¹. Танзимат, однако, и отдаленно не напоминал социального переворота.

На горьком опыте угнетенные балканские народы убедились, что танзиматские реформы не принесли им избавления от векового ига турецких феодалов. Эта цель была достигнута позже, в результате революционного национально-освободительного движения.

- ¹ Об экономических и социальных предпосылках реформ см.: А. Д. Новичев. Экономические и социальные сдвиги в Малой Азии и на Балканах в первой половине XIX в. и начало тanzимата. — «Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации». М., 1966; *он же*. История Турции, т. III. Новое время, ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, стр. 92—108.
- ² Текст Гюльханейского хатт-и шерифа см: на русском языке — Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869; на французском языке — G. Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman, t. II. Paris, 1900.
- ³ С. Hamlin. Among the Turks. New York, 1878; цит. по статье: Н. Inalcik. Tanzimat'ın uygulanması ve sosyal tepkileri. — «Belleten», 1964, N 112. Ankara, s. 624.
- ⁴ «История на България», т. I. София, 1961, стр. 341.
- ⁵ Е. Z. Karal. Osmanlı Tarihi, c. V, 2. baskı. Ankara, 1961, s. 187.
- ⁶ Н. Inalcik. Sened-i Ittifak ve Gülhane Hatt-ı Hümaynû. — «Belleten», 1964, N 111, s. 618; М. Т. Гökbiğgin. Tanzimat hareketinin osmanlı müesseselerine ve teşkilatına etkileri. — «Belleten», 1967, N 121, s. 105.
- ⁷ Подробно об этом см.: Ü. L. Barkan. Türk toprak hukuku tarihinde Tanzimat ve 1274 (1858) tarihli arazi kanunnamesi. «Tanzimat». Istanbul, 1940, s. 39—40; М. Т. Гökbiğgin. Tanzimat hareketinin..., s. 107.
- ⁸ А. Ubicini. Lettres sur la Turquie, t. 1. Paris, 1853, p. 206—210.
- ⁹ П. А. Чухачев. Письма о Турции. М., 1960, стр. 66; P. Tchichatcheff. Lettres sur la Turquie. Bruxelles, 1859.
- ¹⁰ Mac Farlane. Turkey and its destiny. The result of journeys made in 1847 and 1848 to examine into the state of that Country, vol. 1. London, 1850, p. 25—26.
- ¹¹ К. М. Базили. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962, стр. 246.
- ¹² F. E. Baily. British policy and the turkish reform movement. Cambridge, 1942, p. 224.
- ¹³ Жак Натан. Болгарское возрождение. Сокр. пер. с болг. М., 1949, стр. 66.
- ¹⁴ «История на България», т. I. София, 1961, стр. 342.
- ¹⁵ «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 358—359.
- ¹⁶ Там же, стр. 361.
- ¹⁷ Данчо Зографски. Развитокот на капиталистичките елементи во Македонија за време на турското владеење. Скопје, 1967, стр. 534.
- ¹⁸ Там же, стр. 260, 354.
- ¹⁹ Там же, стр. 536.
- ²⁰ Г. Л. Арш, И. Г. Сенкевич, Н. Д. Смирнова. Краткая история Албании. М., 1965, стр. 84.
- ²¹ «Икономиката на България до социалистическата революция». София, 1969, стр. 220.
- ²² См.: Никола Тодоров. Балканският град. XV—XIX век. Социално-экономическо и демографско развитие. София, 1972, стр. 267—294.
- ²³ N. Michov. Beiträge zur Handelsgeschichte Bulgariens, II. Osterreichische Konsularberichte, Bd II. Sofia, 1953, S. 375.
- ²⁴ Цит. по кн.: Н. Тодоров. Положението на българския народ под турско робство. София, 1957, стр. 217.
- ²⁵ Н. Inalcik. Tanzimat'ın uygulanması ve sosyal tepkileri..., s. 645.
- ²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, стр. 487.
- ²⁷ «Документы за българската история», т. III. «Документы на турските държавни архиви», ч. I (1564—1872). Подбрал и превел Панчо Дорев. София, 1940, стр. 308.
- ²⁸ «История Югославии», т. 1, стр. 336—340.
- ²⁹ «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 44—49.
- ³⁰ «История Югославии», т. 1, стр. 510.
- ³¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 131.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

Балканские проекты И. Каподистрии
накануне греческой революции 1821 г.

Г. Л. АРШ

Условия османского господства привели к возникновению повсеместно на Балканах греческих общин. Зарождавшаяся греческая буржуазия со второй половины XVIII в. стала играть значительную роль в балканской торговле. Велико было в этот период и политическое значение греческого элемента на Балканах. Господари из греческих семей Фанара управляли Молдавским и Валахским княжествами. Православное население Балканского полуострова находилось под юрисдикцией греческой константинопольской патриархии, далеко выходящей за рамки чисто церковных дел. Везде в балканских странах ощущалось греческое культурное влияние. Все эти обстоятельства определили широкие балканские рамки идеологической и политической деятельности греческого национального движения конца XVIII — начала XIX в. В литературе известны балканские идеи и планы выдающегося греческого революционера и демократа Ригаса Велестинлиса, его последователей — деятелей национально-освободительной организации «Филики Этерия»¹. Настоящая статья посвящена малоизученной странице истории политической мысли на Балканах — балканским представлениям и проектам патриота и видного государственного деятеля Греции Иоанна Каподистрии накануне революции 1821 г.

Политическая карьера Каподистрии началась в первом греческом автономном государстве нового времени — Ионической республике. В 1809 г., после ликвидации республики, ее бывший государственный секретарь по приглашению русского правительства прибыл в Петербург для службы в министерстве иностранных дел России. Деятельность в течение тринадцати лет в дипломатическом ведомстве России — державы, имевшей обширные связи и проводившей активную политику на Балканах, — широко открыла перед Каподистрией балканский политический горизонт.

В 1809—1811 гг., в первые два с половиной года пребывания на русской службе, Каподистрия находился в Петербурге без определенной должности. Эпизодически министр иностранных дел Н. П. Румянцев поручал ему составление записок, относившихся главным образом к балканской политике России. Так, в августе 1809 г. министру была подана записка «Краткий исторический очерк нынешнего состояния восточной православной церкви».

Она была составлена Каподистрией на основании сведений, сообщенных ему его другом Игнатием, бывшим митрополитом Арты (Эпир), а впоследствии — митрополитом Валахии². В 1810—1811 гг. Каподистрией был написан ряд других записок, в том числе «Сведения об Али-паше»³. С октября 1811 по май 1812 г. Каподистрия служил секретарем русского посольства в Вене. Здесь важной частью его служебной деятельности оставалось составление записок о положении в Юго-Восточной Европе в связи с политикой России. В их числе — «Записка о состоянии греков», приложенная к донесению русского посла в Вене Г. О. Штапельберга министру иностранных дел Н. П. Румянцеву от 7 декабря 1811 г. (н. ст.)⁴. Вместе с ней была послана заметка Каподистрии о новом пути через Иллирию⁵. В ней шла речь о новом торговом пути через иллирийские провинции Франции, лишавшем Австрию выгод, которые она прежде имела от торговли с Левантом. Французские агенты в Вене, по сведениям Каподистрии, побуждали местных греческих купцов переселяться в иллирийские провинции, чтобы использовать их капиталы для дальнейшего развития торговли Иллирии с Европейской Турцией.

Важные вопросы политической стратегии России в Юго-Восточной Европе рассматривались Каподистрией в «Записке о диверсии, которую следует предпринять на юге Европы в случае войны между Россией и Францией», подготовленной тогда же. В случае нападения Наполеона на Россию предлагалось начать военные операции на Адриатике, в первую очередь против иллирийских провинций Франции. Необходимым условием их осуществления Каподистрия считал содействие Порты. При нежелании Порты пойти на мир и союз с Россией записка в качестве меры давления предусматривала организацию войска из болгар и других славян и посылку русских эскадр в Средиземное море. Если бы это не произвело желаемого эффекта, Каподистрия предлагал организовать всеобщее восстание в Европейской Турции⁶.

Вопросы, поднятые Каподистрией в этой и других записках, касались одной из важнейших задач внешней политики России накануне Отечественной войны 1812 г. Нависшая угроза нападения Наполеона побуждала русское правительство искать путей скорейшего завершения русско-турецкой войны и использования сил балканских народов в предстоявшей грандиозной борьбе⁷. На соображения, высказанные в этой связи Каподистрией, обратили внимание в Петербурге, что помогло сделать важный шаг в его служебной карьере.

В начале июня 1812 г. Каподистрия прибыл в Бухарест и занял должность заведующего дипломатической канцелярией нового главнокомандующего Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова. Занимавшийся до этого, так сказать, теоретическими исследованиями вопросов балканской политики России, Каподистрия получил самостоятельный участок для практической деятельности в этой области. Участок этот был важным и ответственным.

За несколько дней до прибытия Каподистрии в Бухарест здесь был подписан мирный договор между Россией и Турцией. Таким образом, одна из важнейших задач русской политики по созданию благоприятных внешнеполитических условий для отражения нашествия Наполеона была решена. Однако в силе оставались правительственные инструкции П. В. Чичагову об организации больших военных операций на юго-востоке Европы для того, чтобы отвлечь и ослабить силы противников России. Важнейшим средством достижения этой цели правительство считало заключение наступательного и оборонительного союза с Портой при одновременном установлении тесных контактов с различными политическими силами внутри Османской и Австрийской империй⁸. Практически всеми этими делами занималась дипломатическая канцелярия Дунайской армии, которую возглавил Каподистрия. Накануне и в первые месяцы Отечественной войны 1812 г. канцелярия эта фактически выполняла функции ближневосточного и балканского отделов МИД России. Через нее проходила вся переписка с вновь назначенным посланником в Константинополе А. Я. Итальянским, который непосредственно получал указания от П. В. Чичагова. Регулярно поддерживалась также связь с митрополитом Черногории Петром Негошем, вождем сербов Карагеоргием, русскими консулами на Балканах. Небольшой штат сотрудников дипломатической канцелярии под руководством Каподистрии готовил для главнокомандующего необходимые материалы и бумаги по всем этим политическим сношениям. Однако в конце концов русское правительство отказалось от адриатической экспедиции. В начале августа 1812 г. Дунайская армия выступила из княжеств. Ее дивизии приняли участие в изгнании Наполеона из России и в заграничном походе 1813—1814 гг.

Героическая эпопея 1812 г., свидетелем и участником которой Каподистрия довелось стать, оставила глубокий след в его сознании. Продемонстрировав огромные силы и могущество России, события Отечественной войны 1812 г. укрепили убеждение Каподистрии в том, что только опора на эту державу позволит улучшить участь греков и других балканских народов, находившихся под игом Порты. В своей практической деятельности он стремился поддержать и упрочить традиционные узы, соединявшие православное население Османской империи с великой северной державой. Когда Дунайская армия находилась уже в глубине России, ее дипломатическая канцелярия не прекращала своих сношений с Балканами. Через посольство в Константинополе и доверенных агентов распространялись сообщения о ходе военных действий и успехах русского оружия.

Деятельность эта имела большое значение с точки зрения сохранения русского влияния на Балканах после Бухарестского мира. Вынужденный для России, этот мир не обеспечил в достаточной степени права сербов — союзников России в войне 1806—1812 гг. Воспользовавшись занятостью России борьбой с Наполео-

ном, Порты летом 1813 г. начала военные операции с целью полного восстановления своего господства над Сербией. Каподистрия постарался привлечь к этим событиям внимание русского правительства. В специальной записке, поданной им Барклаю-де-Толли, сменившему Чичагова на посту командующего, указывалось, что полное поражение сербов будет способствовать падению престижа России на Балканах и соответственно увеличит влияние Франции. Чтобы избежать этого, нужно было, по мнению Каподистрии, чтобы союзные с Россией державы, а не сама Россия, к которой Порты относятся с подозрением, предприняли демарш в защиту Сербии. Если же спасти Сербию не удастся, то нужно разрешить эмиграцию сербов в южные губернии России⁹. В соответствии с предложениями Каподистрии русское правительство подготовило совместный с Австрией демарш в Константинополе в пользу сербов¹⁰. В 1814 г. Каподистрия оказал содействие сербским делегатам, прибывшим на Венский конгресс для того, чтобы просить державы отстаивать их интересы перед Портой¹¹. Побуждая Александра I выступить в защиту сербов, Каподистрия не только заботился о сохранении русского влияния на Балканах. На всех этапах своей карьеры в России Каподистрия оставался греческим патриотом. Он вел национально-патриотическую деятельность, стремился, по мере возможностей и в рамках своего мировоззрения, содействовать делу освобождения Греции¹². Как русский дипломат Каподистрия пытался сочетать заботу об интересах России с отстаиванием прав балканского населения, и притом не только греческого.

В начале XIX в. пробуждение национальных чувств и рост освободительных стремлений затронули в той или иной форме весь балканский регион. В результате у патриотической части греческого общества растет интерес к балканским делам, складывается убеждение о взаимосвязанности процесса освобождения отдельных балканских стран. Этому весьма способствовало, в частности, восстание 1804 г. в Сербии, вызвавшее в Греции большие надежды и симпатии. Настроения эти несомненно разделял и Каподистрия. В 1811 г. в «Записке о нынешнем состоянии греков» он подчеркивал взаимосвязь сербского и греческого вопросов, имевшееся у греков желание, чтобы судьба сербов была «блестящей»¹³. Другим важным балканским фактором Каподистрия считал полунезависимый Янинский пашалык, управлявшийся Али-пашой Тепеленой. В Албании и Греции, писал он в одной из записок 1811 г., Али-паше, а не Порте принадлежит реальная власть. Знаменитого янинского пашу он характеризовал как «единственного человека, который может встать во главе албанцев и греков, для того чтобы повести их на великие дела». Вступив в союз с Али-пашой, Россия не только смогла бы осуществить свои политические планы на Балканах, но и открыть путь для национального освобождения Греции. Как говорилось в записке, «Али-паша, для того чтобы сделаться королем и обеспечить для своей династии

трон Эпира и Греции, может быть, перейдет в восточную православную веру и даст своему царствованию такие законы и управление, которые смогут обеспечить благополучие его подданных. Греки увидели бы в этом предприятии России начало того политического возрождения, о котором они мечтают»¹⁴.

Большое внимание Каподистрии неизменно привлекали Дунайские княжества. В 1809 г., вскоре после приезда в Петербург, он просил министра иностранных дел Н. П. Румянцева, чтобы ему дали назначение в Молдавию и Валахию «для трудов преимущественно по части статистики, торговли и наук»¹⁵. Тогда же Румянцев спросил Каподистрию, знает ли он Молдавию и Валахию. Тот ответил, что не был там, но «имеет о них исторические и литературные знания». Каподистрия представил министру записку о важности статистического описания этих провинций. Предполагалась посылка Каподистрии в Молдавию и Валахию с каким-то поручением. Но отъезд на длительное время Н. П. Румянцева из Петербурга помешал осуществить это намерение¹⁶. Каподистрия, как уже говорилось, побывал в Молдавии и Валахии в 1812 г., когда он заведовал дипломатической канцелярией П. В. Чичагова. Но и до этого он все время интересовался положением в Дунайских княжествах. В Петербурге у него возникли дружеские связи с жившими здесь молдавскими и валахскими выходцами. В «Записке о средствах, которые могут способствовать завершению нынешней войны между Россией и Портой», написанной в 1810 г.¹⁷, Каподистрия предлагал русскому правительству объявить Молдавию и Валахию непринадлежащими Порте. Одновременно следовало создать в княжествах магистраты и ассамблеи, упорядочить национальное законодательство, положить начало общественному образованию, создать экономические и сельскохозяйственные общества и провести другие реформы. Однако возможность радикального изменения политического статуса Дунайских княжеств ставилась Каподистрией в зависимость от позиции фанариотов.

В записке подчеркивалось огромное влияние этой греческой аристократической касты Константинополя на внутреннюю и внешнюю политику Османской империи, тесное переплетение ее интересов с интересами Порты. Фанариоты, по словам Каподистрии, «составляют жизненную силу его (турецкого правительства.— Г. А.) администрации». У фанариотов есть и собственные, далеко идущие политические планы. Они, писал Каподистрия, «привыкли считать себя наследниками Греческой империи» и «чувствуют себя способными достичь этого». Однако эти замыслы не мешают фанариотам поддерживать Османскую империю, так как с ее существованием связана их власть над Молдавией и Валахией. Эти княжества фанариоты рассматривают как свою вотчину (*comme leur domaine*). «Не существует,— подчеркивал Каподистрия,— сокровищ или почестей иного рода, которые они могли бы предпочесть надежде сохранить свое могущество при Порте и стать

князьями Молдавии и Валахии». Заинтересованные в том, чтобы по-прежнему править Дунайскими княжествами, фанариоты, продолжал автор записки, сейчас полностью солидарны с Портой и военными вождями в том, чтобы вести до конца войну с Россией. Каподистрия считал возможным, что фанариоты смирятся с потерей Молдавии и Валахии, если им будет предоставлено право преимущественного приобретения земельной собственности в княжествах.

Наряду с проектами частичных политических преобразований у Каподистрии позднее возник глобальный план политического переустройства Балкан, который должна была осуществить Россия. В 1816 г., будучи уже статс-секретарем министерства иностранных дел России, Каподистрия, согласно его автобиографической записке, устно изложил свой план Александру I¹⁸. Он предложил тогда царю отказаться от Бухарестского договора и добиваться заключения другого договора с Портой, который предусматривал бы создание новой политической системы на Балканах. Сербия, Молдавия и Валахия, оставаясь формально под сюзеренитетом Порты, превращались в союзные княжества под управлением князей из немецких владетельных домов. Осуществление этого плана, доказывал Каподистрия, в огромной степени увеличило бы престиж России среди балканских народов, так как открыло бы для них перспективу полного освобождения от иноземного господства. Он заложил бы основы той системы, «которой, по необходимости, будет следовать Россия, когда доведется отдать эллинам наследство после их предков». Таким образом, политическая перестройка Балкан, осуществленная по инициативе России, должна была в конечном итоге вслед за Сербией, Молдавией и Валахией принести освобождение и Греции. Каподистрия утверждал, что европейские кабинеты, «обезоруженные» бескорыстием России и привлеченные ею в качестве гарантов новой балканской политической системы, не окажут сопротивления намеченным грандиозным политическим преобразованиям в Европейской Турции. Порта же, как доказывал Каподистрия царю, примет предложения России, если они будут подкреплены концентрацией военных и военно-морских сил на русско-турецкой границе. Трудно представить себе, чтобы такой опытный и образованный политик, как Каподистрия, всерьез верил в то, что с помощью дипломатических и военных маневров можно заставить султана отказаться от его европейских владений. Решающим, хотя и скрытым, фактором осуществления грандиозного политического проекта Каподистрии была новая русско-турецкая война. Но он явно преувеличивал желание и возможности правительства царской России вновь воевать с Портой, да еще ради освобождения балканских народов. После завершения длительной полосы войн и революций внешнеполитический курс Александра I был направлен на поддержание статус-кво как на Западе, так и Востоке и на сплочение сил европейской реакции вокруг Священного союза. Пред-

ложения Каподистрии противоречили этому курсу, и они были отклонены¹⁹.

Анализ балканских политических проектов Каподистрии показывает, что осуществление их в решающей степени связывалось с политикой России. Причину здесь следует искать не только в пребывании Каподистрии на русской службе, но и в характере его мировоззрения. Противник революционных методов борьбы, Каподистрия недооценивал внутренние потенции балканских народов, в том числе и греческого, в деле национального освобождения. В этом было существенное отличие и слабое место балканских проектов Каподистрии в сравнении с аналогичными проектами Ригаса Велестинлиса, Александра Ипсиланти и других видных этеристов, в которых первостепенное значение придавалось революционной инициативе самих балканских народов. Тем не менее балканские представления и проекты Каподистрии являются важным фактом истории политической мысли на Балканах. Они подкрепляют и расширяют существующие понятия о «балканизме» греческой национальной идеологии конца XVIII — начала XIX в.

¹ См.: Г. Корδάτου. 'Ο Ρήγας Φεραίος καί ἡ Βαλκανική 'Ομοσπονδία. Ἀθήναι, 1945; A. Manassis. L'activité et les projets politique d'un patriote grec dans les Balkans vers la fin du XVIII siècle.—«Balkan studies», vol. 3, 1962; N. Botzaris. Visions balkaniques dans la preparation de la Révolution grecque (1789—1821). Genève — Paris, 1962.

² Г. Л. Арш. «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811 г.) И. Каподистрии.— «Славяно-балканские исследования». М., 1972, стр. 376; Π. Ἐυεπεκίδης. Ἰωάννης Καποδίστριας. 176 ἀνέκδοτα γράμματα πρὸς τὸν πατέρα του (1809—1820); Ἀθήναι, 1972, σ. 107.

³ АВПР (Архив внешней политики России), ф. Канцелярия, д. 7815. *Capodistrias. Notions sur Aly Pacha*. См. также: Г. Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1811, д. 11607, лл. 312—332. *Capodistrias. Mémoire sur l'état des Grecs*. Публикацию русского перевода этой записки см.: Г. Л. Арш. «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811 г.) И. Каподистрии, стр. 359—386.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1811, д. 11607, лл. 332—334. *Capodistrias. Notions relatives à la nouvelle route illirienne*.

⁶ Там же, лл. 299—311. *Capodistrias. Mémoire sur une diversion à operer dans le Midi de l'Europe en cas de guerre entre la Russie et la France*.

⁷ Подробнее см.: Н. И. Казаков. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году. «1812 год. К 150-летию Отечественной войны». М., 1962. (н.ст.).

⁸ «Внешняя политика России XIX и начала XX века», серия I, т. VI. М., 1962, стр. 363—365. Александр I — П. В. Чичагову, 9 (21) апреля 1812 г.

⁹ Там же, серия I, т. VII. М., 1970, стр. 263—267. И. А. Каподистрия — М. Б. Барклаю-де-Толли, 27 июня 1813 г. (н. ст.).

¹⁰ И. С. Достян. Россия и балканский вопрос. М., 1970, стр. 92—93.

¹¹ Там же, стр. 114.

¹² Е. Κούζου. 'Ο Καποδίστριας καί ἡ παιδεία. 1803 — 1822. Ἀθήναι, 1958; Π. Πετρίδης. Ἡ διπλωματική δράσις τοῦ Ἰωάννου Καποδίστρια ὑπὲρ τῶν Ἑλλήνων. 1814 — 1831. Θεσσαλονίκη, 1974; Г. Л. Арш. Иоанис Каподистрия и начало на гръцката революция.— «Сто и петдесет години от гръцко-то въстание 1821—1828». София, 1973; и др.

¹³ Г. Л. Арш. «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811) И. Каподистрии, стр. 384. См. также. М. Λάσχαρη. Ἑλλήνες καί Σέρβοι κατὰ τοὺς ἀπελευθερωτικούς τῶν ἀγῶνας (1804 — 1830). Ἀθήναι, 1936, σελ. 44 — 45.

- ¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1811, л. 11607, лл. 308—309. *Capodistrias*. Mémoire sur une diversion à opérer dans le Midi de l'Europe en cas de guerre entre la Russie et la France.
- ¹⁵ «Записка графа Иоанна Каподистриа о его служебной деятельности». — «Сборник Русского исторического общества», т. 3. СПб., 1868, стр. 293 (примечания К. К. Злобина).
- ¹⁶ П. Ήνεπεχίδης. *ξ. ά.*, σ. 107.
- ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 13377, лл. 236—244. *Capodistrias*. Mémoire sur les moyens qui peuvent concourir à terminer la guerre actuelle entre la Russie et la Porte.
- ¹⁸ «Записка графа Иоанна Каподистриа...», стр. 209—213.
- ¹⁹ См. также: И. С. Достян. Россия и балканский вопрос, стр. 132—137, 141—143.

Достижение Сербией автономии и национально-освободительное движение на Балканах

Е. Ю. ГУСЬКОВА

Национально-освободительная борьба сербов в первой трети XIX в. — одна из важных страниц в истории балканских народов. В ходе этой борьбы сербский народ сбросил многовековое турецкое иго, получил автономию. Успешное развитие борьбы сербского народа стало одним из факторов активизации национально-освободительного движения в балканских землях Османской империи. Остановимся на рассмотрении этого вопроса подробнее.

Во второй половине XVIII в. ясно обнаружился кризис турецкой военно-феодальной системы. В конце XVIII — начале XIX в. быстрое проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство стало подрывать основы старого феодального института спахийского землевладения. Появление чифтлик-сахибиев, захват землевладельцами крестьянских, общинных и государственных земель тяжелым бременем ложились на плечи крестьянства: увеличались налоги, значительная масса крестьянского населения осталась без земли. Усилился процесс расслоения в среде крестьянства. Задавленная многочисленными налогами райя страдала от злоупотребления и поборов турецких чиновников, помещиков, армии. Во всех турецких провинциях положение основной массы крестьян сделалось еще более тяжелым.

Угнетенное крестьянство поднималось на борьбу. Раздробленные и разобщенные балканские народы в своей борьбе искали поддержку у великих держав, и в первую очередь у России.

Национально-освободительное движение сербского народа в первой трети XIX в. прошло несколько этапов. Первый этап начался в 1804 г. вооруженной девятилетней борьбой, которая в 1813 г. закончилась поражением.

Второй этап связан с восстанием 1815 г. Этот этап явился более значительным по достигнутым результатам. Он закончился заключением устного соглашения между предводителем восставших Милошем Обреновичем и турецким пашой, которое давало некоторые привилегии сербам. Милош стал верховным кнезом, был создан судебный и административный орган — Народная канцелярия; право суда над сербами и сбор налогов переходили в руки местной администрации, что позволяло уменьшить турецкий произвол. Соглашение Милоша с Марашли Али-пашой явилось для Сербии отправной точкой в дальнейшей борьбе за независимость, представляло собой хотя и небольшой, но важный шаг вперед, опираясь на который, а также на поддержку России, сербы смогли продолжать борьбу за полное освобождение.

Следующий этап развития национально-освободительного движения сербского народа был связан с мирными формами борьбы. Он характеризуется укреплением внутреннего положения страны, созданием постоянно действующей сербской администрации, известным учреждением эконоики. Постепенно укреплялась и власть верховного кнеза Милоша Обреновича. Он расширил рамки устного соглашения: увеличил полномочия нахийских кнезов, сформировал сербское правительство — Сербский совет, расширил сеть нахийских судов и создал Общеправительственный суд, сделал попытку упорядочить сербское законодательство, издав ряд постановлений и указов, обязательных для всех судов, несколько упрочил финансовое положение Сербии, распространил свое влияние на церковь, начал создавать светские школы. Все эти процессы подрывали турецкую власть, расширяли сербскую самостоятельность, приближали Сербию к независимости.

Большую дипломатическую поддержку Сербии в этот период оказывала Россия. В 1826 г. Россия и Турция подписали Аккерманскую конвенцию, которая обязывала Порту выполнить постановления Бухарестского мирного договора относительно Сербии, а также возвратить ей шесть округов, незаконно отторгнутых после восстания 1815 г. Турция не выполнила взятых обязательств. Лишь победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и подписание Адрианопольского мирного договора заставили султана решить сербский вопрос. В 1830 г. был издан хатт-и шериф, утверждавший широкую автономию и внутреннее самоуправление в Сербии. Достигнутая автономия явилась основой в дальнейшей борьбе за полную национальную независимость.

Успехи национально-освободительного движения сербского народа имели большое значение для поработенных народов Балканского полуострова. В Сербии видели они реальную силу, на которую можно опереться в борьбе против Турции. Первая крупная волна народного движения на Балканах связана с сербским восстанием 1804—1813 гг. Восстания и бунты охватили Боснию, Герцеговину, Албанию, Македонию, Западную Болгарию¹. Начало XIX в. ознаменовалось вооруженными выступлениями бол-

гарских крестьян на границах Сербии, болгары активно участвовали в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Хотя эти выступления болгарского народа не могли привести к независимости, они сыграли определенную роль в развитии национально-освободительного движения, способствовали расшатыванию турецкой власти на Балканах ².

Летом 1813 г. турки напали на Сербию, сломили сопротивление восставших и установили в стране жестокий террор. «Поражение восстания в 1813 г. было катастрофическим, и никто не надеялся, что райя Белградского пашалыка будет в состоянии поднять новое, более сильное вооруженное восстание», — отмечает Й. Миличевич, исследуя отклики на восстание в австрийской печати ³. Именно этим поражением можно объяснить неверие многих народов в успех восстания 1815 г. К восставшим присоединилось незначительное число добровольцев из соседних земель, не отмечалось каких-либо крупных выступлений на границах Белградского пашалыка в поддержку сербов.

После 1815 г. также не наблюдается сильного народного движения соседних с Сербией народов, имеются лишь небольшие очаги волнений ⁴.

Главной задачей Сербии в этот период было укрепление внутренней самостоятельности страны. После того как Сербия упрочила свое положение, народы Балканского полуострова увидели реальные результаты восстания 1815 года и вновь обратили свои взоры к Сербии.

На помощь Сербии рассчитывали и греческие этеристы, ведя активную подготовку к восстанию. Сохранились документы этеристов, в которых мы читаем: «В любом случае необходимо, чтобы сербы поднялись против неприятеля, и это необходимо сделать прежде всего... Есть надежда, что сербы легко присоединятся к нам и поднимутся на борьбу» ⁵. Эту уверенность греческих революционеров легко понять. Народ, который воевал на протяжении 15 лет против Турции, не мог остаться равнодушным к борьбе другого народа против угнетателей. И хотя совместное восстание могло принести Сербии полную независимость, Милош не дал согласия на участие в нем. Это решение было вызвано целым рядом обстоятельств внутреннего и внешнего характера. Но князь и сербский народ не остались равнодушными к борьбе греческого народа. Есть сведения, что Милош Обренович выкупал у Порты греческих пленных ⁶, а сербские добровольцы принимали участие в борьбе на стороне восставших ⁷.

Греческое восстание всколыхнуло народы Балканского полуострова. В нем активно участвовали многие добровольцы, в том числе и болгарские. Они сражались как в отрядах Ипсиланти и Тудора Владимиреску в Молдавии и Валахии, так и на греческой территории ⁸.

Большого подъема достигла борьба болгарского народа во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., вылившаяся в на-

циональное вооруженное восстание на юге страны. Болгары рассчитывали и на Сербию, думая о совместном сербско-болгарском выступлении против Турции⁹. Хотя Сербия придерживалась строгого нейтралитета в русско-турецкой войне, некоторые народы, например албанцы, надеялись на ее помощь в освободительной борьбе против турецкого ига¹⁰. Поддержки у Сербии искало и одно из герцеговинских племен, восстававшее против турок в 1829 и 1831 гг.¹¹

Новый подъем национально-освободительного движения на Балканах и изменение внешнеполитического курса Сербии связаны с провозглашением автономии Белградского пашалыка в 1830 г. Статус Сербии гарантировался такими важными международными документами, как договоры России с Турцией и хати шерифом султана. Милошу удалось добиться получения титула наследственного князя Сербии. Достигнутые успехи способствовали активизации внешнеполитической деятельности Сербии. Готовя и поддерживая восстания в соседних областях, Милош присоединяет к Сербии шесть нахий, отторгнутых после Первого восстания. Закрепление побед Сербии в официальных документах способствовало росту борьбы угнетенных народов Османской империи, которые в свободной Сербии видели пример. Именно после 1833 г. усиливается подъем национально-освободительного движения. Из Боснии, Герцеговины, Черногории, Албании, Болгарии приезжали к Милошу представители народа за поддержкой в случае восстания¹². Наиболее сильные вооруженные выступления проходили в пограничных с Сербией районах.

Большую определенность получила и внешнеполитическая программа князя Милоша. Он говорил: «Надо бы один раз навсегда покончить с царством, которое рушится, и предоставить всем народам право выбора такой жизни, какая им нравится... Пусть сербы и греки, албанцы и болгары сами управляют землями, в которых живут»¹³. Граф Боэ-Ле-Конт де Риньи писал в 1834 г. министру иностранных дел Франции о том влиянии, которое оказывала Сербия на угнетенные Турцией народы: «Постоянно можно наблюдать, как к нему (Милошу. — *Е. Г.*) приходят депутаты из Боснии, Болгарии и славян из Албании за советом или помощью в деле освобождения и борьбы за независимость»¹⁴.

Из всех выступлений 30-х годов наиболее значительными были: восстание в 1834 г. в Босанской Посавине, в Градацкой и Дервентской нахиях, национально-освободительное движение в Нише в 1834—1835 гг., крестьянские бунты в Западной Болгарии в 1835—1836 гг. Как отмечает Д. Косев, восстания в Западной Болгарии происходили под большим влиянием Сербии. «Уже сам факт существования по соседству автономного княжества, — пишет он, — заставлял крестьян еще острее чувствовать эксплуатацию и произвол турецких господ. Кроме того, сербское правительство засылало в пограничные болгарские области своих агентов, которые подстрекали крестьян к восстанию против турок»¹⁵.

Политика князя Милоша этого времени по отношению к восстаниям характеризовалась ярко выраженной двойственностью. Милош полагал, что ему необходимо придерживаться особенно эластичной политики: для Порты казаться лояльным вассалом, а для балканских народов быть другом и защитником. Поэтому, с одной стороны, Милош оказывал определенную помощь восставшим (давал убежище руководителям движения, выступал в качестве посредника между райей и турецкими властями, помогал в подготовке выступлений)¹⁶, а с другой — участвовал в подавлении восстаний, арестовывал бежавших на сербскую территорию повстанцев, тем самым демонстрируя свою верность султану. Но верноподданнический характер политики Милоша не отразился на размахе революционной борьбы угнетенных народов. Ухудшение экономического положения крестьян, национальный и социальный гнет вызывали недовольство населения, приводили к вооруженным столкновениям и восстаниям. На развитие национально-освободительного движения оказывала большое влияние не столько конкретная помощь Сербии, сколько само существование княжества, возможность положительного исхода борьбы. Народные движения имели большое значение. Они расшатывали власть султана, приближали день освобождения. «Порта была уверена, что 1815 год, продолжая 1804—1813 гг., представляет собой ... несчастливое начало очевидного и, что еще важнее, постоянного процесса распада целостности Турции», — подчеркивает югославский историк В. Стоянчевич¹⁷.

Ярким проявлением недовольства балканских народов национальным и социальным угнетением были миграционные процессы на Балканах, особенно усилившиеся после победы Второго сербского восстания. Наиболее охотно крестьяне перебегали в Сербию, так как находили в ней личную свободу и экономическую независимость. Причинами многочисленных переселений в Сербию были, с одной стороны, голод, отсутствие условий для нормального существования, а с другой — возможность лучшей жизни в Сербии¹⁸. Кроме того, миграционные процессы значительно усиливались после поражения многочисленных восстаний в соседних с Сербией землях. Участники бунтов и народных движений получали в Сербии приют и безопасность.

В принятии переселенцев и обеспечении им условий жизни Милош видел реальную помощь покоренным народам. 16 июля 1820 г. князь писал Еврему Обреновичу, что необходимо «прійти на помощь нашим нареченным братьям. Но не имея другого способа, будем, по крайней мере, брать их в недра отечества нашего»¹⁹. Принимая переселенцев, Милош давал им землю, беднякам помогал в первое время продуктами, часть переселенцев на некоторое время освобождал от налогов²⁰.

Миграция была выгодна и Сербии. Значительно увеличивалось население, поредевшее за годы длительной борьбы, что в свою очередь укрепляло страну в экономическом и военном отношении.

Кроме того, такая политика обеспечивала Милошу популярность и приверженность христианского населения Турции.

По национальности переселенцы были, в основном, сербами. Большой процент составляли черногорцы и болгары. Интересно отметить, что к концу правления князя Милоша население Сербии более чем удвоилось, главным образом за счет переселенцев²¹.

Все эти процессы оказывали большое влияние на укрепление внутреннего положения Сербии, способствовали расширению ее экономических и культурных связей со странами Балканского полуострова.

После 1815 г. расширилась внешняя торговля Сербии: она поддерживала торговые связи с Австрией, Боснией, Герцеговиной, Болгарией, Турцией²². Экономические связи Сербии с угнетенными народами Османской империи способствовали более тесным политическим контактам. Торговые пути балканских турецких провинций и Центральной Европы проходили большей частью через Сербию. С помощью торговцев князь Милош поддерживал тесные связи с представителями балканских славян в Македонии, Старой Сербии, Болгарии, Боснии, Северной Албании, Греции²³. Через доверенных торговцев Милош получал необходимые сведения о политической ситуации в соседних областях, всегда был информирован о готовящихся и происходящих событиях²⁴. Эти сообщения использовались Милошем как для выработки собственной политической программы, так и для информации русской армии в Валахии и русского правительства во время русско-турецкой войны²⁵.

Благодаря своему автономному положению Сербия получила возможность развивать культуру. В 1830 г. сербское правительство приобрело в Петербурге типографию. Это сыграло большую прогрессивную роль не только для Сербии. В сербской типографии печатались и болгарские книги²⁶. Только с 1833 по 1838 г. в Сербии их было издано 23²⁷.

Подведем итог вышеизложенному. Второе сербское восстание имело большое положительное значение как для самой Сербии, так и для других стран Балканского полуострова. Значение восстания для внутреннего развития страны сводится к следующему:

1815 год завершает военный и начинает мирный этап в развитии национально-освободительной борьбы сербского народа.

Результаты восстания способствовали укреплению внутреннего положения страны, упрочению экономики, созданию ряда сербских государственных институтов.

Эти процессы, в свою очередь, влияли на более быстрое достижение Сербией автономии.

Положительный исход многолетней борьбы сербского народа сыграл большую роль в развитии национально-освободительного движения на Балканах.

Завоевание Сербией автономии способствовало активизации освободительной борьбы балканских народов. На Сербию смот-

рели как на реальную силу, способную оказать помощь в борьбе, защитить в случае неудачи, к ней обращались за советом, старались заручиться ее поддержкой.

Существование автономной Сербии значительно усилило миграционные процессы на Балканах, которые надо рассматривать и как проявление недовольства и протеста против турецкого господства.

Результатом укрепления внутреннего положения Сербии явилось расширение экономических и культурных связей с соседними областями, что способствовало росту самосознания угнетенных народов, развитию просвещения.

- ¹ См.: *В. Стојанчевић*. Политичке и културне везе Србије и Београда са југословенским и балканским земљама и народима у првој половини XIX века.— «Годишњак града Београда 1968», књ. XV, стр. 28; «Буне и устанци и Босни и Херцеговини у XIX веку». Београд, 1952, стр. 41—42.
- ² См.: *Д. Косев*. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 67—68.
- ³ *В. Милићевић*. Аустројска штампа о Србији Другог устанка.— «Зборник Историјског музеја Србије», № 5. Београд, 1968, стр. 43.
- ⁴ *Д. Косев*. Новая история Болгарии, стр. 77; *В. Павићевић*. Стварање Црногорске државе. Београд, 1955, стр. 186.
- ⁵ «Србија и Грчка у XIX в.», св. I (1804—1821). Београд, 1907, стр. 40.
- ⁶ *В. Стојанчевић*. Кнез Милош према Порти и народним покретима у Турској 1828—1839 г.— «Зборник Историјског музеја Србије», № 6, 1969, стр. 59; *он же*. Откупљивање робља у Србији за време кнеза Милоша.— «Зборник музеја Првог српског устанка», № 2. Београд, 1960, стр. 99—100.
- ⁷ *В. Стојанчевић*. Заједничке политичке радње балканских народа у 19 и 20 веку на обарању власти турске царевине.— «Историјски часопис», књ. XVI—XVII (1966—1967). Београд, 1970, стр. 263.
- ⁸ *В. Д. Конобеев*. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг.— «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XX, 1960, стр. 226.
- ⁹ *В. Стојанчевић*. Заједничке политичке радње балканских народа у 19 и 20 веку..., стр. 263.
- ¹⁰ Там же, стр. 263.
- ¹¹ *Л. Дурковић-Јакшић*. Србијанско-црногорска сарадња (1830—1851). Београд, 1957, стр. 24—25.
- ¹² *М. Гавриловић*. Милош Обреновић, т. III. Београд, 1912, стр. 450.
- ¹³ «Србија у години 1834. Писма графа Боа-Ле-Конта де Риньи министру иностраних дела у Паризу о тадашњем стању у Србији».— «Српска Краљевска Академија. Споменик», т. XXIV. Београд, 1894, стр. 39.
- ¹⁴ Там же, стр. 37.
- ¹⁵ *Д. Косев*. Новая история Болгарии, стр. 177.
- ¹⁶ *В. Стојанчевић*. Кнез Милош према Порти и народним покретима у Турској 1828—1839 ..., стр. 51—52, 54, 57.
- ¹⁷ Там же, стр. 61.
- ¹⁸ *В. Стојанчевић*. Кнез Милош Обреновић и проблеми балканских миграција у Србију после Другог устанка.— «Зборник Историјског музеја Србије», № 5. Београд, 1968, стр. 35; *Т. Р. Ђорђевић*. Из Србије кнеза Милоша. Становништво. Насеља. Београд, 1924, стр. 57—59; *Л. Дурковић-Јакшић*. Србијанско-црногорска сарадња (1830—1851), стр. 190.
- ¹⁹ *Т. Р. Ђорђевић*. Из Србије кнеза Милоша..., стр. 43.
- ²⁰ Там же, стр. 48.
- ²¹ *В. Стојанчевић*. Кнез Милош Обреновић и проблеми балкански миграција у Србију после Другог устанка..., стр. 33.
- ²² *Т. Р. Ђорђевић*. Из Србије кнеза Милоша. Културне прилике од 1815 до 1839. Београд, 1922, стр. 13—14.

- ²³ В. Стојанчевић. Кнез Милош према Порти и народним покретима у Турској..., стр. 43.
- ²⁴ См.: Там же, стр. 45; В. Стојанчевић. Политички погледи кнеза Милоша на питање ослобођења балканских народа. — «Историски часопис», № IX—X. Београд, 1960, стр. 346.
- ²⁵ В. Стојанчевић. Кнез Милош према Порти и народним покретима у Турској..., стр. 45—46.
- ²⁶ К. Памбаговски. Неколико прилога о првим корацима на културно-политичкој сарадњи српског и бугарског народа у првој половини XIX века. — «Историски часопис», књ. XVI—XVII, 1970 (1966—1967), стр. 92.
- ²⁷ Там же, стр. 93.

Идеологическое развитие южнославянских народов Австрийской империи в период национального пробуждения

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

Переход от феодализма к капитализму и формирование сербской, хорватской и словенской наций поставили перед южнославянскими народами, входившими в состав Австрийской империи, однотипные исторические задачи. Это определило общность содержания идеологического процесса, которое в конечном итоге было связано с потребностями поднимавшегося капитализма. Однако неодинаковый уровень экономического развития, разность социальных структур, различия исторических судеб и этнических традиций, особенность конкретно-политической ситуации в каждой из южнославянских земель в переходный период обусловили специфические черты в идеологических положениях южных славян, в первую очередь буржуазных течений, которые определяли перспективу идейного развития в целом.

Настоящая статья представляет собой попытку сравнительной характеристики идеологического развития сербского, хорватского и словенского обществ в конце XVIII — первой половине XIX в., сопоставления главным образом теоретических концепций идейно наиболее продвинувшихся вперед направлений и выявления типологических и отличительных черт.

Идеология, отразившая запросы развития капитализма и наций, берет свое начало у южнославянских народов в последних десятилетиях XVIII в. Ее зарождение знаменовалось публичной постановкой передовыми мыслителями актуальных вопросов общественного развития.

Первым выразителем потребностей, идеалов и стремлений новых общественных сил у сербов явился мыслитель и писатель Досифей Обрадович. Его выступление в печати в 1783 г. положило начало развитию сербской антифеодальной и буржуазно-нацио-

нальной мысли. Система взглядов Д. Обрадовича сложилась на базе предшествовавшего развития сербского общественного сознания и под влиянием идей западноевропейского Просвещения, которые были переработаны и приспособлены им к сербским условиям. Антифеодалное сознание сочеталось у Д. Обрадовича с пониманием потребностей национального развития сербов, выразившимся в теоретическом обосновании необходимости введения в литературу народного языка и пропаганде национально-освободительных идей¹.

В системе взглядов отдельных представителей южных славян на рубеже XVIII—XIX вв. были черты просветительства. Однако нигде на славянском Юге философские и морально-этические идеи западноевропейского Просвещения не были усвоены с такой полнотой и никто из южнославянских мыслителей не выразил их с такой последовательностью, как это было сделано Д. Обрадовичем. Появление в сербской среде в XVIII в. мыслителя такого масштаба и такого общественного звучания, каким был Обрадович, объяснялось особенностями социального развития сербского общества в период перехода от феодализма к капитализму.

В Венгерском королевстве, в первую очередь в Баранье, Бачке, Банате и Среме — исторических областях, получивших в 1848 г. наименование «Воеводина», а также в других местах Австрийской империи (например, в Триесте) к концу XVIII в. уже имелся хотя немногочисленный, но экономически крепкий и заметный в общественной жизни слой сербских торговцев. Они держали в своих руках значительную долю торговли как в Венгрии, так и в Хорватии².

На протяжении XVIII в. горожане-сербь проявляли общественную активность в рамках церковно-религиозных привилегий православного населения. Они вели упорную борьбу против политической линии церковной иерархии за участие в руководстве церковными и общественными делами и фондами. И церковная иерархия в какой-то мере считалась с настроениями торгово-ремесленного сословия, тем более что оно делало большие пожертвования на ведение общественных и церковных дел. Одновременно горожане были деятельной силой в борьбе против центральных властей, католического клира и венгерского дворянства за сохранение религиозной и школьной автономии и расширение самоуправления сербов³.

Сербь-горожане, преобладавшие по численности и материальному достатку над другими национальными группами в экономически важных городах Воеводины, играли видную роль и в городской жизни. Еще в XVIII в. видные торговцы, проявляя интерес к родной литературе, выступали меценатами писателей, издателями книг на литературном языке сербов, устроителями первых сербских школ и т. д.⁴

Сербское дворянство в Воеводине, малочисленное и небогатое, не имело ни солидного материального веса, ни серьезного влияния

и общественно-политической значимости в своей национальной среде, ни опыта самостоятельной политической борьбы, как, например, хорватское дворянство.

В Воеводине торговцы были господствующей фракцией в среде формировавшегося буржуазного класса. Это создавало возможность для самостоятельных идеологических выступлений городской торгово-предпринимательской буржуазии в отличие от Хорватии, где в рассматриваемое время подобный социальный слой находился под идеологическим влиянием либерального дворянства.

Особым фактором, оказавшим существенное влияние на развитие передовой сербской общественной мысли в Австрийской империи, были тесные связи Воеводины с Сербией. Идеи, пропагандируемые Д. Обрадовичем, отражали объективные тенденции массовой антифеодальной борьбы, в том числе и в Белградском пашалыке. Они явились концентрированным выражением общественных настроений, без которых была невозможна сербская революция.

При всей яркости таланта и важности идеологических выступлений Д. Обрадовича для последующего развития южнославянской общественной мысли его писательская деятельность в духе западноевропейского Просвещения была одиночным явлением на славянском Юге в конце XVIII — начале XIX в. По словам видного поэта иллиризма Ст. Врза, Обрадович был «духом своим тогда, так сказать, одинок»⁵. Однако Д. Обрадович выразил тенденции развития сербской общественной мысли, и в этом состояло историческое значение его идеологических выступлений.

В иных формах протекал идеологический процесс, связанный со становлением буржуазного общества, в Хорватии и Словении.

В Хорватии осознание передовыми мыслителями потребностей общественного прогресса на начальной стадии проявилось в публичной постановке литературно-языкового вопроса. Первым понимание национальной проблемы, пока, правда, только в литературно-языковых рамках, выразил в 1796 г. хлеботорговец Й. Шипуш.

Хорватский народ более чем другой из южнославянских народов был раздроблен. В конце XVIII в., а по существу лишь после Венского конгресса, основной комплекс земель, населенных хорватами, был сосредоточен в рамках одного государства — Австрийской империи. Но эти земли различались по своему административно-политическому положению, системе управления, историческим традициям и социальной структуре. В официальной и общественной жизни в Хорватии и Славонии господствовали латинский и немецкий языки, в Военной Границе — немецкий, в Далмации и Истрии — итальянский и немецкий, в Приморье — латинский и итальянский. С конца XVIII в. венгерское среднее дворянство насильственно навязывало населению Хорватии, Славонии и Приморья венгерский язык. У хорватов было три ре-

гиональных литературных языка на разных диалектах с богатыми традициями. Положение усложнялось неупорядоченностью и пестротой орфографий местных наречий. Не удивительно поэтому, что в условиях национального угнетения наиболее дальновидные представители формирующейся нации раньше всего осознали потребность литературно-языкового объединения населения Хорватии, Славонии и Далмации и утверждения национального языка в жизни общества.

В словенских землях под влиянием развития капитализма в условиях национального угнетения и раздробленности народа на первый план общественной жизни также выступил вопрос о едином литературном языке для словенцев с той разницей, что он сохранил здесь первенствующее значение вплоть до революции 1848 г.

С подъемом в южнославянских землях Австрийской империи национально-освободительных движений начался новый период в идейном развитии южных славян. В Воеводине и Словении он захватил 20—40-е, в Хорватии — 30—40-е годы XIX в. В это время были заложены теоретические основы национально-освободительных движений. При их разработке не только сербские, но и передовые хорватские мыслители опирались на идейное наследие Д. Обрадовича. Процесс идеологического оформления движений характеризовался складыванием идейных направлений, отразивших социальную структуру обществ, и появлением программ, формулировавших конкретные задачи национально-освободительной борьбы. Наиболее отчетливо указанные черты проявились в идейной жизни Хорватии, где национально-освободительное движение развивалось более высокими темпами, чем в Воеводине и Словении.

Особенность исторической ситуации в южнославянских землях Австрийской империи состояла в том, что экономически незрелые и слабые буржуазные силы были неспособны на решительную борьбу с феодальными порядками и в условиях национального гнета выступали на общественной арене в блоке с консервативными кругами. В Хорватии торгово-предпринимательские слои и обуржуазивающаяся часть помещиков были связаны в хозяйственной деятельности и тесно сотрудничали с феодальным большинством дворянства и духовенства. Сербская буржуазия, отличавшаяся хозяйственным универсализмом, имела разнообразные контакты с православной феодально-клерикальной верхушкой. Словенская торгово-ростовщическая буржуазия искала союзников в рядах консервативного «национального» духовенства и земского австро-немецкого дворянства. В реальном положении классов в южнославянских землях коренились истоки компромиссов, столь характерных для идейного развития новых буржуазных сил. Это отчетливо проявилось в том, что при идейной дифференцированности национально-освободительных движений теоретические основы разных лагерей имели общие черты. Феодальные общественные силы,

в свою очередь, идеологически эволюционировали под давлением требований времени.

На основе славянского этнического сознания в конкретных условиях жизни южных славян сложилась концепция национальной целостности южнославянских народов, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев. Этот принцип получил в южнославянских землях в зависимости от классовых притязаний буржуазии неодинаковую трактовку, но при этом его разделяли как прогрессивные, так и консервативные деятели. В Хорватии буржуазно-дворянские публицисты, выдвигая просветительский лозунг «естественного права», который трактовался больше как право каждого народа на национальное существование и развитие, признавали и «историческое государственное право», которое исстари было идейным оружием феодального дворянства. В Воеводине даже в начале революции 1848 г. наиболее активная часть буржуазии рассматривала церковно-религиозные привилегии православного населения, ставшие анахронизмом, как основу общественного развития сербов. Конечно, идейные вдохновители формировавшихся буржуазных сил стремились приспособить «историческое государственное право» и церковно-религиозные привилегии к потребностям нового класса. Из теории южнославянского единства либеральные и консервативные деятели делали разные практические выводы. Но это не может изменить того факта, что в первой половине XIX в. в южнославянских землях Австрийской империи буржуазные силы идеологически полностью не отделились от феодальной части общества.

При наличии существенных общих черт конкретное проявление национальной идеологии передовых общественных сил, которые определяли направление развития национально-освободительных движений, было разным. Это обуславливалось самим фактом национальной консолидации каждого из южнославянских народов и национального размежевания между ними, а также спецификой общественно-политической обстановки в отдельных землях.

Идейная жизнь у южных славян в Австрийской империи протекала под знаком укрепления национального самосознания. Оно сочеталось у передовых мыслителей с представлениями об общеславянской и южнославянской общности и частично, особенно на ранней стадии, находило через них свое выражение. Общеславянская и объединительная южнославянская идеи были не только идеологической формой самозащиты перед лицом германизации и мадьяризации, но также теоретическим оружием прогрессивных общественных сил южных славян в борьбе против региональной ограниченности соответственно в хорватском, сербском и словенском национальных ареалах.

У хорватских и сербских национальных идеологов общеславянские симпатии укладывались в рамки взаимного познания славян с целью не только межславянского сближения, но и обогащения собственных культур⁶. В среде словенских будителей

вплоть до 60-х годов XIX в. не угасала мысль о практическом объединении всех славян на основе единого языка и делались бесплодные попытки создания общеславянского языка ⁷. Это объяснялось слабостью и раздробленностью словенцев, их незащищенностью перед лицом германизации, отсутствием государственных традиций, известной изолированностью словенцев от остальных южных славян и т. д.

Теория национальной целостности балканских славян родилась и получила наиболее широкое распространение в Хорватии. Идея «Великой Иллирии», олицетворявшей южнославянское единство, наложила отпечаток на всю духовную жизнь хорватского общества в 30—40-х годах XIX в. Она оформилась в условиях малочисленности и разобщенности хорватов между собой, на основе растущих экономических связей Хорватии с другими южнославянскими землями, как антитеза мадьяризаторским притязаниям венгерского дворянства ⁸.

Среди словенцев загребская концепция южнославянской общности получила известное распространение в 30-е годы XIX в., особенно в Штирии и Каринтии, где условия для национального развития словенцев были наиболее тяжелыми. Но уже в начале 40-х годов идейное влияние Загреба здесь постепенно сошло на нет, уступив место нарастающей тенденции словенского национального объединения в культурном и литературно-языковом отношениях.

Классовый характер национальной идеологии наглядно проявился в трансформации «теории одного народа» в сербских условиях. Идейные представители сербской торговой среды в противовес загребской «Великой Иллирии», которая была связана с интересами хорватской буржуазии и дворянства, выдвинули «свою» концепцию южнославянского единения под главенством сербов, т. е. сербской буржуазии. Это нашло выражение в обозначении всех или части южных славян названиями «югославяне» или «сербы». В полемике, развернувшейся в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. между сербскими и хорватскими публицистами по вопросу об «именах», нашли отражение материальные интересы обуржуазивающихся сил в конкретных условиях развития сербской и хорватской наций.

«Теория одного народа» в разных ее вариантах была популярной в основном в хорватской и сербской среде. Это объяснялось условиями жизни сербов и хорватов, в частности единством народно-разговорной базы, смешанным составом населения на значительной части территории расселения этих народов. В свою очередь и литературно-языковые реформы В. Караджича и Л. Гая, хотя они основывались на разных идеологических концепциях, содействовали их сближению. Эти обстоятельства в одних случаях порождали, в других усиливали у национальных идеологов восприятие южных славян, в первую очередь сербов и хорватов, как одного народа, тем более что вытекающие из этого сознания идеологические положения при известной трансформации были

способны наилучшим образом выразить классовые интересы буржуазии.

Что касается конкретных программ действий, то при сходстве их содержания они существенно отличались по форме. Горизонт общественного видения передовых словенских деятелей до 1848 г. ограничивался культурно-просветительной сферой⁹. В Хорватии уже в начале 40-х гг. буржуазно-дворянские идеологи выдвинули задачи национально-политических, а затем и социально-экономических преобразований. Сложным был путь развития сербской буржуазной мысли в Австрийской империи. Сербская литература, ставившая вопросы общественного развития, в целом до середины 40-х гг. XIX в. имела культурно-просветительную направленность. Вместе с тем поддержка воеводинскими торговцами повстанческой Сербии в годы Первого восстания, издание в 1813—1821 гг. газеты Давидовичем, выход в 1838 г. политической газеты под редакцией Т. Павловича — все это было показателем того, что со времени Д. Обрадовича в сербской передовой общественной среде, идейно и организационно раздробленной, подспудно зрели неоформившиеся политические настроения и освободительные тенденции, ощущалась потребность общественных перемен. Накануне 1848 г. либеральные идеи проникли в сербскую печать¹⁰.

Становление национальной политической идеологии в ее различных классовых проявлениях протекало в Хорватии быстрее, чем в Словении и Воеводине. Это было связано не столько с уровнем и темпами развития хорватской буржуазии, сколько с наличием национального дворянства, которое обладало многовековым опытом политической борьбы за «права» Хорватского королевства, с государственной традицией, с автономным положением Хорватии, хотя содержание автономии к XIX в. было подорвано. Переход наиболее дальновидных дворян на буржуазные идеологические позиции ускорил развитие хорватской либеральной мысли, но одновременно привнес в нее черты дворянской ограниченности. Важным обстоятельством была также традиция сословно-дворянской политической борьбы в Хорватии, которая велась на протяжении веков то против Габсбургов, то против венгерского дворянства. В условиях меттерниховского режима новые общественные силы использовали старые дворянские лозунги для выражения собственных потребностей, тем самым наполняя их новым содержанием. Словенцы же, которые особенно сильно ощущали гнет меттерниховской системы, были лишены возможности для выражения оппозиционных настроений.

Революционные 1848—1849 гг. явились особым этапом в развитии общественного сознания южных славян Австрийской империи. Европейская революция и подъем антифеодального крестьянского движения в самих южнославянских землях дали толчок дальнейшему развитию национальной идеологии, что нашло выражение в оформлении всюду политических программ, углубили

процесс идейно-политической дифференциации в южнославянском обществе.

Идеологические положения, разработанные в предреволюционные годы, явились основой принципиальных политических концепций, оформившихся в 1848 г. и получивших в последующие десятилетия дальнейшее развитие. Идея славянской общности трансформировалась в социально-политических условиях 1848 г. в доктрину австрославизма. Она предполагала решение национального вопроса в рамках Габсбургской империи путем ее реформирования на началах конституционности и федерализма, что должно было обеспечить перевес в экономике и политике славянам, т. е. славянской буржуазии. Австрославизм явился политическим знаменем подавляющей части либеральных и буржуазно-демократических сил в национальных движениях южных славян в 1848—1849 гг. Корни австрославизма были связаны с материальными интересами экономически тяготеющего к империи хорватского обуржуазивающегося дворянства, с потребностью хорватской, сербской и словенской торговой буржуазии в имперском рынке. Австрославистская доктрина была порождена также общей слабостью обуржуазивающихся сил в южнославянских землях, их неспособностью самостоятельно решить национальный вопрос путем коренной ломки государственно-политической системы. Сказывалось в данном случае и идеологическое влияние политически более сильных чешских либералов. Австрославистская концепция в революционной обстановке 1848 г. носила соглашательский, реформистский характер и заключала в себе ложные иллюзии о возможности обеспечения свободы славянских наций в союзе с двором и феодально-абсолютистскими имперскими кругами, в действительности противниками национального равноправия.

Австрославистская концепция разделялась также консервативными кругами, поскольку заложенный в ней принцип решения национального вопроса исходил из целостности империи и сохранения власти Габсбургов над всей ее территорией. Хотя понимание политического содержания федерации у буржуазных и консервативных кругов было разным, австрославизм явился политической платформой либерально-консервативного (Хорватия, Словения) или либерально-клерикального (Воеводина) блока, который главенствовал в политической жизни южнославянских земель в революционные годы.

Положение южнославянских земель в составе австрийской федерации представлялось словенским, хорватским и сербским либералам неодинаково. В апреле словенские буржуазные деятели в Вене сформулировали программу «Объединенной Словении», которая предусматривала автономное развитие Словении в составе империи. Но часть либералов (общество «Словения» в Граце) выступала за союз «Объединенной Словении» с Хорватией¹¹.

Загребские либералы не только выражали заинтересованность в политическом объединении южнославянских провинций внутри

империи, но и в присоединении к австрийской федерации при благоприятных обстоятельствах остальных балканских славян¹². Это была позиция приспособления южнославянской ориентации к австрославизму. Общесербская Майская скупщина выразила стремление сербских общественных кругов к тесному политическому союзу Воеводины с Хорватией¹³.

Вторая политическая концепция, которая в качестве теоретического основания имела идею южнославянской общности, была нацелена на полное национальное освобождение южных славян и их объединение (практически сербов, хорватов и словенцев) в независимое буржуазное государство. Носителями этой концепции выступали немногочисленные политические деятели в Хорватии и Воеводине, выражавшие настроения наиболее развитой в социальном и идеологическом отношениях части буржуазии¹⁴.

Югославизм представлял собой политическую концепцию, принципиально отличную от австрославистской доктрины. Он исходил из бескомпромиссного принципа решения национального вопроса в Юго-Восточной Европе путем ликвидации Габсбургской и Османской империй. В национальном аспекте это была антигабсбургская тенденция, аналогичная той, которую представляли венгры, итальянцы и поляки. Однако хорватские и сербские деятели, выступавшие под знаменем югославизма, в сложнейших политических условиях 1848 г. не смогли найти пути, действительно ведущего к свободе и прогрессу, и преодолеть враждебное отношение к революционной Венгрии. В свою очередь этому препятствовала и узкоклассовая позиция венгерского дворянства в национальном вопросе. Антиавстрийская тенденция на новой основе возродилась и развилась в 60—70-е годы XIX в., чтобы при следующем подъеме движения привести к национальному освобождению южных славян.

¹ См. И. И. Лециловская. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу. — «Славяне и Россия». М., 1972.

² М. Костић. О дунавско-савској трговини лађама, лађарима и лађарским цеховима у XVIII и XIX веку до појаве жељезница. — «Историски часопис», књ. IX—X, 1959, 1960, стр. 267.

³ М. Костић. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952, стр. 243 и сл.

⁴ См.: В. Стајић. Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1951, стр. 102; «Историја народа Југославије», књ. 2. Београд, 1960, стр. 1104; Д. Поповић. Срби у Војводини, књ. 3. Нови Сад, 1963, стр. 103, 108, 116, 118.

⁵ «Српски Летопис», ч. 1, 1846, стр. 134.

⁶ См. «Српски Летопис», ч. IV, 1826, стр. IV.

⁷ И. В. Чуркина. Политическая программа Матије Маяра в 1848 году. — «Советское славяноведение», 1969, № 5, стр. 33.

⁸ И. И. Лециловская. Иллиризм. М., 1968, стр. 110 и сл.

⁹ Ф. Цвицер. Словеначки политички препород XIX века у оквиру европске националне проблематике. — «Годишњак Друштва историчара Босне и Херцеговине», год. XVII, 1966, 1967. Сарајево, 1969, стр. 304.

¹⁰ См. С. Гавриловић. Срем у револуцији 1848—1849. Београд, 1963, стр. 81—84.

- ¹¹ *M. Prelog. Slavenska renesansa 1780—1848. Zagreb, 1924, str. 266.*
- ¹² «Novine dalim.-herv. slavonske», 20.IV 1848; «Slavenski Jug», 1.XI 1848, dodatak; *V. Začek. Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbirka dokumentů. Praha, 1958, str. 223.*
- ¹³ «Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849», серија I, књ. 1. Март—јуни 1848. Београд, 1952, стр. 258.
- ¹⁴ См.: «Преписка Илије Гарашанина», књ. I, 1839—1849. Београд, 1950, стр. 165; «Грађа...», стр. 488—491; «Из кorespondенције А. Т. Brlića». «Грађа за повјест књижевности хрватске», књ. 16. Zagreb, 1948, стр. 92; *Lj. Lončar. Из кorespondенције Ивана Филипovića. «Starine», књ. 45. Zagreb, 1955, стр. 414, 421; J. Horvat, J. Pavlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, стр. 78.*

О социальных идеалах
балканской революционной демократии
в период перехода
от феодализма к капитализму

Д. Ф. ПОПЛЫКО

Непреходящий интерес исследователей к революционно-демократическому течению общественно-политической мысли объясняется прежде всего тем, что революционно-демократическая идеология, там где она зарождалась, выражала интересы и чаяния подавляющего большинства населения страны. В последние годы в связи с общим ростом интереса к изучению общественной мысли наблюдается усиление внимания и к революционному демократизму, в том числе на Балканах. Наряду с продолжающимся изучением мировоззрения отдельных его представителей в историографии наметились новые аспекты, отражающие потребность в более широком и глубоком изучении проблемы в целом. Предприняты попытки изучения национальных революционно-демократических течений¹, началась разработка проблемы в сравнительно-историческом плане².

В статье речь пойдет об одном из наиболее сложных и до сих пор до конца не выясненных вопросов — о классовой сущности балканской революционной демократии.

Большая часть народов Балканского полуострова с 40-х до конца 70-х годов XIX в., в период, о котором будет идти речь, стояла перед необходимостью решить задачи буржуазно-демократической революции с той разницей между ними, что одним из них предстояло совершить в полном объеме буржуазно-демократический переворот, другим — завершить революционные преобразования в буржуазном направлении, начатые ранее. Переход от феодализма к капитализму для балканских народов был осложнен национальным бесправием, вековой патриархальностью и

давлением капиталистического Запада. Национальный и аграрный вопросы были наиболее острыми вопросами времени.

Массовое разорение и обнищание крестьян и мелких ремесленников, сопровождавшее процессы разложения феодализма и первоначального накопления капитала и трудовых ресурсов в одних странах и более скорого развития капитализма — в других, стало причиной концентрации в их среде огромного запала революционной энергии, создавшей благоприятную почву для возникновения революционной демократии и обусловившей специфику и политическую направленность революционно-демократической мысли на Балканах. Балканская революционная демократия обладала всеми чертами, характерными для данной идеологии, являлась «идеологией демократической революции, точнее, выражением интересов трудящихся масс в этой революции»³, но имела и свою специфику.

Революционно-демократическая идеология зародилась на Балканах в 40-х годах XIX в. в Валахии и Молдавии. Расцвет революционно-демократической мысли относится к 70-м годам, когда выступила могучая когорта революционеров-демократов Княжества Сербии, Болгарии, Боснийско-Герцеговинского вилайета и Румынии⁴, сыгравших важнейшую роль в национально-освободительном движении своих народов⁵.

В последние десятилетия советская историко-философская школа много сделала в деле изучения истории прогрессивной общественной мысли. Широко известны получившие мировое признание достижения ее в области изучения социалистических идей. Необходимый в изучении истории общественной мысли союз историков, философов и экономистов дает положительные результаты и в исследовании революционного демократизма. То большое внимание, которое уделяется советскими учеными теоретико-методологическим проблемам, дефинициям и критериям, обуславливает возможность и необходимость использования их достижений при изучении типологически сходных явлений во всех странах, в том числе и на Балканах.

Выделяя для рассмотрения главный для революционно-демократического течения вопрос — о социально-экономическом положении широких народных масс, следует еще раз подчеркнуть, что революционная демократия на Балканах, как и в других странах, выступала выразительницей интересов не только крестьянства, но и других слоев трудящихся масс. Понятие «трудящиеся массы» не исчерпывается понятием «крестьянство». В период перехода от феодализма к капитализму в него входили и ремесленники, и формирующийся пролетариат⁶.

Революционная демократия, в том числе и на Балканах, была далеко не однородной. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить выдвинутые ее представителями социальные программы. Так, Н. Балческу выступил с требованиями уничтожения феодальной зависимости (в первую очередь барщины)⁷ и ликвидации ни-

щеты народа путем реорганизации собственности, которую он считал «основой общества», его «благополучия и счастья». Свою программу он формулировал следующим образом: «Демократизация государства посредством введения равенства, наделения крестьян землей и уравнивания капиталов с помощью организации государственных кредитных учреждений»⁸. Основными, им провозглашенными принципами были равноправие и трудовое начало. Смысл предлагаемых им преобразований сводился к тому, чтобы совершить не только демократическую, но и социальную революцию, уничтожить феодальные отношения и превратить крестьянина-труженика в свободного собственника земли и капитала⁹. Он писал: «Обеспечить всем все необходимое полной свободой труда и дать каждому возможность приобретать производственный капитал, который был бы в то же время и орудием труда, — вот средство предотвращения слишком большого неравенства богатств и эксплуатации человека человеком»¹⁰. «...Только наделением крестьян землей можем мы обеспечить свободу крестьянства»¹¹. В качестве предупреждающей меры против «возможной новой экспроприации» Бэлческу считал достаточным, если «закон организует общину, не позволяя крестьянину продавать свою землю кому-то иному, кроме общины». «Такой закон, — писал он, — существует еще у нас в некоторых деревнях и городах, а также в России и Болгарии»¹². Община будет сама продавать землю по справедливой цене. Если же у нее таковой не окажется, то государство выделит ее из национальных владений. Известно, что Бэлческу и его сторонники при подготовке революции настойчиво стремились заставить Революционный комитет (Исполнительную комиссию) принять за минимум при наделении землей крестьян достаточно большие участки¹³. Земельный вопрос решался ими в сочетании с целым рядом других мер по улучшению материального положения народа (налоги и др.)¹⁴.

Выступивший почти через тридцать лет новый отряд румынских революционных демократов центральным пунктом своей программы поставил уничтожение сохранившихся остатков феодализма, предложив на новой основе свое решение крестьянско-аграрного вопроса. Н. Зубку-Кудряну последовательно проводил мысль о том, что свободы без материального обеспечения являются фикцией, для неимущего крестьянина право аренды равносильно лишь праву свободно умирать¹⁵. Так же как Бэлческу, он выступал против эксплуатации человеческого труда в любых формах. Он теоретически обосновывал необходимость полной ломки существующих порядков и коренного переустройства всей общественной жизни с позиций социализма¹⁶.

Св. Маркович, являясь убежденным социалистом, пытался найти способ преобразовать мелкое частнособственническое хозяйство, преобладающее в Сербии, в хозяйство с коллективной собственностью. Он стоял на позициях общинного социализма и решение социального вопроса видел в кооперативном движении,

считая, что кооперация может стать основной экономической единицей¹⁷. Для практического осуществления своих целей Св. Маркович создал несколько программ. В первой же им был провозглашен в качестве основного трудовой принцип¹⁸. В следующей программе вопрос о материальном положении народа занял большее место, но требования ограничивались отменой цехов и введением окружных сберегательных касс для земледельцев и ремесленников¹⁹. И только в последней программе 1873 г. социальная тема была раскрыта более полно. В основе всей программы лежало требование полного уничтожения существующей системы управления²⁰. В трех пунктах (8, 9 и 10) говорилось: «...уничтожить весь долг, лежащий на земле земледельческого класса», путем, выгодным для масс; «землю может иметь только тот, кто ее сам обрабатывает; вся земля, принадлежащая неземледельцам, принадлежит общине, в которой она находится, это узаконяется народной скупщиной»; «чтобы уберечь сербский народ от пролетаризации, необходимо, чтобы вся земля из частной собственности перешла в общинную, как это можно выполнить и в течение какого времени — подлежит изучению».

Выработке социальной программы много внимания уделял В. Пелагич. На протяжении 70-х годов он четырежды изменял свои проекты²¹. Существо его программных требований, наиболее полно выраженных в проекте 1877 г.²², сводится к следующему: уничтожить спахилуки (поместья феодалов) и аренду (откупа) и всю землю вместе с лесами справедливо разделить среди народа и общин; землю дать только тому, кто ее сам обрабатывает; при распределении ее провести справедливый и равноправный принцип (п. 1); освободить народ на 10 лет от уплаты каких бы то ни было налогов для того, чтобы он мог оправиться от турецкого ига (п. 2); принять закон, по которому никому, никогда, ни за какие долги не может быть продан земельный участок в 10 дней пахоты, приусадебная земля, минимум скота и домашняя утварь (п. 3); уничтожить всякую монополию, разрешить свободную торговлю всеми товарами и для всех без каких-либо на это налогов (п. 18).

После восстания 1875—1878 гг., анализируя его уроки с позиций социализма, Пелагич пришел к выводу, что уничтожить эксплуатацию народа вообще, установить экономическое равенство может только социализм и только путем ликвидации главного источника всех общественных зол — всякой частной собственности²³. После такого вывода последовали предложения сделать все фабрики и орудия труда и все земли с постройками на них коллективной собственностью общин рабочих и земледельцев, где труд будет главным мерилom человеческих отношений и доходов. Община в представлениях Пелагича была равнозначна коммуне, в которой осуществлена равная обязанность на труд и равные права на потребление²⁴.

Болгарские революционеры-демократы не формулировали спе-

диальной социальной программы. Социальные преобразования входили у них в качестве необходимой составной части в задачу полного уничтожения османского ига и кардинального преобразования строя в интересах трудящихся масс. Но все-таки между Левским и Ботевым существуют различия. В. Левский целью «коренного преобразования нынешней государственной деспотически-тиранической системы» считал установление «согласия, братства и совершенного равенства»²⁵; имея в виду, что таким путем решатся все проблемы экономически угнетенного и разоряемого крестьянства, шедшего за ним на вооруженную борьбу²⁶. Его идеалом было устройство государства на основе «частной трудовой собственности»²⁷.

Хр. Ботев полагал, что все экономические вопросы болгарских крестьян и ремесленников решит социализм, основой которого он некоторое время считал общину и цех. Разочаровавшись в них при более детальном рассмотрении, Ботев пришел к выводу, близкому к точке зрения Левского о роли народного государства, которому только будет под силу решить все социальные вопросы в пользу трудящихся. «Братский труд, свобода и равенство» при «общем владении всеми имуществами... исцелит все недуги общества» и спасет от гибели «пролетариев»²⁸.

Даже при столь беглом обзоре взглядов революционных демократов разных балканских стран на решение социального вопроса бросается в глаза, что общим для них является стремление обосновать необходимость установления строя социальной справедливости, который бы не только решил в интересах трудящихся основной вопрос дня, но и застраховал их от нищеты и разорения в будущем. Однако справедливый строй они представляли себе по-разному. Социально-экономический идеал их, точнее, тип социального идеала, был далеко не одинаков.

Он-то и является критерием для определения классовой сущности идеологии, поскольку в нем заключена цель политической борьбы, а именно: ликвидировать или оправдать тот или иной тип собственности на средства производства²⁹. Известно, что история человечества знает три типа социального идеала: 1) неограниченная частная собственность (крупная), 2) мелкая частная собственность, основанная на личном труде и уравнительном распределении, и 3) ликвидация всякой частной собственности, организация труда и потребления на базе общественной собственности на средства и продукты производства.

Балканская революционная демократия, как всякая идеология угнетенных, довольно откровенно выражала свой социальный идеал. Причину эксплуатации народа представители ее видели прежде всего в имущественном неравенстве и поэтому выступали против крупной частной собственности. Все они были единодушны в борьбе против феодалов, но они существенно различались по своим представлениям о том, чем заменить уничтоженную крупную феодальную собственность. Одни из них (Н. Балческу, В. Лев-

ский, В. Пелагич в 70-е годы) выступали за мелкую частную собственность, другие (Св. Маркович, Н. Зубку-Кодряну, Хр. Ботев, В. Пелагич в конце 70-х — начале 80-х гг.) — за общественную. Первые были революционными эгалитаристами³⁰, вторые — революционными социалистами³¹. В классовом отношении это два совершенно различных типа революционной демократии. Первый представлял собой идеологию мелкого производителя (крестьян, ремесленников, мелкой буржуазии вообще)³², второй — идеологию неимущих, предпролетариата³³. Они олицетворяют два разных равенства, две разные свободы и две разные утопии³⁴. Нереально существование царства мелких хозяйчиков, но социальный идеал социализма мог быть осуществлен в будущем. Эгалитаризм никогда не принимал социалистического идеала³⁵. Именно об этом «социализме» В. И. Ленин писал, что в нем «нет ни грана социализма»³⁶.

Противоположность классовой сущности двух типов революционной демократии на Балканах может быть ярко продемонстрирована на примере Н. Балческу, посвятившего социальному вопросу несколько исследований³⁷. Обосновывая свою позицию, он в XXIII разделе работы «Социальная реформа у румын» выразил суть своей концепции. Он писал: «Как можно говорить о пользе введения в какой бы то ни было стране системы крупного или мелкого землевладения теперь, когда тысячи могучих голосов предадут анафеме собственность, разоблачая преступления, нищету и опустошения, которыми она наполнила мир? Но если злоупотребление принципом произвело действия... то должны ли мы прийти к выводу, что нужно уничтожить этот принцип, провозгласить отмену собственности? Нет, так как собственность создала сельское хозяйство, торговлю, промышленность, общество и все чудеса цивилизации. Нас не устрашат ни вопли невежественных бояр, экономические познания которых сводятся исключительно к эксплуатации человеческого тела, ни вопли мечтателей, оспаривающих этот принцип³⁸... мы преследуем не отмену, а создание собственности, мы хотим не потрясти ее, а, наоборот, установить и укрепить. Так, признав право собственности как уже установившееся, незыблемое общественное явление, подверженное изменениям по мере развития общества, мы признаем индивидуальное наделение земель как нравственную, политическую и экономическую необходимость. Мы думаем, что общественное зло — чрезмерное неравенство в распределении благ — происходит не из принципа собственности, но от плохих законов, ею управляющих»³⁹. Балческу считал, что не наделить крестьянина землей — это значит объявить крестьянина пролетарием, имеющим право умирать от голода или подчиняться условиям хозяев⁴⁰.

Различные по своей классовой основе, эти два типа революционного демократизма имеют и прямо противоположные тенденции. Известно положение классиков марксизма о том, что проти-

воречивое по своей классовой природе крестьянство выступает против эксплуататорского характера крупной частной собственности, но само не может не стремиться к собственности. В своем представлении о справедливости оно не может подняться выше идеи равенства⁴¹. Революционный эгалитаризм, отражая существо крестьянских чаяний, не выходит за рамки допустимого при буржуазно-демократическом строе. Социализм же — это «принцип, выходящий за пределы существующей (т. е. буржуазной. — Д. П.) политики», как писал Ф. Энгельс, доказывая, что «простая демократия не способна исцелить социальные недуги»⁴², здесь, по его мнению, нужна «идея нового мирового порядка»⁴³. К. Маркс и Ф. Энгельс считали предпролетариат более или менее развитым предшественником современного им пролетариата⁴⁴.

Переход из одной формы революционной демократии в другую возможен, но только при оставлении позиции одного социального слоя и принятии позиции другого⁴⁵. Примером может служить В. Пелагич, который на рубеже 70—80-х гг. логикой классовой борьбы и своей последовательно революционной позицией был вынужден совершить такой шаг. Сравнение его социальных программ, приведенных выше, показывает, что с выдвиганием второй он совершенно отказался от первой.

Разная классовая природа революционного демократизма на Балканах, как и всюду, объясняется неоднородностью классовой структуры трудящихся масс в эпоху буржуазно-демократических революций. В период первоначального накопления капитала существуют два противоположных процесса. Наряду с сохранением и ростом мелкого производителя происходит усиление его эксплуатации, массовая пауперизация и экспроприация. Процесс пролетаризации принимает все более широкие размеры, растут массы городского и сельского предпролетариата, людей, оторванных или полуоторванных от средств производства.

Соответственно этим двум процессам на Балканах, как и везде, революционно-демократическая идеология развивалась по двум направлениям. Низшим типом ее были эгалитаризм, высшим — социализм⁴⁶.

Каждый соответствовал определенному экономическому уровню и определенной социальной среде. Каждый был исторически обусловлен и прогрессивен для своих условий. Кроме того, они выступали против одного и того же врага в общем демократическом движении, отстаивая революционный путь освобождения народов от пут феодализма. Для своего времени это было самое прогрессивное на Балканах течение общественной мысли, которое сыграло большую роль в развитии революционного движения, значительно углубляя национально-освободительное движение в целом. Историческое место этого идеологического течения столь велико, что с его появлением происходила переоценка всех политических сил в каждой из балканских стран.

Именно революционные демократы-социалисты явились идейными предшественниками революционной социал-демократии. Социализм революционно-демократического этапа оказался в конечном счете более реальным в своей антифеодальной и даже антикапиталистической направленности, чем буржуазный радикализм и революционный эгалитаризм, которые, несмотря на кажущуюся реальность, оказались по сути дела более утопичными направлениями общественной мысли и не имели будущего. При изучении балканской революционной демократии как одного из отрядов международной революционной демократии также следует подходить к ней, как к исторической реальности, и для определения ее классовой сущности надо исследовать ту социальную среду, в которой, при ряде других благоприятных условий, она возникла, интересы и чаяния которой выражала.

- ¹ См., например: *Л. Г. Запорожан*. Революционный демократизм Молдавии, ² Валахии и Баната и период революции 1848 г. Кишинев, 1970.
- См.: *М. Бычаров, Д. Павлов*. Философские основы революционно-демократической идеологии в южнославянских странах. — «Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes, IV. Histoire (XVIII-e—XIX-e ss.)». Sofia, 1969, p. 215—227.
- ³ Формулировка выработана советскими философами (см. «Сборник научных работ кафедры философии и политической экономии Коммунарского горно-металлургического института». Луганск, 1969, стр. 183).
- ⁴ В статье опущена Греция ввиду неизученности вопроса о революционно-демократическом развитии общественной мысли в этой стране.
- ⁵ У одних народов с конца 60-х и в течение всех 70-х годов (Сербия, Болгария), у других — в продолжение второй половины 70-х годов. (Румыния, Босния и Герцеговина).
- ⁶ См.: *А. В. Носов*. Ленинский принцип классового анализа в изучении социальной природы утопического коммунизма и революционного демократизма. — «Сборник научных работ...», стр. 183—184.
- ⁷ *N. Bălcescu*. Opere, vol. IV. București, 1964, p. 89.
- ⁸ См.: «Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв.». М., 1961, стр. 185; *N. Bălcescu*. Opere, vol. I. București, 1953, p. 310.
- ⁹ «Сборник научных работ...», стр. 185—186, 188—189, 199—200, 203—204, 211—214 и др.; *N. Bălcescu*. Opere, vol. I, p. 275—278, 282—283, 310, 312 и др.; *Л. Б. Штейнман*. Общественно-политические и социальные взгляды румынского революционера-демократа Н. Бэлческу. М., 1962.
- ¹⁰ «Передовые румынские мыслители...», стр. 203; *N. Bălcescu*. Opere, vol. I. p. 277.
- ¹¹ «Передовые румынские мыслители...», стр. 212; *N. Bălcescu*. Opere, vol. I. p. 282—283.
- ¹² «Передовые румынские мыслители...», стр. 212.
- ¹³ Не менее 9 погонов (1 погон — 5012 кв. м) (см.: *Дан Бериндей*. Николае Бэлческу. Бухарест, 1966, стр. 35).
- ¹⁴ Там же, стр. 36.
- ¹⁵ См.: «Передовые румынские мыслители...», стр. 534.
- ¹⁶ См.: *Н. Зубку-Кудряну*. О государстве, собственности и семье. — «Передовые румынские мыслители...», стр. 527—540.
- ¹⁷ См.: *В. Г. Карасев*. Вступит. статья в кн.: *Светозар Маркович*. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 26; *Мирияна Йованович*. Икономическите възгледи на Светозар Маркович. — «Научни трудове. Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП, отдел История», № 47. София, 1971, стр. 187—190, 195—196, 199—200; *Светозар Маркович*. Избранные сочинения, стр. 160, 831 и др.

- ¹⁸ Там же, стр. 784.
- ¹⁹ Там же, стр. 787.
- ²⁰ Там же, стр. 789—790.
- ²¹ В 1873, 1874, 1876 и 1877 г.
- ²² См.: В. Пелагий. Историја босанско-херцеговачке буне. Београд, 1882, стр. 97—98.
- ²³ Там же, стр. XX, XXVI, 15, 219 и др.
- ²⁴ См.: В. Пелагий. Историја босанско-херцеговачке буне, стр. 218—221.
- ²⁵ «Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1959, стр. 256—257. Лозунг В. Левского «свобода и каждому свое» был по существу лозунгом Л. Каравелова, которым последний заменил лозунг Левского «святая и чистая республика». Левский принял замену в качестве компромисса во имя совместной борьбы против национального гнета, предполагая «вторую революцию против всякой эксплуатации» (см.: Л. Воробьев. Предисловие к кн.: «Избранные произведения...», стр. 39—40).
- ²⁶ Из допроса В. Левского 9 января 1873 г. — «Избранные произведения...», стр. 298.
- ²⁷ См.: К. Горев. Икономическите възгледи на Христо Ботев. София, 1968, стр. 283; «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 271.
- ²⁸ «Символ веры Болгарской коммуны». — «Избранные произведения...», стр. 307. См. также: Х. Ботев. Народ вчера, сегодня и завтра. — «Избранные произведения...», стр. 310—316.
- ²⁹ См.: А. В. Носов. Указ. соч., стр. 23—24, 31, 33, 35.
- ³⁰ Термин был предложен В. П. Волгиным.
- ³¹ В отличие от реформистов того и другого типа.
- ³² Не случайны сходные черты в мировоззрении Н. Бэлческу и В. Пелагича. Даже согласие на выкуп земли встречается у того и другого, являясь компромиссом, уступкой либерализму во имя достижения общих с буржуазией целей в национально-освободительной борьбе. Однако удельный вес и тенденции развития вопроса о выкупе в программе каждого из них разные. У Бэлческу выкуп появился в программе как тактический ход во время революции 1848 г. и утвердился в результате осмысления опыта и итогов революции в ряде европейских стран. У Пелагича выкуп как один из возможных путей уничтожения феодальных отношений появился в 1873 г. и исчез в 1877 г. как результат осмысления революционной борьбы крестьян в восстании (см. Излазская прокламация 9(21) июня 1848 г. Цит. по кн.: Н. Попеску-Доряну. Революция 1848 г. в Румынии и Николай Бэлческу. М., 1950, стр. 158).
- Видимо, эгалитаризм заключал в себе возможность компромисса с национальной революционной буржуазией даже в принципиальных вопросах. Объяснение этого явления следует искать в единой, частнособственнической основе взглядов. Социалисты же не поступались своими принципами, хотя временный союз с буржуазией допускали в национальном вопросе.
- ³³ В полном соответствии с таким пониманием находятся оценки мировоззрения Марковича (см.: В. Г. Карасев. Указ. соч., стр. 38 и М. Йовинович. Указ. соч., стр. 200, 204) и Бэлческу («Передовые румынские мыслители...», стр. 177—178).
- ³⁴ См.: А. В. Носов. Указ. соч., стр. 214—218.
- ³⁵ Ярким примером на Балканах является В. Пелагич: несмотря на то что он в 1874 г. примкнул к социалистам и считал себя таковым, он оставался эгалитаристом.
- ³⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.
- ³⁷ «О социальном положении крестьян в Румынских княжествах» (1846), «О наделении крестьян землей» (1848), «Социальная реформа у румын» (1851).
- ³⁸ Правы те исследователи, которые считают, что Бэлческу был знаком с идеями социализма, но не принял их (см.: Л. Б. Штейнман. Указ. соч., стр. 16).

³⁹ «Передовые румынские мыслители», стр. 202—203; о противопоставлении путей развития Западной Европы и Румынии см.: Там же, стр. 205.

⁴⁰ См.: Там же, стр. 215—216.

⁴¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 523.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 642.

⁴³ Там же, т. 2, стр. 132.

⁴⁴ Там же, т. 20, стр. 18.

⁴⁵ А. В. Носов. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁶ Высший тип глубже и полнее осмыслил и выразил интересы народных масс, точнее указывал перспективу развития страны. Это был последовательный и боевой демократизм, базирующийся в XIX в. на прогрессивной философии (атеизм, материализм), несмотря на то что был далек от марксизма.

Генезис революционного социализма на Балканах и российское революционное движение (о существовании на Нижнем Дунае секции Первого Интернационала)

В. Я. ГРОСУЛ

Одной из коренных проблем общевалканского характера является история рабочего и социалистического движения, к целостному исследованию которой уже обратились специалисты-балкановеды ¹.

На Балканах о революционном социализме можно говорить лишь со второй половины 60-х гг. XIX в. Пропаганду идей революционного социализма совершенно справедливо связывают с именами Св. Марковича, Хр. Ботева и др. Однако точно не выяснено, с какого времени и в связи с чем можно говорить об общевалканском генезисе революционного социализма и с какими конкретными внутренними и внешними факторами он связан. Мы обращаемся к одному из важных моментов проблемы, который дебатировался в современной литературе, — к существованию в начале 70-х гг. XIX в. в Юго-Восточной Европе секции Первого Интернационала и попытаемся выделить, соответствует ли данная точка зрения действительности и, если подобная секция существовала, в какой степени она была связана с русскими революционерами.

В румынской литературе в последнее время писалось, что еще в 1871 г. румынские газеты публиковали материалы о создании секции Интернационала в Бухаресте и что осенью того же года правительство Ласкара Катаржи разослало специальный циркуляр, где предписывалось местным властям разыскать эту секцию, местоположение которой правительству известно не было ².

Примерно в то же время историки обратили внимание на выступление румынского делегата Мани на I Парижском конгрессе Второго Интернационала в 1889 г., где он отметил, что румынское социалистическое движение насчитывает 18 лет и что опыт Парижской коммуны оказал на это решающее влияние. Центром движения, по словам Мани, были Яссы. Первыми распространителями социалистических идей стали студенты. Эти домарксистские социалистические кружки пользовались поддержкой в среде интеллигенции³.

Эти оба сообщения, которые в определенной степени дополняют друг друга, весьма интересны, но пока еще не получили своего подтверждения. Вместе с тем некоторые материалы, имеющиеся в Советском Союзе, позволяют пойти по пути дальнейшего выяснения этой проблемы.

В 1959 г. советский историк И. Г. Будаков опубликовал выдержку из донесения царского агента, где сообщалось, что «профессор перворазрядного училища в Яссах, некто Кошуля, ныне находящийся в отставке, уже более пяти лет состоял действительным членом революционного комитета, называемого интернациональным, владея хорошо русским языком, ведет частую переписку с Кишиновом и совершает туда поездки»⁴. Точная дата происхождения документа не указывалась, но, поскольку давалась ссылка на дело 1874 г., то и документ тоже, по-видимому, относился к этому времени. Получалось в таком случае, что революционный ясский интернациональный кружок существовал еще пять лет назад, в 1869 г., и имел связь с Россией, с Бессарабией. Сведения, заключенные в данном документе, столь интересны, что И. Г. Будаков не случайно поместил его полностью в подготовленном им сборнике документов. Время составления документа — 21 марта 1874 г., его автор — Нестор Третер де Любомир, адресат — управляющий III отделением А. Л. Потапов⁵. В том же сборнике был помещен еще один документ, имеющий прямое отношение к предыдущему, он датируется 2 апреля и опять-таки был послан в III отделение тем же агентом из Ясс. В нем еще раз подтверждается существование румынского комитета, называемого интернациональным, указывается фамилия одного из его членов, жителя Ботошанского уезда Эдуарда Гергели, и то, что «комитет этот находится в непрерывных сношениях с подобными комитетами России»⁶.

Приведенными двумя документами информация об этом обществе не исчерпывается. В архиве русского консульства в Яссах нам удалось обнаружить дополнительные сведения о нем, с одной стороны, расширяющие представления о яском тайном кружке, с другой — ставящие под сомнение характер его деятельности.

В апреле месяце 1874 г. русский консул в Яссах А. Якобсон доносил МИД России о существовании в Яссах общества Интернационала, включавшего в свой состав преподавателей и ад-

вокатов. Общество, по его сведениям, являлось филиалом общерумынского, центр которого находился в Бухаресте. Члены общества ставили перед собой задачу радикального изменения социального строя, свержение князя Карла и провозглашение республики. Члены ясского отдела общества настаивали также на разделении княжеств, и в этом отношении их программа встречала противодействие со стороны бухарестских конспираторов ⁷. Консул сообщил также, что он обратил внимание на деятельность общества ясского префекта, но тот не принял никаких мер, и посылку подобные же сведения переданы и генеральному консулу в Бухаресте, то он (Якобсон) надеется на возбуждение данного вопроса перед румынским правительством ⁸.

Донесение консула Якобсона строилось не только на информации, полученной от Третьера де Любомира, австрийского подданного, проживавшего в Яссах ⁹, но, как он сам писал, было построено на разных источниках, «в достоверность коих можно ручаться» ¹⁰. 14 марта 1874 г. Якобсон послал своему непосредственному начальнику, консулу в Бухаресте И. А. Зиновьеву, донесение, где привел ряд имен членов не только ясского общества, но и некоторых других отделений общерумынской конспиративной организации. Среди них упоминается ректор Ясского университета Микле, профессор университета Мелик (он же директор ясского академического пансиона), Сучу, Византий Кара Яни, Леонардеско; преподаватели других учебных заведений — Фиорентин Поп и Палади; адвокаты Александр и Георгиу (бывший депутат) и доктор Гульяно. Соповещения их происходили у Мелика и адвоката Георгиу, а связь с Бухарестом осуществлялась через Геджеу, выходца из Бессарабии. В Бухаресте членом организации являлся Лауриан, в Крайове — издатель газеты «Олтул», а корреспондентом в Вене — Славич. В состав организации входил также Н. Ионеско и жители ряда городов Молдовы, среди которых консул смог назвать только жителя Ботошан — Эдуарда Гергели. Затем консул добавляет, что раньше существовало два разных общества — «Возрождение Румынии» и «Интернационал», но Когэлничану настоял на создании одной организации — интернациональной ¹¹.

Не все из упомянутых лиц нам известны по литературе, однако деятельность большинства из них можно быстро удостоверить, хотя консул и не всегда точно указывает их фамилии. Крупными деятелями культуры были литераторы Флорентин Поп, А. Лауриан (участник революции 1848 г.), И. Славич (он действительно учился в Вене). Бессарабец Геджеу — это не кто иной как Б. П. Хашдеу, выдающийся ученый и писатель, а Когэлничану (видимо, М. Когэлничану) — крупный политический деятель, известный писатель и историк. Хорошо известен ректор Ясского университета химик Ш. Микле, а также его жена — поэтесса Вероника Микле.

Если в целом, исходя из его состава, определить направление

общества, то оно, нам думается, скорее напоминает масонскую ложу республиканского направления. Но полностью исключить возможность вхождения в состав общества революционеров, поддерживающих идеи Интернационала, мы, однако, не можем, ибо те материалы, которые в настоящее время находятся в распоряжении исследователей, еще не дают полного представления ни о членах общества, ни об его программе¹². А вместе с тем имеется ряд свидетельств о существовании в начале 70-х гг. в Румынии какой-то интернациональной организации.

Так, существуют весьма любопытные показания некоего Пилецкого (он же Лазарев и Васильев), долгие годы прожившего в различных районах Нижнего Дуная. На грани 60—70-х годов Пилецкий находился в Южной Бессарабии, временно входившей в состав Румынии, и сталкивался в этом районе со многими эмигрантами из России. Он называет фамилии Зеляско, Егорского, Константиновича, Здановича, Зибайло, которые, живя в Молдове, подготавливают покушение на русского императора и собирают для этого деньги. Мысль об этом покушении им якобы подали Огарев и Нечаев, «которые довольно часто приезжают в Молдавию, в особенности в последнее время»¹³. Революционные их собрания бывают в Фокшанах, но Пилецкий видел Нечаева и в Галаце, у русской эмигрантки Елены Помернацкой, у которой происходят сходки революционеров. Самому Пилецкому Нечаев и Огарев (фамилия эта несомненно вымышленная) предлагали вступить в их общество, а Огарев несколько раз говорил о намечающихся в ближайшее время в России больших революционных событиях, где «повторится то, что недавно происходило в Париже» (т. е. Парижская коммуна. — *В. Г.*). Далее в этом документе сообщаются следующие весьма интересные сведения: «Около Нечаева и Огарева составилась в Молдавии кружок крайних революционеров, из которых Лазарев называет: болгарина Петкова, молдавского военного доктора Бесерева, молдавского майора Косинского, русского эмигранта доктора Тхужевского, грузина майора Суд-бей и других; все эти лица крайне республиканских идей, чрезвычайно озлоблены против России и находятся в совершенном подчинении у Огарева и Нечаева»¹⁴.

Данная выдержка представляет большой интерес, ибо болгарин Петков, названный первым в этом списке сотрудников Нечаева, был не кто иной, как Христо Ботев, о котором Пилецкий в другом месте говорит, что «вообще он коммунистического направления»¹⁵. Далее Пилецкий рассказал о своем знакомстве с молдавским студентом, болгаринном Николаем Етерским, желавшим вступить в масонскую ложу, о частых поездках так называемого Огарева в Россию, например в Одессу, в Москву и другие города. Сам Пилецкий, как он признавал, принадлежал в Измаиле к прозелитской масонской ложе, но наряду с ней было также общество республиканских масонов, ложа которого помещалась в доме Андрея Паскаловича, прежде, как и его жена, бывшая ак-

триса Кишиневского театра, являвшегося подданным России. Он часто бывает в Одессе, Кишиневе, а также в м. Табаки, на тогдашней русско-румынской границе, знает лично русского консула в Измаиле Романенко, а также Огарева, Нечаева и им подобных ¹⁶.

Таковы показания Пилецкого, сразу же обратившие внимание III отделения. Поскольку в них упоминался русский консул в Измаиле Романенко, то царские власти немедленно связались с ним по дипломатическим каналам и потребовали доставки соответствующих сведений. 24 сентября 1871 г. Романенко направляет донесение русскому послу в Константинополе, где признает, что «Измаил сделался в последнее время местом, куда стекаются разные наши выходцы, затевающие какие-то враждебные против России происки». Это признание несколько противоречило выводу донесения, где указывалось, что перебежчики с политическими целями в районе Измаила бывают весьма редко и при негустоте местного населения за ними легко следить ¹⁷. Романенко действительно знал Пилецкого под именем С. Г. Васильева, знал Романенко и о Паскаловиче, настоящая фамилия которого П. А. Пасхалов, но об участии в революционном движении как его, так и жены, актрисы польского происхождения, Романенко ничего сказать не мог. Донесение Романенко, таким образом, частично подтвердило показание Пилецкого, но посла Игнатьева оно не удовлетворило. 9 ноября он пишет консулу в Румынии Оффенбергу: «До меня неоднократно доходили слухи, что в отошедшей от России части Бессарабии нередко появляются русские выходцы, пребывание которых поблизости от русской границы представляет неудобства ввиду неблагонамеренности направления большинства эмигрантов» ¹⁸. Игнатьев специально вызывает Романенко в Стамбул, где он подтвердил вышеуказанные слухи о частом появлении в Южной Бессарабии «подозрительных личностей», но ничего конкретного сообщить не мог.

Тем временем обширное донесение составляет консул России в Галаце, отправивший его 19 декабря 1871 г. ¹⁹ Он замечает, что о многих из поименованных в записке личностях он слышал, а с чиновником Паскаловичем, аптекарем Зибайло и учителем Константиновичем лично знаком. За исключением Паскаловича все они принадлежат к польской эмиграции и враждебно относятся к России, но какой-то особой опасности не представляют, хотя могут быть орудием в руках других. Если даже допустить их связь с Нечаевым и Огаревым, то и в этом случае их посредничество будет весьма слабым. Эмигрантки Елены Помернацкой в Галаце ему обнаружить не удалось, но зато его внимание привлекла одна полька, проживавшая в этом городе еще со времени восстания 1863 г., жена столяра — немца Якуба Руперталя. Эта полька известна как ярая патриотка, превратившая свой дом в центр революционных сходов, за что польские эмигранты и прозвали ее «польской консулевой». Однако в последнее время деятельность ее несколько ослабла, да и вообще, по данным кон-

сула, «с окончанием последней войны (т. е. франко-прусской. — В. Г.) польские интриги во многом потеряли свое значение». Консул обращает внимание на новое явление в деятельности польской эмиграции, ее сотрудничество с Интернационалом и что эта эмиграция «рассчитывает помощь социалистических идей произвести какой-либо переворот»²⁰. Свою агитацию члены общества проводят преимущественно среди простого народа и, как заметил один из польских эмигрантов, «нигде... идеи социалистические не принимаются с такой быстротою, как в России». Поэтому поляки стремятся еще больше распространить влияние Интернационала в этой стране, не упуская из виду и старообрядцев, из среды которых набирают эмиссаров для пропаганды среди своих единоверцев²¹.

Значительное проникновение идей Интернационала в среду польской эмиграции на Балканах на грани 60—70-х гг. известно и по другим источникам²². Оно способствовало еще большему сотрудничеству польских и русских революционеров, и в частности между Нечаевым и его сторонниками и поляками, проживавшими на Нижнем Дунае. Донесение консула в Галаце также в некоторой степени подтвердило показания Пилецкого и, главное, не опровергло их.

Понятно, что данные Пилецкого требуют тщательного изучения, но в целом они заслуживают всяческого внимания. Кроме указания на связи Нечаева и его загадочного товарища с Ботевым, они дают совершенно новые сведения об их контактах с польскими эмигрантами, видимо ориентировавшимися на Интернационал, они также заставляют задуматься о возможности существования здесь польско-болгарской организации, связанной с русскими революционерами и, предположительно, с южными, например одесскими, революционными кружками и Бессарабией. Примечательно также то, что данные Пилецкого и донесения Третера де Любомира при всех их частных отличиях совпадают в главном, в том, что в районах Нижнего Дуная в начале 70-х гг. действовала какая-то революционная интернациональная организация. Об этом же говорят и некоторые сведения, давно опубликованные в литературе, но не отличающиеся достаточной ясностью.

19(31) марта 1871 г., в те дни, когда мировая общественность была привлечена событиями Парижской коммуны, русский посланник в Берне Н. К. Гирс посылает из Женевы А. М. Горчакову любопытное донесение, где среди прочего писалось: «...несмотря на предстоящее собрание Интернационала, многие влиятельные члены этой ассоциации только что покинули Женеву, чтобы отправиться в придунайские области. Этот отъезд, о котором я узнал из верного источника во время моего недавнего пребывания в Берне, очевидно, имеет причиной революционную агитацию, обозначившуюся в данный момент в Румынии. Я жалею, что не собрал более точных сведений об этих эмиссарах, которые как будто принадлежат почти все к польской национальности»²³.

Под «революционной агитацией» в Румынии, без сомнения, следует понимать антидинастические выступления, имевшие место в этой стране как раз в указанное время. К. Маркс придавал им серьезное значение²⁴, но нигде не указывается, чтобы кто-нибудь из сторонников К. Маркса по Интернационалу выезжал в то время в Румынию. В комментариях к донесению Гирса под эмиссарами, выехавшими в Румынию, предполагаются сторонники Бакунина из его «Альянса»²⁵, но ни в одной биографии Бакунина, ни в опубликованных материалах, имеющих отношение к «Альянсу», нам не удалось найти упоминаний об этих эмиссарах. Между тем донесение Гирса заслуживает всяческого внимания.

В литературе уже комментировались воспоминания В. Попова, друга Х. Ботева, с которым они вместе послали приветственную телеграмму Парижской коммуне. В. Попов рассказывал о создании «коммунистических бюро» в различных румынских городах в начале 70-х гг. Биограф Ботева К. Н. Державин не исключает некоторого преувеличения в данных В. Попова, но свидетельства его «об организации коммунистического комитета в Галаце весной 1871 года, несомненно, точны и правильны, хотя в распоряжении биографов Ботева и нет подробных данных о его составе, формах работы и продолжительности существования»²⁶. Это заключение К. Н. Державина, допускавшего вхождение в «комитет», кроме болгар, также румынских и русских революционеров²⁷. Оно было сделано только на основе воспоминаний В. Попова, но, как мы могли заметить, рассказ его является лишь одним из свидетельств в целой серии материалов, говорящих во многом об одном и том же. Донесение Третера де Любомира, заключение К. Н. Державина и показания Пилецкого свидетельствуют о вхождении в состав этого общества русских революционеров. Косвенно об этом свидетельствовал и Гирс, ибо, говоря об эмиссарах по преимуществу польского происхождения, он мог подразумевать и русских революционеров, связанных с поляками. Среди них мог быть и Тиханов (Цехановский), действительно живший на Балканах русский революционер, имевший контакт с польским движением и некогда привлекавшийся по делу нечаевцев, и сам Нечаев²⁸, очередное прибытие которого на Нижний Дунай относится примерно к этому времени. Не исключаются также и многие другие русские революционеры.

Имеются, например, агентурные сведения о поездке в Румынию в 1871 г. Н. Озмидова, Цехановского (Тиханова) и Нахимовой, племянницы знаменитого адмирала²⁹. Их приезд в эту страну нас особенно заинтересовал, поскольку в советской литературе уже имелись указания на связь Озмидова с Интернационалом³⁰. Действительно, 15 июля 1871 г. цюрихский агент писал о вступлении в Интернационал двух русских — Озмидова и Мордвинова. Мордвинов, как там писалось, часто разъезжает по Швейцарии и особенно часто навещает Женеву. Он называется большим другом Утиана, а также Беккера и бывшего члена Парижской коммуны Шоме³¹.

Озмидов, по этим же данным, был вовлечен в Интернационал польскими эмигрантами и немцем Грейлихом³². В этом же донесении агент пишет и о прибытии из Дрездена девицы Нахимовой, которая придерживается «весьма либеральных идей», сближается с социалистами, стремящимися «перетянуть ее на свою сторону», и уже присутствовала на двух заседаниях (по-видимому, Русской секции Интернационала), а также на польских собраниях и начала изучать польский язык.

Учитывая под этим углом зрения донесения Гирса, мы можем предположить, что Озмидов и Нахимова вполне могли быть в числе тех, кто вместе с польскими революционерами в 1871 г. направился в Румынию³³.

Поездка этих трех участников революционного движения в Румынию не могла быть бесцельной. По-видимому, они уже имели здесь каких-то знакомых или даже опорный пункт. Это вполне вероятно, ибо район Нижнего Дуная уже давно был местом деятельности русских и польских революционеров. После Крымской войны здесь организуется несколько русских, польских, украинских революционных кружков. В Тульче, например, в первой половине 60-х гг. действовала эмигрантская колония братьев Кельсиевых, в районе Галаца жили казаки отряда А. Вылежинского — выходца с Украины, участвовавшие в восстании 1863—1864 гг.; многие сотни бывших польских повстанцев расселились по различным населенным пунктам балканских стран. Большинство из них продолжало революционную деятельность. Так, русские революционеры проводят революционную агитацию среди местных старообрядцев, пытаются основать русскую типографию, занимаются распространением революционных изданий и т. д. В самом конце 60-х гг. вновь усиливается интерес русских революционеров к районам Нижнего Дуная. Активную пропаганду среди старообрядцев проводит Н. Шевелев, русский эмигрант, связанный с русским революционным центром в Швейцарии, неоднократно выезжает сюда С. Нечаев, поддерживавший контакты с болгарскими революционерами. В 1869 г. переместилось сюда и несколько других русских революционеров, точных фамилий которых мы не знаем. Известно, что в с. Чучама (Южная Бессарабия), населенном преимущественно молочанами, жили два участника русского революционного движения. Один из них — учитель Николай Иванович был связан с русскими эмигрантами, в частности с М. Элпидиным и Н. Шевелевым, хранил значительное количество русского типографского шрифта и занимался вопросами основания новой русской революционной типографии³⁴. Другой, который назывался его братом, в том же 1869 г. предпринял активную пропагандистскую работу среди местных сектантов³⁵. Интересно, что к этому времени относятся и свидетельства о связи Николая Ивановича с проживавшим в Измаиле врачом-поляком, эмигрировавшим из России в период польского восстания и оказавшего помощь русским революционерам³⁶. Речь, по-ви-

димому, шла о Тхужевском (Тхоржевском), о котором мы уже писали выше.

Вместе с тем наряду с документами, относящимися к 1869—1871 гг., имеется еще ряд материалов начала 1872 г., уже приведенных в литературе и проливающих свет на интересующие нас события. Они свидетельствуют о тесном сотрудничестве русских революционеров Н. Меледина и А. Шапченко, проживавших на Нижнем Дунае, с Х. Ботевым и В. Поповым. Они говорят также о их связях с польскими и румынскими деятелями, причем в числе последних упоминается Бонифачи Флореску и Нику Джорджеску. То, что Б. Флореску, вокруг имени которого велись многолетние споры в литературе, был реальным лицом, в настоящее время нет никакого сомнения, Интересны в этом отношении неопубликованные воспоминания З. Ралли, где приводится следующий рассказ Нечаева: «Бакунин уже несколько раз принимался организовывать что-либо в Сербии и Болгарии, в Праге и Загребе. И что же, ничего из его занятий не вышло. Я был в Бухаресте у его приятеля Каравелова, работал с этим болгаринном, оставил там одного из своих парижских друзей, валаха Флореску, который написал для болгар полную программу политическую. Бакунин потерял все связи с этими славянами, а я их сохранил». Далее З. Ралли отмечал, что «Бонифачи Флореску был другом Ботева, болгарского революционера, он умер недавно в Бухаресте под фамилией Hertrat, будучи профессором французского языка в одном из лицеев Бухареста»³⁷.

К рассказам Нечаева необходимо подходить особенно критически, но сотрудничество Б. Флореску с болгарскими и русскими революционерами — факт вполне доказанный. Последние, в частности Меледин, часто пользовались паспортами на фамилию Флореску. Именно в этой связи одно из архивных дел, заведенных на Н. Меледина в 1872 г., носит название «Флореску Александр — член Интернационала»³⁸.

Известно, что по паспорту, полученному из Ясс на имя Александра Флореску, Меледин 25 апреля 1872 г. был арестован в Галаце румынской полицией³⁹, конфисковавшей все его бумаги, и что лишь часть из них была передана русским властям. Румынские историки, по-видимому, смогут разыскать эти документы и внести полную ясность в дело Меледина, но и при современном состоянии источников, при их сопоставлении не остается сомнения, что в 1871 г. в Румынии действовала интернациональная организация или кружок, в которую входили или сотрудничали с нею болгарские, румынские, польские и украинские революционеры⁴⁰. Она располагалась в районе Нижнего Дуная и находилась на позициях домарковского революционного социализма. Эта организация поддерживала Первый Интернационал и была, очевидно, с ним связана. Однако, являлась ли она его секцией и к какому конкретно направлению Интернационала — марксистскому или бакунистскому — она относилась, еще необходимо выяснить⁴¹.

Полагаем, что именно об этой организации шла речь в румынских материалах 1871 г.

- ¹ См., например: *Петар Милосавлевич*. О некоторых вопросах параллельного изучения рабочего движения Юго-Восточной Европы.— «Balcanica», I. Београд, 1970, стр. 165—178.
- ² *Ion Popescu-Puțuri, Augustin Deac*. La première Internationale et la Roumanie. Bucarest, 1966, p. 129—130.
- ³ *A. Deac*. Internationala Intai și România. Bucuresti, 1964, p. 135; «Documente privind începuturile mișcării muncitorești și socialiste din România (1821—1878)». București, 1971, p. 22.
- ⁴ *И. Г. Буда*. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959, стр. 102.
- ⁵ «Положение крестьян и общественно-политическое движение в Бессарабии (1861—1895 годы)». Составитель И. Г. Буда. Кишинев, 1964, стр. 402.
- ⁶ Там же, стр. 104.
- ⁷ АВПР, ф. Консульство в Яссах, д. 1267 (1873—1880), лл. 28—28 об. Якобсон — Стремоухову, апрель 1874.
- ⁸ Там же, л. 29.
- ⁹ АВПР, ф. Консульство в Яссах, д. 1268 (1874 г.), л. 37.
- ¹⁰ Там же, л. 39—40. Якобсон — Зиновьеву, 14 марта 1874 г.
- ¹¹ Там же, л. 41.
- ¹² Сам Нестор Третер де Любомир впоследствии неоднократно упоминал об этом обществе (см. ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 159 (1874 г.), д. 121, лл. 5—14; АВПР, ф. Миссия в Бухаресте, д. 455 (1881 г.), л. 3).
- ¹³ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 1173 (1871 г.), л. 107.
- ¹⁴ Там же, л. 107 об.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 156 (1871 г.), д. 155, ч. 1, л. 241.
- ¹⁶ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 1173 (1871 г.), лл. 108—109.
- ¹⁷ Там же, л. 111, лл. 113—113 об.
- ¹⁸ Там же, л. 143.
- ¹⁹ Там же, л. 151 с об., л. 152.
- ²⁰ Там же, л. 152 об.
- ²¹ Там же, л. 154.
- ²² См., например: ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 156 (1871 г.), д. 50, ч. 1, лл. 1—5.
- ²³ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года». М.—Л., 1933, стр. 87—88.
- ²⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 33, стр. 169.
- ²⁵ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна...», стр. 227.
- ²⁶ *К. Н. Державин*. Христо Ботев. М., 1962, стр. 72.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ (*Н. Голицын*). История социально-революционного движения в России 1861—1881. СПб., 1887, стр. 125, 188.
- ²⁹ *Б. С. Итенберг*. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964, стр. 188.
- ³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 155 (1870 г.), д. 112, л. 68.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 155 (1870 г.) д. 112, л. 68 об.
- ³³ К 1871 г. относятся сведения об отправлении в Румынию таких видных участников польского и русского революционного движения, как Шарамович (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 156, д. 50, ч. 1, л. 1 об.), А. Крыловский (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 156, д. 179, л. 1) и др. К этому времени относятся и многочисленные свидетельства об усилении влияния Интернационала в соседних с Балканами районах, например России, Италии (см.: *Б. С. Итенберг*. Указ. соч., стр. 188—191; «Из истории Одесской партийной организации». Одесса, 1964, стр. 10—11).
- ³⁴ *К. А. Поглубко*. «Молодые штурманы будущей бури». Кишинев, 1972, стр. 22—23. Пилецкий также говорил о намерении Нечаева и его загадоч-

- ного товарища основать в Молдове русскую типографию (ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 155, д. 41, ч. 1, л. 208).
- ³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., оп. 155, д. 41, ч. 1, л. 103.
- ³⁶ Там же, л. 82 об.
- ³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 92.
- ³⁸ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 1189 (1872).
- ³⁹ Там же, д. 1170 (1872 г.), л. 83.
- ⁴⁰ Подробнее о деятельности этой организации см.: *Г. Бакалов*. Христо Ботев и Сергей Нечаев.—«Летописи марксизма», 1929, № 9—10; *К. А. Поглубко*. Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60—70-е годы XIX века). Кишинев, 1972; *В. Я. Гросул*. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973.
- ⁴¹ В целом о влиянии Первого Интернационала в Юго-Восточной Европе см.: «Первый Интернационал», т. 2. 1870—1876. М., 1965, стр. 507—527.

Из истории распространения ленинизма коммунистическими партиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами

Е. И. СПИВАКОВСКИЙ

Ленинизм ставил и обоснованно решал кардинальные вопросы теории и практики международного революционного движения. Он закономерно «стал идейно-теоретической основой современного международного коммунистического движения»¹.

В годы между первой и второй мировыми войнами коммунистические партии Болгарии, Греции, Румынии и Югославии внимательно изучали опыт большевистской партии, систематически пропагандировали и призывали использовать его в конкретных условиях своих стран. Изучение этого опыта помогло им при выработке на различных этапах развития своих конкретных программных, стратегических и тактических решений, в выдвижении основных лозунгов, в выборе форм и методов борьбы.

Каждая из компартий — в 20-е годы в рамках Балканской Коммунистической Федерации (БКФ), а в 30-е годы в общих рамках Коминтерна — помогала другим балканским компартиям в овладении ленинизмом и воплощении его принципов в практику революционной борьбы. Пропаганда ленинизма содействовала упрочению основ интернационалистской идеологии и политики, интернациональное единство компартий содействовало формированию международного антиимпериалистического фронта.

На протяжении межвоенного периода в балканских странах вышло большое число переводов работ В. И. Ленина. Произведения В. И. Ленина переводились и выходили отдельными изданиями: в Болгарии — в 1918—1924, 1928, 1930—1934, 1938, 1940 гг., в Греции — в 1921, 1927, 1932—1934, 1938 гг., в Румынии — в 1918—1920, 1925, 1931, 1940 гг., в Югославии — в 1919—1921, 1926, 1927, 1935, 1940, 1941 гг. Были осуществлены многочи-

сленные публикации ленинских работ в газетах, журналах и сборниках. Такие труды Ленина, как «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», издавались более двадцати раз². Кроме того, на болгарском, греческом, румынском и сербохорватском языках было выпущено значительное число работ В. И. Ленина издательствами СССР, а также Коминтерном.

Как показывают данные советских и зарубежных исследователей, наиболее интенсивная публикация работ В. И. Ленина на Балканах осуществлялась в два этапа: первый — совпадающий с периодом легальной деятельности партий (до середины 20-х гг.) и второй — соответствующий периоду подпольной работы коммунистов в конце 20—30-е годы. Годами наиболее интенсивного издания переводов работ В. И. Ленина были 1918—1921, 1930—1934 и 1938—1940. Благодаря этой большой издательской и пропагандистской работе ленинизм оказал в межвоенный период решающее влияние на развитие революционной теоретической мысли, на формирование взглядов демократической интеллигенции на Балканах. В начале 20-х годов большую роль в распространении ленинских идей сыграли также революционеры-интернационалисты, вернувшиеся на родину из Советской России.

Публикация подготовленных при участии В. И. Ленина документов первых конгрессов Коминтерна, составивших как бы его программу, была важнейшим событием в жизни балканских компартий, имела огромное значение в борьбе за соединение ленинизма с практикой коммунистического движения, в борьбе за применение интернациональной тактики в условиях своих стран. При этом выработанные с участием В. И. Ленина в 1920 г. «21 условие» приема в Коминтерн рекомендовало «считаться со всем многообразием условий, при которых приходится бороться и действовать различным компартиям», и обязывало ИККИ «выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны»³.

В проекте резолюции, принятой IV конгрессом Коминтерна (1922), В. И. Ленин подчеркивал необходимость выработки компартиями «своих национальных программ», указывая при этом, что выдвижение общих «переходных требований» должно осуществляться применительно к конкретно-историческим условиям, которые находятся «в зависимости от коренной разницы экономических структур»⁴.

Важность этих рекомендаций балканскими коммунистами была понята не сразу. Понадобился определенный исторический период для овладения ленинскими тактическими принципами, для определения правильного соотношения между общими закономерностями и национальными особенностями революционного процесса в каждой стране.

Важнейшим показателем распространения ленинизма был процесс большевизации (или, как иногда говорили балканские

коммунисты, ленинизации) балканских коммунистических партий.

Серьезный сдвиг в этом направлении был отмечен уже в конце 20-х гг., когда БКП, КПР и другие партии сделали многое для овладения идеологическими, организационными и тактическими принципами, выдвинутыми В. И. Лениным⁵. По ряду объективных и субъективных причин этот процесс завершился лишь накануне второй мировой войны.

В БКП процесс большевизации замедлился из-за затянувшегося процесса выяснения партией отличий ленинизма от «тесного» социализма, из-за преувеличения положительных черт последнего⁶, а также из-за борьбы против правых и левых оппортунистов. В КПР этот процесс тормозился не преодоленным еще в 20-х годах влиянием теории «некрепостничества» К. Доброджану-Герри⁷. Были свои трудности и у компартий Югославии и Греции.

Борьба за идейное укрепление балканских компартий осложнялась и политической обстановкой в упомянутых странах. В апреле 1924 г. болгарские власти объявили БКП распущенной. В том же году была запрещена КПР. КПЮ работала в нелегальных условиях по существу с 1920 г.

В 1925 г. БКП, КПР и компартия Греции принимают специальные решения о пропаганде трудов В. И. Ленина⁸, об усилении борьбы за идейное укрепление своих рядов.

После VI конгресса Коминтерна (1928) «наши партии, — пишет Г. Димитров, — очищали свои ряды от различного рода правых оппортунистов, укрепив этим свое большевистское единство и боеспособность». Одновременно шла борьба с сектантством, которое «тормозило развертывание большевистской политики завоевания масс»⁹.

В конце 20-х гг., писал В. Коларов, «большевизация балканских компартий достигла важных успехов» и находилась «на правильном пути, особенно с тех пор, когда Коминтерн своим энергичным вмешательством прекратил фракционную борьбу в Югославии, помог консолидации руководства в Румынии и очищению греческой компартии от меньшевистских и центристских группировок»¹⁰. Решение политсекретариата ИККИ (1930 г.) способствовало борьбе против оппортунистов и фракционеров в БКП¹¹.

В первой половине 30-х гг. БКП издала переводы крупных работ В. И. Ленина («Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Что делать?», «Задачи союзов молодежи» и др.), а также ряд сборников («Роль молодежи в общественной борьбе», «Борьба марксизма с ревизионизмом и оппортунизмом» и др.), включающих его труды. Много ленинских работ публикуется в это время в партийной периодической печати¹². Кроме уже упомянутых, в Румынии были изданы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение»¹³. Эти же важнейшие труды В. И. Ленина, а также его книга «Государство и

революция» публикуются компартией Греции¹⁴. Издавая работы В. И. Ленина, КПЮ пропагандирует исторический опыт борьбы ВКП(б) против оппортунизма, подчеркивая, что непримиримая позиция В. И. Ленина по отношению к Троцкому, Зиновьеву и другим правым и левым уклонистам является образцом революционной принципиальности¹⁵. В конце 20-х гг. Коммунистическая партия Греции разбила троцкистскую оппозицию, преодолела ликвидаторские и фракционистские тенденции¹⁶.

В ходе большевизации балканские компартии должны были с ленинских позиций, с учетом специфики развития своих стран, правильно подойти к решению аграрного вопроса, национального вопроса, вопроса о характере предстоящей революции.

После II и III конгрессов Коминтерна компартии на Балканах обратили серьезное внимание на аграрный вопрос и приняли соответствующие решения¹⁷. В духе ленинских идей обсуждался этот вопрос на VI и VII конференциях БКФ (1923 и 1924 гг.).

БКП в конце 20—30-х годов решала аграрный вопрос, осуществляя ленинские идеи союза пролетариата и крестьянства, строя тактику применительно к конкретно-историческим условиям Болгарии, привлекая на свою сторону широкие массы эксплуатируемых трудящихся и Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Своеобразной была эта задача и в Румынии, где в 20—30-е годы перед КПП стоял вопрос не только об отношении к крестьянству вообще, но и к цэрэнистам. С 1933 г. она установила союзные отношения с Фронтом земледельцев (П. Гроза). Преодолев ряд трудностей, вытекавших из конкретно-исторической обстановки, балканские компартии сделали решительный поворот в сторону налаживания взаимоотношений с крестьянством и практически приступили к созданию союза рабочего класса и крестьянства¹⁸.

В сложных условиях решали компартии на Балканах и другой важный вопрос — национальный. Опираясь на ленинские документы, они систематически обсуждают его, вырабатывая соответствующие этому региону и этим странам лозунги. Принятые VI конференцией БКФ решения по национальному вопросу широко обсуждались в партиях¹⁹. В 30-е годы компартии балканских стран при разработке своей политики по национальному вопросу руководствовались указаниями В. И. Ленина о необходимости учета специфики исторического процесса в балканских странах, о том, что необходимо «последовательное демократическое решение национального вопроса на Балканах»²⁰. Особое значение, подчеркивал И. Броз Тито, «имела принципиальная позиция Ленина о необходимости признания полного права наций на самоопределение... Ленин, как это делал и Маркс, подчеркивал классовый подход к нации»²¹. «Главный лозунг партии, — отметил V съезд КПП, — это ленинский лозунг борьбы за право угнетенных наций на самоопределение, вплоть до отделения»²². Этот же ленинский лозунг активно пропагандировала и БКП²³.

В середине 30-х гг. компартии балканского региона выдвигают лозунг о полном национальном и политическом равенстве всех наций и о сплочении всех прогрессивных сил в борьбе против империалистической и фашистской агрессии, в защиту национальной независимости балканских государств. Эта постановка вопроса была составной частью общей линии Коминтерна. В резолюции VII конгресса подчеркивалось, что коммунисты «отнюдь не сторонники национального нигилизма» и что «рабочий класс ... является единственным подлинным борцом за национальную свободу и независимость народа»²⁴.

И крестьянский и национальный вопросы были составной частью общей проблемы революционных преобразований. Уже в 20-е годы балканские компартии с помощью Коминтерна пытаются сформулировать в своих программах вопрос о характере предстоящей революции.

Программа Коминтерна (1928), учитывая различный уровень развития стран, указывала на неизбежность «разнообразия путей и темпов прихода пролетариата к власти», на необходимость «в ряде стран известных переходных ступеней, ведущих к диктатуре пролетариата»²⁵.

Эти положения программы опять-таки являлись развитием общей ленинской позиции Коминтерна, изложенной еще в 1920 г., где подчеркивалась необходимость учитывать многообразие условий в различных странах²⁶.

Именно овладение балканскими коммунистами ленинским теоретическим наследием позволило им на определенном этапе поставить и правильно решить вопрос о характере предстоящей революции в каждой из стран, о ее движущих силах и возможных этапах. Этот вопрос обсуждался на IV съезде КПЮ (1928), на V съезде КПП (1931), на VI пленуме ЦК и V съезде компартии Греции (1934). Было подчеркнуто, что предстоящие революции вначале будут решать общедемократические задачи и что завершение буржуазно-демократических преобразований будет сопровождаться быстрым перерастанием в революции социалистические.

Творческий, верный принципам ленинизма подход к рассмотрению основных идеологических и политических задач балканских компартий нашел свое развитие в середине и в конце 30-х гг., в их деятельности, связанной с осуществлением ленинской линии VII конгресса Коминтерна.

Еще в период подготовки конгресса Г. Димитров рекомендовал при решении проблемы единого и народного фронта «считаться с особенностями всякой страны, всякой партии и организации» и предлагал рассмотреть возможность использования правительства единого фронта как одной из переходных форм на пути к диктатуре пролетариата²⁷. Г. Димитров подчеркивал, что хотя в политике Коминтерна «совершен поворот, и довольно радикальный», этот поворот имеет одни и те же истоки, одни и те же корни, что и вся политика Коминтерна. Эти корни — марксизм-ленинизм²⁸.

На такой же позиции стояли БКП, КНР, КПО и компартия Греции²⁹.

Одновременно, выступая против имевшихся в прошлом отдельных ошибок, когда «не учитывались особенности конкретной обстановки в каждой отдельной стране», Г. Димитров подчеркивал, что «национальные формы пролетарской классовой борьбы... не противостоят пролетарскому интернационализму», что в этих формах «можно с успехом отстаивать и международные интересы пролетариата»³⁰.

Балканские компартии внесли большой вклад в разработку нового курса в духе решений VII конгресса Коминтерна, развернув борьбу за создание в своих странах широкого фронта антифашистских сил.

Ленинская линия по отношению ко всем, в том числе и балканским компартиям, проявилась и в позиции руководства Коминтерна, взявшего курс на укрепление самостоятельности партий. Компартия, говорил в июне 1937 г. Г. Димитров, «должны быть способны самостоятельно определять свою политику и тактику, а также оперативное руководство в любой момент. И мы хотим, чтобы это окончательно было достигнуто всеми нашими секциями, всеми нашими партиями»³¹. Вместе с тем опубликованная летом 1937 г. статья Г. Димитрова, призывавшая к укреплению единства международного пролетариата³², отражала позицию международного коммунистического движения, в том числе и балканских компартий, проявивших большую активность в этом направлении.

Ленинский творческий подход был характерен и для позиции компартий балканских стран в вопросах внешней политики.

Руководствуясь высказываниями В. И. Ленина о роли политики империалистических держав на Балканах в условиях обострившихся в 20-е годы империалистических противоречий в этом регионе, компартии, используя свой опыт, проводят в начале 30-х гг. широкую интернационалистскую кампанию против подготовки антисоветской войны.

В 1935 г. VII конгресс Коминтерна предупредил коммунистов всех стран об опасности фашизма, угрожавшего независимости народов, а также о том, что компартии в случае необходимости должны будут стать «в первые ряды борцов за национальную независимость и вести освободительную войну до конца»³³. В 1939 г. ИККИ в своих директивах предупреждает компартии ряда стран, в том числе и балканских, о необходимости расширения сопротивления фашистской агрессии. Компартии Греции, в частности, было рекомендовано: в условиях, когда итальянский фашизм «специально действует на Балканах», выдвинуть требование о предоставлении греческому народу наибольших внутренних свобод, что содействовало бы привлечению широких народных масс к антифашистской борьбе³⁴. Летом и осенью 1940 г. ИККИ вновь рассмотрел вопрос о тактике Болгарской рабочей партии (так

с 1938 г. называлась БКП), КПР, КПЮ и компартии Греции в связи с непосредственной угрозой со стороны гитлеровской Германии³⁵.

В условиях начавшейся второй мировой войны руководство Коминтерна, балканские компартии считали главной задачей сплочение патристических сил наций на борьбу против фашизма, за национальную независимость. Таковым было и содержание письма ИККИ в ЦК КПР³⁶. Линию Коминтерна и компартий балканских стран КПР конкретизировала в документе «Наша точка зрения» (10 сентября 1940 г.), а затем в проекте программы Национального фронта (январь 1941 г.)³⁷. Лозунг всенародной войны выдвинула сразу же после нападения на Грецию фашистской Италии КПГ. В Югославии во главе освободительной борьбы против фашистских захватчиков стала КПЮ. Руководителем антифашистского Сопротивления выступила БКП. Инициатором и руководителем освободительной борьбы в своей стране стала и созданная в ноябре 1941 г. Коммунистическая партия Албании.

Высоко подняв знамя освободительной борьбы, защиты народа, коммунистические партии балканских стран сумели в тяжелые годы войны объединить широкие народные массы в рамках национальных фронтов, повести их в решительный бой против фашизма и реакции.

Выступая инициатором активной всенародной борьбы против фашизма, за национальное и социальное освобождение, спланивая на этой основе массы, компартии балканских стран, международное коммунистическое движение, руководство Коминтерна исходили из неразрывной связи национальных и интернациональных задач этой борьбы. Подчеркивая важность всемерного развертывания антифашистского Сопротивления, ИККИ указывал, что победа Советского Союза в начавшейся войне гитлеровской Германии против СССР создает условия и для восстановления национальной независимости балканских народов³⁸. Следуя принципам ленинизма, балканские компартии всегда считали, что пролетарский интернационализм «не только не противоречит борьбе трудящихся отдельных стран за национальную, социальную и культурную свободу, но и обеспечивает *поддержку*, необходимую для победы в этой борьбе»³⁹.

Следуя ленинским идеологическим и политическим принципам, балканские коммунисты показали себя как стойкие патриоты, мужественные борцы за дело прогресса, за свободу и независимость народов. Распространение ленинизма на Балканах привело к его идейной и политической победе в большинстве стран этого района. Благодаря этому росли ряды партий, укреплялся их авторитет, что явилось одним из важнейших факторов в борьбе за социализм.

- 1 М. А. Сулов. Ленинизм и революционное преобразование мира.— «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение». М., 1969, стр. 36—37.
- 2 «Ленин в печати. Издание произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. Статистический сборник». М., 1969, стр. 138—141, 154—155, 161—166; П. Едрева, С. Къмчев. Ленин на-български. София, 1970; М. Moldoveanu, V. Kilian, N. Raus. Lucrările lui V. I. Lenin în România.— «Anale de istorie», 1970, N 1, p. 104—134; D. Kačarević. Jugoslovenski prevodi dela Lenina.— «Jugoslovenski pregled», 1961, N 7—8, стр. 29—33.
- 3 «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 253.
- 4 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 347—348.
- 5 «Ленин и исторические судьбы болгарского народа». София — Москва, 1970, стр. 118; «Lecții în ajutorul celor care studiază istoria PCR». București, 1961, p. 239.
- 6 Г. Димитров справедливо считал, что тесняцкие традиции при всех их достоинствах должны быть «переварены в большевистском котле» (Г. Димитров. Избранные произведения, т. I. М., 1967, стр. 373).
- 7 Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи, т. I. М., 1956, стр. 326; «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, стр. 110, 304.
- 8 В. Коларов. Избранные произведения, т. II. София, 1955, стр. 40—57; А. Куцукалис. Влияние идей В. И. Ленина в Греции. М., 1970, стр. 85—86; «Documente din istoria PCR. 1923—1928». București, 1953, p. 307—308.
- 9 Г. Димитров. Избранные произведения, т. I, стр. 676.
- 10 «Коммунистические партии балканских стран». М., 1930—стр. 30, 168—169; Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Июнь 1960—декабрь 1962 г. Бухарест, 1963, стр. 208—209; П. Русос. Октябрьская революция и Греция. М., 1967, стр. 88—89.
- 11 «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 344—345.
- 12 «Издание и распространение произведений В. И. Ленина». М., 1960, стр. 253—254.
- 13 «Anale de istorie», 1970, N 1, p. 120—121.
- 14 П. Русос. Указ. соч., стр. 95.
- 15 «Oktoobar u Jugoslavija. 1918—1945». Beograd, 1967, str. 430.
- 16 «Коммунистические партии балканских стран», стр. 199—200; «Проблемы мира и социализма», 1970, № 4, стр. 27.
- 17 К. К. Шириня. Вопросы союза рабочего класса с крестьянством.— «Второй конгресс Коминтерна». М., 1972, стр. 111—151; В. В. Марьина. Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами.— «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 23—26.
- 18 См. подробнее: В. В. Марьина. Указ. соч., стр. 26.
- 19 В. Коларов. Национальный вопрос на Балканах.— «Коммунистический интернационал», 1924, № 3—4, стр. 134—150.
- 20 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 136, 155, 187.
- 21 И. Броз Тито. Ленин — мыслитель и стратег социалистической революции.— «Ленинизм живет и побеждает». М., 1970, стр. 433.
- 22 «Documente din istoria PCR», vol. III, 1929—1933. București, 1956; «История Румынии. 1918—1970», стр. 158.
- 23 Х. Кабакчиев. Компартия Болгарии и национальный вопрос на Балканах.— «Коммунистический Интернационал», 1934, № 13, стр. 44—50; № 14, стр. 46—54.
- 24 «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 24—25.
- 25 «Программа Коммунистического Интернационала». М., 1928, стр. 76—77.
- 26 В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 253.
- 27 Г. Димитров. Избранные произведения, т. I, стр. 435; П. Боев. Георгий Димитров и стратегия единого рабочего и широкого народного фронта. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения». М., 1972, стр. 209.

- ²⁸ *К. К. Шириня*. Георгий Димитров и борьба за осуществление и развитие новой стратегическо-тактической линии Коминтерна в 1936—1939 гг.—Там же, стр. 230.
- ²⁹ «История Болгарской коммунистической партии», стр. 385—391; *П. Русос*. Указ. соч., стр. 91—92; выступление П. Мавроматиса в кн.: «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна». Прага, 1966, стр. 292—298; *P. Constantinescu-Iași*. *Lupta pentru formarea frontului popular în România*. București, 1968; «История Румынии нового и новейшего времени». М., 1964, стр. 225; «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 157—158.
- ³⁰ *Г. Димитров*. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935, стр. 85, 79.
- ³¹ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 420.
- ³² *Г. Димитров*. Единство международного пролетариата — высшее веление переживаемого момента.— «Коммунистический Интернационал», 1937, № 5, стр. 15—23.
- ³³ «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 42.
- ³⁴ *Г. Д. Кирьякидис*. Греция во второй мировой войне. М., 1967, стр. 51.
- ³⁵ *Д. Э. Кунина, В. М. Ендакова*. Георгий Димитров и борьба за создание национальных фронтов против фашизма в период второй мировой войны.— «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 380—381.
- ³⁶ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 499—500.
- ³⁷ «Documente din istoria PCR». București, 1951, p. 309—311, 312—315.
- ³⁸ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 507.
- ³⁹ *Г. Димитров*. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала..., стр. 79—80.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Россия и черногорско-герцеговинские события 50 — начала 60-х годов XIX в.

Н. И. ХИТРОВА

В середине XIX в. на Балканах начался подъем национально-освободительного движения. Сначала антитурецкое движение охватило южные и юго-восточные области Герцеговины. Герцеговинцам стала оказывать помощь Черногория, которая в это время активизировала свою внешнюю политику, стремясь утвердить независимость и вернуть плодородные земли, захваченные еще в конце XV в. турками. Турции не удавалось сразу подавить герцеговинские восстания, поэтому она трижды совершила нападения на Черногорию (1852—1853, 1858, 1862 гг.), которую считала опорой восставших. Так возник черногорско-герцеговинский вопрос, который на протяжении всех 50-х годов внушал серьезные опасения турецким властям и был предметом пристального внимания дипломатии великих держав.

Отношение официальной России к черногорско-герцеговинскому вопросу находилось в непосредственной зависимости от ее восточной политики в этот период. Когда в Герцеговине вспыхнуло восстание (1851 г.), царизм стремился, не нарушая принципа сохранения целостности Османской империи и поддерживая православное население, укрепить свое влияние на Балканах.

В особенно тесных отношениях Россия находилась с Черногорией, которую она рассматривала как фактически независимое государство. Русское правительство оказывало ей дипломатическую поддержку в борьбе против посягательств на нее Порты и выплачивало субсидии, использовавшиеся черногорцами на укрепление государственной власти и оборону.

Одновременно с этим царизм, выступавший тогда за сохранение целостности Османской империи, добивался того, чтобы Черногория сохраняла мирные отношения с турками. Молодому черногорскому правителю Даниле, приехавшему в 1852 г. в Петербург за поддержкой, постарались внушить, что его внимание по-прежнему должно быть обращено «на упрочение внутреннего порядка и тишины, на поддержание добрых связей не только с соседственной и мирною Австриею, но и с Турциею»¹. Россия оказала ему поддержку в провозглашении Черногории княжеством.

В буржуазной историографии было высказано мнение, что царизм уже в начале 1852 г. якобы «стал разжигать среди христианского населения вооруженное восстание», вследствие чего первой выступила Черногория². На самом деле Николай I, убеж-

денный в это время в неизбежном распаде Османской империи, пытался договориться с Англией о мирном разрешении восточного вопроса³. Поэтому он был заинтересован в прекращении черногорско-турецкого конфликта, который не мог содействовать его разрешению, а лишь угрожал нежелательными последствиями⁴. В декабре 1852 г. по совету русской дипломатии черногорцы вывели свой отряд из крепости Жабляк, захваченной ими у Турции⁵. Когда, несмотря на это, турецкие войска вторглись в Черногорию, Россия выступила в ее поддержку, в то время как Франция и Англия приняли сторону Турции. Черногорско-турецкий конфликт был ликвидирован в марте 1853 г. благодаря совместным действиям России и Австрии⁶, между которыми в то время еще сохранялось единодушие.

Вопрос об использовании балканских народов в борьбе с Турцией был поднят в официальных кругах России после того, как потерпели крах надежды Николая I на соглашение о разделе турецкого наследства (май 1853 г.) и вслед за этим произошел дипломатический разрыв с Портой. Но даже тогда Николай I не ставил задачи территориального расширения на Балканах, а только стремился путем создания ряда независимых государств укрепить влияние России. Об этом свидетельствует запись, сделанная им в ноябре 1853 г.: «Таким образом, мы провозгласим желание действительной независимости молдо-валахов, сербов, болгар, босняков и греков с тем, чтобы каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века, и управлялся бы лицом, избранным им самим из среды своих же соотечественников»⁷.

Вопрос о том, как возник план организации антитурецкого выступления на Балканах, впервые был освещен русским историком А. М. Зайончковским⁸. В советской историографии объяснение причин, заставивших царя искать содействия среди поработанных Турцией христианских народов, мы находим у Е. В. Тарле. Он пришел к выводу, что в тех условиях это было «делом фантастическим, несбыточным»⁹. С. А. Никитин более подробно рассмотрел позицию России и объяснил причины провала этой попытки русской дипломатии¹⁰. Югославский историк Р. Йованович дополнил изучение вопроса новыми архивными документами о подготовке Черногории к выступлению против Турции¹¹.

В ноябре 1853 г. Николай I решил приступить к претворению в жизнь своего плана. Задача — выяснить реальные возможности его осуществления в отношении Черногории, Герцеговины и Боснии — была возложена на Е. П. Ковалевского¹². Ковалевский являлся сторонником освобождения славянских народов при поддержке России. Их положение в составе Османской империи он характеризовал как «рабство, постыдное даже в средневековые времена». Впоследствии Ковалевский говорил¹³, что вряд ли бы согласился на поездку в Черногорию, если бы из личного объяснения с императором у него не сложилось впечатление о более широкой цели поручения, т. е. организации антитурецкого выступ-

ления. По его словам, Николай I якобы согласился с его точкой зрения относительно создания на Балканах монархической федерации, составленной из пяти королевств с центром в Константинополе либо Адрианополе или Софии. Это утверждение Ковалевского в какой-то мере подтверждается вышеуказанной записью царя о создании пяти балканских государств.

После детального ознакомления с обстановкой на Балканах Ковалевский составил план военных действий повстанцев, согласно которому Черногория была избрана исходной точкой выступления. На черногорцев возлагалась также труднейшая часть задания — совместно с герцеговинцами выйти на соединение с Сербией и установить связь с Эпиром. По распоряжению Николая I в феврале 1854 г. Ковалевскому была направлена новая инструкция, где указывалось, что пора приступить к реализации вышеуказанного плана. Царь распорядился также о переводе 60 тыс. рублей серебром на покупку оружия и направлении в Черногорию двух военных специалистов¹⁴.

Угрожающая позиция Австрии заставила Николая I отказаться от намерения использовать Черногорию в военных действиях против Турции. Был отвергнут и сам план организации антигерцеговского выступления. Выступление, которое начали черногорцы совместно с герцеговинцами, оказалось без всякой поддержки. В мае 1854 г. был отозван из Черногории и Ковалевский¹⁵.

Поражение России в Крымской войне заставило царизм внести существенные изменения в области внешней политики¹⁶.

Относительно восточной политики был сделан вывод, что поддержка целостности Османской империи наносит ущерб русскому влиянию среди православного населения на Балканах (при этом положение Турции характеризовалось как «пошатнувшееся»¹⁷). Поэтому, чтобы вновь укрепить свои ослабевшие позиции, царизм выдвинул на первый план славянский вопрос. Об этом свидетельствовало также назначение директором Азиатского департамента Ковалевского.

В качестве новой меры для укрепления русского влияния были учреждены новые консульства на Балканах (в Сараеве, Шкодре и Видине), перед которыми была поставлена задача попытаться найти опору среди широких слоев населения. Поэтому помимо поддержки православия петербургский кабинет стал уделять внимание национальным интересам южных славян¹⁸. Царизм, с одной стороны, стремился воспрепятствовать возникновению восстаний, с другой — сама объективная действительность заставляла его оказывать поддержку национально-освободительной борьбе южных славян.

После Крымской войны на Балканах продолжалось развитие национально-освободительного движения. В 1858 г. Ф. Энгельс указывал, что христианское население Европейской Турции «стремится сбросить с себя турецкое иго и более чем когда-либо видит в России своего единственного защитника»¹⁹. Остановимся

несколько подробнее на том, как действовала русская дипломатия в интересующем нас вопросе.

На поприще своей новой деятельности русские дипломаты столкнулись с неожиданным затруднением — угрозой потери влияния в Черногории. Первые признаки этого проявились еще во время Крымской войны, когда князь Данило, ввиду ослабления связей с Россией, стал добиваться покровительства Франции²¹, выступавшей с лозунгом защиты принципа национальности. После того как на Парижском конгрессе русский представитель, чтобы не осложнять переговоров, не выразил протеста против заявления Турции, что Черногория является ее провинцией, князь Данило под влиянием французского консула в Шкодре Геккара решил обратиться к Франции. При поддержке Франции он рассчитывал добиться территориального расширения княжества, поставив в качестве максимальной задачи присоединение Герцеговины и пограничных сербских областей, входивших в состав Шкодринского санджака. Однако свою поддержку в территориальном вопросе Наполеон III обусловил признанием Черногорией верховной власти султана.

Установление турецкой власти в Черногории могло привести к выпадению последней из сферы влияния России, которая для предотвращения этого попыталась добиться от Порты признания ее независимости де-юре. Однако предпринятый в этом направлении демарш русского посланника в Константинополе не имел никакого результата²², так как после поражения в войне Россия не могла оказывать прежнее воздействие на Турцию. Для того чтобы заставить князя отказаться от плана признания верховной власти Турции, русская дипломатия пустила в ход все средства (от убеждения до прекращения выплаты субсидии и разрыва отношений). Политика петербургского кабинета была более реальной и прозорливой, чем расчеты Данилы, так как внешнеполитические требования Черногории не могли быть осуществлены за счет опасных по своим последствиям дипломатических комбинаций²³.

Ухудшение политических отношений с Черногорией (1856—1858 гг.) сопровождалось в России установлением непосредственных связей с Герцеговиной. В это время царизм поставил в качестве одной из основных задач использовать хатт-и хумаюн 1856 г., чтобы добиться облегчения участи православного населения Турции²⁴. Русская дипломатия стала активно выступать в роли покровительницы православных народов, ходатайствуя перед Турцией об удовлетворении их требований. По этому поводу в отчете министерства иностранных дел указывалось: «Вновь учрежденные консульства в славянских землях явились ревностными защитниками прав христианства. Если они не всегда успевали в своих домогательствах, то уже христиане могли убедиться ясно, что русское правительство заботится не о целости и сохранении Турецкой империи, как было прежде, но о правах и соблюдении религии единоговерного населения Турции»²⁵.

Вместе с тем русское правительство стало оказывать в больших размерах помощь в развитии просвещения (создание светских школ, снабжение их учебниками, финансовая поддержка журналов и газет), поощрять деятельность некоторых общественных организаций и устанавливать контакты с различными политическими деятелями. Это новое направление в русской политике приобрело особенно широкий размах после учреждения «Одесского болгарского настоятельства» (1854), Московского (1858), С.-Петербургского (1868) и Одесского (1871) славянских благотворительных обществ. В своей деятельности эти общества получали поддержку со стороны Азиатского департамента и синода.

Ковалевский, испытавший сам большое влияние славянофильства, назначил в 1857 г. управляющим консульства в Сараеве известного ученого-слависта и славянофила А. Ф. Гильфердинга, которому были поручены также герцеговинские дела. Необходимо заметить, что и другие дипломатические представители (в Дубровнике — П. Н. Стремоухов, затем сменивший его К. Петрович, секретарь консульства А. С. Ионин, ставший в 1859 г. консулом в Мостаре, и вице-консул А. В. Безобразов) были тесно связаны со славянофилами. Через русские консульства правительство и славянские благотворительные общества снабдили церковной утварью и книгами многие герцеговинские церкви и оказали помощь в учреждении новых школ и улучшении образования в старых ²⁶. Россия оказывала также денежную помощь пострадавшим от турецких насилий ²⁷.

В своих донесениях в министерство иностранных дел консулы всесторонне показали тяжелое положение православного населения в Герцеговине и Боснии ²⁸. Они представили обширные сведения о его политическом и религиозном бесправии, необеспеченности права собственности и непосильном налоговом гнете и угнетении мусульманскими землевладельцами и местной администрацией. При выяснении причины волнений, снова возникших в Герцеговине в 1858 г., все русские дипломаты пришли к заключению, что они кроются в самой османской системе, где оставались без наказания злоупотребления администрации, насилия военщины и различные проявления мусульманского фанатизма. С их точкой зрения согласилось и русское правительство ²⁹. Позиция, занятая в этом вопросе Россией, существенно отличалась от позиции Англии и Австрии, которые поддерживали турецкий режим в Герцеговине.

Царское правительство стало добиваться решения герцеговинского вопроса путем переговоров с Турцией. После восстановления в начале 1858 г. покровительства над Черногорией оно потребовало от нее сохранения мирных отношений ³⁰. Вместе с тем Россия приняла срочные меры для предотвращения турецкого нападения, угрожавшего Черногории, вступив в переговоры с Францией об организации совместного демарша в Вене и Константинополе.

Совместные действия России и Франции обеспокоили Англию, которая не хотела допускать установления между ними слишком тесного взаимодействия в восточном вопросе. Поэтому британский кабинет отдал распоряжение своему представителю в Константинополе присоединиться к русско-французскому протесту. Вместе с тем Англия, стремясь как можно скорее ликвидировать конфликт, выступила с предложением создания международной комиссии для проведения разграничительной линии между Черногорией и Турцией. После победы, одержанной черногорцами над турецкими войсками, вторгшимися в Грахово (1 мая 1858 г.), Порты согласилась на учреждение комиссии по демаркации. О том, как было достигнуто соглашение относительно установления границы между Черногорией и Турцией (1858 г.), подробно сообщает Р. Йованович³¹. Со стороны России членом демаркационной комиссии был назначен сначала инженер-капитан Влангали, а затем консул Петкович, которые проявили большую энергию, отстаивая черногорские интересы. Деятельность русских представителей получила признание в Черногории и одобрение МИД России³².

Возбуждая вопрос о разграничительной линии, Россия ставила задачу добиться укрепления независимого положения Черногории. После установления черногорско-турецкой границы русский посланник в Вене В. П. Балабин писал: «Этою успешною развязкой достигается одна из важнейших целей нашей восточной политики — упрочение фактической независимости Черногории законным ее отделением от турецких владений при содействии представителей европейских держав»³³. Вместе с тем благодаря совместным действиям России и Франции удалось добиться некоторого расширения черногорской территории, хотя это и не обеспечило удовлетворения внешнеполитических требований Черногории (присоединение плодородных земель и предоставление выхода к морю) и не ликвидировало также прекращения пограничных столкновений из-за пастбищ.

Согласясь на некоторые уступки в черногорском вопросе, Турция продолжала свою старую политику в Герцеговине, где беззакония турецких властей вызвали в начале 1860 г. новые волнения. Русское правительство, получив от своих консулов подробные описания турецких репрессий на Балканах, решило на этот раз более энергично выступить в защиту православного населения. В апреле 1860 г. Александр II сделал помету на донесении Петковича, где указывалось на готовность христиан к анти-турецкому выступлению: «Это новое доказательство, что надобно ожидать общего восстания, если нам не удастся предупредить мерами, нами предложенными»³⁴. После созыва конференции представителей великих держав в Петербурге (4 мая 1860 г.) Горчаков разослал во все русские посольства и миссии циркуляр, в котором предложил организовать расследование европейской комиссией турецких злоупотреблений и оказать воздействие на Порту для их устранения. Хотя попытка договориться в данном

вопросе с Францией не имела успеха, все же Турция была вынуждена направить на Балканы для расследования положения великого визиря Мехмед-Кипризли-пашу³⁵.

Позиция, занятая Россией во время восстания, вспыхнувшего вскоре в Герцеговине (1861—1862 гг.), и черногорско-турецкой войны 1862 г., подробно изложена в книге югославского историка Б. Павичевича, который положительно оценивает значение русской поддержки в деле сохранения и укрепления независимости Черногории и удовлетворения ее внешнеполитических требований³⁶. К этому времени царская дипломатия добилась усиления своего влияния в Черногории и среди православного населения в Герцеговине. Особое усердие в защите черногорских интересов проявил Петкович, который считал правомочным оказание Черногорией помощи восставшим, так как, по его мнению, герцеговинцы имели право на улучшение своего положения³⁷. Он неоднократно давал черногорцам советы и сообщал о передвижениях турецких воинских частей в Герцеговине. Консул способствовал ликвидации конфликта, возникшего между предводителем восстания воеводой Лукой Вукаловичем и князем Николаем.

Когда в 1862 г. турецкие войска вторглись в Черногорию и, несмотря на героическую оборону черногорцев, подошли к Цетинье, Россия и Франция заставили Турцию прекратить наступление. Вслед за этим русская дипломатия употребила большие усилия, чтобы добиться ликвидации тяжелых условий мирного договора, навязанного Черногории Турцией.

Таким образом, в начале 50-х гг. XIX в., оказывая покровительство и помощь Черногории, Россия стремилась утвердить свое влияние среди православных народов. Вместе с тем царизм придерживался принципа сохранения status quo на Балканах.

В период Крымской войны царское правительство предприняло попытку организовать антитурецкие выступления балканских народов, в том числе было предусмотрено и участие черногорско-герцеговинских сил. При этом Николай I надеялся добиться укрепления русского влияния путем создания ряда независимых балканских государств.

После поражения в Крымской войне русское правительство стало оказывать более значительную поддержку югославянским народам. Значительную роль в этом плане имела его помощь в развитии просвещения и поддержка православной церкви в Герцеговине.

¹ Доклад управляющего МИД Л. Г. Сивявина Николаю I 7.VI 1852 г.—«Славяно-балканские исследования». М., 1972, стр. 341.

² А. Дебидур. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878), т. II. М., 1947, стр. 83.

³ С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887, стр. 384.

⁴ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 115.

- 5 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 334, л. 34 об. Кн. Данило — русскому посланнику в Вене Мейендорфу.
- 6 Этот вопрос подробно освещен в следующих работах: С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 110—115; Н. И. Хитрова. Позиция России и Австрии в связи с черногорско-гурацкой войной 1852—1853 гг. — «Вопросы первоначального накопления и национальных движений в славянских странах». М., 1972, стр. 179—186.
- 7 Цит. по кн.: А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. II, ч. 1. СПб., 1913, стр. 633.
- 8 Там же, т. I—II, 1908.
- 9 Е. В. Тарле. Крымская война, т. I. М.—Л., 1950, стр. 266—269, 275—279; т. II, стр. 289, 297—298.
- 10 С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 110—141.
- 11 Р. Јовановић. Мисија Е. П. Ковалевског у Црној Гори 1854 године.—«Историјски записи», књ. XXV, св. 1. Титоград, 1968.
- 12 См. о нем.: Б. А. Вальская. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
- 13 См.: Н. И. Хитрова. По поводу записки Е. П. Ковалевского в восточном вопросе. «В память на академик Михаил Димитров». София, 1974, стр. 688.
- 14 С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 138—139.
- 15 Р. Јовановић. Указ. соч., стр. 42—43.
- 16 Данный вопрос впервые был освещен еще С. С. Татишевым в книге «Император Александр II, его жизнь и царствование». СПб., 1903, стр. 227—230. В советской историографии см.: С. К. Бушуев. А. М. Горчаков. М., 1961, стр. 74—75; С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 157—180.
- 17 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 239, лл. 15 об.—16. Инструкция консулу в Белграде Милошевичу, 28.VII 1856 г.
- 18 С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 74—75; С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 158.
- 19 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 637.
- 20 А. Лаинович. Француски консул у Складру Ијасент Екар и његова прва посјета Црној Гори. — «Историјски записи», св. 1—2, 1956, стр. 198.
- 21 См.: Б. Павићевић. План књаза Данила за регулисање односа са Портом 1856 године. — «Историјски записи», књ. XVII, св. 1.
- 22 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 714, л. 13. Горчаков — Бутеневу 21.IX 1856; Р. И. Рыжова. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории. — «Исторические записки», т. 63. М., 1958, стр. 131.
- 23 С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 161.
- 24 МИД отдал распоряжение миссии в Константинополе обратить внимание Порты на необходимость принять меры по соблюдению хатт-и хумакуна (АВПР, ф. Отчет МИД за 1856 г., лл. 300—300 об.)
- 25 АВПР, ф. Отчет МИД за 1857 г., лл. 213—213 об.
- 26 АВПР, ф. Отчет МИД за 1857 год, лл. 214—214 об.
- 27 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 719, л. 40. Петкович — Балабину, 1.III 1859 г.
- 28 АВПР, ф. ГА У—А₂, д. 800. 7.I 1858 г.
- 29 АВПР, ф. Отчет МИД за 1857 г., л. 212.
- 30 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 719, л. 16. Петкович — Ковалевскому, 27.I 1859.
- 31 См. Р. Јовановић. Разграничење Црне Горе и Турске 1858 године.— «Историјски записи», св. 2—3, 1966.
- 32 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 721, л. 397. Ковалевский — Петковичу, 30.IX 1860 г.
- 33 АВПР, ф. ГА, Политический отдел, д. 1, л. 160 об. Балабин — Ковалевскому, 30.XI 1859 г.
- 34 АВПР, ГА, У—А₂, д. 721, л. 87. Петкович — Ковалевскому, 10.IV 1860 г.
- 35 С. С. Татищев. Император Александр II, стр. 265—268; Б. Павићевић. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963, стр. 30—40, 47; К. Грюнвальд. Франко-русские союзы. М., 1968, стр. 106.
- 36 См.: Б. Павићевић. Указ. соч.
- 37 АВПР, ф. ГА, У—А₂, д. 719, л. 130. Петкович — Балабину, 9.VI 1859 г.; д. 723, лл. 123—124 об. Петкович — Ковалевскому, 13. VI 1862 г.

Русские проекты реформ в Европейской Турции в 1867 г.

Н. В. ЗУЕВА, Е. М. ШАТОХИНА

Русские проекты реформ составляли важный этап в политике России на Балканах в период от Парижского договора 1856 г. до Константинопольской конференции 1876 г.

Найденные в советских архивах материалы позволяют поставить вопрос о политике реформ царской России в Европейской Турции, осветить историю русских проектов 1867 г. и показать значение их для национально-освободительного движения балканских народов, поработанных Оттоманской империей.

В 1866—1867 гг. европейские правительства, в том числе и русское, были сильно обеспокоены обострением внутренней обстановки в Европейской Турции. Восстание на Крите 1866 г. всколыхнуло все балканские народы, остававшиеся под властью Османской империи, и явилось толчком к новому подъему национально-освободительного движения. В российское министерство иностранных дел поступали многочисленные донесения о волнениях в Болгарии, Боснии, Герцеговине, Эпире и других турецких провинциях. Консулы сообщали об особенно напряженном положении в Болгарии, о том, что терпение болгар истощается и они готовы последовать примеру критян¹.

В инструкциях российским консулам в Болгарии рекомендовалось внушать деятелям болгарского движения, «что христианское дело в Турции может надеяться на успех лишь под условием единства действий со стороны всех заинтересованных христианских народностей»². Особое значение придавалось сербо-греческому союзу и сближению болгар с сербами. В этом направлении активно действовал русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, который поддерживал контакты с сербскими, греческими и болгарскими деятелями освободительного движения, поощряя и содействуя их сближению³. Подчеркивая значение единодушных и согласованных действий славянских народов, директор Азиатского департамента МИД России П. Н. Стремоухов в беседе с прибывшими в Петербург членами Добродетельной дружины, представителями умеренного крыла болгарской буржуазии Хр. Георгиевым и Г. Шоповым, советовал им «согласовывать свои планы и стремления с Сербией»⁴.

Русский кабинет, воспользовавшись критским восстанием, снова поставил перед западными державами и Портой вопрос о положении подвластных султану народов Европейской Турции. Указав на безрезультатный опыт десяти лет, прошедших с момента обнаружения хатт-и хумаюна, в течение которого все обещания оставались мертвой буквой, он предложил потребовать от султана

реальных мер для улучшения положения христианского населения Османской империи. Свою деятельность в этом плане царская дипломатия развивала по двум линиям: добиваясь от западных держав коллективного демарша перед Портой и ведя одновременно двусторонние переговоры с последней.

Несмотря на то что сведения о тяжелом положении немусульманского населения и невыполнении обещанных турецким правительством реформ поступали и от консулов западных держав⁵, кабинеты этих стран отрицали необходимость новых реформ, ссылаясь на то, что хатт-и хумаюн полностью отвечает интересам всего населения Турции и нужно только добиваться применения его на практике.

Из западных держав наиболее активно выступала Франция. Противоречивый и сложный комплекс причин определял ее политику на Балканах в этот период. С одной стороны, Франция вела здесь борьбу за свое влияние, стремясь обеспечить и утвердить экономические и политические позиции своей буржуазии. С другой стороны, французский кабинет, заинтересованный в поддержке царской Россией своих внешнеполитических планов на Западе, не мог не считаться со все более настойчивыми требованиями петербургского правительства относительно улучшения положения христианских подданных султана.

Подъем национально-освободительного движения балканских народов и выступление в его поддержку общественного мнения Европы безусловно оказывали влияние как на политику России, так и на политику Франции, каждая из которых стремилась использовать эти факторы в интересах укрепления своего влияния в этом регионе.

Не желая оставлять инициативу в руках российской дипломатии, французское министерство иностранных дел в феврале 1867 г. предложило свой проект реформ в Турции. В основу его был положен все тот же хатт-и хумаюн. Утверждая, что 16 статей этой хартии Портой проведены в жизнь, французский кабинет ограничивался включением в проект тех 19-ти, применения которых, по его мнению, следовало добиваться от османского правительства.

Российское министерство иностранных дел, выступившее с инициативой обсуждения новых мер, подготовило свою программу преобразований в Европейской Турции. Поскольку французский проект снова поднимал на щит хатт-и хумаюн⁶, необходимо было прежде всего высказать отношение к этому акту. В этом направлении велась работа параллельно — министерством иностранных дел и послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым. В результате почти одновременно были подготовлены МИД «Записка о реформах, предпринятых в Турции»⁷ (от 12 марта 1867 г.), а Игнатьевым — «Замечания на хатт-и хумаюн» и «Замечания на французский мемуар, относящийся к хатт-и хумаюну» (от 21 марта 1867 г.).⁸

Источником для написания этих документов послужили донесения русских консулов, которые, согласно предписаниям МИД, на протяжении всех предшествовавших лет внимательно следили за ходом выполнения хатт-и хумаюна на местах.

На основании материалов, полученных от консулов, МИД России в своей записке доказывал, что «большая часть мер хатт-и хумаюна 1856 г., относящихся до социальных, политических, административных и экономических условий христианского населения Оттоманской империи, не была и, по-видимому, не могла быть выполнена таким образом, чтобы удовлетворить жизненным потребностям этого населения». Основную причину несостоятельности хатт-и хумаюна авторы записки усматривали в идее «слияния непримиримых элементов» (христиан и мусульман), на которой, по их мнению, зиждился этот документ и которую правящие круги западных держав и Турции выдвигали как средство возрождения и сохранения целостности Оттоманской империи. Апологеты этой идеи утверждали, что с помощью реформ, провозглашавших равенство в правах христиан с мусульманами, возможно будет осуществить политическое и социальное слияние их и «из этого хаоса, состоящего из столь различных элементов, но не являвшихся несовместимыми, выйдет новая нация, полная сил... не Турция более, но Оттоманская империя, не различные расы и с трудом сгруппированные под одним скипетром, а единый народ, живущий одной политической жизнью, объединенный нравами и интересами, молящийся не у одного алтаря, но на одном языке и с одним сердцем за суверена и родину»⁹.

К. Маркс, разоблачая всю несостоятельность выступлений государственных деятелей западных держав, в частности английских, заявлявших, что «великой целью, преследуемой западными державами, является уравнивание в правах христианской и магометанской религий в Турции», писал, что «это либо ровно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам[...] Но возможно ли уравнивать в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле замечать коран новым гражданским кодексом, другими словами означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей», т. е. осуществить полный социальный переворот в такой стране, как Турция. Совершенно очевидно, что такую «гигантскую задачу» не ставили и не могли ставить перед собой правящие круги западных держав. И их единственной целью было, подчеркивал в заключение Маркс, «пустить пыль в глаза английскому народу и народам Европы»¹⁰.

Царское правительство активно выступало против идеи смешения, слияния различных народностей, подвластных Порте, и объективно такая его позиция соответствовала интересам славянских народов Оттоманской империи, стремившихся к национальному самоопределению и государственной независимости.

Параллельно с критикой хатт-и хумаюна в записке МИД рассматривались и положения французского проекта реформ, доказывалась несостоятельность утверждений относительно осуществления основных принципов хатт-и хумаюна, а также попыток найти оправдание нарушениям той или иной статьи. В ответ на утверждение, что статья о воинской повинности не выполнена по вине самих христиан, которые якобы предпочли откупиться ничтожным налогом от военной службы, в записке приводились факты, свидетельствующие об увеличении втрое суммы выкупа с христиан по сравнению с мусульманами.

Говоря относительно статьи о равномерном распределении налогов и уничтожении злоупотреблений при сборе их, в записке отмечалось, что «ни одно из этих обещаний не выполнено», и конкретными данными подтверждался вывод об увеличении финансового гнета.

В ней высказывалось также отношение к вилайетской реформе, которая вводила новое административно-территориальное деление и управление в Турецкой империи (1864—1867 гг.). В отличие от французского мемуара, преувеличивавшего «хорошие результаты» этой реформы, российский кабинет указывал на отрицательные последствия ее: ущемление прав христианских общин в результате централизации власти, усиление административного произвола мусульман, мнимый характер избирательных учреждений и увеличение налогового бремени.

В заключение в документе подчеркивалось, что провозглашенные султаном реформы невыполнимы, поэтому державам предлагалось «изыскать более действительные меры [...] ясно определить их, и затем наблюдать с общего согласия за строгим и добросовестным их применением». Таким образом, доказывая несостоятельность хатт-и хумаюна, царская дипломатия отвергала и французский проект реформ.

21 марта 1867 г. Н. П. Игнатъев направил А. М. Горчакову свои замечания на хатт-и хумаюн и на французский проект. Довольно подробно он остановился на религиозных вопросах, которые не были затронуты в официальной записке МИД. Замечания Игнатъева представляют значительный интерес по своему фактическому материалу, поскольку автор их, находясь в Константинополе, располагал разнообразными источниками информации. Оценивая этот документ, следует прежде всего сказать, что замечания Игнатъева по принципиальным вопросам не расходились с упомянутой запиской МИД. Обе стороны, по словам Горчакова, пришли к общему выводу, что хатт-и хумаюн «не был применен, не может быть применен», что он не только бесполезен, но и вреден для христиан и служит лишь своекорыстным целям западных держав, преимущественно Франции¹¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что Горчаков и Игнатъев в то время значительно расходились во взглядах на методы и средства проведения балканской политики России¹². По мнению Игнатъева, проведение реформ

в Турции вообще не отвечало интересам России, так как не давало преимуществ ни для нее, ни для «создания государств единоверцев на руинах Османской империи»¹³. Непосредственно наблюдая подъем национально-освободительного движения балканских народов в европейских провинциях Турции, прилагая усилия к их объединению, он выступал за более решительную поддержку русским правительством этого движения.

Горчаков, принадлежавший к более умеренной группировке в правящих кругах, хотя и не был убежден в эффективности политики реформ в Турции, но, реально оценивая международную обстановку и внутреннее положение России, считал необходимым использовать реформы как средство укрепления влияния и престижа ее среди славянских народов на Балканах. Он рассматривал реформы в качестве «единственного шанса мирного разрешения трудностей на Востоке» и основы для сочетания двух элементов — сохранения Османской империи и улучшение положения христиан, что, по его мнению, обеспечивало бы равновесие в Европе¹⁴.

Русское самодержавие, испытывавшее постоянный страх перед революционным движением народов, путем реформ рассчитывало предотвратить «без насильственных переворотов и потрясений опасности, грозящие Востоку». Выступая с инициативой коллективного демарша, оно предостерегало и западные державы от угрозы «обширного восстания турецких христиан»¹⁵.

Россия предложила свою программу реформ. Над ней работали одновременно А. М. Горчаков и Н. П. Игнатьев. В результате были подготовлены два проекта: проект МИДа — «Меморандум о реформах, какие надлежало бы произвести в Турции для улучшения быта тамошних христианских народонаселений» (от 6 апреля 1867 г.)¹⁶, и Игнатьева — «Проект реформ, требуемых от Порты на основе хатт-и хумаюна», отправленный Горчакову 11(23) апреля 1867 г.¹⁷

В первом проекте нашла воплощение идея административной автономии христианских провинций Европейской Турции. Россия уже поднимала этот вопрос. Достаточно определенно эта идея была выражена в проекте реформ 1855 г. в связи с Венской конференцией. В нем предусматривалось разделение турецких подданных в административном, судебном, финансовом плане по национальному признаку с предоставлением христианскому населению, составлявшему большинство, «религиозных, гражданских и политических прав», гарантированных турецким правительством¹⁸. К этому проекту и обратился А. М. Горчаков, считавший, что идеи, содержащиеся в нем, применимы в данный период и могли быть использованы при подготовке нового проекта реформ. Для этой же цели он послал его в Константинополь Игнатьеву¹⁹.

Однако если в мемуаре 1855 г. требование автономии не было ясно сформулировано, а лишь просматривалось в существе содержания, то в проекте 1867 г. оно прозвучало не только определенно и четко, но и получило дальнейшую конкретизацию.

В основу нового русского проекта был положен принцип «раздельного существования христиан и мусульман» под верховной властью султана. Для обоснования его делалась ссылка на неудачный опыт прежних реформ турецкого правительства, которыми пытались «соединить противоположные, враждебные друг другу элементы (религиозные и социальные доктрины мусульман и христиан)».

Русское самодержавие, выдвигая в 1867 г. проект, рассчитывало создать предпосылки к образованию в дальнейшем самостоятельных государств на территории Европейской Турции под своим покровительством.

Но если подходить к предложению России с точки зрения выбора средства для улучшения участи поработанных народов на Балканах мирным путем, то русский проект, не решая радикально проблему национальной независимости этих народов, по сравнению с французским проектом в большей степени отвечал их интересам, предоставляя необходимые условия для национальной автономии в рамках Османской империи. Это положение пронизывало все разделы проекта, касавшиеся административного, судебного, военного устройства, а также организации финансов и школьного образования.

Вместе с тем следует подчеркнуть ограниченный характер этого документа, вытекавший, с одной стороны, из самой природы царизма, а с другой — из его стремления найти приемлемый вариант как для западных держав, так и для Порты. Понимая, что в данное время вряд ли возможно было в программе преобразований «итти по пути поиска идеала», русская дипломатия с одобрения царя стремилась разработать такие предложения, которые оказались бы в тех условиях реальными²⁰. Не считая свой проект окончательным и «безукоризненным во всех отношениях», царское правительство предлагало представителям великих держав, собравшимся в Константинополе, договориться между собой относительно основных его положений и только после этого начать переговоры с Портой²¹. Но этот план не был осуществлен.

Параллельно с МИД, как уже говорилось выше, над проектом реформ работал и Н. П. Игнатьев. Поручая последнему составление мемуара, основанного на хатт-и хумаюне, А. М. Горчаков с самого начала рассматривал его как проект-минимум при невозможности добиться большего²². По-видимому, царская дипломатия предусматривала отказ западных держав принять русский проект и подготавливала компромиссный вариант.

Игнатьева часто считали автором проекта МИД, а его собственный проект оставался почти неизвестен²³. Он полностью разделял мнение петербургского кабинета, что наиболее серьезной гарантией улучшения положения христианского населения Турецкой империи являлась бы национальная автономия. Однако, находясь в центре событий, поддерживая постоянно контакты с западными коллегами и турецкими министрами, он был хорошо

осведомлен о том, что западные державы и Порты занимали непримиримую позицию относительно автономного развития славянских народов. Касаясь принципа автономии, сформулированного в в проекте МИД, Игнатъев в своих записках писал, что «ни великие державы, ни Порты не приняли бы этот принцип, который, по выражению Фуада, превратил бы Оттоманскую империю «в разъединенные штаты Турции»²⁴.

Перед русским послом стояла сложная задача создать проект, который одновременно был бы приемлем для Порты и западных держав и в то же время удовлетворил национальные устремления балканских народов. Имея в виду прежде всего интересы России на Балканах, Игнатъев, работая над проектом, руководствовался, по его словам, необходимостью «бить своих противников их собственным оружием и комментировать, с точки зрения наших интересов, уже существующую программу»²⁵, т. е. хатт-и хумаюн.

В сопроводительном письме к своему проекту от 11(23) апреля 1867 г. Игнатъев писал Горчакову, что он сформулировал проект реформ, который, «избегая радикальных решений, мог бы послужить основой объединения двух противоположных точек зрения».

Что касается истории написания проекта Игнатъева, то в ней еще имеется ряд неясных моментов. Так, вице-консул в Филиппополе Н. Геров в письме к поверенному в делах русского посольства в Константинополе Е. Е. Стаалу 18 марта 1868 г. упоминал о составленном им по заданию Н. П. Игнатъева проекте реформ, какие можно было бы потребовать от Порты на основании хатт-и хумаюна²⁶. К сожалению, нам не удалось разыскать этот проект, и потому не представляется возможным установить, насколько он использован Игнатъевым. Несомненно одно, что не случайно посол обратился к Герову. Тесно связанный с умеренными кругами болгарской буржуазии, он мог в своем проекте отразить их требования. По-видимому, именно эти требования имел в виду Игнатъев, когда заявлял царю, что его проект «удовлетворит все желания христиан»²⁷.

Несмотря на то, что в отличие от проекта МИД проект Игнатъева исходил из хатт-и хумаюна, он так же, как и первый, был направлен на развитие основ самоуправления балканских народов. Нам представляется, что как раз в этом плане автором был использован мемуар 1855 г., в котором христианская община с ее правами, привилегиями и льготами, гарантированными турецким правительством, рассматривалась «как основа административной, судебной и финансовой системы»²⁸. В своем проекте он требовал полного восстановления прежних привилегий и льгот для христианских общин. Соответствующие статьи хатт-и хумаюна, относившиеся к организации христианских общин, административного, судебного управления, к налоговой системе, он наполнял национальным содержанием. Как и в мемуаре 1855 г., он требовал устроить вмешательство турецких властей в выборы меджлисов, в права христианских общин строить школы, церкви и т. п. В со-

ответствии с поставленной задачей составить проект-минимум, Игнатъев стремился, «не очень отдаляясь от буквы хатт-и хумаюна [...], практическими мерами поднять христианский элемент развитием самоуправления», что, по его мнению, должно было привести к самостоятельному развитию различных национальностей²⁹.

Говоря о судьбе игнатъевского проекта, надо иметь в виду, что он не был представлен кабинетам европейских держав, так как официально им был передан проект МИД, на базе которого и велись в основном с Францией переговоры о реформах.

В сложной обстановке борьбы, противоречий, лавирования западных держав и Порты российский посол в Константинополе в течение почти всего 1867 г. вел переговоры с турецкими министрами об улучшении положения христиан — подданных султана. Прежде всего он пытался добиться от Порты согласия на принятие основных предложений МИДа России. Встречая постоянное сопротивление со стороны Порты в ходе этих переговоров и убеждаясь в отрицательном отношении к идее национальной автономии, Игнатъев после написания своего проекта параллельно начал обсуждать с турецким министром иностранных дел Фуадом-пашой основные его положения. Не отвергая их окончательно, Фуад-паша вместе с тем заявлял, что проект касается лишь положения христиан — подданных султана, а не Турции в целом, и «претендует на опеку и вмешательство во внутренние дела Турции»³⁰. Таким образом, и проект Игнатъева, содержавший минимум требований, по существу был отрицательно встречен Портой, которая, используя противоречия между западными державами и Россией, лавировала и уклонялась от принятия каких бы то ни было мер для изменения положения подвластного ей населения Европейской Турции. Так, опираясь на поддержку европейских кабинетов (в данном случае на английский); Фуад-паша в мае 1867 г. выступил с документом, в котором, вопреки реальному положению вещей, утверждал, что за 10 лет, прошедших со дня провозглашения хатт-и хумаюна, большая часть этой программы выполнена и, следовательно, нет необходимости в новых реформах³¹. Вместе с тем Фуад-паша, получивший от Игнатъева текст его проекта в августе 1867 г. во время пребывания в Ливадии, в ходе дальнейших переговоров выразил согласие принять $\frac{3}{5}$ содержавшихся в нем предложений³². Однако это был очередной маневр, за которым практических результатов не последовало, и в октябре русский посол забрал свой проект реформ.

Таким образом, попытки царского правительства добиться принятия своего проекта реформ Европейской Турции не увенчались успехом: принцип автономного развития балканских народов, остававшихся под властью султана, оказался неприемлемым ни для западных держав, ни для Порты.

Проекты реформ 1867 г. занимали важное место в политике России на Балканах, определявшейся поисками мирных путей

зи средств решения балканского вопроса после Крымской войны. Они отражали стремление царской России активизировать политику, направленную на укрепление своего влияния в этом регионе. Но, несмотря на субъективно-корыстные цели такой политики, она способствовала развитию национально-освободительных устремлений поработенных народов Турецкой империи, хотя в условиях 60-х годов XIX в. национальные чаяния этих народов уже не могли быть удовлетворены путем предоставления им внутренней автономии.

- ¹ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Посольство в Константинополе, Рушук, 1866, д. 2182-6, л. 214; Варна, 1867, д. 1619, л. 10.
- ² АВПР, ф. Посольство в Константинополе, Рушук, 1867, д. 2183, л. 299.
- ³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, Белград, 1864—1867, д. 1384, л. 13 и об.
- ⁴ А. А. Улунян. Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60—70-х годов XIX в. (По донесениям русских дипломатов). «Известия на Института за история», т. 20. София, 1968, стр. 284—285.
- ⁵ М. А. Denton. Die Christen in der Türkei. London, 1863, S. 5—15.
- ⁶ См.: Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина. Отношение России к турецким реформам в Болгарии 1856—1866 гг. — «Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время». М., 1974.
- ⁷ «С.-Петербургские ведомости», 9 (21). XII 1867 г.
- ⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 168—222, 227—247 об.
- ⁹ E. Morel. La Turquie et ses réformes. Paris, 1866, p. 3—5.
- ¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 130—131.
- ¹¹ АВПР, ф. ГА, П-18, 1855—1867 гг., д. 1, л. 137.
- ¹² Н. С. Киякина. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, стр. 54—55.
- ¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 27, 153.
- ¹⁴ АВПР, ф. 1, д. 10, лл. 100—101 об.
- ¹⁵ «С.-Петербургские ведомости», 8 (20) — 10 (22). XII 1867 г.
- ¹⁶ «С.-Петербургские ведомости», 10(22). XII 1867 г.
- ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 373—383.
- ¹⁸ «Москва», 23—24. III 1867 г.
- ¹⁹ ЦГАОР, ф. 828, оп. 1, д. 224, л. 14 и об.
- ²⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867, д. 210, лл. 82—84.
- ²¹ «С.-Петербургские ведомости», 10 (22). XII 1867 г.
- ²² АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 48, л. 362.
- ²³ С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1911, стр. 60.
- ²⁴ Записки графа Н. П. Игнатъева (1864—1874 г.) — «Известия Министерства иностранных дел», кн. III. СПб., 1914, стр. 96.
- ²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 33, лл. 240—243.
- ²⁶ «Документи за българската история», т. I. Архив на Найдено Герова, ч. 1 (1857—1870). София, 1931, стр. 457.
- ²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 48, лл. 445 и об.
- ²⁸ «Москва», 23—24. III 1867 г.
- ²⁹ Записки графа Н. П. Игнатъева (1864—1874). — «Известия Министерства иностранных дел», кн. I, 1914, стр. 79; АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 270—278 об.; д. 34, лл. 121—127.
- ³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 487—497.
- ³¹ А. Schopoff. Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie. 1673—1904. Paris, 1904, p. 55—59.
- ³² Записки графа Н. П. Игнатъева..., кн. II, стр. 92.

Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в.

К. Б. ВИНОГРАДОВ

Результаты франко-прусской войны 1870—1871 гг. изменили соотношение сил в Европе. Заметно упал удельный вес Франции при решении международных вопросов, в том числе проблем Ближнего Востока. Выдвинувшаяся на авансцену Германия стремилась укрепить свое лидирующее положение на континенте. На Ближнем Востоке, говорил Бюлов, «мы не имеем прямых интересов». Близкая к правительству «Пост» поясняла: «Сейчас Германия не может непосредственно ничего там выиграть»¹.

В 1871—1875 гг. Бисмарк продолжал скептически относиться к идее постоянных военно-политических союзов. Договор с Россией и «Союз трех императоров» 1873 г. нужны были ему против Франции. Само сближение Берлина, Петербурга и Вены стимулировалось ненавистью правящих кругов к идеям и лозунгам Парижской коммуны². Для Александра II страх перед новыми революционными потрясениями оставался весомым фактором и в 1875 г. И все же к лету этого года опасения несколько поулеглись. Они уже не могли цементировать «Союз трех императоров».

Весной 1875 г. довольно напряженными были австро-германские отношения, усугублявшиеся, в частности, из-за сопротивления опруссачиванию со стороны сепаратистских и католических элементов в Южной Германии. В дипломатических кругах не исключали возможности провокаций и даже нападения Германии на дуалистическую монархию³. Однако Бисмарк предпочел иной путь. «Военная тревога» 1875 г. выявила куда более глубокую трещину в австро-русско-германском союзе. «Унижение», пережитое Бисмарком, бесспорно повлияло на его политическую линию во время ближневосточного кризиса.

Разумеется, загадку быстрого ухудшения русско-германских отношений не следует искать в личных ссорах. Подлинные причины, как показал еще С. Д. Сказкин, заключались в ломке экономического механизма традиционной «дружбы» Гогенцоллернов и Романовых⁴. А вместе с тем все большее значение приобретали политические и военно-политические противоречия (включая и проблему гегемонии в Юго-Восточной Европе). Берлинские руководители сделали вывод о целесообразности пересмотра некоторых установок и необходимости тщательного учета всего комплекса факторов. Нельзя ли, например, использовать горячие материалы, накопившиеся на Балканах и Ближнем Востоке? Выстрелы в горах Герцеговины прогремели для Бисмарка очень кстати.

Сто лет тому назад все еще крупную роль в мировой политике играли династические интересы, подчас путавшие карты политиков-профессионалов.

Но время самодержцев подходило к концу. 60—70-е годы XIX в. были периодом быстрого капиталистического развития. Крупная буржуазия стала определять государственный курс Англии и Франции, существенно влияла на него в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Италии. Становилась на ноги буржуазия небольших балканских стран, ускорилось разложение феодализма в Турции.

К 70-м годам так называемые морские державы, в первую очередь Великобритания, добились экономического подчинения многих стран Средиземноморского бассейна. Почти половина турецкого товарооборота приходилась на Англию. Ее изделия проникают и в зону нижнего Дуная. Но увеличивался и объем сухопутных перевозок, в лихорадочном темпе стали сооружаться железные дороги. Предстояла смычка турецких дорог с европейскими. И если австрийская буржуазия мало интересовалась «дикой», «бедной» Боснией, то весьма активные фракции венских (а также германских) финансистов, коммерсантов и промышленников надеялись вскоре совершить экономический рывок к Эгейскому морю и Босфору. Аристократы, монополизировавшие габсбургскую дипломатию, теперь вынуждены были считаться с Гиршем и ему подобными дельцами. Капиталисты Европы вглядывались уже и в бескрайние просторы азиатских владений султана; разгоралась борьба из-за концессий на железные дороги в Малой Азии и Сирии. Летом 1875 г. султанское правительство решило произвести изыскания трассы Измид — Ангора. Уже тогда в дипломатических донесениях замелькал и Багдад как конечный пункт будущей дороги.

В этой связи необходимо подчеркнуть существенные отличия восточного вопроса 70-х годов XIX в. по сравнению с 40—50-ми годами. Опека Турции западными державами ускорила ее упадок. Не только проливы или европейские вилайеты, но и ряд территорий в Азии — вплоть до Персидского залива — становятся объектами внимания колонизаторов. Стимулом «освоения» новых земель стал Суэцкий канал, экономическая рентабельность и стратегическая значимость которого были уже бесспорны в 1875 г. Термин «Средний Восток» еще не был придуман, но прежнее понятие «Восток Ближний» уже никак не покрывало его.

Наметившиеся сдвиги не означали, однако, уменьшения удельного веса Балкан или зоны проливов в мировой политике.

Важнейший новый фактор, который также не в состоянии была должным образом оценить европейская дипломатия, заключался в невиданном до той поры размахе национально-освободительного движения в Европейской Турции.

В начале июня 1875 г. Новиков писал из Вены: «Мы вступили в период спокойствия...»⁵ Многие политики и дипломаты отбыли на воды или в свои имения. Только когда пожар восстания перекинулся из Герцеговины в Боснию, европейская пресса забила тревогу.

В августе 1875 г. Жомини уже констатировал: «Итак, перед Европой внезапно возник восточный вопрос, столь полно и определенно, как ни в какую другую эпоху»⁶. Какова же оказалась реакция европейских правительств?

Постоянно действующего концерта держав в 1875 г. не существовало. Каждая из них преследовала на Балканах собственные цели; лишь для проформы официальные круги провозглашали приверженность принципам гуманности, предотвращения новых кровопролитий и т. п.⁷ Рассмотрим позицию крупных держав Европы.

Австро-Венгрия. Восстание происходило вблизи ее границ; население Хорватии и Далмации сочувствовало и помогало повстанцам. На первых порах благожелательно относился к ним и наместник Далмации генерал Родич. Однако масштабы движения и перспектива создания единого югославянского государства привели к тому, что в Вене возобладала точка зрения Андраши и поддерживавших его дворянско-буржуазных кругов. Министр иностранных дел не считал тогда целесообразным добиваться аннексии Боснии и Герцеговины, а потому настаивал на сохранении турецкого управления ими⁸.

Для укрепления своих позиций Андраши пришлось развить бурную деятельность. На заседаниях объединенного Совета министров он входил в детали многих вопросов, уделял значительное внимание ассигнованиям на вооруженные силы⁹. В дипломатической сфере Андраши всячески стремился овладеть инициативой, парировал усилия Игнатьева, пытавшегося сделать Константинополь узловым пунктом переговоров. Было покончено с широкой поддержкой повстанцев из Далмации. Больше того, Австро-Венгрия разрешила транзит турецких войск и оружия через порт Клек.

Андраши оказывал сильное давление на Сербию и Черногорию, побуждал их сохранить нейтралитет¹⁰. После прихода к власти «министерства действия» Ристич направил инструкцию представителю Сербии в Вене, подчеркнув, что их страна не может остаться равнодушной к борьбе народа в Боснии и Герцеговине. В ответ австрийская дипломатия усилила нажим в Белграде¹¹.

Андраши враждебно встретил план широкой автономии Герцеговины и Боснии, предложенный русской дипломатией; его собственные проекты реформ в Боснии не отличались четкостью. Никаких гарантий их выполнения не было, и Андраши мог только твердить: «Я убежден в душе в том, что Порты уступит»¹².

Россия. Русское общество с волнением следило за борьбой в Герцеговине и Боснии. Был организован сбор средств для «ин-

сургентов», среди последних появились первые добровольцы из России. Царское правительство напомнило о необходимости оградить права христиан. Может быть настало время добиться полной ревизии Парижского трактата? В славянофильских кругах это считалось аксиомой. Однако государственное руководство долго не имело твердой политической линии.

До конца ноября 1875 г. Горчаков находился в Швейцарии. Он ограничился высказыванием в пользу самоуправления восставшей турецкой провинции. Царь пребывал в Ливадии, куда ему направляли пространные послания Игнатьев и Новиков. Дипломаты на местах по-разному оценивали ситуацию. Так, Игнатьев решил, что настало его время. Русскому послу удалось, например, добиться заверений от великого везира в том, что уже сосредоточенные на границе Сербии войска не предпримут нападения и будут отведены¹³. Но его программу, нацеленную на установление «особых отношений» с Турцией, Александр II отклонил¹⁴.

Из Петербурга Жомини строчил велеречивые инструкции, но пасовал перед трудностями. Некоторые срочные дела он откладывал, ожидая пометок царя, присылаемых из Крыма. Оглядывался он и на цесаревича, заигрывающего со славянофилами. Жомини вяло защищал предложения об автономии Боснии и Герцеговины; высказавшись первоначально в пользу проведения переговоров в Константинополе, он легко дал себя переубедить в пользу Вены¹⁵.

Возвращение Горчакова вызвало некоторые перемены. Русская дипломатия стала подчеркивать необходимость договориться о мерах, которые следует наметить на случай провала «плана Андраши». Канцлер предписал также более энергично добиваться реальных, а не эфемерных уступок от Турции. Однако и Горчаков склонялся к максимально осторожному курсу и сохранению контактов с Веной, к тому, что он называл «браком по расчету».

Германия. По мере развития кризиса тезис о «незаинтересованности» стал звучать несколько иначе. «Восточный вопрос является европейским, а потому затрагивает и Германию. Мы не допустим его решения к выгоде какой-то одной державы» — вот часто повторявшийся лейтмотив правящих берлинских кругов¹⁶. Бисмарк и его помощники продолжали уверять, что «интересы России и Германии параллельны»¹⁷. Но при выработке конкретных мер на Балканах немецкая дипломатия уже чаще поддерживала Андраши.

В течение ряда месяцев Бисмарк не покидал Варцин. Как говорил британский посол О. Рассел, здесь в одиночестве зрели его секретные замыслы по восточному вопросу. И зимой 1875—1876 г. он вышел из тени. «Не пора ли моему превосходному другу Горчакову покончить с остатками договора 1866 г.?» — говорил он русскому послу 4 января. Конечно, придется уступить Боснию Австро-Венгрии, подумать и о дальнейшей судьбе Балканского полуострова. Немецкий канцлер был любезен и соглашался уго-

ворить Англию (ее интересы лежат в Египте!) примкнуть к сделке¹⁸ Он обещал также свою поддержку России, если она поссорится с Британией...¹⁹ Горчаков сразу разобрался в смысле бисмарковских посулов. Он ответил в Берлин, что царь не даст себя завлечь планами завоевания Константинополя и Босфора²⁰.

Добавим, что в дипломатических кругах еще осенью обратили внимание на симптомы англо-германского сближения²¹. В январе 1876 г. Бисмарк уже недвусмысленно предложил координировать курсы двух стран. Начиналась новая сложная игра германской дипломатии — на Ближнем Востоке желательным было столкнуться Россию с Англией, а может быть и с Австро-Венгрией.

Великобритания. Летом 1875 г. она оказалась перед лицом казалась бы прочного фронта трех империй, к которым готовы были примкнуть Франция и Италия. Первые попытки нащупать трещины в блоке монархий и выйти из изоляции особых результатов не дали. Может быть это обстоятельство повлияло на британскую дипломатию, вновь занявшую протурецкую позицию. Дерби подчеркнул, что выступает за status quo в Османской империи, и дал понять, что «поможет» туркам²². Эллио же активно действовал против повстанцев. Добившись аудиенции у султана, посол рекомендовал ему энергично подавить восстание в Герцеговине; он подстрекал Хуссейна против Сербии, а в беседе с сербским поверенным Магазиновичем угрожал бросить 150 тыс. турецких войск на Белград²³. Поскольку к концу 1875 г. вновь стали портиться отношения с Россией, в Англии забеспокоились о партнерах и союзниках. Нельзя ли, например, переориентировать французскую политику на Лондон? Еще большее значение придавали Германии. Дизраэли высказался за «доброе соглашение» с ней; соответствующая инструкция Расселу была послана 16 февраля 1876 г.²⁴

Франция и Италия. Обе державы не играли крупной роли в 1875—1876 гг. Активность Франции парализовалась, в частности, сложной внутренней обстановкой. Тем не менее французская дипломатия постаралась включиться в дело так называемого урегулирования на Балканах, за которое взялись Россия, Германия и Австро-Венгрия. Благодаря поддержке Петербурга Франция приняла участие в некоторых шагах европейской дипломатии на Босфоре. Деказ и Александр II сошлись на том, что «Восток является особенно подходящей почвой» для цементирования дружеских отношений России и Франции²⁵.

Италия в 70-е годы в первую очередь пыталась добиться признания своего великодержавия; она охотно участвовала во всех общеевропейских политических мероприятиях. В августе посол Италии в Вене добился специальной аудиенции у Андраши. Итальянское правительство, сказал он министру, хотело бы примкнуть к предстоящей дипломатической акции. Немало ответственных персон в Риме удовлетворено тем, что Италию «приглашают возвысить свой голос», сообщал русский поверенный в делах²⁶.

В самом конце 1876 г. Андраши предложил свой план реформ

в Боснии и Герцеговине, согласованный с русскими и германскими дипломатами. Через месяц уже все шесть держав Европы сделали соответствующие представления в Константинополе. Итак, европейский концерт, единодушно выступивший за улучшение участи христианских подданных султана, казалось, был восстановлен. Но сами лидеры европейской дипломатии не верили в успех. Скептически оценивали перспективы «умиротворения» на базе обещаний Турции Горчаков, Бисмарк, Веноста, Новиков, Александр II, Андраши...²⁷ Дипломатия Европы пробовала решать восточный вопрос по-старинке, не замечая, что на Балканах созрели такие силы, которые уже нельзя было сдержать прежними средствами. «Путь замазывания трещин» — вот вариант, который, пользуясь словами Горчакова, избрали державы²⁸. Последующие события показали его полную непригодность.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1875, д. 19, л. 58. Арапов — Жомини, 14 августа 1875 г.; д. 20, л. 271. Арапов—Жомини, 18 сентября 1875 г.

² См.: Ю. Борейша. Годы 1870—1871, переломный момент всемирной истории. М., 1970.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1875, д. 112, лл. 300—303, 317. Новиков — Горчакову, 9 и 20 мая 1875 г.

⁴ См.: С. Д. Скажин. Конец австро-русско-германского союза, т. 1. М., 1928.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 112, л. 338. Новиков — Александру II, 8 июня 1875 г.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 89, л. 245, 246. Жомини — Новикову, 22 августа 1875 г. К тому времени и ряд других дипломатов обратил внимание на неожиданный поворот дела. Так, Новиков сообщал, что в Герцеговине «католики повсюду держатся сообща с православными», а во многих местностях к ним присоединяются «мусульманские селяне». Он же констатировал отличие восстания 1875 г. от предыдущих (АВПР, ф. Канцелярия, д. 112, л. 439, 449. Новиков — Жомини, 15 и 30 июля 1875 г.).

⁷ Отметим попутно, что правящие круги европейских держав весьма враждебно отнеслись к сильной демократической струе, бывшей в общем освободительном потоке.

⁸ E. Wertheimer. Graf Julius Andrassy, Bd 2. Stuttgart, 1913, S. 254—255; D. Harris. A diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875—1878: The first year. Stanford, 1936, p. 69—72.

⁹ Országos Levéltár Filmtár, 1024.

¹⁰ Државни архив секретариата иностранных послов, 1875, VI, П/5—II.

¹¹ Там же.

¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1875, д. 113, л. 25, 26. Новиков — Александру II, 13 октября 1875 г. Царь комментировал: «Никак не разделяю это убеждение».

¹³ АВПР, ф. Политический отдел, 1875, д. 2, лл. 278—280, 388. Игнатьев — Жомини, 30 сентября и 8 ноября 1875 г.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1875, д. 89, л. 326. Жомини — Игнатьеву, 17 ноября 1875 г.; ф. Главный архив, УА₂, 1875 г., д. 547, лл. 67—83. Игнатьев — Горчакову, 6 декабря 1875 г.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 89, лл. 268, 290, 295. Жомини — Игнатьеву, 28 августа и 18 сентября; Жомини — Новикову 20 сентября 1875 г.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 20, л. 272. Арапов — Жомини, 18 сентября 1875 г.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 19, лл. 96, 97. Арапов — Жомини, 31 августа 1875 г.

- ¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 19, лл. 537, 540—543. Убри — Горчакову, 5 января 1876 г.
- ¹⁹ S. Goriaïnov. La question d'Orient à la veille du traité de Berlin (1870—1876). Paris, 1948, p. 66.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 19, л. 173. Арапов — Жомини, 26 сентября 1875 г.
- ²² АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 112, л. 512. Новиков — Жомини, 15 августа 1875 г.; д. 20, л. 258. Арапов — Жомини, 6 сентября 1875 г.
- ²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 27, лл. 296, 297, 409, 410, 420. Игнатьев — Жомини, 19 августа, 2 сентября 1875 г.
- ²⁴ K. Bourne. The Foreign Policy of Victorian England, pt. II. Oxford, 1970. Selected Documents, N 98, 99.
- ²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 88, л. 179. Окунев — Жомини, 7 августа 1875 г.; д. 89, л. 13. Жомини — Окуневу, 10 августа 1875 г.
- ²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 112, л. 513. Новиков — Жомини, 16 августа 1875 г.; д. 92, л. 254. Шевяч — Жомини, 21 августа 1875 г.
- ²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 72, л. 155; д. 19, лл. 426, 427; д. 92, лл. 282, 283; д. 113, л. 23; д. 89, лл. 301—303; д. 115, л. 183.
- ²⁸ См. D. Harris. Указ. соч., стр. 165.

Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны

Б. Б. КРОСС

Накануне первой мировой войны происходил процесс сближения России и Румынии, который явился одним из факторов, обусловивших переход последней из лагеря Тройственного союза, к которому она примкнула в 1883 г., в лагерь Антанты. В исторической литературе широко распространено мнение, что отход Румынии от Тройственного союза произошел не ранее 1913 г. Советский историк А. И. Звавич первым высказал мысль о том, что этот процесс начался еще в 1909 г.¹ Эту точку зрения мы находим и в статье румынского ученого И. Георгиу «Три неопубликованных документа о румыно-русских отношениях в 1909 году»². Разделяет ее и автор настоящего сообщения, которое посвящено главным образом периоду 1909—1912 гг. Стремление царского правительства к сближению с Румынией было продиктовано обострением (особенно в период боснийского кризиса 1908—1909 гг.) противоречий между Россией и Австро-Венгрией и его планами создания на Балканах для противодействия австро-германской экспансии в этом районе группировки держав, которая помимо Болгарии и Сербии включала бы также Грецию, Турцию и Румынию³. Курса на создание балканской конфедерации Сазонов продолжал придерживаться до конца 1913 г.⁴ По мере того как яснее вырисовывались перспективы мировой войны, политика царской России в отношении Румынии все в большей степени исходила

из общих задач дипломатической подготовки к войне. Ближайшей целью царской дипломатии в этой ситуации было обеспечение нейтралитета Румынии.

Деятельность русской дипломатии, направленная на улучшение отношений с Румынией, увенчалась определенным успехом прежде всего потому, что она находила благоприятную почву в румынских правящих кругах.

Важное значение в этом имело обострение противоречий между Румынией и Австро-Венгрией в связи с ростом национально-освободительных движений в монархии Габсбургов и в Османской империи и агрессивной политикой двуединой монархии на Балканах.

После 1903 г. резко ухудшились австро-сербские отношения, что проявилось в «свиной войне» 1906—1910 гг., боснийском кризисе 1908—1909 гг., а затем во время балканских войн 1912—1913 гг. и, как итог, в июльском кризисе 1914 г. Австро-Венгрия стремилась ослабить Сербию и в этих целях раздвигала противоречия между ней и Болгарией, которую австро-венгерский империализм хотел использовать в своих антисербских замыслах⁵. Это стремление не находило сочувствия в Румынии, правящие круги которой рассматривали Болгарию как своего соперника, усиления которого они не хотели и боялись, а Сербию считали потенциальным союзником или — как выразился румынский король Кароль I в беседе с начальником австро-венгерского генерального штаба Конрадом в июне 1908 г. — своим «фланговым прикрытием»⁶. Противоречия между Румынией и Австро-Венгрией обострялись и на почве трансильванского вопроса, и в связи с торговыми отношениями. Растущее недовольство в Румынии вызывало господствующее положение германо-австрийского капитала в финансовой сфере и на внутреннем рынке Румынии⁷. Противоречия с Австро-Венгрией создавали определенную общность интересов России и Румынии, почву для русско-румынского сближения.

Австро-румынские противоречия ярко проявились уже в период боснийского кризиса. Румынское общественное мнение враждебно отнеслось к предпринятой Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, явно направленной против Сербии и национально-освободительного движения южного славянства. Разгром последнего поставил бы на повестку дня и расправу с национальным движением трансильванских румын и привел бы к еще большему закабалению Румынии австро-венгерским империализмом. Эти опасения подкреплялись политикой венгерских властей, ограничивавших права румынского населения. Недовольство румынской общественности вызывала и неуступчивость Австрии на проходивших осенью 1908 года в Вене переговорах о заключении нового австро-румынского торгового договора. По этим причинам румынское общественное мнение поддержало Сербию против Австро-Венгрии. В октябре 1908 г. в Румынии возникло массовое

антиавстрийское движение, которое не могло не оказать определенного воздействия и на позицию правительства и короля, у которого к тому же имелись свои причины для недовольства политикой Австро-Венгрии. Ему не нравились заигрывания австрийского правительства с болгарским князем Фердинандом, особенно то, что Вена не сочла нужным даже поставить своего союзника в известность о переговорах с Софией и о данных ею гарантиях румынского нейтралитета (в случае войны Болгарии с Турцией).

В этой ситуации австрийские дипломаты вынуждены были пойти на некоторые уступки. В январе 1909 г. возобновились прерванные незадолго до этого торговые переговоры. Уступчивость австро-германской дипломатии возросла после прихода к власти в Румынии И. Брэтиану, которого в Берлине и в Вене считали менее послушным, чем прежнего главу правительства престарелого Д. Стурдзу. Брэтиану, занявший вскоре и пост лидера либеральной партии, в которой его сторонники вели ожесточенную борьбу против «старой гвардии» Стурдзы, действительно стал довольно целеустремленно добиваться улучшения отношений с Россией. Во время первой же беседы с посланником России в Бухаресте Гирсом новый премьер-министр заявил, что «интересы Румынии требуют установления самых дружественных сношений с Россией. Со своей стороны он приложит все свое старание к достижению этой цели»⁸.

Интересы России и Румынии совпадали в тот момент прежде всего в вопросе предотвращения военного конфликта и сохранения статус-кво на Балканах.

В разгар кризиса румынский посланник в Петербурге заверил А. П. Извольского, что в случае конфликта между Сербией и Австрией Румыния сохранит нейтралитет⁹.

Австро-венгерское правительство, которое было серьезно обеспокоено позицией Румынии, вынуждено было дать «заверения» в том, что оно не имеет соглашения с Болгарией и не будет поощрять нападения последней на Турцию. 17 марта Австро-Венгрия сообщила о новых уступках по вопросу о торговом договоре, переговоры о котором были вновь прерваны в начале марта. Вскоре договор был подписан. Эти уступки временно укрепили ее влияние в Бухаресте¹⁰.

Однако кризис не прошел для Румынии бесследно. Он продемонстрировал наличие серьезных противоречий между нею и Австро-Венгрией, которые неизбежно должны были обостриться в дальнейшем. Одним из показателей этого служит то, что курс на сближение с Россией был продолжен и после марта 1909 г. Румынское правительство осуществило целый ряд дружественных по отношению к России жестов. Так, например, Брэтиану демонстративно поспешил признать независимость Болгарии тотчас же за ее признанием Россией, не дожидаясь аналогичного шага со стороны Германии и Австро-Венгрии¹¹. Он также неоднократно

(в мае — июле 1909 г.) говорил Гирсу о желательном визите в Румынию Николая II и сам готов был отправиться в Ливадию для «приветствования» русского царя¹². Поскольку эти проекты не удалось осуществить, румынское правительство попыталось придать политическое значение визиту в Румынию русских офицеров — членов одесского отдела Военно-исторического общества. Русской делегации был оказан в Румынии блестящий прием¹³. Об этом визите в тронной речи короля по случаю открытия очередной сессии парламента было упомянуто наряду с посещениями Румынии германским и австро-венгерским престолонаследниками. Брэтиану заявил Гирсу, что «появление в настоящее время русского мундира в Румынии настолько желательно, что [...] он готов был бы сам надеть его на себя»¹⁴.

В связи с ответным визитом румынской военной миссии в Одессу и Петербург русский посланник был награжден румынским орденом. Официоз правительства Брэтиану газета «Эндепанданс румэн» посвятила этому визиту передовую статью¹⁵. Сам Брэтиану в беседе с корреспондентом австрийской газеты «Нойе фрайе пресе» заявил «о желательности для Румынии сохранения добрососедских отношений как с Австро-Венгрией, так и, в равной мере, дружбы с Россией»¹⁶.

Все эти факты дали основание Гирсу сделать уже летом 1909 г. вывод о том, что в Румынии «происходит перемена как в общественном мнении, так и в правительственных сферах относительно направления внешней политики [...] Румыния ныне вполне сознает желательность противопоставления влияния двух сильных соседей»¹⁷.

Уход правительства Брэтиану в отставку в начале 1911 г. затормозил дальнейшее развитие этой тенденции, но ликвидировать ее не мог. Она получила новые стимулы в период балканских войн 1912—1913 гг.

Когда началась первая Балканская война, Румыния заявила о своем нейтралитете, указав однако, что «вмешательство в войну великих держав или территориальное расширение Болгарии по окончании войны могут изменить отношение Румынии к происходящим на Балканах событиям и заставить ее выступить с требованием соответственных компенсаций для себя»¹⁸. Успехи союзников побудили румынское правительство в скором времени предъявить такие требования. Наряду со сторонниками нейтралитета в Румынии имелись и сторонники немедленной войны против Балканского союза¹⁹. Однако перевес получила линия за переговоры с Болгарией²⁰. Попытка вступить с болгарским правительством в неофициальные контакты не удалась. Тогда румынское правительство обратилось к России с просьбой о посредничестве между Румынией и Болгарией²¹. Россия, стремившаяся оторвать Румынию от Тройственного союза и не допустить вооруженного румыно-болгарского конфликта, выполнила эту просьбу. По совету России Болгария согласилась на переговоры²².

Россия и Франция также дали согласие на участие румынского правительства в международной конференции по балканскому вопросу. Сазонов всячески подчеркивал свое стремление к улучшению русско-румынских отношений. По его собственным словам, он старался установить дружественные отношения с румынским посланником в Петербурге, а русским посланникам в Бухаресте давал указания добиваться таких же отношений с румынским правительством²³. В соответствии с этими инструкциями новый русский посланник в Румынии Шебеко «старался убедить румынских политических деятелей, что Россия не думает ни о какой агрессии против кого-либо, что она горячо желает установить хорошие отношения с Румынией и отнюдь не хочет нарушить статус-кво на Балканах»²⁴. Русская дипломатия пыталась добиться расположения короля Кароля, которого Сазонов считал «решающим фактором в направлении румынской политики»²⁵. Шебеко отмечал в своих воспоминаниях, что он «достиг очень сердечных и даже интимных отношений с ним»²⁶. Николай II удостоил 30 сентября 1912 г. румынского короля фельдмаршальского звания в память о войне 1877—1878 гг. В политических кругах Румынии и других стран это рассматривалось как свидетельство поддержки Россией политики Румынии в момент назревания острого кризиса на Балканах²⁷.

Однако сближения Румынии с Россией не хотела допустить Австро-Венгрия. К середине ноября возник острый австро-русский конфликт, который Австро-Венгрия была готова довести до войны. Габсбургская монархия предприняла большие усилия, чтобы, с одной стороны, привлечь на свою сторону Болгарию, расколов тем самым Балканский союз, а с другой — удержать в сфере своего влияния Румынию. С этой целью в Бухарест был направлен бывший начальник австрийского генерального штаба Конрад с письмом императора Франца-Иосифа королю Каролю. Последний безоговорочно заверил Конрада, что Румыния в случае европейской войны примет в ней участие «как верный союзник» Австро-Венгрии²⁸. Однако премьер-министр Майореску «старался... — по словам Конрада, — ослабить обязательства, взятые королем», и выразил сильную надежду, что дело может уладиться мирно. Конрад свидетельствовал, что в Румынии многие политики боялись конфликта с Россией и хотели соглашения с Болгарией, а также, что в Румынии имелась «партия, враждебная Австро-Венгрии»²⁹.

Миссия Конрада вызвала беспокойство в Петербурге и в Париже³⁰. Чтобы парировать удар, нанесенный австрийской дипломатией, царское правительство решило направить в Бухарест великого князя Николая Михайловича с официальным поручением вручить румынскому королю фельдмаршальский жезл, фактически же для того, чтобы выяснить позицию Румынии в случае войны³¹. Николай Михайлович, прибывший в Бухарест 10 декабря, в день 35-й годовщины взятия Плевны, советовал румынским политикам вступить в «союз христианских государств на Балканах», что оз-

начало бы разрыв с Австро-Венгрией. Однако добиться изменения румынской позиции ему не удалось³². В своем докладе царю Николай Михайлович сообщал о беседах с королем, Майореску и другими румынскими политиками. По его словам, король допускал возможность нейтралитета Румынии в случае войны, «но поднять меч на Германию», заявил король, он не может. Он также решительно высказался против балканской федерации («в какой бы то ни было форме») и какого-либо соглашения с Сербией и Грецией. В то же время король утверждал, что между Румынией и Болгарией возможны союз и тесная дружба³³. Майореску в беседе с великим князем высказывался неопределенно, допуская, однако, возможность нейтралитета. У его собеседника сложилось впечатление, что он «хотел бы оставаться совершенно в стороне». Противоположным образом держался лидер оппозиции Брэтиану. Он «сурово критиковал политику кабинета и короля» и решительно высказывался за вступление в Балканский союз. Он заявил также Николаю Михайловичу, что, очутившись у власти, выдвинет прежде всего вопрос о Трансильвании и сделает все от него зависящее, чтобы сблизиться с Россией, «хотя это и будет очень трудно с нынешним королем» («а с его преемником можно будет столкнуться»³⁴). Таким образом, вряд ли можно считать поездку Николая Михайловича удачной. Когда после отъезда великого князя Шебеко поставил Майореску прямой вопрос о позиции Румынии в случае войны между Россией и Австрией, румынский премьер постарался уклониться от ответа, заявив, что он считает «исключенной войну между этими странами»³⁵. А посланник Румынии в Париже Лаговари заявил в беседе с премьер-министром Франции Пуанкаре, что в последние дни в Румынии произошли большие изменения и, «если Австрия выступит, то Румыния должна будет следовать за ней»³⁶.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что Австро-Венгрия не хотела (или не могла) выполнить обещания, данные Румынии об изменении границы с Болгарией. По мнению итальянского историка Л. Чалдеа, Австро-Венгрия намеренно разжигала румыно-болгарский конфликт, в то время как Россия старалась примирить эти государства, постоянно добиваясь от Болгарии уступок в пользу Румынии³⁷. Однако Россия не поддержала намерения Румынии занять своими войсками территорию Южной Добруджи и предостерегала Бухарест против «роковой ошибки», которая произвела бы в России «тяжелое впечатление»³⁸. Другие державы также не поддержали румынский план³⁹. Румынское правительство было вынуждено отказаться от своего намерения и возобновить переговоры с Болгарией, но соглашение не было достигнуто. После младотурецкого переворота в Стамбуле и возобновления военных действий между Турцией и балканскими союзниками, требования Румынии стали более настойчивыми, и вновь возникла угроза вооруженного столкновения⁴⁰. Последовало новое вмешательство царского правительства. Шебеко заявил,

что «мы вновь настойчиво и дружески советуем румынскому правительству показать мудрую умеренность в своих требованиях. Наше желание — скрепить старые узы с Румынией — требует от нас совершенно откровенно объяснить ей, что для нас окажется невозможным допустить насильственное отчуждение от Болгарии части ее территории»⁴¹. Вместе с тем Россия, стремясь предотвратить румыно-болгарское столкновение, посоветовала Болгарии уступить Румынии Силистру⁴². Но добиться соглашения и на этот раз не удалось. В середине февраля румыно-болгарские переговоры были прерваны⁴³. Обстановка настолько обострилась, что великие державы обратились к Румынии и Болгарии с предложением своего посредничества, которое было принято румынским правительством 22 февраля⁴⁴. По желанию Румынии местом будущей конференции, которая должна была предложить решение румыно-болгарского спора, был избран Петербург⁴⁵. 9 мая совещание послов пяти великих держав в Петербурге под председательством Сазонова приняло решение, по которому Силистра отходила к Румынии⁴⁶.

Сближение Румынии с Россией продолжалось и в период второй Балканской войны, когда Румыния фактически пошла против своего союзника — Австро-Венгрии. Кульминационным пунктом процесса русско-румынского сближения в период до первой мировой войны явилось констанцкое свидание Николая II с Каролом I, состоявшееся 14 июня 1914 г.

Хотя и в 1914 г. процесс перехода Румынии от Тройственного союза к Антанте еще не завершился, однако Румыния шла именно в том направлении, которое привело ее в августе 1916 года к вступлению в войну против Австро-Венгрии и Германии⁴⁷.

¹ А. И. Звавич. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне первой мировой войны. М., 1962, стр. 19.

² I. Gheorghiu. Trei documente inedite despre relațiile româno-ruse din anul 1909. — «Analele universității București. Seria științe sociale. Istorie», anul XVI, 1967, p. 109—116.

³ См.: И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961, стр. 51, 65, 326—340.

⁴ И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914). — «Исторические записки», т. 75, 1965, стр. 60, 71.

⁵ К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908—1909 гг. — пролог первой мировой войны. Л., 1964, стр. 47; «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd 26, T. 2, N 9386.

⁶ F. Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit, Bd 1. Wien, 1922, S. 589; «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914». Wien — Leipzig, 1930, Bd I, N 1103.

⁷ Подробнее об этом см.: Б. В. Кросс. Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны. — «Уч. зап. Ленинградск. педагогич. ин-та им. А. И. Герцена», т. 502. Псков, 1971.

⁸ АВПР, ф. ПА, 1909, д. 689, л. 11.

⁹ «Graf Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel», Bd I. Berlin und Leipzig, 1928, S. 64.

¹⁰ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik...», Bd II, N 1275.

- 11 АВПР, ф. ПА, 1909, д. 689, лл. 89—90.
- 12 Там же, д. 689, л. 157; д. 690, л. 11.
- 13 Там же, д. 689, л. 217.
- 14 Там же, л. 205.
- 15 Там же, д. 690, лл. 93—94.
- 16 Там же, д. 689, л. 184.
- 17 Там же, л. 173.
- 18 «Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (авг. 1912 — июль 1913)». СПб., 1914, № 309.
- 19 См.: *N. Iorga. Histoire des roumains et de leur civilisation*. Paris, 1920, p. 287; *Kiderlen-Wächter. Der Staatsmann und Mensch*. Stuttgart, 1925, Bd I, S. 212.
- 20 «Die Internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus», R. III, Bd 4, Hb. 1. Berlin, 1942, N 287.
- 21 «Сборник дипломатических документов...», № 311; *N. Schebeko. Souvenirs*. Paris, 1936, p. 141.
- 22 «Сборник дипломатических документов...», № 312, 313, 315.
- 23 *С. Д. Савонов. Воспоминания*. Берлин, 1927, стр. 121.
- 24 *N. Schebeko. Указ. соч.*, стр. 137.
- 25 Цит. по кн.: *А. М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в международном отношении*. Л., 1926, стр. 386, Приложение № 21.
- 26 *N. Schebeko. Указ. соч.*, стр. 137.
- 27 *P. Lindenberg. König Karl von Rumänien*, Bd II. Berlin, 1923, S. 120—121, 137; «Un Allemand. Les dessous de la politique en Orient». Paris, 1946, p. 147—148.
- 28 «Österreich-Ungarns Aussenpolitik...», Bd IV, N 4719; *F. Conrad. Указ. соч.*, т. II, стр. 354—355.
- 29 Там же, стр. 357—363.
- 30 «Documents diplomatiques français. 1871—1914», 3-me série (1912—1914), t. V, N 4. Paris.
- 31 *N. Schebeko. Указ. соч.*, стр. 143; «Die Internationalen Beziehungen...», N 362, 387.
- 32 *N. Iorga. Comment la Roumanie s'est détachée de la Triplice*. Bucarest, 1933, p. 24.
- 33 Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). Л.—М., 1925, стр. 82.
- 34 Там же, стр. 83—84.
- 35 *T. Maiorescu. Din însemnările zilnice: conflictul cu Bulgaria*. — «Convorbiri literare». București, 1932, p. 60—61. См. также: «Die Grosse Politik...», Bd 30/2, N 11293.
- 36 *R. Poincaré. Au service de la France*, t. II. Les Balkans en feu. Paris, 1926, p. 380.
- 37 *Lilio Cialdea. La politica estera della Romania nel quarantennio prebellico*. Bologna, 1933, p. 247—249.
- 38 «Documents diplomatiques. Les Evenements de la Peninsule Balkanique. L'action de la Roumanie». Bucarest, 1913, N 29, 31, 32, 33; *T. Maiorescu. Указ. соч.*, стр. 68; «Сборник дипломатических документов...», № 332, 333; «На путях к мировой войне 1914—1918 гг.». Л., 1940, стр. 142.
- 39 Documents diplomatiques..., N 35, 38, 43, 50; «Österreich-Ungarns Aussenpolitik...», Bd V, N 5308, 5334.
- 40 «Сборник дипломатических документов...», № 335, 338, 343, 345, 347, 359; «Documentes diplomatique...», N 63; *N. Iorga. Histoire des roumains et de la romanité orientale*, vol. X. Bucarest, 1945, p. 384.
- 41 «Сборник дипломатических документов...», № 348, 349; «На путях к мировой войне...», стр. 143.
- 42 «Сборник дипломатических документов...», № 360.
- 43 Там же, № 365; «Documentes diplomatiques...», N 83.
- 44 «Сборник дипломатических документов...», № 366, 370, 376, 377; «Documents diplomatiques...», N 85, 87, 90.

- ⁴⁵ «Сборник дипломатических документов...», № 378; «Documents diplomatiques...», N 91.
- ⁴⁶ «Сборник дипломатических документов...», № 382; «Documents diplomatiques...», N 131.
- ⁴⁷ Подробнее о русско-румынских отношениях в период с июня 1913 по июль 1914 г. см.: *Б. Б. Кросс*. Вступление Румынии во вторую Балканскую войну и русская дипломатия. «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. № 502; *он же*. Румыния и вторая Балканская война. «Славянские исследования». Л., 1966; *он же*. Константинопольское свидание.—«Уч. зап. Шуйского пед. ин-та», вып. VIII, 1959; *он же*. Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 года. — Там же, вып. IX, 1960.

Вступление Румынии в первую мировую войну и разногласия в стане Антанты

В. Н. ВИНОГРАДОВ

В исторической литературе высказываются разные взгляды на роль внешних и внутренних факторов при вступлении Румынии в первую мировую войну. Современная румынская историография единодушно считает давление Антанты одним из решающих обстоятельств, заставивших румынскую олигархию прекратить колебания и отказаться от вооруженного выжидания. Во французских и американских работах существуют другие мнения. Французский ученый проф. П. Ренувэн пишет: «Вступление Румынии в войну... явилось результатом решения, свободно принятого правительством»¹. Той же точки зрения придерживается американец А. Дж. Райбер: «Румыния вступила в войну на собственных условиях и в момент, сочтенный наиболее соответствующим ее, а не русским интересам»².

Обе точки зрения, несмотря на их различие, страдают одним и тем же недостатком: они не учитывают серьезнейших разногласий в стане Антанты по вопросу об участии Румынии в войне. Нельзя поэтому говорить о единой позиции стран Антанты по затронутой проблеме.

В начале 1916 г. в ставке русской армии были убеждены, что вовлечение Румынии в войну на стороне Антанты выгод не принесет. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев излагал этот взгляд подробно и обоснованно. Оборона румынской границы представляла большие стратегические трудности. Она тянулась на 700 км по Карпатам, на 500 км — по Дунаю, а затем шла по открытой местности в Добрудже. Дунай представлял мощный оборонительный рубеж. Но австрийская флотилия на великой реке была куда сильнее румынской.

Форсировав Дунай, вторгшаяся в Румынию армия попадала на плоскую равнину, тянувшуюся до самых предгорий Карпат. Одним броском она могла достичь Бухареста, находившегося всего

в полусотне километров от реки. Еще немногим более ста километров — и наступающая армия выходила к северным пределам страны, а румынские дивизии на ее западе оказывались в мешке.

Разумеется, мы излагаем здесь соображения русского командования суммарно. А. Базаревский, бывший генерал-квартирмейстер 8-й русской армии, действовавшей в 1916—1917 гг. в Румынии, сводил их в 12 пунктов³. Нам важно отметить здесь, что, взвесив все «за» и «против» выступления Румынии, ставка в начале 1916 г. пришла к выводу, что в создавшихся условиях участие этой страны в войне принесет больше ущерба, чем пользы, и предпочтительнее будет ее нейтралитет.

Совсем иные замыслы в отношении Румынии вынашивались во французской главной квартире. В одобренной генералом Жоффром записке, поданной президенту Пуанкаре еще 30 ноября 1915 г., говорилось: «Наши резервы весьма уступают резервам неприятеля, поэтому мы должны беречь французскую армию до того времени, когда перейдем к решительным операциям, и главным образом должны истощать силы неприятеля с помощью армий союзников»⁴. И хотя русская армия, остро страдая от недостатка вооружения, истекая кровью, отвлекала на себя большую часть сил противника, в Париже требовали новых контингентов. Роль подобного союзника предназначалась и для Румынии.

1 марта 1916 г. президент Р. Пуанкаре направил письмо Николаю II, в котором расценивал затянувшийся румынский нейтралитет как «реальную моральную и военную неудачу». «Франция, — заявлял он, — готова сделать все, что от нее будет зависеть, чтобы добиться вступления Румынии в войну»⁵. Реакция в России была малообнадешивающей для французов. М. В. Алексеев писал в те дни в МИД: «Нам горячо советуют ослабить на 6—7 корпусов наш Западный фронт — пути на Петроград, Москву и Киев — и взять на свои плечи сложную операцию на Балканах ранее ослабления германцев и австрийцев и до убеждения, что союзники будут способны начать какие-либо серьезные действия от Салоник, на что пока надежды нет». Он самым нелестным образом отозвался о «стремлении французского правительства навязать нам свою точку зрения и вынудить совершить невыгодное и опасное с военной точки зрения решение»⁶. Русскому военному атташе в Бухаресте полковнику Татаринovu было предписано, «не настаивая непременно на скорейшем, в настоящую минуту, выступлении Румынии»⁷, «ясно показать, что мы не стремимся вовлечь румын в войну»⁸.

Прошел месяц, и Пуанкаре сочинил царю новое послание. В Россию отправился два министра, Р. Вивiani и А. Тома. Президент напутствовал их пожеланием «настаивать на вопросах о снаряжении, контингентах и Румынии»⁹. И вновь получил отрицательный ответ¹⁰.

13 июня в беседе с румынским посланником Д. Диаманди Сазонов объявил ему: «Напрасно вы думаете, что мы так жаждем ва-

шего, выступления... Я только что вернулся из ставки и могу вас уверить, что там относятся довольно равнодушно к вопросу о вашем выступлении. Все, что от вас хотят, заключается лишь в том, чтобы вы оставались спокойными»¹¹. Но возражения русской стороны не повлияли на позицию французского правительства.

16 июня премьер-министр А. Бриан пригласил к себе румынского посланника Лаховари и указал, что благоприятный момент для румынского вмешательства наступил, ссылаясь на крупные успехи русского Юго-Западного фронта, на начавшееся наступление Брусилова¹².

25 июня начался своего рода генеральный натиск французской дипломатии на «неуступчивого» русского союзника, не желавшего проявлять должной настойчивости в вовлечении Румынии в войну. С утра посол Франции М. Палеолог явился на Дворцовую набережную и оставил начальнику канцелярии МИД барону М. Ф. Шиллингу письмо на имя министра с настойчивым требованием добиться скорейшего включения Румынии в войну, советуя использовать тот эффект, который произвело на короля, румынскую общественность и самого Брэтиану наступление русского Юго-Западного фронта. Палеолог прекрасно понимал, что адресат придерживался иной точки зрения: он «не сомневался, что эти соображения не соответствуют личным настроениям» Сазонова¹³. Но это не смущало посла. Палеолог сообщил, что Бриан готовится применить «настойчивый язык» в Бухаресте¹⁴.

О напряженности обстановки можно судить по тому, что в тот же день Палеолог позвонил в МИД, сообщив, что приходится считаться с возможностью потери Вердена¹⁵.

Сазонов немедленно известил Алексеева о предпринятых французским правительством шагах¹⁶. Последний предложил следующий план: пусть союзники активизируются в Салониках и перейдут в наступление. Тогда румынская сторона, чувствуя себя в безопасности с юга, прекратит свои колебания и выступит.

Этот замысел разлетелся в прах, натолкнувшись на категорический отказ англичан¹⁷. Союзники предпочли военному натиску из Салоник дипломатический нажим в Бухаресте и Петрограде.

30 июня в российское министерство иностранных дел прибыли все три посла Антанты: британский — Бьюкенен, итальянский — Карлотти и Палеолог. Последний информировал Шиллинга, что французский главнокомандующий маршал Жоффр предписал военному атташе в Бухаресте Пишону заявить Брэтиану, что общее наступление союзников началось и время для выступления Румынии настало.

На следующий день в ставку пришло подтверждение из Бухареста от полковника Татарина, что французский демарш состоялся 29 июня¹⁸. Сам Татарин и посланник С. А. Поклевский-Козелл действовали еще в духе прежних инструкций — не спе-

шить и не оказывать нажима. Полковник сообщал поэтому в ставку: «Посланник не оказывает особого давления на генерала Ильеско¹⁹ и Брэтиано»²⁰.

Но Поклевский и Татаринов уже отстали от событий. Именно 30 июня М. В. Алексеев, после «обмена взглядов» с Жоффри, т. е. под непосредственным воздействием французских требований и с согласия царя, направил Татаринову телеграмму, означавшую определенное изменение в позиции России по вопросу о вступлении Румынии в войну. К этому времени русское правительство было информировано о «настоятельных советах» Жоффри в Бухаресте²¹ и о том, что Рим собирался снабдить подобными же инструкциями своего посланника в Бухаресте Фашиотти²².

В депеше Алексеева от 30 июня говорилось: «Выступление Румынии теперь же будет иметь соответственную ценность, чего не могу сказать в случае, если решение будет отложено на неопределенное время. Обстановка повелевает румынам присоединиться к нам или теперь, или никогда»²³. Последняя фраза побуждала некоторых исследователей рассматривать телеграмму как ультиматум. Нам подобное определение представляется неточным.

В телеграмме, содержание которой было изложено полковником Татариновым и посланником Поклевским премьеру Ионелу Брэтиану 2 июля, приводились доводы военного порядка в пользу быстреего выступления Румынии, говорилось о желательности развить успех русского Юго-Западного фронта. Не существует никаких свидетельств того, что царское правительство собиралось добиваться осуществления выраженных в этом документе требований силой. Сам Алексеев полагал, что на Брэтиану его демарш не подействует.

Он «не льстит себя надеждой на успех его операции», свидетельствовал начальник дипломатической канцелярии при ставке А. Базили²⁴.

Надо сказать, что когда два русских дипломата, Поклевский и Татаринов, предстали перед Брэтиану со своим заявлением, румынский премьер заметил, что оно «в общих чертах» сходно с переданным от имени Жоффри несколько дней назад²⁵. Напомним, что французские «настоятельные советы» о «немедленном выступлении» были приняты румынами еще 29 июня²⁶.

Мы приводим эти детали потому, что некоторыми историками дело изображается так, будто в авангарде сил, вовлекавших Румынию в войну, выступал Петроград. В. Кадере еще в 1929 г. приписывал инициативу Алексею²⁷. Затем эту точку зрения развил проф. Н. Иорга в десятом томе своей «Истории румын»: «Брэтиану не был свободен в выборе наступления, оно было навязано ему, и причиной являлось положение под Верденом, которое не могло быть спасено новым наступлением Брусилова в Галиции. Первое предложение послать войска в Трансильванию было ему направлено Россией еще в июне. Франция присоединилась к нему в форме ультиматума... 4 августа это настоятельное угрожающее

предупреждение было повторено всеми противниками Центра»²⁸. Ту же версию повторил современный румынский историк Николае Фотино в статье о внешней политике Румынии в 1916—1920 гг.²⁹ Наконец, она получила отражение и в недавно выпущенной «Истории румынского народа», в которой говорится: «Россия первой потребовала в июне 1916 г., чтобы Румыния атаковала Австро-Венгрию; за ней, в июле, последовала Франция»³⁰.

Эти утверждения не точны. В них игнорируется произведенный французами за несколько дней до телеграммы Алексева демарш. Но главное заключается в том, что в них отражается неверная трактовка позиции России. Телеграмма Алексева от 30 июня — лишь одно из звеньев в сложной системе взаимоотношений в лагере Антанты по вопросу о вовлечении Румынии в войну. Сопrotивление российского правительства и командования было сломлено. Этому способствовал поворот в военных действиях. В июне — июле 1916 г. на русском Юго-Западном фронте проходило брусиловское наступление. Линия австрийской обороны была прорвана на широком участке, Галиция и Буковина освобождены от неприятельских войск, потери австрийцев убитыми, ранеными и пленными приближались к полутора миллионам человек. Их наступление против Италии было приостановлено; натиск немецкой армии на Верден ослабел. Германское и австрийское командование поспешно перебрасывало на критический участок все новые и новые войска — всего 34 дивизии.

С военно-стратегической точки зрения удар румынских сил во фланг еще не пришедшей в себя, еще не оправившейся от потерь австрийской армии обещал многое. Но он нужен был не когда-то, не осенью, а в считанные недели и даже дни. И в этих условиях русское командование уступило союзникам.

Что те не считали свою бескровную «победу» в Петрограде прочной — свидетельствует продолжающаяся усиленная деятельность их дипломатии.

Французский историк А. Пенго пишет в связи с этим об «активной инициативе парижского кабинета и в особенности г-на Бриана», «о личной настойчивости генерала Жоффра», который, с одобрения Лондона и Рима, производил «демарш перед русским правительством с целью сделать его уступчивее»³¹.

В июле Сазонов был внезапно отстранен от должности. У Палеолога не хватило терпения дожидаться, пока его преемник Б. В. Штурмер примет дела. За один день 27 июля он дважды посетил министерство иностранных дел, прихватив себе в подкрепление итальянского посла Карлотти. Палеолог жаловался, что у Франции «нет больше ни одного человека в резерве». 7 августа прибыла еще одна телеграмма от президента Пуанкаре³², после которой царь распорядился, наконец, подписать военную конвенцию с Румынией.

Таковы некоторые факты дипломатической истории вступления Румынии в первую мировую войну, свидетельствующие о круп-

ных разногласиях в стане Антанты по этому вопросу, о том, что давлению со стороны английского, итальянского и, в первую очередь, французского правительств подвергался не только Бухарест, но и в не меньшей степени Петроград. Об этих расхождениях писали уже современники, знавшие положение вещей и документы. Об аргументированной статье А. Базаровского мы уже говорили. А. М. Зайончковский, бывший командир 47 корпуса русской армии, посланного на помощь румынской армии, и военный историк, писал: «Антанта в лице Франции и Англии также решила добиться от Румынии выступления на ее стороне, что в конце концов и удалось сделать в августе 1916 г. На выступление Румынии произошло при плохих предзнаменованиях полного разногласия во взглядах на этот вопрос верховного командования Англии и Франции, с одной стороны, и России — с другой»³³. Генерал Д. Илиеску, заместитель начальника генштаба румынской армии на первом этапе войны, отмечал: «После начала немецких атак против Вердена Россия, благодаря французскому командованию, должна была признать реальность»³⁴, каковой Илиеску считал необходимость для Румынии вступить в войну. А румынские социалисты во главе с М. Г. Бужором, участвовавшие после Октябрьской революции в подготовке к публикации тайных договоров царского и Временного правительств, писали после знакомства с документами: «Как мы далеки от легенды, распространяемой румынскими обанкротившимися генералами и политиками, что Штурмер втянул несчастную Румынию в войну и нарочно не послал ей обещанной армии»³⁵.

Советские историки единодушно подчеркивают крупные разногласия между участниками Антанты по вопросу о Румынии: «Русское командование считало выступление Румынии в войну бесполезным», — писал академик В. М. Хвостов в «Истории дипломатии»³⁶. М. Э. Айрапетян и П. Ф. Кабанов расценили англо-французские действия в Петрограде как «наглый и циничный нажим», подчеркивая, что «русское командование летом 1916 г. усиленно возражало против выступления Румынии на стороне Антанты»³⁷. Д. В. Вержховский и В. Ф. Ляхов отмечали: «Для командования русских войск с чисто военной точки зрения выступление Румынии на стороне Антанты было невыгодно»³⁸, и все решил грубый нажим на царское правительство. В. А. Емец посвятил вскрывшимся между союзниками противоречиям большую, хорошо документированную и аргументированную статью³⁹. Автор этой статьи тоже имел возможность остановиться на них в своих работах⁴⁰.

Из сказанного следует, что действия Антанты в Румынии летом 1916 г. никак нельзя представлять в виде единого целого, не учитывая кардинальных разногласий между ее участниками и явной оппозиции русских военных кругов вовлечению Румынии в войну.

Нуждается, на наш взгляд, в известном уточнении и встречающаяся в исторической литературе формулировка насчет «небла-

гоприятного для Румынии... момента вступления в войну, навязанного Антантой»⁴¹.

Прежде всего надо сказать, что Антанта требовала от румынских правителей выступить не в августе, а гораздо раньше. «При данных условиях каждый потерянный Румынией день будет оплачен лишним трудом и потерями румынской армии», — отмечал Алексеев. И с военной точки зрения он был прав. Румынское выступление могло бы вдохнуть новые силы в брусиловский натиск. Будучи лишено этого подспорья, русское наступление выдохлось.

Французский премьер А. Бриан писал в инструкции посланнику в Бухаресте Блонделю 9 июля: «Вмешательство Румынии, чтобы иметь ценность, должно произойти немедленно»⁴². На самом же деле были упущены недели и даже месяцы — правительство Брэтиану медлило и тянуло. Можно понять вздохи М. Палеолога, который записывал в своем дневнике 11 августа: «Ах! Если бы румыны выступили в деле месяц назад». Он полагал: «Медлительная тактика Брэтиану сделала более трудным и авантюрным предприятием, в которое вовлечена Румыния... Присоединение Румынии к нашему союзу не является уже событием большого значения»⁴³.

Да, военные выгоды, которые дало бы вмешательство в июне — июле, во время развала австрийского фронта, были в значительной мере упущены. Тридцать четыре немецкие и австрийские дивизии, переброшенные сюда, сделали свое дело: они залатали фронт, замедлили, а затем и остановили русское наступление. Все это так. Но для полноты картины надо представить военное положение и, безотносительно к упущенным «моментам», о которых столь много говорилось в дипломатической переписке и газетной полемике тех дней. Необходимо взглянуть по ту сторону румынского фронта. И тогда мы обнаружим в первые дни войны громадный численный перевес в Трансильвании на стороне Румынии. «Австро-Венгрия имела на границе лишь слабые силы прикрытия: 46 батальонов, 6 эскадронов и 25 батарей, сведенных в I австрийскую армию», — свидетельствует румынский военный историк полковник В. Атанасиу. Им противостояли, еще с августа 1915 г., втрое превосходящие силы румын: 120 батальонов и 77 батарей⁴⁴. С началом войны через Карпаты двинулись 230 пехотных батальонов, 73 эскадрона конницы, 185 артиллерийских батарей — всего 370 тыс. солдат и офицеров⁴⁵.

Пожалуй, фельдмаршал Пауль фон Гинденбург не прибеднялся, когда писал: «Объявление войны Румынией застало нас почти безоружными по отношению к новому врагу»⁴⁶.

Почему несомненные тактические преимущества румынской армии не удалось превратить в стратегический успех — об этом судить военным историкам. Но при этом, наряду с приводимыми обычно в «широкой» исторической литературе причинами, что неприятель превосходил румын вооружением, что англо-франко-сербские силы не перешли в наступление из Салоник и что от-

влекающие удары русской армии в Карпатах не увенчались успехом, следует проанализировать и операции румынского командования. Полковник В. Атанасиу так расценивает наступление румынских сил: «Мы не можем выразить удовлетворения темпом наступления. Подобно «количеству движения» в механике, наступательная мощь, следовательно, зависит не только от количества сил и средств, составляющих массу, но и от той скорости, с которой эта масса обрушивается на врага. И с этой точки зрения средний темп в 2—3 км в 24 часа нас не удовлетворяет, учитывая соотношение сил». Даже Людендорф утверждал, что «румынская армия продвигалась со скоростью улитки», в то время как «быстрая атака румын могла превратить в поражение марш немецких войск к Мурешу»⁴⁷.

Результаты кампании 1916 г. были для румынской армии трагичны: переброска значительных германских и австрийских подкреплений в Трансильванию привела к поражению румынских сил. Очутившись перед неожиданно быстрым для него крахом румынского фронта, русское командование спешно перебрасывало подкрепления по единственной соединявшей Россию и Румынию железнодорожной ветке с ограниченной пропускной способностью.

Генерал А. А. Брусилов, командующий русским Юго-Западным фронтом, с крайней тревогой следил за действиями румынского генштаба и прибывшей ему на помощь французской военной миссией во главе с генералом К. Бертело. Их замысел — дать в центре страны бой вторгшемуся превосходившему силами неприятелю — он считал обреченным на провал⁴⁸.

Но румынская главная квартира не слушала его предостережений. С помощью Бертело она разработала план битвы под Бухарестом. Сражение было дано и проиграно...

Лишь в начале 1917 г. австро-германское наступление удалось остановить в основном русским войскам. Тогда из общей численности 423 тыс. штыков и 44 400 сабель русских и румынских войск на фронте румынские составляли десятую часть — 44 700 штыков и 2100 сабель⁴⁹. В тылу спешно формировалась новая румынская армия. Всего на 1 января 1917 г. Румыния располагала 180 тыс. «старых» солдат и 82 тыс. рекрутов⁵⁰. К лету румынская армия была восстановлена и показала свою боеспособность в сражениях под Мэрэшти, Ойтузом и Мэрэшешти.

*

Таковы некоторые замечания о разногласиях в стане Антанты по вопросу о вступлении Румынии в войну летом 1916 г. Из приведенных документальных данных следует, что позицию Антанты никак нельзя рассматривать как единое целое. Взвесив все «за» и «против» вовлечения Румынии в войну, царизм пришел к выводу, что «против» перевешивает. Однако отстаить собственную позицию царское командование и правительство не смогли. Нахо-

дьясь на грани краха под ударами революционного движения, столкнувшись с усилением зависимости от собственных союзников, прежде всего в области вооружений, царский режим оказался не в состоянии противостоять их натиску и в том, что касалось участия Румынии в войне.

Но, признавая сам факт франко-английского нажима не только в Петрограде, но и в Бухаресте, нельзя все же представлять румынское правительство во главе с Брэтиану пассивной жертвой этого давления. Оно вело активную политику. Стремясь не прогадать и действовать наверняка, оно упустило, вопреки всем настояниям Антанты, выгодное с военно-стратегической точки зрения время вступления в военные действия, совпадавшее с брусиловским наступлением на русском Юго-Западном фронте. Результаты были катастрофичны для Румынии и исключительно тяжелы для русской армии, которой пришлось взять на себя новый фронт.

- ¹ P. Renouvin. Les crises de XX siècle, vol. I. Paris, 1957, p. 46.
- ² A. J. Rieber. Russian Diplomacy and Romania.—«Russian Diplomacy and Eastern Europe, 1914—1917». N. Y., 1963, p. 275.
- ³ «Кто должник? Сборник документированных статей». М., 1926, стр. 267—268.
- ⁴ P. Луанкаре. Воспоминания 1914—1918, кн. II. М., 1936, стр. 165.
- ⁵ «Международные отношения эпохи империализма», т. 10, № 288.
- ⁶ Там же, т. 10, № 310. М. В. Алексеев — С. Д. Сазонову, 21 февраля (5 марта) 1916 г.
- ⁷ «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 4.
- ⁸ ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 1, д. 64, л. 601.
- ⁹ P. Луанкаре. Воспоминания, кн. II, стр. 315.
- ¹⁰ Там же, стр. 350.
- ¹¹ «Поденная запись МИД от 13.VI (30.V) 1916 г.». — «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 58—59.
- ¹² J. Gheorghiu. Relațiile româno-ruse în perioada neutralității României. — «Studii și referate privind istoria României», vol. II, 1954, p. 1509.
- ¹³ АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 563, л. 116.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ «Дневник МИД. Запись от 12 июня 1916 г. (ст. ст.)». — «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 61—62.
- ¹⁶ АВПР, ф. СА, 1916 г., д. 562, л. 120.
- ¹⁷ M. Paleologue. La Russie des tsars pendant la guerre, vol. II. Paris, 1922, p. 301.
- ¹⁸ ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 83, л. 174; Полковник Татаринов — генералу Алексееву, 17 июня 1916 г. (ст. ст.), опубликовано в «Правде» 18 (31). I 1918 г. Сообщение об этом см.: «Mémoires du Marechal Joffre» v. II. Paris, 1932, p. 301.
- ¹⁹ Генерал Д. Илиеску руководил тогда генштабом Румынии.
- ²⁰ ЦГВИА СССР, ф. 2003, д. 82, л. 174.
- ²¹ АВПР, ф. СА, д. 563, л. 157.
- ²² Там же, л. 150.
- ²³ Формула «теперь или никогда» была согласована между союзниками (ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. II, д. 82, л. 184). Но французы сделали ее более резкой: Жоффе опустил слова «обстановка повелевает» (см.: «Studii», 1971, N 6, p. 1220).
- ²⁴ АВПР, ф. СА, 1916, д. 563, л. 159. Телеграмма Базили от 18 июня (1 июля) 1916 г.

- ²⁵ АВПР, ф. СА, 1916, д. 563, л. 164. С. П. Поклевский — С. Д. Сазонову 19 июня (2 июля).
- ²⁶ Там же, л. 157.
- ²⁷ V. G. *Cadere. Politica României în marele războiu.* — «Arhiva pentru știința și reforma socială», 1929, N 1—3, p. 279—280.
- ²⁸ N. *Iorga. Istoria românilor*, vol. 10. București, 1939, p. 360.
- ²⁹ N. *Fotino. Caracterul politicii externe a României în perioada 1916—1920.* — «Studii și materiale de istorie contemporană». București, 1958.
- ³⁰ «Istoria poporului român». București, 1970, p. 312.
- ³¹ A. *Ptngaud. Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre.* Paris, s. a., p. 192.
- ³² «Красный архив», т. 32, 1929, стр. 67—69.
- ³³ А. *Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг.*, т. 2. М., 1938, стр. 89.
- ³⁴ D. *Iliescu. Documente privitoare la războiul pentru întregirea României.* București, 1924, p. 62.
- ³⁵ «Правда», 18. I 1918 г. Подборки документов о русско-румынских отношениях в 1914—1917 гг. были опубликованы в «Правде» 4, 5, 6, 12, 18, 20. I 1918 г. (ст. ст.). Затем они были частично переведены на румынский язык, снабжены комментариями, написанными М. Г. Бужором (см.: «Cum s'a porădit țara». Iași, 1918; București, 1918).
- ³⁶ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 26.
- ³⁷ М. Э. *Айрапетян, П. Ф. Кабанов. Первая мировая война.* М., 1964, стр. 81—82; см. также: М. *Айрапетян. Международные отношения в период первой мировой войны 1914—1918 гг.* М., 1941, стр. 73.
- ³⁸ Д. Б. *Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914—1918 гг.* М., 1964, стр. 180.
- ³⁹ В. А. *Емец. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.).* — «Исторические записки», № 56. М., 1956.
- ⁴⁰ В. Н. *Виноградов. Русско-румынские отношения в годы I мировой войны.* — «Новая и новейшая история». М., 1963; он же. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- ⁴¹ «Istoria poporului român», p. 313; см. также: V. *Atanasiu. Unele considerații a supra angajarii României în primul război mondial.* — «Studii», 1971, N 6, p. 1218.
- ⁴² M. *Paleologie. La Russie des tsars*, vol. II, p. 312, 334.
- ⁴³ Там же, стр. 339.
- ⁴⁴ «Studii», 1971, N 6, p. 1222.
- ⁴⁵ ЦГВИА СССР, ф. 2003/с, оп. II, д. 72, лл. 48—49. Данные о боевом расписании румынской армии, сообщенные генералом Коавдой.
- ⁴⁶ «Воспоминания Гинденбурга». Пг., 1922, стр. 20.
- ⁴⁷ «Studii», 1971, N 6, p. 1223.
- ⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. 800/с, оп. II, д. 260, № 837. А. А. Брусилов — М. В. Беляеву, 22 октября 1916 г. (ст. ст.)
- ⁴⁹ «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт». М., 1922, стр. 115—117. Данные на 24 января 1917 (ст. ст.)
- ⁵⁰ Col. *Constantini. La mission Berthelot en Roumanie 1916—1918.* — «Revue historique de l'armée». Paris, 1967, N 4, p. 60.

Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932—1934 гг.

Н. Д. СМЕРНОВА

Период 1931—1934 гг. стал определяющим для внешней политики фашистской Италии. В эти годы оформлялась внешнеполитическая доктрина фашизма, нашедшая свое конкретное выражение в выдвижении лозунга борьбы за империю и в последовавшем затем первом крупном агрессивном выступлении — эфиопской войне. Албанский вопрос всегда занимал важное место в политике держав, претендовавших на ведущую роль на Балканах. Самое молодое и самое слабое государство в регионе — Албания занимала выгодные стратегические позиции. Империалистическая Италия стремилась к овладению этим «Гибралтаром Адриатики», имея в виду достижение далеко идущих политико-экономических целей¹.

К началу 30-х годов политическая и экономическая зависимость Албании от Италии была столь значительной, что определения Албании как «итальянской провинции», «колонии» и пр. в политических кругах Европы являлись общепринятыми.

В период мирного экономического кризиса правительство Муссолини, пользуясь тяжелым положением Албании, решило окончательно закрепить ее зависимость от Италии. Расчет строился на том, что правительство Зогу, будучи не в состоянии справиться с экономическими трудностями, должно будет принять любые условия итальянской стороны в обмен на очередную «помощь». Но вот, когда в конце 1931 г. стал истекать срок первого Тиранского пакта² и его пролонгация казалась пустой формальностью, король Зогу заявил об отказе это сделать. Албано-итальянские отношения зашли в тупик и приобрели характер затяжного конфликта.

Отказ Зогу продлить действие первого Тиранского пакта был неприятным сюрпризом для итальянского правительства, но он не повлиял существенным образом на характер отношений, сложившихся между обеими сторонами. И помимо него существовало большое число других соглашений частного и общего характера (в том числе и второй Тиранский пакт), которые обеспечивали сохранение итальянских позиций в Албании. Однако с моральной точки зрения это был удар по престижу Италии, и правительство Муссолини стало пристально следить за тем, в каком направлении будут развиваться дальнейшие события. На всякий случай была принята превентивная мера — приостановлена выплата сумм, предусмотренных соглашением о займе 26 июня 1931 г.³

В министерстве иностранных дел Италии возникли опасения, что жест короля Зогу инспирирован извне, ибо самостоятельно он не мог решиться на такой шаг. Первое подозрение пало на Югославию («враг № 1 Италии на Балканах») и заодно на Великобританию («Зогу прислушивается к мнению английских советников»). В январе — феврале 1932 г. в Белграде состоялась серия бесед итальянского посланника К. Галли с королем Александром и министром иностранных дел Ефтичем по широкому кругу вопросов, среди которых политика по отношению к Албании занимала одно из центральных мест. Это были переговоры, по оценке итальянских дипломатов, «трудные и почти драматические»⁴. Югославская сторона настаивала на формулировке о взаимных интересах в Албании, итальянская сторона добивалась признания предпочтительных прав для Италии. Галли, осознавший бесплодность затянувшихся прений, в ходе которых ни один из оппонентов не проявил уступчивости, излагал смысл заключительной беседы с королем Александром следующим образом:

«Италия хочет сохранить право высадки войск.

Югославия абсолютно не хочет признавать какое-либо право на высадку войск.

Италия полагает, что это право имеет для нее такое значение, что она не может от него отказаться.

Югославия полагает, что это право настолько ей угрожает, что признать его она не может»⁵.

Вынужденный в силу обстоятельств занимать в этот период позицию обороны в отношении Италии, а поэтому и миролюбиво настроенный, король Александр все же не отказался от мысли использовать подходящий момент, чтобы попытаться восстановить югославское влияние в Албании. Итальянский временный поверенный в делах сообщал из Тираны в Рим, что в г. Влора, традиционном центре оппозиции, «распространяются слухи о том, что отношение короля (Зогу. — Н. С.) и его окружения к нам и нашей политике в Албании становится менее благожелательным. С настойчивостью подчеркивается сближение с Югославией, которое может облегчить вмешательство Франции и получение денег из соседнего королевства»⁶, т. е. из Югославии. В югославское дипломатическое представительство в Тиране был назначен советник Вукотич, способный дипломат, хорошо знающий страну. В Албанию хлынули югославские журналисты, торговцы, резко увеличилось число гостевых поездок⁷. Итальянские коммерсанты жаловались, что югославские пароходные компании «ведут нечестную конкурентную борьбу, снижая стоимость фрахта, чтобы перехватить грузы у итальянских судов»⁸. Наконец, в августе 1932 г. был раскрыт антиправительственный заговор во Влоре, нити которого вели в Белград. Раскрытие закулисной стороны заговора во Влоре явилось неожиданностью для европейского общественного мнения, которое связывало события в Албании с итало-албанским конфликтом. Но дело заключалось в том, что пока в италь-

яньских правящих кругах существовала надежда принудить Зогу к капитуляции, они не были заинтересованы в его свержении. Кроме того, немаловажным аргументом в пользу его сохранения было отсутствие равноценной замены. Расчеты такого рода, а также вера во всемогущество финансово-экономического воздействия на алчных и беспринципных правителей Албании неизменно присутствуют в итальянской дипломатической переписке.

Развитие албано-итальянских отношений летом 1932 г. давало, как казалось, основания итальянской стороне строить оптимистические прогнозы. Из накопившихся к тому времени неурегулированных вопросов неотложным был вопрос о моратории по займу Общества по экономическому развитию Албании (СВЕА) ⁹. Зогу был вынужден вновь выступать в роли просителя отсрочки и в ответ получил предложение вернуться к переговорам о таможенном союзе. «Вот уже год, как мы настойчиво добиваемся этого, — писал генеральный директор по делам итальянцев за границей В. Лояконо в записке по албанскому вопросу, предназначенной для Муссолини. — Стремимся как можно меньше скомпрометировать себя, всячески скрывая желание достичь этой цели и вынуждая албанское правительство первым обратиться к нам с просьбой о радикальном разрешении наших обоюдных экономических претензий». Албанцы хотят пересмотреть торговый договор, отвергают таможенный союз. «Может быть, кризис их переубедит?» — надеется Лояконо и далее формулирует цели итальянской политики: «1) политического характера — добиться нового одобрения нашей деятельности в Албании; 2) экономического характера — обеспечить, чтобы деньги, вкладываемые нами в Албанию, послужили по меньшей мере обеспечению того, чтобы албанские закупки производились исключительно в Италии, в то время как сейчас Албания при помощи наших денег расширяет сферу своей деловой активности в третьих странах, уменьшая в абсолютных цифрах уровень своих закупок в Италии» ¹⁰.

Начался новый этап «позиционной войны», во время которого обе страны время от времени производили «разведку боем». 14 сентября 1932 г. албанское правительство неожиданно обнародовало законопроект, по которому албанцам запрещалось учиться в профессиональных школах, принадлежавших иностранцам ¹¹. Подавляющее число таких школ принадлежало итальянцам. В ответ итальянское правительство отозвало свой персонал и вывезло оборудование. С большими перебоями работала постоянная албано-итальянская комиссия по использованию кредитов по займу 1931 г., ибо разногласия между ее участниками не могли быть преодолены, пока не была достигнута договоренность на правительственном уровне. В таком духе продолжали развиваться отношения, пока вновь не появилась сенсация. 2 января 1933 г. телеграмма агентства Гавас из Парижа сообщила о том, что тиранское правительство недовольно методами давления, которые оказывало фашистское правительство Италии с целью принудить

Албанию к принятию таможенного союза. Дипломатические круги Белграда, Лондона и Парижа проявили повышенную активность, выразив протест против акции Италии. Последовало официальное опровержение итальянского правительства, которое отрицало намерение заключить таможенный союз с Албанией.

Югославские правящие круги сделали попытку развить инициативу дальше и обратились в Форин Оффис с предложением о ходатайстве перед Лигой Наций, чтобы она выступила гарантом неприкосновенности и нейтралитета Албании и предоставила ей заем. Однако идея такого демарша не встретила положительного отклика. Великобритания не была заинтересована в обострении положения в Адриатике. И хотя два военных английских корабля посетили Албанию с визитом вежливости в январе 1933 г., общее настроение было таково, что сложившееся к тому времени соотношение сил на Балканах должно быть сохранено ¹². Фашистская Италия получила косвенное признание своих прав на Албанию, но весь ход конфликта предупреждал против чрезмерного злоупотребления ими.

К моменту этих событий в Албанию был назначен новый итальянский посланник. Это был Оттавиано А. Кох ¹³, до того работавший советником посольства в Турции. Он был человеком решительным, инициативным, придерживался твердых колониалистских взглядов. Его отчеты в МИД насыщены всякого рода информацией, свободны от иллюзий как относительно итальянской политики, так и в отношении «подопечного» короля Зогу. Правда, в очень официальных документах, подготовленных аппаратом миссии и рассчитанных на более или менее широкий круг людей, говорится об «итальянском золотом дожде», который пролился на Албанию, о том, что «Италия всегда проводила в Албании политику великодушия» и т. п. Однако в рабочих материалах приводятся факты и выводы иного характера, например: «Наши фирмы наживаются за счет простых тружеников, чем сеют недоверие и ненависть к Италии» ¹⁴.

По мнению Коха, отрицательное отношение к Италии нарастало также потому, что итальянцы поддерживали все косное, все враждебное интересам албанского народа. В одном из самых первых своих донесений о положении в стране Кох бичевал архаичный институт беев, который мешал социальному и экономическому развитию страны. «Но если для прогресса страны,— писал Кох Муссолини,— несомненным благом было бы исчезновение таких средневековых институтов, то столь же бесспорным является и то, что в целом они (беев.— Н. С.) наши хорошие друзья, которые нам ничего не стоят, и при сочувственном отношении к их благосостоянию они будут с симпатией воспринимать наше прогрессирующее проникновение в страну» ¹⁵.

Характеризуя Зогу, Кох писал, что король не знает, не любит свой народ, не доверяет ему. Албанский народ, в свою очередь, видит в нем человека, возведенного на престол недругом. По-

сколько итальянское правительство поддерживало, содержало и оплачивало Зогу, в народе сложилось представление, что тронуть его — это выступить против Италии. Говоря в связи с этим об итальянских интересах, Кох заключал, что Зогу «не может дать никакой уверенности на будущее: неумолимый ход событий сметет эту маленькую фигурку, слишком ничтожную, чтобы она даже где-то в придаточном предложении могла остаться на страницах книги судьбы при очередном и неумолимом ее повороте»¹⁶. Однако при всем недоверии к Зогу и при том, что имелись претенденты на его место, состоявшие на содержании, в том числе и итальянского правительства, в Риме не были склонны производить какие-либо изменения. Не существовало никаких гарантий, что новый кандидат обойдется дешевле. Кроме того, за Зогу признавались способности к управлению «твердой рукой», и задача состояла в том, чтобы вернуть его на прежние позиции. Даже рвавшийся к власти Мустафа Круя, личный враг Зогу и платный осведомитель МИД Италии, считал целесообразным обуздание, а не замену Зогу, который, «принимая во внимание минимальные потребности албанцев, может еще проартачиться от силы два года». Главное — не уступать, ибо «албанец уважает лишь силу и победителя»¹⁷. В таком же духе высказался о Зогу итальянский консул в г. Шкодре Мелони: «Только он может править страной. Никто не в состоянии его заменить — ни Шевкет Верляци, ни Мустафа Круя»¹⁸.

Тем временем Зогу продолжал свою игру. В марте 1933 г. истек пятилетний срок моратория по займу СВЕА, и переговоры по этой частной, но весьма важной проблеме еще больше осложнили общую ситуацию. Албанские представители стали принимать активное участие во встречах, связанных с подготовкой Балканского союза. При резко отрицательном отношении итальянских правящих кругов к этой идее позиция Албании выглядела вызывающе.

В Риме стали разрабатываться ответные меры. Сам Муссолини дал установку не уступать. 23 мая он принял албанского временного поверенного в делах Штюллу и из беседы с ним вынес впечатление, что в албанской политике наметились колебания. Муссолини считал целесообразным оказывать постепенное и все более возрастающее давление на Зогу. Он ставил итальянскую политику в непосредственную зависимость от осуществления своих более широких внешнеполитических планов; в частности, от успеха «пакта четырех»: «Когда этот пакт будет подписан, то Албания, представляющая известный, но не столь уже большой интерес для Италии, утеряет значительную часть своей ценности, и мы сможем свободно уменьшить объем нашего сотрудничества и затрат, на которые оно нас вынуждает». Посланник Кох утвердился в своем стремлении по-прежнему проводить жесткий курс, добиваясь «полной капитуляции короля или изменения внутреннего положения в стране с тем, чтобы тем или иным способом были усилены наши позиции»¹⁹. Не прошло и трех недель, как вернув-

шийся в Тирану Кох сообщает в МИД, что король готов «отправиться в Каноссу»²⁰.

Начинается новая полоса переговоров. Албанское правительство выделяет двух представителей для поездки в Рим — министра иностранных дел Джафера Вилу и министра финансов Абдуррахмана Дибру²¹. Три предварительные встречи в Тиране не дали ожидаемого результата. Министры выдвинули условием восстановления прежних отношений пересмотр торгового договора, предоставление беспроцентного займа на весь срок действия итало-албанского союза, а для покрытия дефицита в годовом бюджете — получение 3—4 млн. золотых франков. Кох ответил на это министрам, что «он видит свою миссию не в том, чтобы собирать требования, а в том, чтобы выслушать конкретные предложения, которые могли бы рассеять недовольство Рима и послужить прояснению ситуации»²². Произошла очередная осечка. В течение года король сдавал одну позицию за другой. Итальянские политики довольно точно рассчитали, что ему не удастся привлечь на свою сторону албанское общественное мнение. Посланник Кох писал со своей обычной откровенностью: «Привыкший по старой традиции враждебно относиться к правительству вообще, этот народ должен был очень сильно возненавидеть режим грабежа и насилия, который при поддержке Италии наживался за его счет». И далее о Зогу: «Мегаломан, как он мог только думать, что, получив с нашей помощью королевство, ему удастся завоевать моральный авторитет у своего народа, возбуждая в нем чувства ненависти к иностранцам»²³.

С лета 1934 г., а точнее с июня, когда состоялся «визит» итальянских военных кораблей в албанские территориальные воды, началось восстановление прежних отношений. Оно завершилось еще большим подчинением Албании интересам фашистской Италии. В годы конфликта прошли проверку колониалистские методы итало-фашистской политики. По дипломатическим документам прослеживается циничная, беспринципная борьба за овладение важным стратегическим плацдармом в Адриатике. Вместе с тем они рисуют алчность и своекорыстие албанской правящей верхушки, торговавшей интересами страны и народа. Эта политика привела к тому, что агрессивный режим Муссолини, готовившийся к перекраиванию карты Европы, сделал новый шаг по закреплению на Балканах.

¹ В последние годы появились фундаментальные труды, написанные главным образом на основании неопубликованных источников, где детально освещены отдельные стороны албанского вопроса: *G. Carocci. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928)*. Bari, 1969; *A. Cassels. Mussolini's Early Diplomacy*. N. Y., 1970; *G. Zamboni. Mussolinis Expansionspolitik auf dem Balkan*. Hamburg, 1970; *P. Pastorelli. Italia e Albania, 1924—1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927*. Firenze, 1967; *P. Pastorelli. L'Albania nella politica estera italiana, 1914—1920*. Napoli, 1970; *Z. Avramovski. Italijanska ekonomska penetracija u Albaniju*. —

- «Istorija XX veka», knj. V. Beograd, 1963; *I. Gogaj. Shkollat Katolike—mjet i rëndësishëm i depërtimit fashist në Shqipëri (vitet 30' të shekullit XX).*— «Studime historike». Tiranë, 1971, N 1.
- ² Тиранскими пактами назывались договор от 27 ноября 1926 г. «О дружбе и безопасности» и договор от 22 ноября 1927 г. «Об оборонительном союзе» сроком на 20 лет между Италией и Албанией.
- ³ Соглашение о беспроцентном займе размером в 100 млн. зол. алб. франков сроком на 10 лет обусловливалось «полным и искренним техническим сотрудничеством между двумя правительствами», включая следующие требования: 1) командование албанской армией должно быть поручено итальянскому генералу; 2) в министерства финансов, сельского хозяйства, общественных работ должны быть назначены итальянские контролеры; 3) подписание таможенного союза; 4) замена английских инструкторов в албанской жандармерии итальянскими (см.: *Z. Avramovski. Prilog pitanju istorije Albanije u periodu između dva vjetska rata.*— «Gjurmime albanologjike», sv. III. Prishtinë, 1966, f. 135).
- ⁴ «Relazioni italo-jugoslave dall'avvento del Governo fascista al 1936». Roma, novembre XV, p. 22.
- ⁵ Archivio storico MAE. Roma. Ufficio Albania, 1932, passo 10. Галли — МИД. Белград, 12 февраля 1932 г. Право Италии на введение войск в Албанию было установлено конференцией послов 9 ноября 1921 г. в случае, если положение в Албании «создаст угрозу стратегической безопасности Италии». Оно было закреплено вторым Тиранским пактом, предусматривавшим военную взаимопомощь в случае угрозы нападения какой-либо третьей державы.
- ⁶ Там же. Соранья — МИД, 25 февраля 1932 г. Тирана.
- ⁷ «Archivio storico...». Ufficio Albania, 1932, passo 10. Париани — Военному министерству, Рим, 20 марта 1932 г.
- ⁸ Там же. Соранья — МИД. Рим, 2 мая 1932.
- ⁹ Общество СВЕА подписало соглашение о займе албанским правительством в мае 1925 г. на сумму 70 млн. зол. алб. франков.
- ¹⁰ «Archivio storico...». Ufficio Albania, 1932, passo 10. Лояконо — Алоизи. Рим, 4 июля 1932 г.
- ¹¹ Законопроект был одобрен парламентом в апреле 1933 г.
- ¹² *V. Vinaver. Anglia dhe pozita ndërkombëtare e Shqipërisë midis dy luftrave botërore.*— «Gjurmime albanologjike», 1968, N 1, f. 224.
- ¹³ Кох прибыл в Тирану 23 ноября 1932 г.
- ¹⁴ «Archivio storico...». Ufficio Albania, 1934, passo 33. Докладная записка «Политическое и экономическое положение Албании в 1933 г.». Рим, 29 мая 1934 г.
- ¹⁵ Там же, 1933, папка 20. Кох — Муссолини. Тирана, 15 января 1933 г.
- ¹⁶ Там же, 1933, папка 22. Кох — МИД. Тирана, 22 августа 1933.
- ¹⁷ Там же, папка 21. Бути — МИД. Рим, 4 декабря 1933 г.
- ¹⁸ Там же, папка 22. Мелони — МИД. Шкодра, 13 сентября 1933 г.
- ¹⁹ Там же. Запись беседы Муссолини с Кохом. Рим, 29 мая 1933 г.
- ²⁰ Там же. Кох — МИД. Тирана, 17 июня 1933 г.
- ²¹ Как всегда, Кох сопровождает свои отчеты характеристиками политических деятелей: Джафер Вила — «нерешителен, боялив, малоавторитетен у короля и в народе, но обладает импозантной внешностью, делает то, что ему прикажут»; Абдурахман Дибра — «малокультурный, фанатичный, вероломный интриган, эгоист и абсолютист, одним словом, имеет все достоинства, чтобы находиться в фаворе у Зогу I, короля Албании» (там же. Кох — МИД. Тирана, 22 июля 1933 г.).
- ²² Там же. Кох — МИД. Тирана, 4, 18, 20 июля 1933 г.
- ²³ Там же, 1934, папка 33. Доклад дипломатической миссии в Тиране «Политическое и экономическое положение Албании в 1933 г.». Рим, 29 мая 1934 г.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Из истории установления
дипломатических отношений
между Советским Союзом
и странами Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы

А. О. ЧУБАРЬЯН

В советской исторической науке в последние годы проделана значительная работа по исследованию международных отношений на юго-востоке Европы в 20—30-х годах нашего столетия, вопросов внешней политики крупнейших держав Европы применительно к рассматриваемому району и, в частности, внешней политики Советского Союза¹. Этому в немалой степени способствовало издание большого числа новых документальных материалов, в том числе и впервые извлеченных из архивов².

Не ставя целью осветить все стороны советской политики в отношении стран Юго-Восточной Европы в 20—30-х годах, остановимся лишь на ее основных направлениях.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции Советская Россия провозгласила новую политику в отношении всех стран и народов, в том числе и Юго-Восточной Европы. Разрыв с империалистической политикой царской России в этом районе не был только декларативным, а активно проводился в жизнь. Так, уже 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в обращении Советского правительства ко всем трудящимся мусульманам России и Востока говорилось: «Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, — ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман...»³

Советское правительство с самого начала ясно и четко выразило сочувствие малым странам, поддерживало их борьбу за самостоятельность и независимость.

Позднее, в июле 1921 г. в интервью корреспонденту газеты «Юманите» народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин говорил в связи с этим следующее: «Что же касается независимого существования малых наций как самостоятельных государств, то Советское правительство всегда симпатизировало и даже содействовало этому»⁴.

Политика Советского государства в отношении стран Юго-Восточной Европы заключалась в стремлении, во-первых, установить с ними дружественные отношения, основанные на равно-

правии и уважении независимости, во-вторых, помешать использованию этих стран в антисоветских действиях, предпринимавшихся крупными европейскими державами, наконец, в-третьих, обеспечить на юго-востоке Европы мир и возможность для самостоятельного и независимого развития.

С самого начала своего существования Советская страна начала трудную и длительную борьбу за установление нормальных отношений с каждой из стран этого района.

Уже в мае 1918 г. в Наркоминделе была создана специальная канцелярия по делам Востока, состоявшая из 8 секций, в числе которых была секция по делам Сербии, Черногории, Хорватии, Албании, Македонии, Болгарии, Румынии и Греции.

Усилия Советского государства наталкивались не только на сопротивление реакционных кругов стран Юго-Восточной Европы, но и на активное противодействие европейских держав, стремившихся помешать установлению контактов СССР с этими государствами.

10 декабря 1920 г. Советское правительство предприняло шаги к установлению дипломатических отношений с Болгарией. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин в письме к болгарскому министру выразил справедливое недовольство тем, что болгарские власти оказывают всяческую помощь остаткам врангелевцев, различного рода контрреволюционерам. Одновременно советский нарком заявил: «Российское правительство уверено в том, что при установлении постоянных и нормальных отношений между Россией и Болгарией все причины разногласий между обоими государствами будут легко устранены. В связи с этим оно предлагает правительству Болгарии немедленно начать переговоры в целях установления нормальных и дружественных отношений между обеими странами»⁵. Правительство Болгарии, однако, не ответило на это предложение.

Впоследствии Советское правительство еще несколько раз обращалось с этим предложением, но безрезультатно. Более того, под нажимом реакционных кругов болгарское правительство ответило отказом на въезд в страну советской торговой делегации⁶. Последующие годы не внесли изменений в отношении Болгарии к СССР. Лишь в июле 1934 г., после того как большинство буржуазных государств признало СССР, царское болгарское правительство также пошло на установление с ним дипломатических отношений.

За признание Советского государства и нормализацию с ним отношений выступали в течение 1921—1922 г. широкие круги греческой общественности. Отвечая председателю Союза греков — выходцев из России Мелиссарабосу, высказывавшемуся за возобновление торговых связей и добывавшемуся решения вопроса о репатриации греков из России на родину и русских из Греции в Россию, Г. В. Чичерин писал в июле 1921 г.: «Российское правительство будет счастливо послать делегацию в Грецию и принять гре-

ческую делегацию в России с тем, чтобы осуществить взаимную репатриацию русских и греческих граждан, и оно готово возобновить торговые отношения с Грецией и обменяться торговыми делегациями»⁷.

В 1924 г. греческое правительство выразило желание пойти на этот шаг; в марте месяце между Грецией и СССР были установлены дипломатические отношения, одновременно начали развиваться и торговые связи между обеими странами.

Одновременно с этим СССР и Греция заключили временное торговое соглашение на 6 месяцев. Однако в 1927 г. отношения между странами ухудшились. В июне этого же года советский полпред в Греции Устинов сообщал в Наркоминдел, что греческий министр Рудес признал в беседе с ним, что греческое правительство под давлением Великобритании поставило вопрос и о пересмотре таможенного соглашения с СССР⁸. Однако умелая и гибкая тактика, проводимая СССР, сорвала антисоветский заговор международной реакции. Планам Англии, стремившейся в этот период к созданию балканского фронта против СССР, не суждено было осуществиться — разрыва отношений Греции с СССР не произошло.

На протяжении многих лет Советское правительство настойчиво стремилось установить дипломатические отношения с Югославией.

Но в 1921—1923 гг. югославские правящие круги развернули антисоветскую кампанию, действуя заодно с международной реакцией, что делало невозможным Советскому государству предпринимать какие бы то ни было шаги в этом направлении.

В 1924 г. появились признаки ослабления этой кампании, и Советское правительство немедленно использовало эту ситуацию. В марте 1924 г. М. М. Литвинов в письме советскому полпреду в Польше Войкову указывал, что создаются условия для установления нормальных отношений с Югославией. Литвинов отмечал: «Политические интересы СССР и Югославии не расходятся, во внутренние дела вмешиваться мы не намерены»⁹. В дальнейшем неофициальные беседы с югославским посланником в Варшаве по этим вопросам вел Войков, с югославским посланником в Риме — полпред Керженцев. В 1925 г. Г. В. Чичерин, посетивший Польшу, также вел переговоры об этом с югославским посланником¹⁰. Для установления контактов с югославскими официальными лицами Советское правительство использовало и различные международные конференции, в частности международную экономическую конференцию в Женеве в 1927 г. Но югославское правительство и на этот раз не пошло на установление с СССР дипломатических отношений¹¹.

Под влиянием значительного роста международного влияния СССР и в связи с изменившейся позицией Франции, которая стала проводить линию на создание системы безопасности с участием как ее союзников, включая страны Малой Антанты, так и Совет-

ского Союза, в январе 1934 г. на совещании министров иностранных дел Румынии, Югославии и Чехословакии (Малая Антанта), проходившем в Загребе (Югославия), было принято решение «о своевременности возобновления государствами — членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений с СССР, как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия»¹². В июне 1934 г. Постоянный совет Малой Антанты, заседавший в Женеве, констатировал, что политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членов Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с Загребской резолюцией¹³. Но и здесь Югославия сорвала единую линию стран Малой Антанты и отказалась признать СССР¹⁴.

Установление дипломатических отношений между СССР и Югославией стало возможным лишь в середине 1940 г.

Через ряд трудных этапов прошли в 20—30-е годы взаимоотношения Советского Союза с Румынией. Они осложнились стремлением румынских правящих кругов добиться от СССР признания захвата Румынией Бессарабии. Естественно, что Советское правительство твердо и последовательно отклоняло все попытки королевской Румынии «узаконить» этот акт. Одновременно оно уже в конце гражданской войны пыталось нормализовать отношения с Румынией. Так, 5 августа 1920 г. Г. В. Чичерин в письме к румынскому министру иностранных дел заявлял: «Российское правительство готово возобновить с Румынским правительством обмен мнениями»¹⁵. Подобные предложения делались и в дальнейшем. Однако несмотря на все усилия Советскому правительству не удалось тогда нормализовать отношения с Румынией. В 1923 г. было подписано лишь «Положение о мерах, имеющих целью предупреждение и разрешение всех конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестре»¹⁶.

Конференция представителей двух стран для урегулирования советско-румынских отношений состоялась в Вене в марте — апреле 1924 г., но и она окончилась безрезультатно. Этот вопрос возник снова в 1931—1932 гг. в связи с переговорами, которые вел Советский Союз о заключении пактов о ненападении с соседними странами. Однако из-за неуступчивости Румынии переговоры с ней опять закончились неудачно. М. М. Литвинов, несмотря на это, отмечал, что Советское правительство по-прежнему стремится к заключению советско-румынского пакта о ненападении¹⁷.

Изменение позиции Франции в сторону сближения с СССР, влияние ее на страны Малой Антанты проявилось и в политике Румынии. Этому способствовала также позиция тогдашнего министра иностранных дел Румынии Титулеску, направленная на создание системы безопасности. Преодолевая сопротивление реакции, опираясь на упомянутое решение Совета Малой Антанты от 22 января 1934 г., румынское правительство в июне 1934 г. согласилось установить дипломатические отношения с СССР, что яви-

лось важной вехой во взаимоотношениях между обеими странами и шагом к созданию системы коллективной безопасности в Европе.

В течение ряда лет СССР стремился к нормализации отношений с Албанией.

Советское правительство направило в Албанию 3 января 1923 г. послание, в котором говорилось: «Наступил момент для установления дипломатических отношений между русским и албанским народами, что позволило бы разрешить все вопросы политического характера, существующие между нашими двумя странами»¹⁸. Однако албанское правительство, возглавляемое Ахмедом Зогу, не пожелало улучшать отношения с государством рабочих и крестьян.

После свержения в 1924 г. правительства Зогу одним из первых шагов нового либерального кабинета во главе с Фан Ноли было согласие на установление отношений с СССР. Советское правительство немедленно откликнулось на предложение Албании, и 14 декабря 1924 г. в Тирану прибыло советское полпредство¹⁹. Однако на следующий день правительства Великобритании, Италии и Югославии потребовали удаления из Албании советского полпредства. Взамен они обещали дипломатическим путем приостановить наступление, которое Зогу вел на Тирану во главе реакционных сил. Под давлением этого ультиматума и вследствие неудач в борьбе с мятежниками, правительство Фан Ноли 17 декабря приняло решение просить советское полпредство покинуть страну, причем генеральный секретарь албанского МИДа официально сообщил полпреду Краковецкому о нажиме на Албанию²⁰. В специальном заявлении для печати в январе 1925 г. Г. В. Чичерин осудил действия представителей Великобритании, помешавших установлению советско-албанских отношений²¹.

Лишь в сентябре 1934 г. Албания установила дипломатические отношения с СССР²².

Наиболее тесные и дружественные отношения из стран Юго-Восточной Европы установились у Советского Союза с Турцией.

Советская Россия, провозгласившая новую дружественную политику по отношению к Турции, активно поддержала национально-освободительную борьбу турецкого народа во главе с Кемалем Ататюрком. Когда после создания в апреле 1920 г. революционного правительства Ататюрк обратился к Советскому государству с предложением установить дипломатические отношения, Советское правительство заявило о своем согласии немедленно приступить к переговорам. Уже 16 марта 1921 г. Советская Россия и Турция подписали договор о дружбе и братстве.

Одновременно обе стороны договорились о предоставлении Турции финансовой помощи в сумме 10 млн. золотых рублей. Несмотря на то, что 1921 год был невероятно трудным для молодой Советской Республики (голод и хозяйственная разруха), в 1921 — начале 1922 г. вся сумма была передана Турции.

После подписания договора Советское государство не раз ока-

зывало дипломатическую поддержку Турции на международных конференциях и совещаниях. Так, Советское правительство, в отличие от западных держав, энергично выступило за участие Турции в Генуэзской конференции 1922 г., а также на конференции в Лозанне.

В 1925 г., несмотря на активное противодействие Англии, между СССР и Турцией был подписан договор о ненападении и нейтралитете, включавший взаимное обязательство не принимать участие ни в каком союзе, соглашении политического характера или враждебном акте, направленных против другой договаривающейся стороны²³. В дальнейшем договор 1925 г. продлевался специальным протоколом от 17 декабря 1929 г., возобновлялся протоколом от 30 октября 1931 г. и, наконец, был продлен на 10 лет 7 ноября 1935 г.²⁴ В 1927 г. был подписан первый торговый договор СССР с Турцией²⁵.

Происки реакционных кругов в самой Турции, активные действия Англии, Франции, Германии, направленные против советско-турецкого сближения, — все это часто осложняло советско-турецкие отношения. Но политический реализм и общность интересов брали верх, и в итоге эти отношения в 20—30-х годах развивались благоприятно для обеих сторон, содействовали оздоровлению политической атмосферы в этом районе мира.

Таким образом, Советскому Союзу удалось установить дипломатические отношения со всеми странами Юго-Восточной Европы, урегулировать целый ряд спорных проблем, а с некоторыми из государств (Турция) укрепить сотрудничество. Нормализация отношений с СССР благоприятно сказывалась на международных позициях стран Юго-Восточной Европы, повышала их вес в международных делах. И все же в общем можно констатировать, что отношения этих стран с СССР могли быть значительно лучшими (ввиду общности многих интересов), если бы не противодействия крупнейших капиталистических европейских держав, действовавших сообща с правящей верхушкой государств Юго-Восточной Европы.

Устанавливая отношения со странами Юго-Восточной Европы, Советский Союз проводил в 30-е годы в условиях обострившейся обстановки политику, направленную на обеспечение безопасности в этом районе, на противодействие попыткам фашистской Германии сколотить там послушный ей блок. В 1933 г. СССР подписал с рядом государств конвенцию об определении агрессии, в том числе и с тремя странами Юго-Восточной Европы — Румынией, Югославией и Турцией. В конце 30-х гг. СССР неоднократно вносил предложения об организации коллективного отпора германской агрессии. Так, в связи со сведениями о германской угрозе Румынии, СССР предложил провести в марте 1939 г. конференцию наиболее заинтересованных государств — Англии, Франции, СССР, Румынии, Польши и Турции. Но ввиду отказа ряда стран Запада конференцию созвать не удалось.

Несмотря на все зигзаги европейской политики, крайнюю сложность и противоречивость международной обстановки на Балканах, СССР на протяжении всего рассматриваемого периода стремился к обеспечению прочного мира в Юго-Восточной Европе, к тому, чтобы иметь дружественные отношения со всеми странами этого района, основанные на принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела.

- ¹ См.: «История внешней политики СССР». Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова, ч. I, 1917—1945. М., 1966; «История дипломатии», т. III. М., 1965; «История международных отношений». Под ред. В. Г. Трухановского, т. I. М., 1961; А. Е. Иоффе. Внешняя политика СССР в 1928—1932 гг. М., 1967; Я. И. Копанский, И. Е. Левит. Советско-румынские отношения (1929—1934). М., 1971; В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966; В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров М., 1967; Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971; А. А. Язькова. Малая Антанта в европейской политике. М., 1974; В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939 гг. М., 1974.
- ² См., например: «Документы внешней политики СССР», т. V—XIX; «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы». М., 1971.
- ³ «Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917 г.», 4.XII.1917 г.
- ⁴ Г. В. Чичерин. Статьи и речи. М., 1961, стр. 192.
- ⁵ «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 372—373.
- ⁶ Там же, т. IV. М., 1960, стр. 399—400.
- ⁷ Там же, стр. 222.
- ⁸ Там же, т. X. М., 1965, стр. 315.
- ⁹ Там же, т. VIII. М., 1963, стр. 174.
- ¹⁰ Там же, стр. 557.
- ¹¹ Там же, т. X, стр. 200—202, 205.
- ¹² Там же, т. XVII, стр. 380—381.
- ¹³ Там же, стр. 379—381.
- ¹⁴ Там же, стр. 416.
- ¹⁵ Там же, т. III, стр. 82.
- ¹⁶ Там же, т. VI, стр. 512—516.
- ¹⁷ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 560—562.
- ¹⁸ «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 134.
- ¹⁹ Там же, т. VII. М., 1963, стр. 407, 437—438.
- ²⁰ Там же, стр. 587.
- ²¹ Там же, т. VIII, стр. 14.
- ²² «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 744.
- ²³ «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 739—742.
- ²⁴ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 408; т. IV, стр. 72.
- ²⁵ «Документы внешней политики СССР», т. X, стр. 81—100.

Начало Великой Отечественной войны
Советского Союза
и развитие движения Сопротивления
в оккупированных странах
Юго-Восточной Европы

В. В. ЗЕЛЕНИН

До нападения фашистской Германии на Советский Союз из балканских стран державами «оси» и их сателлитами были оккупированы Албания (апрель 1939 г.), Югославия (апрель 1941 г.) и Греция (апрель — май 1941 г.). Оккупанты установили режим жестокого террора, беззащитной эксплуатации населения, хищнического ограбления материальных ресурсов этих государств. Наиболее реакционные, профашистские силы в оккупированных странах встали на путь коллаборационизма, превратились в пособников оккупантов. Наиболее передовые отряды трудящихся, в первую очередь рабочий класс, становились на путь борьбы против захватчиков.

Так, уже с первых дней оккупации Албании многие патриоты вступили в борьбу с фашистскими поработителями. В первых рядах борцов были рабочие шахт, нефтяных промыслов и портов страны¹. Забастовки, демонстрации протеста, саботаж, различные формы пассивного сопротивления — таков был ответ патриотических слоев населения Албании на итальянскую фашистскую оккупацию. Однако на протяжении первых двух лет оккупации в стране еще не было условий для развертывания массовой вооруженной освободительной борьбы. Важным фактором, тормозившим созревание этих внутренних условий, было отсутствие коммунистической партии (в Албании в то время имелись лишь разрозненные коммунистические группы).

Первые месяцы после установления фашистского «нового порядка» в Греции и Югославии в целом можно охарактеризовать как период углубления политической дифференциации, в первую очередь по вопросу об отношении к оккупантам. Профашистские организации и элементы, значительная часть аппарата управления, многие буржуазные политические организации и партии этих стран пошли к ним на службу. Государственные верхи во главе со своими королями и правительствами, ориентировавшиеся на Англию, эмигрировали и нашли приют в Лондоне, а их единомышленники, оставшиеся в стране, заняли позицию пассивного выжидания. Лишь демократические слои населения — рабочие, значительная часть крестьянства, передовая интеллигенция, учащаяся молодежь — не желали смириться с оккупацией страны, проявили готовность к решительной борьбе за ее свободу и неза-

висимость. Организаторами и руководителями всех патриотических сил явились наиболее последовательные защитники интересов трудящихся масс — коммунистические партии.

Сразу же после оккупации коммунистические партии Югославии и Греции выдвинули четкие антифашистские платформы, предусматривавшие сплочение всех прогрессивных патриотических сил и развертывание массовой вооруженной национально-освободительной борьбы.

Между тем, если в оккупированных фашистами балканских странах (по крайней мере в Югославии и Греции) в первой половине 1941 г. имелись важнейшие внутренние условия для развертывания антифашистского движения Сопротивления, то иначе дело обстояло с внешними условиями.

После поражения Франции и гитлеровской оккупации ряда европейских стран Англия оказалась лицом к лицу с гитлеровской военной машиной.

Военные успехи держав фашистской «оси», оборонительный характер военных действий, проводимых Англией, не могли не оказывать деморализующего воздействия на народы оккупированных стран.

Со своей стороны английское военное руководство, проанализировав положение, создавшееся после поражения Франции и оккупации большинства европейских стран, пришло к выводу, что в этих странах и в государствах, входящих в фашистский блок, «вряд ли могли вспыхнуть восстания и тем более увенчаться успехом, если бы они не были тщательно подготовлены и организованы англичанами»². Такое отношение к сопротивлению европейских народов прочно утвердилось в долгосрочных стратегических планах Великобритании, определивших ее действия в 1941—1943 гг.

Не веря в способность угнетенных народов самостоятельно подняться на борьбу с фашистскими оккупантами и не имея сил оказать им немедленную помощь, британские стратеги отодвигали вопрос о вооруженном сопротивлении оккупантам на отдаленное будущее, придавая ему при этом лишь вспомогательное значение. В июне 1941 г. английский Комитет по планированию войны попытался более детально разработать эти общие установки о роли сопротивления европейских народов в деле разгрома фашистской «оси». В соответствующем томе английской официальной истории второй мировой войны британский план выглядит следующим образом: «В районах, где власть немцев достаточно ослабла, поработенные народы должны восстать против нацистских правителей. Такие восстания могут быть подняты в каждой стране всего лишь один раз. Их следует начинать только в нужный момент, когда проведена всесторонняя подготовка и когда для этого созрела ситуация. Вооруженные силы патриотов должны быть достаточно сильными, чтобы разгромить местные гарнизоны немцев. Немцы должны быть настолько ослаблены, чтобы не иметь

возможности направить в районы восстания необходимые подкрепления»³. Соответственно в стратегические расчеты английского руководства входило создание в европейских странах «национальной гвардии патриотов» или «корпуса сил Сопротивления», как обозначались в материалах и документах того времени внутренние силы Сопротивления в оккупированных странах Европы, которым отводилась вспомогательная роль на заключительном этапе войны. Для этого предполагалось в каждой стране создать боевые отряды, вооружить и обучить их и полностью подготовить к тому, чтобы в «нужный момент» они поддержали «силы вторжения», или «силы освобождения», под которыми подразумевались войска Англии и ее союзников. Этот период длительной подготовки и накопления сил предполагал отказ от активной борьбы против оккупантов в данное время в ожидании сигнала для выступления, который должен быть подан из Лондона. Для поддержания «духа сопротивления» допускалось осуществление саботажа и диверсий, которые к тому же должны были ослаблять военно-экономический потенциал гитлеровской Германии. Активные боевые действия против оккупационных войск, развертывание массовой партизанской войны в тылу гитлеровской Германии считались нежелательными, ибо они противоречили концепции «единовременного всеобщего восстания», которое должно было вспыхнуть лишь в момент приближения армии вторжения к границам данной страны.

Конечно, практика войны вносила серьезные коррективы в первоначальные планы. Но принципиальная концепция по рассматриваемому вопросу не претерпела существенных изменений. Что же касается 1941 г., то другого плана у Великобритании вообще не было.

Установка на отнесение активных действий против оккупантов на отдаленное будущее не могла не оказать тормозящего воздействия на развитие движения Сопротивления во многих странах. Это особенно сказалось на тех силах в оккупированных странах, которые политически и социально были тесно связаны с силами, возглавлявшими военно-политическое руководство Великобритании в годы второй мировой войны. Тактика атлантизма, лозунги «держатъ винтовку у ноги», «ждать, когда наступит время» были прямым следствием английской установки по вопросу о движении Сопротивления в оккупированных странах Европы.

*

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, начало Великой Отечественной войны привели к коренному изменению всей мировой военно-политической обстановки. Основная масса заранее отмобилизованных, полностью снаряженных и вооруженных войск фашистской Германии, поддержанной войсками ее союзников и сателлитов, была брошена на советско-германский

фронт. На территории захваченных стран остались лишь оккупационные войска второй и третьей линии, а также некоторые учебные части и школы, специальные и охранные подразделения. Это обстоятельство, но в первую очередь то, что в войну против фашистских агрессоров вступил могущественный Советский Союз с его неисчерпаемыми военными, экономическими и человеческими ресурсами, оказало огромное воздействие на народы оккупированных стран Европы, окрылило их верой в неизбежность разгрома держав фашистской «оси» и победы сил складывающейся антифашистской коалиции, служило мощным стимулом для активизации сопротивления фашистским оккупантам.

Этому в огромной степени способствовала четкая и ясная постановка Советским Союзом вопроса о его целях и задачах в этой войне, о той роли, которую в ней призваны сыграть советский народ, все свободные народы мира и в их числе народы европейских стран, оккупированных державами фашистской «оси». В первые же дни войны Советское правительство со всей определенностью заявило, что целью всенародной Отечественной войны Советского Союза против фашистских угнетателей является не только ликвидация нависшей над ним опасности, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма⁴. СССР выразил твердое убеждение в том, что война советского народа за свободу своего Отечества «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы», что будет создан «единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»⁵. В сентябре 1941 г. в декларации по поводу Атлантической хартии СССР заявил, что он «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны»⁶. Эта четкая и ясная позиция Советского Союза убедительно говорила поработленным народам Европы, что в лице советского народа они найдут верного и надежного союзника в своей борьбе за свободу и независимость своих стран, в своем стремлении к лучшему будущему, в своем праве устраивать послевоенную жизнь так, как они это считают нужным.

Совпадение целей Великой Отечественной войны советского народа против фашизма с коренными интересами и чаяниями всех поработленных народов Европы делало движение Сопротивления естественным и последовательным союзником СССР как ведущей силы антигитлеровской коалиции.

Чрезвычайно большое значение имела выраженная в сентябрьской декларации 1941 г. позиция СССР, что «основная задача, стоящая в настоящее время перед всеми народами, признавшими необходимость разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения

ига нацизма, заключается в том, чтобы сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд»⁷. Установка Советского Союза на максимальную концентрацию военных усилий с целью скорейшего освобождения народов поработанных стран побуждала эти народы активизировать свою собственную борьбу. Так она и была воспринята наиболее боевыми силами угнетенных народов и в первую очередь рабочим классом и его авангардом — коммунистическими партиями.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз вызвало особенно глубокий и широкий отклик в Югославии. Позицию решительной борьбы против фашистских захватчиков твердо заняла Коммунистическая партия Югославии, которая сразу же после поражения и раздела страны оккупантами в апреле 1941 г. взяла курс на подготовку вооруженного восстания и развертывание партизанской войны против оккупантов и их пособников. Этот курс нашел свое выражение в воззвании ЦК КПЮ, изданном 22 июня 1941 г. в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз⁸. В нем и в ряде последующих документов подчеркивалась тесная связь войны Советского Союза против фашистских орд с делом освобождения народов Югославии от оккупантов. При этом КПЮ со всей определенностью указывала на то, что в освобождение своей страны народы Югославии должны внести свой собственный вклад. Эта установка без колебаний и оттяжек была претворена в жизнь: в июле 1941 г. по зову КПЮ и под ее руководством в стране началось массовое вооруженное восстание, положившее начало четырехлетней освободительной войне югославских народов.

Установка на немедленное развертывание активной вооруженной борьбы против оккупантов, принятая и решительно проводившаяся в жизнь прогрессивными силами Югославии во главе с КПЮ, полностью отвечала интересам как югославских народов, так и всей антифашистской коалиции в целом, ибо только активная бескомпромиссная борьба создавала наибольшие трудности оккупантам, затрудняла их маневрирование, истощала человеческие и материальные ресурсы, приближала час их окончательного разгрома.

После оккупации Греции в апреле — мае 1941 г. борьба греческого народа, имевшего уже известный опыт боевых действий против итальянской агрессии, не прекратилась. Капитуляция военных и политических верхов не сломила боевого духа народных масс, готовых и без короля и правительства сражаться за национальное освобождение. Горячие симпатии, которые питал греческий пролетариат к советскому народу, традиционные чувства дружбы, связывавшие греческий народ с русским народом, были мощным стимулом для усиления сопротивления фашистским оккупантам после 22 июня 1941 г. Твердую позицию решительной

бескомпромиссной борьбы заняла Коммунистическая партия Греции. Состоявшийся в начале июля 1941 г. VI пленум ЦК Коммунистической партии Греции опубликовал воззвание ко всем греческим коммунистам, призвал все антифашистские прогрессивные силы страны развернуть широкое движение сопротивления захватчикам⁹.

По инициативе Коммунистической партии Греции уже в сентябре 1941 г. был создан Национальный освободительный фронт Греции (ЭАМ), в который помимо компартии вошли аграрная, социалистическая партии и партия «Союз национальной демократии». Под знаменем ЭАМ движение Сопротивления развернулось по всей стране, и уже через три месяца — в декабре 1941 г. — была создана Греческая народно-освободительная армия (ЭЛАС), объединившая под единым командованием все партизанские отряды, сражавшиеся против оккупантов. На протяжении всего периода оккупации Греции ЭАМ — ЭЛАС были главной силой Сопротивления, вписав немало славных страниц в летопись борьбы греческого народа за свою свободу и независимость.

Вступление Советского Союза в войну против фашистской Германии было воспринято албанскими патриотами как важнейшее условие для развертывания освободительной борьбы. «Пришло время, — говорилось в одной из листовок 28 июня 1941 г., обращенной к албанским крестьянам и рабочим, — поднять оружие и вместе с пролетариатом всего мира бороться за твои права, за твою землю, за твою свободу»¹⁰. Выражая солидарность с советским народом, албанские коммунисты призывали народ усилить борьбу против фашистских захватчиков. В листовке, выпущенной в сентябре 1941 г., говорилось: «Объединим нашу национально-освободительную борьбу с героической борьбой Советского Союза — славного авангарда борьбы против фашизма»¹¹.

Историческим событием в жизни албанского народа, сыгравшим огромную роль в дальнейшем развертывании движения Сопротивления, было образование Коммунистической партии Албании 8 ноября 1941 г. Важнейшей задачей, поставленной перед КПА, была борьба за национальную независимость и освобождение Албании. Партия призывала популяризировать достижения советского народа и передовую роль СССР в освободительной борьбе против фашизма¹².

Вскоре движение Сопротивления в Албании приняло форму партизанской войны: создавались партизанские отряды (четы), которые с каждым днем наносили все больший урон оккупантам. Национально-освободительная борьба албанского народа вступила в новый этап.

Таким образом, до конца 1941 г. в Югославии, Греции и Албании в широких масштабах развернулось движение Сопротивления фашистским захватчикам, проходившее в наиболее эффективной форме — партизанской войны. Решающим фактором, способствовавшим его широкому развитию, было то, что возглави-

ли его коммунистические партии. Важнейшим внешним условием для его развертывания была героическая борьба советского народа против гитлеровской Германии.

- ¹ *Н. Д. Смирнова. Образование Народной Республики Албании. М., 1960, стр. 51.*
- ² *Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. Пер. с англ. М., 1959, стр. 325.*
- ³ *Дж. Батлер, Дж. Гуайер. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. М., 1967, стр. 51.*
- ⁴ «Внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов», т. V. М., 1947, стр. 12.
- ⁵ Там же.
- ⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 146.
- ⁷ Там же, стр. 147.
- ⁸ См.: «Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije», т. I, knj. 1, стр. 17.
- ⁹ «Антифашистское движение Сопротивления». М., 1962, стр. 425.
- ¹⁰ *Н. Д. Смирнова. Указ. соч., стр. 68.*
- ¹¹ «European Resistance Movements. Proceedings of the Second International Conference on the History of the Resistance Movements held at Milan 26—29 March 1964». Oxford — London — New York — Paris, 1964, p. 125.
- ¹² См.: *Н. Д. Смирнова. Указ. соч., стр. 70.*

Отклики Сталинградской битвы на Балканах

Л. Б. ВАЛЕВ, Г. М. СЛАВИН

Сталинградская победа привела к коренному перелому во второй мировой войне и общему изменению военно-политической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции. Она явилась также важнейшим стимулом для развития движения Сопротивления в Европе, особенно в балканских странах.

Это было обусловлено как географическим положением и стратегическим значением Балканского полуострова, так и тем, что народы балканских стран были особенно тесно связаны с народами Советского Союза вековыми традициями дружбы и совместной борьбы против иноземных захватчиков, революционными и интернационалистскими традициями.

Народы балканских стран вели активную антифашистскую борьбу. И условия, и размах этой борьбы были различными, но ее участники свои надежды на освобождение связывали прежде всего с победой Советского Союза над гитлеровской Германией. И чем сильнее разгоралось сражение на Волге, тем больше укреплялась их вера в то, что фашистские поработители в конце концов потерпят поражение. Огромные потери в ходе Сталинградской

битвы подорвали мощь гитлеровской армии, ослабили ее тылы. Это способствовало развертыванию освободительной борьбы на Балканах. Мужество защитников Сталинграда служило примером для антифашистов балканских стран, вдохновляло их на борьбу за свободу.

В первых рядах борцов против фашизма на Балканах находились народы Югославии. В самые трудные для Красной Армии дни они не теряли веры в ее силу и стойкость, были убеждены, что она выдержит натиск врага. «Сталинград держится, Сталинград будет держаться... Это нас еще больше наполняет уверенностью в том, что мы вместе с народами великого Советского Союза одержим окончательную победу», — говорил руководитель освободительной борьбы народов Югославии И. Броз Тито 17 октября 1942 г.¹

С напряженным вниманием следя за ходом Сталинградского сражения, народы Югославии в то же время вносили свой вклад в дело победы над фашизмом. Осенью 1942 г. в Югославии находились крупные вражеские силы. Несмотря на это, фашистское командование не смогло воспрепятствовать освобождению партизанами значительных югославских территорий, причем оккупантам был нанесен большой урон. В ноябре 1942 года началось формирование первых дивизий и корпусов Народно-освободительной армии (НОАЮ). К концу года освободительные силы в Югославии насчитывали примерно 150 тыс. бойцов². «Создание Народно-освободительной армии, — отмечал в ноябре 1942 г. орган КПЮ газета «Борба», — означает, что союзники, и особенно братская Советская Россия, теперь могут рассчитывать на организованную армию, которая представляет собой серьезную военную силу на Балканах»³.

Во время Сталинградской битвы произошло знаменательное событие в истории освободительной войны и революции в Югославии — в конце ноября 1942 г. состоялась I сессия Антифашистского веча народного освобождения (АВНОЮ), ставшего первым революционным парламентом новой Югославии. Дни работы сессии совпали с первыми известиями об окружении фашистской группировки под Сталинградом. Они были встречены народами Югославии с огромным воодушевлением. «Через все преграды, через все границы долетели до нас радостные вести, — писала «Борба» в передовой статье, посвященной защитникам Сталинграда. — Праздник в наших сердцах, на наших улицах»⁴.

С таким же воодушевлением воспринял известие об окружении фашистских войск под Сталинградом народ Греции. Еще в 1941 г. по инициативе Коммунистической партии Греции был создан Национально-освободительный фронт (ЭАМ), под его руководством сформировалась Народно-освободительная армия (ЭЛАС).

В дни Сталинградского сражения деятельность ЭАМ и ЭЛАС значительно усилилась⁵. К началу 1943 г. вооруженные отряды

ЭЛАС насчитывали 6 тыс. бойцов. Они наносили все более серьезные удары по фашистским оккупантам.

Осень 1942 г. в Албании также была отмечена подъемом национально-освободительного движения. К середине сентября 1942 г. партизанские группы имели на своем счету уже более трехсот боевых операций. Партизаны нападали на военные транспорты оккупантов, совершали налеты на воинские подразделения⁶. Коммунистическая партия Албании подчеркивала солидарность албанских патриотов с воинами Красной Армии. В обращении компартии к народу в октябре 1942 г. говорилось, что защитники Сталинграда являются защитниками цивилизованного мира и их живой пример воодушевляет и албанских антифашистов. Только в октябре — декабре 1942 г. отряды партизан провели более тридцати боевых операций⁷. Большое значение для освободительного движения имела опубликованная 18 декабря 1942 г. декларация Советского правительства «О независимости Албании», в которой указывалось, что Советский Союз относится с полным сочувствием к мужественной освободительной борьбе албанских патриотов⁸. Воодушевленные примером Сталинграда, албанские партизаны не только сорвали начатую в январе 1943 г. крупную операцию оккупантов против партизан, но и сумели нанести врагу ответные удары, особенно в районах Влоры и Малакастры⁹.

В Болгарии фашистская пропаганда всеми средствами пыталась дезинформировать население относительно хода Сталинградского сражения. Но несмотря на полицейский террор и правительственную цензуру, прогрессивные журналисты находили способы довести до читателя правду. Так, в сентябре 1942 г. в одном из номеров газеты «Заря» при публикации официальной сводки о боях на Восточном фронте умышленно была допущена «опечатка» и сводка выглядела так: «Разбитые большевистские армии наступают (вместо «отступают») под Сталинградом»¹⁰.

Болгарские коммунисты, возглавлявшие антифашистскую борьбу, вскрывали прислужничество болгарских правящих кругов перед гитлеровской Германией, разоблачали ложь фашистской пропаганды, рассказывали о героизме и величии духа советских людей, призывали болгарских патриотов подниматься на борьбу против фашизма. 30 сентября 1942 г. радиостанция «Христо Ботев» передавала: «Сталинград превращается в огромную могилу для немецких войск»¹¹. Болгарские патриоты записывали, размножали и распространяли среди населения передачи радиостанций «Христо Ботев» и «Народный голос».

Переход советских войск в наступление и окружение вражеской группировки под Сталинградом придали новые силы болгарским антифашистам. В адрес правительства, редакций газет, депутатов народного собрания усилился поток писем из городов и сел с заявлениями, что болгарский народ не будет воевать против советских братьев, с требованием ухода германских войск из пределов Болгарии. Свою радость в связи с успехами Красной

Армии в районе Сталинграда болгарские трудящиеся выражали в многочисленных письмах в адрес советского посольства ¹².

Антифашистское движение в Румынии, руководимое коммунистической партией, вовлекало в свои ряды патриотические силы из всех социальных слоев. Коммунистическая партия, отмечая, что вокруг СССР образовался фронт свободолюбивых народов, ставила задачу: организовать в Румынии борьбу за национальное освобождение из-под гнета гитлеризма, за свержение режима Антонеску, за прекращение войны против союзников, за включение Румынии в борьбу свободолюбивых народов против фашизма ¹³.

В период Сталинградского сражения складывались условия, облегчавшие выполнение этой задачи. Румынские дивизии, принимавшие летом 1942 г. участие в наступлении на Сталинград, понесли тяжелые потери. Румынский народ все яснее видел, в какую пропасть толкала страну правящая клика.

После того как стало известно об окружении фашистских войск, в Румынии участились выступления против политики Антонеску.

Усилились антивоенные настроения и в румынской армии. В декабре 1942 г. румынское командование вынуждено было разоружить батальон, отказавшийся отправиться на советско-германский фронт ¹⁴. В январе 1943 г. командование 4-й румынской армии докладывало генеральному штабу, что «моральное состояние офицеров и солдат совершенно подорвано, и в настоящий момент нельзя рассчитывать на эти войска для каких бы то ни было операций» ¹⁵.

РКП добивалась объединения трудящихся масс Румынии для борьбы против преступной клики Антонеску. 28 января 1943 г., за несколько дней до окончательного разгрома фашистской группировки под Сталинградом, вышел первый номер подпольной патриотической газеты «Романиа либера». Газета сообщала о новых тяжелых потерях, которые понесла в ноябре и декабре 1942 г. румынская армия на Восточном фронте, призывала положить конец войне и отмечала, что победы советских войск создают благоприятные условия для освобождения румынского народа ¹⁶.

В начале февраля 1943 г. мир узнал о победном завершении Сталинградской битвы.

Сокрушительный разгром фашистских войск под Сталинградом и неуклонное продвижение Красной Армии на запад явились новым мощным толчком, ускорившим развитие антифашистской освободительной борьбы в балканских странах.

Фашистские правители принимали спешные меры для того, чтобы поднять моральное состояние своих армий, внушить народам оккупированных стран и стран-сателлитов, будто гитлеровская армия по-прежнему сильна. В число этих мер входили попытки с помощью жестокого террора и военных акций задушить освободительную борьбу, ликвидировать партизанское движение.

Зимой 1942 г. германо-итальянские фашистские войска с квислинговскими частями предприняли очередное наступление в Югославии, которое имело целью уничтожить главные силы Народно-освободительной армии и ее Верховный штаб.

Несмотря на превосходство оккупантов в численности и вооружении, они встретили решительное сопротивление. Хотя наступление по своим масштабам было самым крупным из предпринятых до этого фашистским командованием в Югославии, оно, как писала 8 февраля 1943 г. газета «Борба», имело меньше всего шансов на успех, ибо происходило в момент, когда гитлеровская армия потерпела тяжелое поражение в России ¹⁷.

Части Народно-освободительной армии держались мужественно и стойко. В марте 1943 г. они сумели в тяжелейших условиях форсировать реку Неретву и сорвать планы оккупантов.

Новое фашистское наступление в Югославии, начатое в мае 1943 г., также не достигло цели. Битва на реке Сутьеске вошла в историю освободительной войны в Югославии как одна из наиболее ярких страниц. Народно-освободительная армия справилась с огромными трудностями и добилась новых успехов. Осенью 1943 г. освобожденная территория составляла более половины всей территории страны, в рядах НОАЮ и партизанских отрядах насчитывалось более 300 тыс. бойцов ¹⁸.

Используя ослабление фашистских держав после Сталинграда, больших успехов в 1943 г. добились греческие патриоты. Они сорвали попытки оккупационных властей провести так называемую гражданскую мобилизацию и заставить греков оказывать помощь своим поработителям. В демонстрациях против мобилизации, прошедших 5 марта 1943 г., приняло участие около 200 тыс. человек ¹⁹. Если к началу 1943 г. вооруженные отряды ЭЛАС насчитывали, как отмечалось выше, 6 тыс. бойцов, то к лету того же года в их рядах было уже 12,5 тыс. человек ²⁰. После проведенной в мае 1943 г. реорганизации командования Народно-освободительной армии ее действия стали более организованными, направлялись из единого центра и охватывали многие районы страны. 17 июня 1943 года Главное командование ЭЛАС приказало своим соединениям начать широкие боевые действия против оккупантов. В Афинах 22 июля 1943 г. состоялась всеобщая забастовка и антифашистская демонстрация, в которой приняло участие 300 тыс. человек ²¹. К концу лета в результате успешных боевых действий частей ЭЛАС оккупанты и их пособники были изгнаны из ряда новых районов. К декабрю 1943 года Народно-освободительная армия очистила от оккупантов почти две трети всей территории Греции ²².

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом наложил глубокий отпечаток на всю политическую жизнь Болгарии. Активизация деятельности Болгарской рабочей партии и проведенная ею огромная организаторская и политическая работа создали благоприятные условия для развертывания вооруженной народно-

освободительной борьбы. В феврале 1943 г. ЦК БРП принял директиву о работе в армии, боевых задачах партизанских отрядов и о мобилизации народных масс на вооруженное восстание. В ней говорилось, что поражение гитлеровских войск под Сталинградом является началом разгрома Германии и ее союзников, определялись цели и организационные формы вооруженной борьбы болгарских патриотов²³. В марте—апреле 1943 г. была создана стройная военная организация народно-освободительных сил. Центральная военная комиссия при ЦК БРП была преобразована в Главный штаб народно-освободительного движения. Мелкие партизанские группы (четы) объединялись в более крупные и боеспособные отряды, закладывались основы Народно-освободительной повстанческой армии.

Сталинградская победа ускорила разложение монархо-фашистской армии Болгарии. Участились случаи дезертирства солдат и офицеров и вступления их в партизанские формирования²⁴.

Беспримерная победа советских войск и ставшая очевидной неизбежность поражения гитлеровской Германии заставили активизироваться буржуазные и мелкобуржуазные слои, оппозиционные к профашистскому правительству Болгарии.

В августе 1943 г., в результате длительных усилий Рабочей партии, был создан Национальный комитет Отечественного фронта, в который вошли, наряду с коммунистами, также представители группы «Звено», левого крыла Земледельческого союза, левых социал-демократов, а также беспартийных.

Создание Отечественного фронта явилось важным шагом в объединении антифашистских сил.

Изменение внутривластной обстановки в Болгарии вело к кризису монархо-фашистского режима, который продолжал обостряться в результате крупных поражений германских войск. Деморализация в правительственном лагере стала проявляться в усилении разногласий между отдельными группировками, в критике прежней политики слепого подчинения фашистской Германии.

Назревал кризис и в правящих кругах Румынии. Ее правителям не удалось скрыть от народа масштабы фашистской катастрофы под Сталинградом. Трудящиеся узнали о разгроме румынских дивизий, о гибели и пленении солдат и офицеров.

Характеризуя настроения рабочих после победы Красной Армии на Волге, главное управление румынской полиции 16 февраля 1943 г. отмечало, что они пристально следят за ходом войны и убеждены в том, что после нее исчезнет существующий режим²⁵. Рабочие совершали акты саботажа на производстве и транспорте, устраивали забастовки. Крестьяне отказывались платить налоги, срывали поставки продовольствия. Участились случаи неявки на призывные пункты, дезертирства из армии. Антифашистские настроения распространились среди интеллигенции, служащих, ремесленников.

Коммунистическая партия Румынии, укрепляя связи с массами, усилила работу по объединению всех демократических и патриотических сил на борьбу против фашистского режима и гитлеровских захватчиков.

Сталинградское сражение и его исход оказали огромное влияние на солдат и офицеров румынской армии, попавших в плен. Многие из них просили разрешить создание румынской добровольческой части, чтобы вместе с Красной Армией сражаться против фашизма. Советское правительство удовлетворило просьбу. Сформирование Первой добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску положило начало народной румынской армии.

В 1943 г. значительно усилилось движение Сопротивления в Албании. Албанские партизаны, беря пример с героев Сталинграда, нанесли ряд ударов по итальянским оккупантам, очистив от них в начале 1943 г. многие новые районы страны. Газета компартии Албании «Зери и популлит» подчеркивала связь национально-освободительного движения Албании с борьбой народов антифашистской коалиции, во главе которой стоял Советский Союз.

В марте 1943 г. Коммунистическая партия Албании провела в Лябиноте I Всеалбанскую партийную конференцию, которая призвала к созданию новых партизанских отрядов и боевых групп, приняла решение об объединении партизанских отрядов в Национально-освободительную армию²⁶. Партия брала курс на организацию всенародного восстания.

После партийной конференции албанские партизаны осуществили ряд операций против оккупантов — в мае 1943 г. освободили город Лесковик, а в июне — город Пермет. В июле 1943 года был образован Генеральный штаб Национально-освободительной армии, издавший приказ об объединении партизанских сил страны²⁷. Антифашистская борьба в Албании вступила в фазу всеобщего восстания народа.

Победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом и последовавшее за ней наступление Красной Армии привели к важным изменениям в военно-стратегической, политической и психологической обстановке в балканских странах — как оккупированных державами фашистской оси, так и их сателлитах. Наглядно проявилась тесная связь и обусловленность развития освободительного движения балканских народов и всемирно-исторических побед советского народа в Отечественной войне.

Результаты Сталинградской битвы укрепили в народных массах балканских стран веру в неизбежность окончательного разгрома Германии, в то, что Красная Армия поможет и им добиться свободы и независимости. В свою очередь антифашистская борьба народов балканских стран оказывала помощь Красной Армии в выполнении ее исторической задачи, являлась значительным вкладом в общее дело разгрома фашизма.

- ¹ «Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije», t. I, knj. 2. Beograd, 1949, str. 107.
- ² *Vlado Strugar*. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969, str. 123.
- ³ «Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije», t. I, knj. 2, str. 233.
- ⁴ Там же, стр. 231.
- ⁵ См.: *Г. Д. Кирьякидис*. Греция во второй мировой войне. М., 1967, стр. 133—135.
- ⁶ *Н. Д. Смирнова*. Из истории национально-освободительной борьбы албанского народа. — «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 31.
- ⁷ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, стр. 15—16.
- ⁸ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 329.
- ⁹ *Н. Д. Смирнова*. Образование Народной Республики Албании. М., 1960, стр. 92.
- ¹⁰ Централен партиен архив при ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 146, оп. 5, д. 156.
- ¹¹ «Говори радиостанция «Христо Ботев», т. 3. София, 1951, стр. 279—280.
- ¹² ЦПА, ф. 146, оп. 5, д. 156, лл. 13—16.
- ¹³ *Г. Георгиу-Деж*. Статьи и речи, т. I. М., 1956, стр. 20.
- ¹⁴ *Н. И. Лебедев*. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961, стр. 146.
- ¹⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. III. М., 1961, стр. 545.
- ¹⁶ «Антифашистское движение Сопротивления». М., 1962, стр. 314.
- ¹⁷ «Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije», t. I, knj. 2, str. 415.
- ¹⁸ *Vlado Strugar*. Jugoslavija 1941—1945, str. 203, 219.
- ¹⁹ *Г. Д. Кирьякидис*. Греция во второй мировой войне, стр. 138.
- ²⁰ Там же, стр. 150.
- ²¹ Там же, стр. 149.
- ²² «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. III, стр. 519.
- ²³ «Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944. Документи». София, 1962, стр. 195—205.
- ²⁴ *С. Чакъров*. По някои въпроси на антифашистката борба у нас.—«Военно-исторически сборник», 1970, № 2, стр. 14.
- ²⁵ *Н. И. Лебедев*. Румыния в годы второй мировой войны, стр. 147.
- ²⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. III, стр. 519.
- ²⁷ *Н. Д. Смирнова*. Образование Народной Республики Албании, стр. 97.

Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях (февраль—август 1945 г.)

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

На Крымской и Потсдамской конференциях СССР, Англию и США по-прежнему объединяли задачи окончательного разгрома нацистской Германии и выработки решений, касающихся мирного урегулирования, в том числе и в Юго-Восточной Европе. Вопросы же политического развития стран этого района, их послевоенного устройства оставались одним из пунктов наиболее серьезных противоречий внутри «большой тройки». В условиях, когда

в странах Юго-Восточной Европы (за исключением Греции) в момент освобождения от фашизма правящим кругам Запада не удалось путем прямого военно-политического вмешательства воспрепятствовать развитию революционных процессов, в ходе которых устанавливалась народно-демократическая власть, в Вашингтоне и особенно в Лондоне усилилось стремление использовать в своих целях весь комплекс политических, экономических, территориальных и других вопросов, связанных с переходом к послевоенному миру. Это приводило к столкновению как с революционным развитием в самих странах Юго-Восточной Европы, так и с позицией СССР. Оказывая поддержку руководимой коммунистами борьбе за утверждение народно-демократического строя, СССР решительно выступал против попыток западных партнеров по коалиции установить в странах Юго-Восточной Европы свой контроль с целью помочь усилиям контрреволюционных буржуазных группировок установить режим, основанный на антикоммунизме и политике «сдерживания» Советского Союза.

Все это проявилось уже в Ялте, где практическое решение основных задач послевоенного урегулирования непосредственно выдвинулось на первый план.

Англия и США особенно стремились изменить в свою пользу положение в союзных контрольных комиссиях (СКК), где по соглашениям о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией ведущая роль принадлежала СССР. В первый же день ялтинской встречи, 4 февраля 1945 г., на совещании делегации США было решено сосредоточить на этом особое внимание¹. На самой конференции непосредственная инициатива исходила от британской делегации, поставившей вопрос относительно СКК в Болгарии. Одновременно англичане, считавшие Юго-Восточную Европу сферой своих традиционных интересов и потому проявлявшие особую активность, внесли на рассмотрение вопросы о болгаро-югославском сотрудничестве, югославских западных границах, репарациях, направленные против политики новой Югославии и Болгарии и имевшие целью усилить позиции Запада в отношении этих стран, а также Румынии².

Однако уже во время предварительных обсуждений в Ялте некоторых из этих вопросов тремя министрами иностранных дел советская сторона высказала решительное несогласие с британскими предложениями³. В результате они не были поставлены на обсуждение руководителей трех держав. К тому же, несмотря на свою солидарность с британской линией относительно СКК, а также в ряде других вопросов, например о болгаро-югославском сотрудничестве и западных границах Югославии⁴, делегация США в соответствии с заинтересованностью Рузвельта в достижении необходимой договоренности с СССР по наиболее крупным проблемам завершения второй мировой войны и перехода к миру, включая участие Советского Союза в разгроме Японии, предпочла

воздержаться от прямой поддержки англичан по поводу Юго-Восточной Европы. США строили расчеты на использовании для вмешательства западных держав в Юго-Восточной и Центральной Европе интерпретируемой ими соответствующим образом «Декларации об освобожденной Европе», принятой в Ялте. Во время дискуссии между министрами иностранных дел СССР и Англии американцы высказывались за последующее обсуждение поднятых англичанами вопросов по дипломатическим каналам⁵. В последний день конференции подобное предложение направила делегация СССР и сама британская делегация⁶. Попытки использовать Ялту для широкой акции, направленной против народно-демократических государств Юго-Восточной Европы, потерпели неудачу.

Из проблем Юго-Восточной Европы на конференции был решен лишь вопрос о реализации известного соглашения между маршалом Тито и югославским эмигрантским премьером Шубашичем.

Черчилль, добивавшийся договоренности между Тито и Шубашичем о создании объединенного правительства, не был удовлетворен подписанным соглашением, так как новая Югославия получала значительные преимущества, и даже пытался первоначально трактовать его лишь как «проект»⁶. Однако в отличие от США, полагававших, что соглашение вряд ли вообще может быть использовано для подрыва новой Югославии, Лондон пришел к выводу, что отказ от него и даже значительная затяжка с его реализацией, вызывавшаяся обструкцией югославского короля Петра II, поддержанного американцами, грозят югославской буржуазии окончательной потерей возможности какого бы то ни было доступа к власти и хотя бы частичной политической легализации в стране⁷. Огромную роль сыграл здесь СССР, решительно выступивший за скорейшее претворение соглашения в жизнь, что открывало путь к международному признанию новой Югославии, и отвергал какие-либо оговорки. Ввиду этого англичане были серьезно обеспокоены, как бы при затяжке с выполнением соглашения Советский Союз, относившийся к Национальному комитету освобождения Югославии как к подлинному правительству, не объявил и о его признании де-юре⁸. Хотя как СССР, так и Англия выступили на конференции за согласование «большой тройкой» мер по решению этой проблемы, их конкретные предложения отражали противоположные стремления.

СССР настаивал, чтобы конференция рекомендовала немедленно, невзирая на притязания Петра, ввести в действие заключенное соглашение, чего добивалась и новая Югославия. Англичане же, старавшиеся увеличить шансы югославской буржуазии, настаивали, чтобы рекомендация «большой тройки» одновременно предусматривала две поправки к соглашению: о включении в Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое до Учредительной скупщины оставалось высшим законодательным органом, нескомпрометированных депутатов довоенной скупщины и об утверждении Учредительной скупщиной законо-

дательных актов, принятых АВНОЮ, а также пункт, подчеркивающий, что новое правительство будет лишь временным «до свободного выражения воли народа». Советская сторона возражала против затягивания дела поправками, хотя и не отказывалась обсуждать их после реализации соглашения⁹. Обе делегации сознавали важность договоренности по данному вопросу. В итоге было принято предложение Советского Союза рекомендовать немедленно ввести в действие соглашение Тито—Шубашича в его прежнем виде, а СССР в условиях, когда было важно немедленно устранить все затяжки с реализацией соглашения и стало очевидным, что неskomпрометированных депутатов довоенной скупщины во много раз меньше существовавшего состава АВНОЮ, не возражал, чтобы рекомендовать новому, объединенному югославскому правительству английские дополнения об АВНОЮ и Учредительной скупщине (третий пункт СССР предложил исключить). Правительство США сочло нужным согласиться с такой договоренностью, и она была зафиксирована Крымской конференцией. Рекомендации «большой тройки» были обращены к Тито и Шубашичу, о короле же вообще не упоминалось¹⁰. Хотя Петр еще пытался сопротивляться, 7 марта было сформировано объединенное правительство во главе с маршалом Тито, признанное всеми государствами антигитлеровской коалиции.

Сразу после Ялты разногласия по поводу Юго-Восточной Европы между СССР, США и Англией обострились прежде всего в связи с политическими событиями февраля—марта 1945 г. в Румынии. СССР решительно поддержал борьбу Национально-демократического фронта (НДФ), руководимого румынскими коммунистами, за глубокие преобразования в стране, приветствовал приход к власти 6 марта первого народно-демократического правительства, способствовал упрочению его позиций. Западные союзники же выступили против НДФ и образования народно-демократического правительства, в поддержку буржуазно-помещичьего лагеря. Хотя инициатором этого по-прежнему был Лондон, США активно включились теперь в совместные дипломатические усилия западных держав. Правительства Англии и США пытались вмешаться во внутривнутриполитические события в Румынии, выражали крайнее недовольство как происходившими там революционными переменами, так и позицией СССР, действиями советского представителя в СКК, решительно потребовавшего прекратить попытки буржуазного большинства в прежнем правительстве Радеску подавить с помощью оружия демонстрации в поддержку требований НДФ¹¹. Аналогичную позицию США и Англии заняли в марте—апреле 1945 г. в отношении Болгарии, стремясь подорвать народно-демократическую власть и усилить позиции ее противников. В частности, ввиду перспективы выборов в Болгарии Запад стремился к установлению контроля за их подготовкой и проведением, опасаясь победы Отечественного фронта, возглавляемого компартией¹².

Ввиду неудачи провести свои настояния через СКК в Румынии и Болгарии, США при поддержке Англии добивались от СССР создания там особых комитетов трех держав с целью обойти и подменить СКК, поставить под вопрос сами их функции, на что СССР никоим образом не мог согласиться¹³. Усилия Запада в отношении Румынии и Болгарии приобрели особую активность с приходом Трумэна на пост президента, когда в политике США все более открыто брали верх враждебность к СССР и народно-демократическим государствам. В результате совещания, проведенного 2 мая с главными американскими военными представителями в СКК для Румынии и Болгарии, Трумэн дал государственному департаменту инструкции, предписывавшие оказывать давление на СССР, и даже высказал намерение отозвать при определенных обстоятельствах представителей США из СКК¹⁴. Одновременно Лондон опять выдвинул перед СССР претензии по поводу СКК для Болгарии, а в конце мая—начале июня Запад предпринял новые попытки вмешаться в развитие событий в Болгарии в связи с известным делом Гемето. США предъявили СССР аналогичные английским претензии и относительно СКК для Венгрии. Выражая согласие на определенные изменения в отношении СКК и западных представителей в них после окончания войны в Европе, СССР по-прежнему отвергал притязания США и Англии, направленные на то, чтобы повлиять на политическое положение в Румынии, Болгарии и Венгрии с целью противодействия революционным переменам и поддержки правых буржуазных сил¹⁵.

Несмотря на договоренность, достигнутую в Крыму по югославскому вопросу, уже в марте—апреле Лондон и Вашингтон стали выражать озабоченность и недовольство тем, что, вопреки их планам, реализация соглашения Тито—Шубашича не ликвидировала единовластия революционных сил, руководимых компартией, не привела к разделению власти с эмигрантскими представителями, вошедшими во временное правительство маршала Тито и оказавшимися там в абсолютном меньшинстве. СССР, наоборот, решительно поддерживал новую Югославию и заключил с ней 11 апреля договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, что также вызвало недовольство Англии и США¹⁶. Рост напряженности в отношениях западных держав с Югославией, а также серьезные противоречия в югославском вопросе между Лондоном и Вашингтоном, с одной стороны, и СССР—с другой, проявились во время известного триестского кризиса в мае—июне 1945 г. Правительство СССР решительно осудило угрозы и давление Англии и США в отношении Югославии, выступило за решение спорных проблем путем компромиссного мирного урегулирования, приемлемого для Югославии, учитывая ее законные претензии и вклад в общее дело союзников¹⁷. Лондон и Вашингтон не могли не считаться с позицией СССР, так же как и с большим международным престижем новой Югославии. 9 июня было заключено компромиссное соглашение между западными дер-

жавами и Югославией, содержавшее ряд пунктов, предлагавшихся правительством СССР.

Серьезное расхождение позиций СССР и западных союзников проявилось и в отношении Албании и Греции. СССР поддерживал народно-демократическую Албанию. Англия же и США не только отказались от ее официального признания и установления с ней дипломатических отношений, но и предприняли в апреле—мае 1945 г. перед правительством СССР ряд демаршей, призванных воспрепятствовать признанию Албании¹⁸. Еще в Ялте советская делегация проявила озабоченность положением в Греции, сложившимся в результате английского вмешательства, в ответ на что Черчилль всячески пытался обелить политику Лондона и греческого буржуазного режима, установленного с помощью британских войск¹⁹. Расхождения по вопросу о Греции между СССР и Англией проявились в переписке Сталина и Черчилля в апреле—мае 1945 г.²⁰ Осуждение действий греческого правительства и английских войск в Греции в материалах советской печати и радио вызывало резкие дипломатические демарши со стороны Лондона, чьи протесты, однако, отклонялись правительством СССР, указывавшим на недопустимые действия греческой реакции²¹.

Таким образом, подготовка к Потсдамской конференции, непосредственно начавшаяся в конце мая — начале июня 1945 г. во время переговоров Гопкинса и Дэвиса с советскими и британскими руководителями, развернулась в обстановке усиления разногласий между западными союзниками и СССР по вопросам политического положения практических во всех странах Юго-Восточной Европы. В известном послании Идену 4 мая Черчилль, настаивая, чтобы Запад задержал согласованный с СССР взаимный отвод войск в Германии пока не добьется от Советского Союза удовлетворения своих наиболее существенных интересов в Европе, специально выделял среди них вопрос о Балканах наряду с польским, германским, австрийским и чехословацким²². Естественно, что проблемы Юго-Восточной Европы выдвигались как один из весьма значительных пунктов при подготовке встречи в Потсдаме, тем более что их решение было неотделимо от общих задач мирного урегулирования.

27 мая, на второй день переговоров с Гопкинсом, Сталин направил Трумэну и Черчиллю послание, в котором содержалось предложение немедленно восстановить дипломатические отношения с Румынией и Болгарией, а через некоторое время и с Венгрией²³. Будучи важным шагом к нормализации международного положения этих стран, к заключению мирных договоров, восстановление дипломатических отношений значительно содействовало бы как внешнеполитической стабилизации, так и внутреннему укреплению народно-демократической власти. Однако позиция Запада в этом, как и в других вопросах мирного урегулирования и послевоенного устройства в Юго-Восточной Европе, диктовалась противоположными стремлениями. США и Англия пла-

пировали использовать проблемы послевоенного урегулирования и предстоящее совещание в Потсдаме для подрыва и ликвидации народно-демократической власти. При этом наибольшее внимание вызывали у них Югославия, которая, как писал Черчилль в меморандуме, переданном 27 мая специальному эмиссару Трумэна Дэвису, находилась «под господством» коммунистов, Болгария и Румыния, где, как подчеркивалось госдепартаментом США, пришли к власти правительства, в которых «преобладали коммунисты» и которые были тесно связаны с СССР. В меньшей степени занимала их Венгрия, где правым силам удалось еще сохранить к тому времени значительные позиции, но и здесь Запад опасался возрастающей роли компартии и левого лагеря²⁴.

Прежде всего Англия и США сосредоточили внимание на вопросах, связанных с Румынией, Болгарией, а также Венгрией, рассчитывая здесь на большой успех. Планировалось выдвинуть на конференции в Потсдаме, во-первых, обвинения в непредставительном характере народно-демократических правительств, их зависимости от СССР и невыполнении «Декларации об освобожденной Европе», во-вторых, — требования изменений в СКК, с тем чтобы британские и американские представители могли действительно влиять на внутривнутриполитические дела в Румынии, Болгарии и Венгрии²⁵. Наконец, в качестве главного средства имелось в виду использовать проблему заключения мирных договоров. Однако здесь между Лондоном и Вашингтоном имелись существенные тактические разногласия.

Рассчитывая, что если советские войска будут выведены из этих стран, то контрреволюционные силы смогут при поддержке западных держав подорвать и затем ликвидировать народно-демократическую власть, Лондон предлагал скорейшее заключение мирных договоров. Серьезнее оценивая прочность и силу народно-демократической власти, США считали, напротив, что средством ее разрушения, в первую очередь в Румынии и Болгарии, должен быть сам вопрос о заключении мирных договоров, которое имелось в виду обусловить, во-первых, реорганизацией правительств Румынии и Болгарии путем включения в них противников народно-демократического строя, во-вторых, — последующим проведением контролируемых выборов. Этим обуславливалось даже дипломатическое признание правительств Румынии, Болгарии и Венгрии. Несмотря на попытки склонить США к британскому проекту, англичане в итоге приняли американский вариант²⁶.

Соответственно в посланиях, полученных в Москве 7 и 19 июня, Трумэн дал отрицательный ответ на советскую инициативу от 27 мая. Он предложил рассмотреть проблемы Румынии, Болгарии и Венгрии на встрече «большой тройки». Аналогичное предложение внес в послании Сталину 10 июня Черчилль. Позиция США встретила решительные возражения правительства СССР²⁷.

План западных держав использовать Потсдамскую конференцию для подрыва народно-демократической власти и в Югославии

строился на обвинениях в невыполнении соглашения Тито—Шубашича и на тезисе об ответственности за это «большой тройки». Но положение Югославии как союзной страны делало явно нереалистическими имевшие место проекты прямого иностранного вмешательства и установления контроля над предстоявшими выборами в Учредительную скупщину. Поэтому согласованные с США и Англией требования югославской оппозиции накануне и в момент Потсдамской конференции сосредоточивались на том, чтобы добиться для буржуазных оппозиционных сил по возможности наиболее благоприятных условий при создании временного парламента и выработке им законов, регулирующих выборы в Учредительную скупщину. На сей раз особая активность в югославском вопросе была проявлена не только Лондоном, но и Вашингтоном, намеревавшимся добиваться, чтобы «большая тройка» воздействовала на новую Югославию в вопросе о выборах²⁸.

На самой конференции, открывшейся 17 июля, делегация США взяла на себя главную инициативу в вопросе о Румынии, Болгарии и Венгрии, Англия — в югославском вопросе. Осуществляя намеченный план, западные делегации поставили вопрос о реорганизации правительств Румынии и Болгарии, о «наблюдении» за выборами в Румынии, Болгарии и Венгрии, об изменениях в СКК для этих стран, выступили с утверждениями, будто там созданы неблагоприятные условия для представителей мировой печати, выдвинули обвинения против новой Югославии в невыполнении соглашения Тито—Шубашича и рекомендаций Крымской конференции²⁹. Это сочеталось с выступлениями буржуазных оппозиционных сил в Югославии, Болгарии и Румынии, пытавшихся оказать давление на народно-демократическую власть и апеллировавших к западным делегациям в Потсдаме, которые использовали эти действия для подкрепления своих обвинений³⁰. Наконец, замысел США использовать в Потсдаме атомный фактор касался и Юго-Восточной Европы³¹.

Однако советская делегация категорически отвергла требования США по поводу правительств и выборов в Румынии, Болгарии и Венгрии и претензии Англии к Югославии³². В то же время СССР исходил из необходимости продолжения сотрудничества с западными державами, сложившегося в ходе войны, согласованного осуществления насущных задач мирного урегулирования и послевоенного устройства, в том числе и в Юго-Восточной Европе. Это особенно касалось Румынии, Болгарии и Венгрии: задача заключалась в том, чтобы не только парализовать враждебные усилия США и Англии, но и добиться согласования «большой тройкой» шагов по нормализации отношений с этими странами и заключению с ними мирных договоров.

Вновь предложив в Потсдаме восстановить дипломатические отношения с Румынией, Болгарией и Венгрией³³, СССР предпринял также шаги, способствовавшие определенной разрядке межсоюзнических отношений по данному вопросу и поиску взаимо-

приемлемых компромиссов. Перед конференцией западным державам были направлены советские предложения относительно порядка работы СКК в Болгарии, Венгрии и Румынии: сохраняя ведущее место СССР в СКК, они вместе с тем выдвигали процедуру трехстороннего согласования решений СКК, оговаривали права и участие в их работе представителей США и Англии³⁴. Хотя западная дипломатия высказывала недовольство «недостаточностью» предложений СССР, они в значительной мере снимали напряженность по данному вопросу и в итоге были приняты в Потсдаме за отправной пункт в пересмотре процедуры СКК³⁵.

В связи с усилиями Трумэна добиться значительных шагов на пути к мирному урегулированию с Италией и принятию ее в ООН, советская сторона, поддержав предложения США, указала, однако, что не видит оснований, чтобы эти меры были приняты без предложенных Советским Союзом мер в отношении Румынии, Болгарии и Венгрии³⁶. Воздействие на США оказывала и заинтересованность в сотрудничестве с СССР на Дальнем Востоке, в его вступлении в войну против Японии, тем более что доклад Объединенного комитета начальников штабов Трумэну и Черчиллю от 24 июля подтверждал необходимость этого шага³⁷.

В результате делегация США была вынуждена отказаться от своей жесткой ультимативной линии. Выработанное в ходе напряженной дискуссии компромиссное решение фиксировало желательность заключения мирных договоров как с Италией, так и с Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, возлагая это на учреждаемый Совет министров иностранных дел. Таким образом, делался важный шаг по пути к мирному урегулированию с Румынией, Болгарией и Венгрией. По поводу дипломатического признания была принята формула, что правительства СССР, США и Англии «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами»³⁸. Тем самым в принципе фиксировалась необходимость восстановления дипломатических отношений, позволявшая, в частности, СССР самостоятельно принимать решение по этому поводу, действуя одновременно в рамках, согласованных «большой тройкой».

В отношении Югославии делегация СССР, возражая против существа обвинений, выдвинутых Англией и поддержанных США, согласилась на обсуждение вопроса, но с условием участия представителей югославского правительства. Это смешало планы Лондона и Вашингтона, вызвало разнобой в тактике делегаций США и Англии. Англичане решили в итоге согласиться на приглашение югославских представителей, американцы же были против, ввиду чего югославский вопрос был сразу же отложен³⁹. Попытка английской делегации к концу конференции вновь вы-

двинуть его потерпела неудачу в связи с предложениями СССР по триестскому и греческому вопросам. СССР поддержал югославское заявление, направленное «большой тройке» 25 июля, где говорилось, что западные союзники нарушают временное соглашение об Истрии—Триесте от 9 июня 1945 г. По вопросу о Греции, который был поднят советской делегацией уже в начале конференции и явился предметом острой дискуссии, СССР требовал, чтобы греческий регент был побужден правительством Англии к созданию демократического правительства на основе Варкизского соглашения⁴⁰. Рассмотрение советских предложений об Истрии—Триесте и Греции было весьма нежелательно англичанам, и они заявили о согласии снять югославский вопрос одновременно с триестским и греческим⁴¹. Попытки Запада использовать конференцию против новой Югославии потерпели окончательный крах.

Из всех стран Юго-Восточной Европы лишь Албания не была предметом специального обсуждения в Потсдаме, хотя при подготовке конференции США планировали дипломатические меры, призванные затруднить Советскому Союзу оказание поддержки народно-демократическому албанскому правительству. Однако проблемы, относившиеся к Албании, рассматривались в Потсдаме в связи с другими вопросами, прежде всего о репарациях с Италии. В противоположность США и Англии, СССР специально оговаривал право Албании на получение репараций⁴².

Делегация США оказалась не в состоянии выдвинуть на конференции свои первоначальные проекты по вопросам экономической помощи, призванные повлиять на политическое развитие Юго-Восточной Европы в направлении подрыва и ликвидации народно-демократического строя⁴³.

Благодаря позиции СССР, Крымская и Потсдамская конференции вопреки попыткам Запада использовать их против народно-демократической власти в странах Юго-Восточной Европы стали важнейшим этапом в решении вопросов перехода к послевоенному миру в интересах стабилизации положения народно-демократических государств.

¹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945» (далее — FRUS, CMY). Wash., 1955, p. 566, 568.

² Там же, стр. 738, 876, 887, 888—891, 891—893.

³ Там же, стр. 876—877; *E. R. Stettinius. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference.* N. Y., 1949, p. 348.

⁴ *E. R. Stettinius.* Указ. соч., стр. 65, 257; FRUS, CMY, p. 876—877.

⁵ FRUS, CMY, p. 877; *E. R. Stettinius.* Указ. соч., стр. 257—258.

⁶ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 399; *F. Maclean. Eastern Approaches.* L., 1956, p. 520.

⁷ FRUS, CMY, p. 256; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945» (далее — FRUS, 1945), vol. V. Wash., 1967, p. 1167, 1183.

- ⁸ «Переписка...», т. I, стр. 277, 289, 301, 302, 306; FRUS, 1945, vol. V, p. 1184, 1190; FRUS, CMY, p. 261.
- ⁹ «Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов». М., 1970 стр. 169—170; FRUS, CMY, p. 781, 810—811, 820—821; *E. R. Stettinius*. Указ. соч., стр. 216—218, 233, 239.
- ¹⁰ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 178—179, 191—192.
- ¹¹ «Переписка...», т. II. М., 1957, стр. 200, 293; FRUS, 1945, vol. V, p. 477—478, 483—484, 485—492, 495—497, 498—499, 501, 512—513, 522—524; *L. Woodward*. *British Foreign Policy in the Second World War*, vol. III. L., 1971, p. 565—566.
- ¹² FRUS, 1945, vol. IV. Wash., 1968, p. 179—181, 183, 185—186; *L. Woodward*. Указ. соч. стр. 566.
- ¹³ FRUS, 1945, vol. IV, p. 180, 186; vol. V, p. 512—513, 516.
- ¹⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I. N. Y., 1965, p. 284; *J. Grew*. *Turbulent' Era*, vol. II. Boston. 1952, p. 1455.
- ¹⁵ FRUS, 1945, vol. IV, p. 221—224, 228—229, 234, 240, 244—245, 817—818, 821; *L. Woodward*. Указ. соч., стр. 585—588.
- ¹⁶ «Переписка...», т. I, стр. 345; FRUS, 1945, vol. V, p. 1213—1218, 1218—1220, 1223—1224; *D. Plenča*. *Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata*. Beograd, 1962, стр. 397.
- ¹⁷ «Переписка...», т. I, стр. 363—364, 375; т. II, стр. 233—234, 239—240, 246.
- ¹⁸ FRUS, 1945, vol. IV, p. 24—27.
- ¹⁹ «Переписка...», т. I, стр. 308, 401—420; FRUS, CMY, p. 781—782.
- ²⁰ «Переписка...», т. I, стр. 335, 347, 352.
- ²¹ «Новое время», 1945, № 2 (12), стр. 6—10; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945» (далее — FRUS, CB), vol. I. Wash., 1960, p. 658; vol. II, p. 1046.
- ²² *W. S. Churchill*. *The Second World War*, vol. VI. L., 1954, p. 438—439.
- ²³ «Переписка...», т. I, стр. 366—367; т. II, стр. 236.
- ²⁴ *W. S. Churchill*. Указ. соч., стр. 504; FRUS, CB, vol. I, p. 357, 363, 364—365, 367, 369—371, 374.
- ²⁵ *W. S. Churchill*. Указ. соч., стр. 504—505; FRUS, CB, vol. I, p. 159, 169—170, 357—359, 368—369, 372—380.
- ²⁶ *L. Woodward*. Указ. соч., стр. 587—588; FRUS, CB, vol. I, p. 159, 201—202, 359—362, 380—381, 393—394, 409—410, 413, 417.
- ²⁷ «Переписка...», т. I, стр. 369—370; т. II, стр. 238—241, 245—247.
- ²⁸ FRUS, CB, vol. I, p. 168—169, 243, 826—829, 833—836, 839; vol. II, p. 1211.
- ²⁹ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 205, 240—242, 244, 264—265, 275, 307—308, 311—314, 328—329, 338—339, 353—354; FRUS, CB, vol. II, p. 150—155, 207, 229—231, 358—359, 361—364, 462, 513, 644, 646—647, 732, 1209.
- ³⁰ FRUS, CB, vol. I, p. 389, 392—393, 403, 828—829, 840; vol. II, p. 647—648, 694—695, 699—701, 714—715, 722—723, 734, 1211—1212; «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 240; «История Румынии 1918—1970». М., 1971, стр. 468—469.
- ³¹ *G. Alperovitz*. *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam*. N. Y., 1965, p. 89.
- ³² «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 241—242; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 5. М., 1963, стр. 456; FRUS, CB, vol. II, p. 1044, 1061.
- ³³ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 209, 244—245, 253, 264—265, 307, 312; «История Великой Отечественной войны...», т. 5, стр. 456.
- ³⁴ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 354, 368; FRUS, CB, vol. I, p. 405—406; vol. II, p. 689—692.
- ³⁵ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 354, 368, 380, 399—400; FRUS, CB, vol. I, p. 407; vol. II, p. 594, 690—691.
- ³⁶ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 205—207, 245, 247—248, 251—253, 264, 303, 306—310, 330—331; FRUS, CB, vol. II, p. 625, 1080—1081.

- ³⁷ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 421, 454; FRUS, CB, vol. II, p. 1463.
- ³⁸ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 397—398.
- ³⁹ Там же, стр. 240—242.
- ⁴⁰ «История Великой Отечественной войны...», т. 5, стр. 456; «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 244—245; FRUS, CB, vol. II, p. 150—155, 287, 1044—1045, 1064—1065, 1214—1215, 1221—1222.
- ⁴¹ «Тегеран — Ялта — Потсдам...», стр. 354.
- ⁴² FRUS, CB, vol. I, p. 170; vol. II, p. 433—434, 442, 1093, 1095, 1096.
- ⁴³ FRUS, CB, vol. I, p. 180.

Палеобалканские языки. Ареальные и генетические отношения

В. П. НЕРОЗНАК

Интенсивное развитие в последние годы комплексных балканистических исследований благотворно сказалось также на изучении древних культурно-исторических, этнических и языковых процессов на Балканах и сопредельных с ними территориях, а именно: на западе Малой Азии, юго-востоке Италии и островах Эгейского моря. Науку, исследующую эти процессы, можно назвать палеобалканистикой в отличие от балканистики в современном понимании этого слова, которая изучает феномен культурного и языкового союза балканских народов, сложившегося к настоящему времени в результате длительного симбиоза и непрекращавшихся на протяжении всей истории контактов.

С другой стороны, палеобалканистику следует отличать и от науки о классических древностях (греческих и латинских), опирающейся на богатую письменную и культурно-реальную традицию. Палеобалканистика имеет объектом изучения периферию античной цивилизации в традиционном значении этого понятия, периферию, которая также сыграла определенную роль в становлении эллинистической и римской культуры. Античным авторам мы в значительной мере обязаны нашими сведениями о палеобалканских народах, их социальной организации, культуре, обычаях. В то же время сведения о языках, на которых говорило негреческое индоевропейское население Балканского полуострова, носят весьма скудный характер. Они в основном состоят из ономастики и небольшого числа глосс, зафиксированных в сочинениях греко-римских и византийских писателей. Сохранилось также некоторое число надписей на языках этих народов, причем важнейшие находки имели место за пределами Балканского полуострова: в Малой Азии — фригийские и в Италии — мессапские.

Анализ языкового материала, дошедшего до нас от этих народов, показывает несомненную принадлежность языков, на которых они говорили, к индоевропейской семье. В то же время их место в членении индоевропейской языковой области, их ареальные и генетические отношения представляют сложную проблему, которая вызвана фрагментарностью языковых свидетельств.

Среди подавляющего большинства индоевропейских языков, как новых так и древних (ср., например, хетто-лувийские языки), которые надежно выделяются в группы, албанский, армянский и греческий занимают обособленное место. Кроме названных выше изолированных живых языков, обособленное место занимает в кругу индоевропейской семьи целый ряд так называемых малых индоевропейских языков. Под «малыми» здесь понимаются изолированные древние индоевропейские языки, не входящие ни в одну из до сих пор известных языковых групп и представленные ограниченным языковым материалом¹. К настоящему времени известны следующие «малые» индоевропейские языки: фригийский, мезийский, фракийский, догреческий («пеласгийский»), древнемакедонский, иллирийский, мессапский, венецкий, элимский, сабелльскопиценский, а также язык древнейшего индоевропейского населения северо-западной части Пиренейского полуострова.

Основная часть этих языков сосредоточена главным образом на Балканах. Ареал распространения некоторых из них выходит даже за пределы Европы (фригийский, мезийский, фракийский в Малой Азии). В то же время их тесные связи с Балканами не прекращались на протяжении всей истории их существования. Что же касается фракийского, то основная часть его носителей продолжала оставаться на Балканах вплоть до появления там славян (VI в. н. э.). Здесь же по соседству с фракийцами и македонцами в районе древней Македонии вплоть до последней четверти II тысячелетия до н. э. жили фригийцы, которых греки называли Βρύγες, Βρίγες в отличие от Φρύγες Малой Азии.

В конце II тысячелетия из Центральной Европы, из районов севернее Дуная, более точную локализацию дать трудно из-за отсутствия источников, на Балканы, на территорию современной Албании, продвинулись предки мессапов. Они были, вероятно, уже второй волной в движении иллирийских племен. Первой же волной были *Illyrii proprie dicti*, которые появились на Балканах значительно раньше. Как показали недавние исследования Г. Кронассера, Г. Альфельди и Р. Катичича², «иллирийская» языковая область не была однородной, а представляла собой несколько диалектных и языковых зон, в том числе собственно иллирийскую (на территории современной Албании), далматинскую, либурнийскую и паннонскую. Часть иллирийских племен, в том числе и мессапы, в начале I тысячелетия до н. э. переселилась в юго-восточную Италию. Именно здесь было обнаружено свыше 300 надписей (V в. до н. э. — I в. н. э.) на мессапском языке, ко-

торый, несмотря на высказываемый в последнее время скептицизм, можно рассматривать близкородственным балканоиллирийскому и албанскому. Небезынтересно отметить, что, спустя две с лишним тысячи лет, именно в эти области Италии (современные провинции Апулия и Калабрия) переселились албанцы, известные здесь под именем арбереша, которое является продолжением упоминающегося со II в. н. э. (Птолемей) названия иллирийского племени Αλβανοί (ср. также иллирийские имена собственные Arbe, Arbanon, Arbon).

Для середины II тысячелетия до н. э. можно эскизно набросать такую картину расселения индоевропейских племен на Балканах. На севере и северо-востоке Балканского полуострова расселились фракийские и дакийские племена, в Македонии обитали македонцы, насколько можно судить по сохранившимся языковым остаткам, отличавшиеся по языку от греков, фригийцы (бригийцы) и протоармяне. Юг Балкан издавна занимало индоевропейское догреческое население (пеласги), на западе и северо-западе, примерно на территории современной Албании и Эпира, обосновались иллирийцы и мессапы и, наконец, на всей территории к югу от Македонии, включая Пелопоннес и острова Эгейского моря, водворились с конца III тысячелетия до н. э. греческие племена. Как сообщают египетские источники, во II тысячелетии началось движение на восток «народов моря», которое в конечном счете привело к крушению двух мощных переднеазиатских держав — Хеттского царства и Трои. Учитывая не только греческую (ионийскую и эолийскую) экспансию на восток, но и раннее переселение фригийцев, дарданцев и фракийцев в Малую Азию, есть все основания полагать, что движение «народов моря» включало в себя и значительный палеобалканский компонент.

Лингвистический статус целого ряда палеобалканских этносов не вполне ясен. Так, в отношении дарданцев, пеонийцев и мигдонов, упоминавшихся уже у Гомера, — считать ли их иллироязычными или же фракоязычными — мнения исследователей колеблются. В некоторых случаях, как например с пеонийцами, для объяснения их этнической принадлежности привлекаются почти все основные палеобалканские этнические слои. В. Георгиев, например, полагает, что пеонийцы были этносом фригийского происхождения с мезийским и фракийским субстратом, более поздним иллирийским суперстратом, которые к тому же еще испытали и сильное македонское влияние³.

Постулируемое нами понятие «палеобалканские языки» включает наряду с эпиграфически документированными языками — фригийским (свыше 100 новофригийских и 77 старофригийских надписей), мессапским (свыше 300 текстов), фракийским (около десятка надписей), мезийским (одна надпись) — также языки, не имеющие эпиграфической традиции, но располагающие помимо ономастики некоторым числом апеллятивной лексики глосс, дошедших из античных письменных источников, а именно: древне-

македонский, иллирийский, дакийский, догреческий (пеласгийский). Наконец, сюда же мы относим «ономастические» языки, реконструируемые лишь на основании имен собственных: пеонийский, дарданский, мигдонский, либурнийский (вне палеобалканского ареала пафлагонский в Малой Азии). Они с большой долей вероятности могут оказаться диалектами того или иного из известных палеобалканских языков, если будут добыты новые достоверные лингвистические свидетельства.

Термин «палеобалканские языки» из-за отсутствия пока достаточных оснований не может рассматриваться как классификационный, т. е. постулирующий наличие особой группы индоевропейских диалектов. Тем не менее можно попытаться обосновать тезис о наличии у языков палеобалканского ареала ряда сходств в развитии индоевропейского наследия, которые позволяют думать о существовании на рубеже II—III тысячелетий до н. э. особой «палеобалканской» диалектной зоны в южной части центральной индоевропейской языковой области.

Располагаясь на карте индоевропейской языковой области в южной части центральной зоны, палеобалканские языки находились как бы на стыке двух основных диалектных массивов: *centum/satəm* или, по терминологии В. Порцига, — «восточного» и «западного» (ни тот ни другой критерий разграничения не является достаточно удовлетворительным), что само по себе благоприятствовало развитию переходных черт в структуре этих языков. Об этом, в частности, говорит тот факт, что языки палеобалканского ареала в большой степени были затронуты тенденцией к ассимиляции индоевропейских заднеязычных палатальных. Этого не происходило лишь в положении перед сонантами, как будет показано далее, здесь заднеязычный сохранял свое качество — явление, которое с фонологической точки зрения можно определить как чисто позиционное. Показательно при этом, что в наибольшей степени процесс ассимиляции затронул языки, которые находились в непосредственном контакте с «сатемной» зоной. Так, например, фракийский и дакийский ареально тесно соприкасались с балтийскими языками (в доисторическое время) и с иранскими. В первом случае это убедительно подтверждается наличием большого числа ономастических параллелей, в другом — контакты подтверждаются как письменными источниками (Геродот и др.), так и археологическими данными.

В палеобалканской языковой зоне, однако, имеется ряд исключений в отражении индоевропейских заднеязычных палатальных. Не случайно поэтому столь резко противоположны точки зрения в вопросе определения принадлежности почти каждого палеобалканского языка по схеме *centum/satəm*.

Разноречивость в истолковании объясняется, по нашему мнению, тем, что возможность сближения палеобалканских языков отвергалась а priori, вследствие чего при сопоставлении палеобалканских языков неизменно подчеркивались их отличительные чер-

ты, а сходствам не придавалось особого значения. Поиски ареальных и генетических связей каждого палеобалканского языка, как правило, были направлены вовне, за пределы палеобалканского ареала. Тот факт, что до сих пор не ставился вопрос о возможности и необходимости сопоставительного изучения палеобалканских языков можно также объяснить отсутствием удовлетворительных сводок материала этих языков. В настоящее время положение существенно изменилось.

За последние четверть века по каждому из палеобалканских языков вышел ряд обобщающих работ, важным достоинством которых является сведение воедино и описание всех известных лингвистических данных.

Однако до настоящего времени вопрос о необходимости комплексного изучения палеобалканских языков не ставился, если не считать неубедительных попыток объяснения «переходной индоевропейской зоны» на Балканах существованием некоего древнебалканского языкового союза⁴. Говорить о возможности существования такого языкового союза можно, лишь хорошо зная морфологическую и синтаксическую структуру объединяемых в союз языков, чего мы не можем утверждать о палеобалканских языках.

Сопоставление же языковых данных обнаруживает наличие важных изоглосс, совокупность которых дает основание говорить о палеобалканских языках как особой зоне переходных индоевропейских диалектов. Если же принять во внимание значительную фрагментарность языковых свидетельств, то сходства приобретают еще больший вес и значение. Кроме того, целая серия так называемых расхождений между отдельными палеобалканскими языками вошла в научный обиход в результате ошибочной интерпретации некоторых фактов.

Прежде всего обратимся к так называемой проблеме *centum/satem*, т. е. проблеме заднеязычных палатальных и их отражения в палеобалканских языках. Существующие «расхождения» в отражении индоевропейских заднеязычных палеобалканскими языками до сих пор служили главным препятствием для сближения этих языков. Начнем с фригийского. Он раньше других оказался на периферии палеобалканского языкового ареала, однако не потерял палеобалканского окружения: фракийцы-битины, дарданцы, мезийцы пришли в Малую Азию вслед за протоармянами и фригийцами. По-видимому, уже на Балканах началось во фригийском изменение индоевропейских заднеязычных палатальных в сибиллянты: *g', *g'(h), *k' переходило в s, z (ср. *sikinnis* — «танец» от индоевропейского, далее — и.е.) *k'āik-: *k'ik- или же *k'ak-: *k'ək-: *k'ei — k- «прыгать, изливаться, струиться» (*J. Pokorny. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, 522—523), греч. *κηχίω* — «струиться, изливаться», лит. *šokti* — «прыгать, скакать», возможно также праслав. *skokъ : skočiti (Фасмер) (*J. Pokorny. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, III, 645); фриг. *si*, *sos — «сей», «сега» от и.е. *k'ios; фриг. *semū(n)* — «этому», ст.-

сл. сѣмоу; фриг. глагольная форма имперфекта esait — «приготовил» из и.-е. *k'eī—; фриг. zetna — «ворота, проход» из и.-е. *g'hed — «дверь, отверстие»; фриг. zelkia — «овощи» от и.-е. *g'hel- «зеленый, зелень»). Приведенные примеры дают образец замещения заднеязычных палатальных по типу языков satəm. Однако во фригийском существует и ряд регулярных отклонений в замещении индоевропейских заднеязычных палатальных, когда имеет место депалатализация заднеязычных (веляризация). Ср. такие примеры: фриг. wekrū — Dat. Sg. — «свекру» от и.-е. *suek'r —, др.-инд. śváśura — «свекор», но праслав. *svekry, алб. vjehër, -ri, арм. skesur, греч. ἐκρῆς — «свековья»; фриг. *Akmün Ἀκμυνία, πόλις Φρυγίας от и.-е. *ək'mōn — «камень», ср. др.-инд. ásman — «небо», собственно «небо как каменный свод», авест. asman — «камень», но лит. akmuõ, -eĩs, латыш. akmens — «камень» при лит. āšmens, латыш. asmens — «острие», слав. камы, пеласг. ἀσάμινθος — «(каменная) ванна»; фриг. wegno — «своерожденный, родич» от и.-е. *sue-g'no-; фриг. glūros — «золото» от и.-е. *g'hlō-r-; фриг. Kludros, гидроним от и.-е. *k'lū-t-/dhro-; фриг. tetikmenos от и.-е. *deik' — «показывать», др.-инд. diśāti — «показывать», греч. δείκνυμι — «показываю» и т. д. (*J. Pokorny. Indogermanisches...*, —188—189). Примеров этих, как видим, не меньше, чем «сатемных». И все же можно говорить о ярко выраженной тенденции во фригийском отражать заднеязычные палатальные как сибиллянты. Как недавно указал И. М. Дьяконов, все случаи сохранения заднеязычных во фригийском имеют место в позиции перед сонантами⁵. На это же указывал для албанского языка и Э. Хэмп⁶. Подобное явление имеет силу и в других палеобалканских языках: иллирийском, мессапском, фракийском (неясна ситуация в древнемакедонском).

В качестве примеров, которые обычно приводятся в доказательство сохранения заднеязычных в иллирийском, назовем следующие имена собственные: Vescleves от и.-е. *wesu-k'lewēs, др.-инд. vasu-śravaś, греч. Εὐκλήης; Agron; Arcabanis, Acrabanus, первый компонент которого связывают с и.-е. *ak'ro, др.-инд. (catur)-aśra, ст.-сл. остръ, греч. ἄκρος — «высший, верхний»; имена личные Volto-gnas, Volt-rex, род. падеж Voltu—regis, где -rex восходит к и.-е. *reg' — «царь». Названные первые три примера Vescleves, Agron, Acrabanis демонстрируют, как и во фригийском, поразительную сохранность заднеязычного перед сонантом. Что же касается имен с первым компонентом Volt-, то они не являются иллирийскими и относятся к венецкому антропонимикону⁷ (ср. венецкие имена личные Voltigenei, Voltignos, Voltiomno). В случае же Voltrex речь идет о латинизированном венецком имени (гибриде) со вторым латинским компонентом -rex.

В мессапском такими «кентумными» словами является глагол 3 лица ед. числа оптатива klaohi, klohi и имя личное Balakrahiahi (род. падеж). Первое слово из надписи инвокации к богу klaohi zis восходит к и.-е. *k'leus-ī-t, др.-инд. śrośi, лит. klausyti — «слушать», др.-прусс. klausiton, алб. kluhem, quhem — «звать, назы-

вать», но ст.-сл. *slouſhatſi*. В качестве догадки Э. Полеме⁸ выдвинул объяснение, что депалатализация и.-е. *k' обусловлена влиянием соседнего *l*, как в албанском. Второй компонент имени *Balakras, -akras (ср. фессалийск. *Φάλακρος*, макед. *Balacros*) от и.-е. *ak'ro- (ср. выше *Asgabani*). Таким образом, и в мессапском депалатализация заднеязычных протекала в позиции перед сонантом. Мессапское *argorian* — «серебро», по всей вероятности, — заимствование из греческого *ἀργύριον* — «серебро». Это вполне могло произойти, если принять во внимание культурные связи мессапов с греками, в частности тот факт, что мессапы заимствовали у греков Тарента лаконский образец алфавита. В других позициях в мессапском происходила ассимиляция (ср. *azen*, *azena* от и.-е. *g'en-; *barzidihi* (род. падеж) от и.-е. *berg'h-; *daranθoa* от и.-е. *g'erontiu(ū)ā, греч. *γερονσία* — «senatus» с развитием и.-е. *g' в *d*, как в албанском *deshā* — «любил» при греч. *γεύομαι* — «вкусать, познавать») ⁹. Подобно тому как фракийский, наиболее тесно соприкасавшийся с «восточной» диалектной областью, в большей степени характеризуется чертами этой области, так и мессапский, будучи самым западным из всех палеобалканских языков, испытал определенное воздействие языков западной зоны. В этом сказывается промежуточность палеобалканской языковой зоны.

Несмотря на то, что фракийский и дакийский в отражении заднеязычных вели себя как языки «восточной» группы, и здесь можно найти исключения (ср. топоним *Ἀκμονία*, отмеченный в Дакии и во Фригии, — депалатализация в позиции перед сонантом). В другом случае, как, например *Κανδαίος*, *Κανδαίων*, эпитет бога войны Ареса у крестонов (ср. лид. *Κανδαύλης* — «собакодав»; ср. также ряд топонимов в Иллирии и Македонии — *Κανδαύια ὄρη*, *Candavia* (алб. *Kunavja*) и латыш. топоним *Kandava*) сохранение заднеязычного не поддается объяснению. Но именно в этих случаях мы имеем отклонение и в балтийских языках, (ср. латыш. *kuņa* — «сука»).

Весьма существенным следует считать и то, что албанский как единственный продолжатель палеобалканской речи до настоящего времени сохраняет примеры депалатализации заднеязычных перед сонантом: алб. диалект. *kľuhem*, литературное *quhem* — «звать, называть», *mjekër*, *mjekri* — «подбородок», ср. др.-инд. *śmáśru* — «борода», алб. *vjehër*, -*tī* — «свекровь», ср. фриг. *wekrū* — «свекру», др.-инд. *śváśura* — «свекровь».

Важно также отметить, что целая серия палеобалканских примеров в трактовке заднеязычных, как в позиции перед сонантами, так и в случаях сохранения заднеязычных, не обусловленных этой позицией, имеет параллели с балтийскими языковыми данными. Особенно наглядно прослеживается наличие древних фрако-балтийских контактов на материале большого числа ономастических параллелей. В палеобалканской языковой зоне лишь в одном случае заднеязычный палатальный *k' переходит в *s* (ср. догреческое слово *ἀσάμιδος* — «каменная ванна», но фрако-дакийское и фри-

гийское Ἀκλονία, лит. аклӯн̄ и т. д.). Такой переход гипотетически можно объяснить отсутствием непосредственного контакта с сонантом в звуковой цепи.

Таким образом, регулярность позиционного отклонения в трактовке заднеязычных палатальных в палеобалканских языках можно рассматривать не как различительную черту, но как общую инновацию промежуточной языковой зоны, которую можно определить как самый существенный палеобалканизм.

Другой изоглоссой, которая четко отличает палеобалканские языки от италийских и греческого, но объединяет с армянским и албанским, является эволюция и.-е. *bh в b (ср. мессап. *berain* — «да принесут» от и.-е. *bherōint-, ср. греч. φέρωντο; мессап. *beran* от и.-е. *bherānt, ср. лат. *ferant*; ср. также фриг. медиальные формы глагола *abberetai*, *abberetor*, макед. топоним Βέρροια·Φέρροια, макед. имя личное Βερρένικη, греч. Φερρένικη, арм. *berem*, алб. исходная форма глагола *bie* — «несу»).

Палеобалканизмом можно назвать и так называемое передвижение согласных во фракийском, фригийском и догреческом (оно есть также в армянском и германском), которое, по-видимому, следует рассматривать как архаизм в свете новой теории Т. В. Гамкрелидзе—В. В. Иванова. Согласно их мнению, «языки, традиционно определявшиеся как системы с *Lautverschiebung*, оказываются более близкими в отношении консонантизма к общеиндоевропейскому языковому состоянию, чем остальные языковые системы»¹⁰. Тем самым напрашивается вывод, что фракийский, фригийский, протоармянский и догреческий сохранили (но не развили) эту черту индоевропейской фонологии не каждый в отдельности, а в рамках палеобалканской диалектной области.

Сходную эволюцию претерпели в палеобалканских языках также индоевропейские лабиовелярные *k^w, *g^wh, которые соответственно перешли в k, g. Однако в научной литературе это явление признается только для фрако-дакийского и догреческого, тогда как этот процесс происходил и в других палеобалканских языках. Мнение же о замещении *g^wh через b во фригийском и древнемакедонском основано на недостоверных примерах. Так, например, во фригийском оно зиждется на слове BONOK из старофригийской надписи A 7, которое произвольно сближается с греч. (беот.) βάλνα, βάλνηκας — «жена», «женщина» из словаря Гесихия Александрийского. На самом же деле фриг. BONOK является именем собственным должностного лица — акенанолава. Исчезновение лабиального призвучья произошло в албанском, армянском, а также в балтийских, славянских и индоиранских языках. С другой стороны, в мессапском, а возможно и во фригийском индоевропейские лабиовелярные *k^w, *g^w до какого-то времени сохраняли лабиальную артикуляцию и лишь позже изменились в k, g (ср. мессап. *kos*, фриг. *kos* от и.-е. *k^wos — «какой, который», др.-инд. *kāñ*, греч. *κός*). Это говорит о консервации индоевропейского архаизма на периферии палеобалканской языковой зоны. Такое сохра-

нение лабиовелярного k^w , характерного архаизма индоевропейской языковой системы, с последующей его эволюцией в p демонстрирует критомикенский по сравнению с греческим, а из «малых» языков — венетский и, возможно, пиценский.

Говоря о синтаксисе палеобалканских языков, мы можем сослаться лишь на данные мессапского и фригийского, от которых дошли связные тексты, отличающиеся стереотипностью синтаксических конструкций. Можно усматривать функциональную близость в мессапских комплексах *ai min kos* и *tai ma kos* с фригийской условной формулой в протасисе *ai kos ne* и *ios ke an*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что помимо территориальной общности и общности исторических судеб на протяжении многих веков палеобалканские народы объединяет ряд общих черт в их языковом развитии. Рассмотренные выше языковые сходства позволяют нам говорить о существовании на древних Балканах особой переходной зоны индоевропейской диалектной области, которую мы объединяем под названием «палеобалканские языки».

¹ А. А. Королев, В. П. Герознак. К изучению «малых» индоевропейских языков.—Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний». М., 1974, стр. 40—45.

² G. Alföldy. Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia. Heidelberg, 1969; H. Kronasser. Zum Stand der Illyristik. «Linguistique balkanique», t. IV, 1962, S. 5—23; R. Katičić. Liburner, Pannonier und Illyrier. «Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für W. Brandenstein». Innsbruck, 1968, S. 363—369.

³ V. Georgiev. L'Ethnogenèse des peuples de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques.—«Studia balcanica», 5. Sofia, 1971, p. 167.

⁴ V. Georgiev. Le problème de l'union linguistique balkanique.—«Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique». Sofia, 1966, p. 14; Л. А. Гиндин. К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне.—«Résumés des communications. XI Congrès international des sciences onomastiques». Sofia, 1972, p. 83.

⁵ И. М. Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков.—«Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика». М., 1972, стр. 5—6.

⁶ E. P. Hamp. Palatal before resonant in Albanian.—«Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung», Bd 76, 1960, S. 275—280.

⁷ G. V. Pellegrini, A. L. Prosdocimi. La lingua venetica, vol. II. Padova, 1967, p. 202—204.

⁸ E. Polomé. The Position of Illyrian and Venetic.—«Ancient Indo-European Dialects». Los Angeles, 1966, p. 68—69.

⁹ O. Parlàngeli. Studi messapici. Milano, 1960, p. 265—266, 271, 277, 291—293.

¹⁰ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных.—«Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. 12—14 декабря 1972 г. Предварительные материалы». М., 1972, стр. 17.

Греческий язык и проблема догреческого субстрата

Ю. В. ОТКУШЧИКОВ

По вопросу о происхождении догреческого субстрата, оказавшего сильное воздействие на древнегреческий язык, высказывались различные точки зрения, а именно:

1. Поскольку значительная часть догреческой лексики и топонимики не получает удовлетворительного этимологического объяснения на индоевропейской почве, делался вывод о том, что догреческий субстрат был неиндоевропейским, средиземноморским. Греки были первыми индоевропейцами, пришедшими на Балканы (А. Мейе).

2. Наличие в греческом языке целого ряда слов, имеющих прозрачную индоевропейскую этимологию, но не отвечающих обычным фонетическим соответствиям, позволяет сделать вывод о том, что языком догреческого субстрата был индоевропейский язык, близкий к греческому — пеласгский. Никаких следов более раннего неиндоевропейского (средиземноморского) субстрата в греческом языке нет (В. Георгиев).

3. Между неиндоевропейским догреческим субстратом и греческим языком находился слой также догреческий, но индоевропейский. В последние 15 лет его иногда стали связывать с хеттолувийскими языками (Л. Палмер, А. Хойбек).

Первая из изложенных точек зрения в настоящее время устарела, ибо работы В. Георгиева и его последователей доказали, что в греческом языке сохранились многочисленные следы догреческого индоевропейского субстрата.

Вместе с тем позиция В. Георгиева по вопросу о характере догреческого субстрата мне кажется не всегда достаточно последовательной. Например, неясно, почему он так упорно отрицает наличие следов средиземноморского субстрата в греческом языке, — что было бы возможным лишь в случае, если бы индоевропейцы были первым населением Балканского полуострова¹. Против этого предположения говорят прежде всего данные археологии, свидетельствующие о наличии неолитического населения на юге Балканского полуострова задолго до прибытия туда первых индоевропейцев. Неиндоевропейский субстрат нашел свое отражение и в языке. Например, с позиций индоевропейского словообразования было бы трудно объяснить префиксацию (?) типа *Καρία* — *Ίκαρία*, *Σκληρός* (Лаконика), — *Ίσκληρός* (Беотия), *Σαυρία* (Акарнания) — *Ίσαυρία* (Писидия). *Ἄονια* (Беотия) — *Ίαονια* и др. Кроме того, в греческом языке среди слов, относящихся к догреческому субстрату, имеется довольно большое количество названий различных растений как культурных, так и диких, явно неиндоевропейского происхождения. Естественно, что, прибыв на терри-

торию будущей Греции, первые индоевропейцы усвоили названия многих незнакомых им растений у местного неиндоевропейского населения. Позднее греки в свою очередь заимствовали эти названия уже из индоевропейского языка своих предшественников.

В. Георгиев считает, что открытый им «пеласгский» язык близок к фракийскому². В то же время он склонен признать наличие хетто-лувийского субстрата на Балканах и одним из первых высказал предположение, что карийский язык относится к хетто-лувийским языкам³. Если это так, то мы должны сделать логический вывод о близком родстве языков фракийского и хетто-лувийского. А это уже выглядит крайне неправдоподобным. Наконец, едва ли удачен термин «пеласгский» применительно к тому догреческому языку, следы которого были реконструированы В. Георгиевым, ибо сам он вынужден признать, что «мы ничего не знаем о языке пеласгов»⁴.

Что касается гипотезы Л. Палмера—А. Хойбека о хетто-лувийском субстрате на Балканах и на Крите, то она никогда и никем не была серьезно обоснована. Основным и чуть ли не единственным аргументом Л. Палмера является ссылка на крайне слабую и неправдоподобную этимологию топонима Παρνα | ἱερός: к хет. parna — «дом» (→ «храм»). О несостоятельности этой этимологии с точки зрения хетто-лувийской писала А. Камменхубер⁵. Важно отметить, что ни один топоним, в основе которого лежит тот или иной известный нам из греческого языка догреческой апеллятив, не имеет хетто-лувийской этимологии.

Попытка А. Хойбека подкрепить защищаемую им гипотезу иными аргументами лингвистического характера также не имела успеха. Так, известные колебания между *d* и *l* в передаче ряда догреческих имен (типа Ὀδυσσεύς — Ὀλυσσεύς), по мнению А. Хойбека, отражают хеттское влияние (ср. tabarna — Iabarna). И принесена эта особенность на Крит была якобы хеттами⁶. Но как в таком случае быть с лат. *lingua* — *lingua*, *odor* — *o[ere]*, *sedeo* — *solum*, лтш. *varde* — лит. *varlė* «лягушка» и др.?

Особенно резко против этой гипотезы выступили историки и археологи, ибо ее положения резко противоречат археологическим и историческим данным⁷.

С попыткой как-то реабилитировать гипотезу Л. Палмера—А. Хойбека выступил Л. А. Гиндин. Он высказал предположение о том, что между хетто-лувийским субстратом и греческим языком не было прямого контакта, что роль посредника между ними сыграл язык пеласгов. Однако эта своеобразная контаминация, объединяющая точки зрения Л. Палмера—А. Хойбека и В. Георгиева, сталкивается с непреодолимыми трудностями. Следы хетто-лувийского субстрата, согласно Л. А. Гиндину, мы находим в топонимике (здесь опять выступает на сцену старая этимология топонима Παρνα / ἱερός). Но почему мы не находим следов влияния этого субстрата среди мощного слоя догреческой апеллятивной лексики? Л. А. Гиндин считает, что пеласги передали грекам толь-

ко хетто-лувийскую ономастику, а догреческая апеллятивная лексика была по происхождению не хетто-лувийской, а пеласгской⁸. Все это было бы более или менее правдоподобным, если бы среди догреческих топонимов так называемого анатолийского типа не было значительного количества названий, которые или полностью совпадают с догреческими же апеллятивами (тип *κίπαρισσός* — *κίπαρισσός* — «кипарис») или содержат основу последних (тип *Σίκυνθος* — *σίκυα* — «тыква»). Многочисленные примеры подобного рода свидетельствуют о том, что догреческая топонимика и апеллятивная лексика в основном восходят к одному и тому же общему источнику. И если мы не в состоянии этимологизировать на основе хетто-лувийских языков догреческую апеллятивную лексику, то всякая попытка этимологизировать подобным образом догреческую топонимику Балкан останется бездоказательной.

Какие выводы можно сделать на основании вышеизложенного? Первые индоевропейцы, пришедшие на Балканы, встретили здесь неиндоевропейское население, у которого они заимствовали значительную часть топонимов и апеллятивной лексики. Заимствованные слова подверглись индоевропеизации, а по модели старых индоевропеизированных топонимов были образованы (сравнительно) новые топонимы также и на индоевропейской основе. Все это послужило источником, откуда пришедшие вслед за тем греки почерпнули апеллятивы и топонимы, относимые ныне к догреческому индоевропейскому субстрату. Подобная точка зрения отличается от позиции В. Георгиева лишь тем, что признает наличие древнейшего неиндоевропейского субстрата на Балканах, а от позиции А. Хойбека — отсутствием указания на связь догреческого индоевропейского субстрата с хетто-лувийскими языками.

Мне уже приходилось высказываться о том, что догреческий субстрат не был вполне однородным по своему характеру, что догреческая топонимика была оставлена носителями ряда близкородственных языков, среди которых, в первую очередь, следует выделить языки фракийский и карийский. Какие аргументы можно выдвинуть в пользу подобной точки зрения, ограничиваясь материалами, относящимися к карийскому языку?

В отличие от хетто-лувийской гипотезы, предположение о карийском субстрате в греческом языке подтверждается многочисленными свидетельствами античных писателей о проживании карийцев в материковой Греции и на островах, а также о их последующем вытеснении греками в Малую Азию⁹. Важно отметить, что многочисленные случаи карийско-греческого двуязычия — также не гипотеза, а факт, установленный как для исторической, так и для доисторической эпохи. Геродот сообщает, что греки многое заимствовали у карийцев — вплоть до женских мод (*Hrdt.* I, 171; V, 8), а о некоторых словах, относимых обычно к догреческому субстрату, античные источники прямо сообщают, что они были заимствованы у карийцев¹⁰.

Сообщение Филиппа из Свангелы, написавшего специальное сочинение «Περὶ Καρῶν», о том, что в карийском языке не просто много, а очень много греческих слов (πλεῖστα ἑλληνικά ἔχει ὀνόματα)¹¹, по-видимому, следует понимать так, как И. Фридрих представляет себе древнейшие греко-фригийские лексические контакты, при которых, по его словам, греки далеко не всегда были «дающей стороной»¹². К этому необходимо добавить, что многочисленные греческо-карийские лексические совпадения — не предположительные, а реально засвидетельствованные автором, жившим в карийском городе, — могут объясняться не только заимствованиями из карийского языка в греческий и наоборот, но также наличием лексических изоглосс, свидетельствующих о тесных генетических связях между этими языками.

Движение карийцев с материковой Греции на острова и далее — в Малую Азию, казалось бы, находится в противоречии с направлением распространения догреческих топонимов. Долгое время было принято считать, что эти топонимы распространялись с востока на запад, т. е. из Малой Азии на Балканы («анатолийская топонимика»). Однако не выборочный, а, по возможности, сплошной анализ догреческой топонимики на Балканах, совпадающей с топонимикой Малой Азии, приводит к любопытным результатам. Оказывается, что во многих случаях на Балканах и на прилегающих к ним островах мы встречаем простые топонимы, а в Малой Азии — образованные на их основе суффиксальные производные:

<i>Балканы</i>	<i>Малая Азия</i>
Ἀσσα (Македония)	— Ἀσση-σός (Кария),
Βύβαι (Фракия)	— Βύβα-σος (Кария),
θρόον (Элида)	— θρόα -νδα (Ликия),
Κόρβα (Крит)	— Κόρβα-σα (Кария),
Οἰνόη (Аттика, Арголида)	— Οἰνόα-νδα (Ликия),
Πάσσα (Фракия)	— Πάσσα-νδα (Кария),
Πρίνος (Арголида)	— Πρίνα-σός (Кария),
Σίνδος (Македония)	— Σίνδη-σός (Кария),
Ταρβα (Крит)	— Ταρβα -σός (Писидия),
Ἰβα (Аттика)	— Ἰβα-νδα (Кария) и т. д.

Показательно, что наиболее плотные пучки балкано-малоазийских топонимических изоглосс, как в фокусе, сходятся на территории маленькой Карии, где уже в историческую эпоху «всплывают» топонимы, которые для греков и греческого языка были субстратными.

Таким образом, анализ топонимического материала подтверждает многочисленные сообщения античных авторов об отступлении карийцев под натиском греков с материковой части Греции и с островов в Малую Азию. Поскольку экспансия греков сопровождалась длительными периодами совместного проживания их с карийцами, они усвоили у последних значительную часть топонимов

и апеллятивной лексики. Карийцы же, естественно, перенесли часть своих древних топонимов на территорию малоазиатской Карии — чем и объясняется большое количество балкано-карийских топонимических изоглосс.

Словообразовательный анализ карийской ономастики еще в XIX в. привел Г. Майера к выводу о том, что карийский язык из всех индоевропейских языков наиболее близок по своему строю к языку греческому¹³. Если обратиться к подобному же анализу догреческих топонимов, то окажется, что словообразовательные модели, типичные для них, очень близки к греческим или даже совпадают с ними. Рассмотрим несколько наиболее ясных примеров.

Λαρναξ, -ακος — «ящик, гроб, ковчег» → *Λαρναχ-ι-ος > Λαρνησσός (Фокида)¹⁴;

Κύλιξ, -ικος — «чаша» → κυλικ -ι-ος > Κύλισσος (Крит);

Λύμαξ, -ακος (ср. также глоссу Гезихия λύμακες πέτραι) → *Λυμαχ -ι-ος > Λυμησσός (Ликия);

Μύλαξ, -ακος — «скала, камень» → *Μυλαχ -ι-α > Μύλασσα (Кария).

Во всех приведенных случаях производящей основой послужили древние образования с догреческим суффиксом *h*, который в сочетании со вторичным суффиксом *ι* дал *σ*. Подобная модель широко представлена также и в догреческой апеллятивной лексике, нашедшей свое отражение в греческом языке: (F)αναξ, -ακος — (F)αναχ -ι-α > (F)άνασσα; ἱέραξ — ἱέρασσα и т. п. Этой модели может противостоять другая, где *h* не подвергается палатализации:

Κίλεξ -ικος — *Κιλικ -ι-α > Κίλισσα, но Κιλικία.

Следовательно, значительная часть догреческих *σ* топонимов на Балканах и на западе Малой Азии представляет собой производные *-h-* основ, образованные с помощью хорошо известного индоевропейского суффикса **-ι-* (*os*). Нет сомнения в том, что в центральной и юго-восточной Анатолии довольно широко распространены *ss*-топонимы хетто-лувийского или дохетто-лувийского происхождения. Но они не имеют ничего общего с рассматриваемыми нами образованиями типа Λαρνησσός, как не имеет с ними ничего общего, например, топоним Карасса в бассейне Северной Двины¹⁵.

Что касается топонима Παρνησσός (Παρνασσός), то вопрос о его происхождении нельзя рассматривать в отрыве от топонима Πάρνης, Πάρνηθος (основа Παρνηθ-). И на Парнасе, и на Парнете (Аттика) находилось святилище Аполлона. Эпитет Аполлона Παρνήθως — «Парнетский» образован от основы Παρνηθ- с помощью индоевропейского суффикса **-ι-* (*os*) и относится к палатализованной форме *Παρνηθ-ός > Παρνησσός так же, как, например, βυθ -ι-ος > βύθιος — «глубокий» относится к *βυθ-ι-ος > βυσσός — «глубина» или (применительно к основам на *h*) как Κιλικία — к *Κιλικ-ι-α > Κίλισσα. Таким образом, перед нами не случайное сопоставление топонима Παρνησσός с созвучным

апеллятивом того или иного языка, весьма проблематичная связь с которым «доказывается» на основании этой же самой этимологии (*circulus vitiosus*), а четкие словообразовательные связи с производящей основой топонима, безусловно, принадлежащего тому же самому языку. И эти словообразовательные связи устанавливаются не *ad hoc*, а, как показывают приведенные примеры, — являются отражением словообразовательных моделей, наиболее типичных для догреческих *ss*-топонимов.

Таким образом, идея о хетто-лувийском происхождении догреческих *ss*-топонимов в районе Эгеиды (Э. Форрер, Л. Палмер, А. Хойбек, Дж. Хаксли, Э. Ларош и др.) не выдерживает критики.

По-видимому, в языке догреческого субстрата палатализация в случаях *k + i* или *t(h) + i* давала результат, несколько отличный от греческого языка, например — звук типа русского *ц*. Характерно, что, воспроизводя карийские и фригийские имена собственные, греки иногда пользуются при передаче данного звука особой буквой карийского происхождения — сампи: *Ἀλικαρναῶτες*, *Μετῆμβρια*, наряду с *Ἀλικαρνασσοίς*, *Μεσσημβρία*. Варианты типа *Βράσσις/Βράσις*, широко представленные в передаче карийских имен¹⁶, также отражают какой-то особый догреческий звук. Но в конечном итоге слова с этим звуком (или звуками) стали передаваться с помощью *ss*, ибо именно такой результат давала аналогичная палатализация в греческом языке:

**plākjō* > *πλήσιω*, **melitja* > *μέλισσα*.

Археологические данные также говорят в пользу изложенных выше соображений о том, что значительное место в догреческом субстрате принадлежало языку карийцев.

Факты длительного совместного проживания в древности карийцев и греков, сообщаемые античными писателями, подтверждаются археологией. Весьма примечательно, что археологи не знают особого типа карийской керамики, ибо она полностью совпадает с керамикой микенской или греческой¹⁷. Древнейшие — залегающие прямо на материке — археологические слои Милета никак не связаны с внутренней Анатолией, а только с крито-микенской культурой. В эпоху, когда Гомер говорил о карийском Милете, в этом городе существовало не хетто-лувийское, а крито-микенское поселение. По свидетельству Фукидида, раскопки, произведенные во время Пелопоннесской войны на Делосе (в процессе его «очищения»), обнаружили там многочисленные карийские погребения (Thuc., 1,8). В наши дни археологи, идя по следам древних раскопок, нашли там остатки микенских погребений. Эта «загадка», подобная «загадке» Милета, по мнению некоторых археологов, может быть решена, если мы отождествим карийцев с микенцами¹⁸.

Подобно тому как догреческая топонимика, засвидетельствованная в древнейших крито-микенских надписях, в историческую эпоху «всплывает» на территории Карики, крито-микенские погре-

бения камерного типа («chamber tombs») все в той же Кари и сохранились почти без изменений вплоть до V в. до н. э. Археологи постоянно подчеркивают поразительное сходство в конструкции тех и других погребений¹⁹, которые не имеют ничего общего ни с погребениями у греков исторической эпохи, ни с анатолийскими погребениями.

Свидетельства античных писателей, данные топонимики, словообразовательный анализ догреческих топонимов и апеллятивов, а также результаты археологических раскопок позволяют сделать следующие выводы:

1. Миграция носителей догреческого субстрата в районе Эгеиды шла не из Малой Азии на Балканы, а наоборот, с Балкан — на острова и на территорию западной и юго-западной Малой Азии.

2. Догреческий субстрат не имеет ничего общего с хетто-лувийскими языками, его языковая принадлежность не может быть определена с достаточной ясностью, но среди носителей догреческого субстрата важная роль принадлежала карицам.

3. Кариийский язык и по своему лексическому составу, и по словообразовательным моделям из всех известных нам индоевропейских языков наиболее близок к языку греческому.

¹ См, например: В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 111.

² Там же, стр. 281.

³ В. Георгиев. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache. — «Archiv orientální», Bd 28, 1960, S. 607.

⁴ В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — «Вопросы языкознания», 1954, № 4, стр. 60.

⁵ См.: «Alt kleinasiatische Sprachen, mit Beiträgen von J. Friedrich, A. Kammenhuber, G. Neumann, A. Heubeck». Leiden—Köln, 1969, S. 260.

⁶ А. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, S. 26.

⁷ Ссылки на литературу см.: Ю. В. Откупщиков. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. — «Балканское языкознание». М., 1973, стр. 19, прим. 32.

⁸ Л. А. Гундин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, стр. 169—170.

⁹ См. в связи с этим примеры из авторов, собранные А. Ломонье: А. Laumonier. Les cultes indigènes en Carie. Paris, 1958, p. 22 и сл. Ср. также: F. Hampl. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur. — «Museum Helveticum», Bd 17, 1960, S. 76.

¹⁰ Например, Стефан Византийский (с. в. Μουβήσσα) называет греч. γείσσο (ν) — «карниз, зубцы стен» кариийским словом.

¹¹ Strabo, XIV, 662.

¹² J. Friedrich. Phrygia. Pauly-Wissowa Realencyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft. Leipzig, 1941, 880.

¹³ G. Meyer. Die Karier, eine ethnographisch-linguistische Untersuchung. — «Bezenbergers Beiträge», Bd X, 1886, S. 200.

¹⁴ А. Nehring. Griechisch τίταξ, ττήνη и ein vorgriechisches k-Suffix. «Glotta», Bd XIV, 1925, S. 185; E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939, S. 497.

¹⁵ Е. М. Поспелов. О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике. — «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 37.

- ¹⁶ Примеры можно найти в кн.: P. Kretschmer. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896.
- ¹⁷ G. M. A. Hanfmann and J. C. Waldbaum. Two Submycenaean Vase and a Tablet from Stratonikeia in Caria. «American Journal of Archaeology», vol. 72, 1968, N 1, p. 52; Gh. R. Long. Greeks, Carians, and the Purification of Delos. «American Journal...», vol. 62, 1958, p. 303, etc.
- ¹⁸ Gh. R. Long. Op. cit., p. 304. Действительно, перед нами странное совпадение: в обоих случаях Гомер и Фукидид говорят о карийцах, и в обоих случаях на месте карийцев археологи находят следы крито-микенской культуры.
- ¹⁹ G. Bass. Mycenaean and Protogeometric Tombs in the Halicarnassus Peninsula. «American Journal...», vol. 67, 1963, p. 358; Gh. R. Long. Op. cit., p. 302—304.

Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX—начало XX в.)

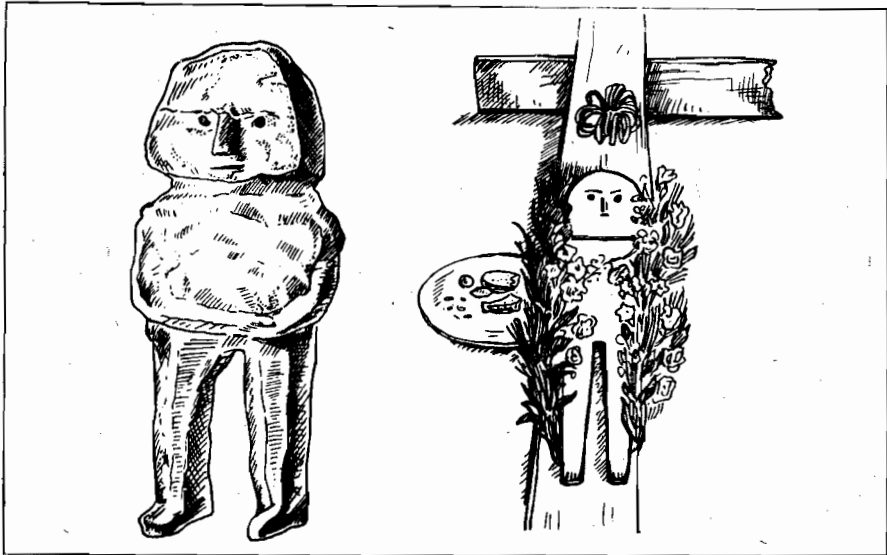
В. С. ЗЕЛЕНЧУК, Ю. В. ПОПОВИЧ

В период наступления весны главная забота земледельцев — обеспечение предстоящего урожая — сопровождалась в прошлом различными магическими действиями. Сюда относятся обряды проводов зимы, призывания весны, магические действия, связанные с началом пахоты и сева, наконец, обычаи и обряды, приуроченные к периоду произрастания злаков.

В последней группе выделяется обряд похорон глиняного человека. У восточнороманских народов этот обычай носил различные наименования: *Калоян, Калайман, Колиян, Скалоян, Герман, Пэпуше, Мума плойи*.

Ритуал совершался обыкновенно девушками, реже — парнями¹. Заранее изготовленную глиняную фигурку, изображавшую в большинстве случаев мужчину, наряжали в одежды из красной и белой материи. В отдельных случаях фигурка была покрыта только яичной скорлупой. Ее клали в глиняный или деревянный гробик, украшенный лентами, зеленью и яичной скорлупой.

Дальнейший ход обряда почти детально воспроизводил народный ритуал похорон. В течение трех дней гроб находился у одной из девушек, вызвавшей быть «мамой Калояна». У гроба проводили ночные бдения, во время которых молодежь устраивала ритуальные игры. В день похорон участники действия наряжались по-праздничному. «Похоронная процессия» шла по всему селу, к ней присоединялись и многие жители. Фигуру Калояна выносили из села с плачем и с заклинаниями, включавшими в себя фрагменты похоронных причитаний.

Глиняные фигурки Калоюна

Следующая часть обряда в разных местах варьировалась. Один вариант включал такие действия: глиняную фигуру сначала хоронили в поле среди хлебов ², а спустя три дня выкапывали и относили к воде, где в одних случаях ее разламывали на куски и бросали в воду ³, в других — бросали целиком в воду ⁴, в третьих — пускали по воде на специальном плотике ⁵. К этому же варианту ритуала относится и разламывание глиняной фигуры на куски и последующее разбрасывание их среди хлебов со словами: «Чтобы хлеба выросли вот такими высокими!» ⁶

При другом варианте обрядности изготавливали две глиняные фигуры: первую наряжали в мужскую одежду и называли «отцом солнца» (*татэл соарелуй*); вторую одевали в женское платье и именовали «матерью дождя» (*мума плойи*). Фигуру, обозначающую «отца солнца», сразу же хоронили в селе или на кладбище. «Мать дождя» сначала относили к колодцу, обливали водой, а затем уже хоронили с причитаниями ⁷. Обряд совершали не только с целью прекратить засуху, но и чтобы остановить слишком обильные дожди. В последнем случае обе глиняные фигуры хоронили одновременно. Соответственно менялся и смысл заклинания: это была мольба о смерти «матери дождей» и о воскресении «отца солнца».

Меньшее распространение имел вариант, согласно которому глиняную фигуру, изображавшую мальчика, обливали водой у реки и затем устанавливали в поле, на виду у всех, «чтобы он вызвал дождь» ⁸.

Все эти варианты обряда Калоян проводились в точно установленные традицией сроки (в третий или девятый четверг после пасхи), в связи с чем эти дни иногда в народе называли «Скалоянов четверг» (*Жоя Скалоенилор*)⁹.

Существовали и другие разновидности этого обряда, которые, в отличие от предыдущих, исполнялись только в период засухи¹⁰.

Основным смыслом всех магических действий было добиться плодородия путем вызывания дождя. Эта идея составляла основное содержание причитаний, сопровождавших «похороны Калояна»:

Колоене, Ене,	Калоян, Ян,
Колоене, Ене,	Калоян, Ян,
Дуте'н чер ши чере,	Иди на небо и попроси,
Сэ дескидэ порциле,	Чтобы открыли ворота,
Сэ слободаэ плоиле,	Чтобы освободились дожди,
Сэ кургэ гырлеле,	Чтобы струились ручьи
Зилеле ши ноциле,	Дни и ночи,
Ка сэ кряскэ грынеле.	Чтобы росли хлеба.

В вариантах, приуроченных только к засухе, стихотворные заклинания должны были предохранить землю от разрушительного действия солнца и вызвать дождь:

Аолеу, крѣцэ,	Аолеу, царевна,
Татэл соарелуй а мурит —	Отец солнца умер —
Мама плоий а'ввиат ¹¹ .	Мать дождя воскресла.

Заключительная стадия обряда Калоян воспроизводила аналогичный этап похоронных традиций. Вернувшись домой, девушки устраивали поминальный вечер¹².

В интерпретации изучаемых обрядов представляет сложность вопрос о воскресении божества, которое символизировало постоянно повторяющийся процесс обновления природы.

В румынских и молдавских обрядах идея предстоящего воскресения выражена четко в самом ритуале. Оплакивая умершего, девушки причитали:

Фрате, фрате Колоене,	Брат, брат Калоян,
Ну те пунем ын пэмынт,	Мы тебя хороним,
Ка сэ путрезешть,	Не для того, чтобы ты
Чи те пунем сэ'нверзешть	гнил,
	А для того, чтобы ты
	зазеленел.

Кэлиене, Кэлиене оф! оф!¹³ Калоян, Калоян, оф! оф!

Обряды, аналогичные Калояну, имеют широкий ареал распространения в Европе, в частности почти у всех славянских народов. На Дунайской равнине Болгарии бытовал аналогичный обычай под названием *Герман, Калоян, Скалоян*¹⁴. Обычай, в основе которого лежали похороны антропоморфного персонажа, известен

и у сербов под названием *Ярило*¹⁵. В XIX в. в русских, украинских и белорусских губерниях России были широко распространены обряды *Кострэмá*, *Кострубонька*, *Ярила*, *Марена*, *Похороны кукушки*, главное действие которых состояло в оплакивании и погребении соломенного чучела¹⁶. Существование подобного обычая известно и у западных славян: у чехов это *Марена*, у словаков — *Маржена*, *Муриена* и т. д., у поляков — *Маржана*¹⁷.

Сравнивая восточнороманские и славянские обряды плодородия, можно заметить значительную общность между ними. Особенно много общих черт в ритуалах болгар, румын и молдаван. Они сходны не только по содержанию и по форме, но и по названию: термины *Калоян*, *Скалоян* и *Герман* бытуют как у румын и молдаван, так и у болгар. В то же время они несколько отличны от обрядов восточных и западных славян. Так, антропоморфная фигура у молдаван, румын и болгар изготавливалась из глины, а у русских, белорусов, украинцев, поляков, словаков и чехов — из соломы или дерева. У восточнороманских народов и у болгар антропоморфный образ выступает чаще всего в мужском облике, тогда как у восточных и западных славян чучело одето в женское одеяние.

Восточнороманские обряды *Калоян* по форме близки и к античным культам народов средиземноморского бассейна — древних римлян, египтян, фригийцев, финикийцев и других.

Проблема генезиса обряда типа *Калоян* еще в прошлом веке вызвала интерес ряда исследователей. А. Н. Афанасьев и Е. В. Аничков высказали предположение, что русские обряды этого рода ведут свое происхождение от греческих весенних праздников *Адониса*. В XIX — начале XX в. румынские этнографы Г. Теодореску, И. Кандря, Н. Денсушану, М. Вулпеску, М. Беза и другие считали, что румынский обряд *Калоян* является заимствованием из восточных и античных культов. Несостоятельность такой точки зрения по отношению к русским обрядам убедительно показал В. Я. Пропп, отметивший, что восточнославянские обряды и античные культы отражают различные этапы религиозного мировоззрения¹⁸. По поводу происхождения аналогичного обычая у болгар еще в конце XIX — начале XX в. П. Басанович, а вслед за ним и Г. Кацаров пришли к выводу, что *Герман* или *Германчо* связан с определенными фракийскими божествами¹⁹. М. Арнаутов приходит к выводу, что обычай должен был возникнуть на старой фрако-мезийской основе, на равнинах около Дуная²⁰. Вопрос о месте *Германа* в общей системе болгарских обычаев, на наш взгляд, удачно разработан в исследованиях современного болгарского этнографа Ст. Генчева²¹.

Близость по содержанию, форме и терминологии румынских, молдавских и болгарских обрядов позволяет выделить их в специфический регион, имеющий свои отличия. Зона их распространения охватывает территорию МССР, Молдову, Добруджу, Мунтению (СРР) и северную часть Болгарии.

Наложение ареала распространения обрядов Калоян и Герман на карту выявляет его совпадение с территорией распространения северной группы фракийских племен в последние века до н. э. и в первые века н. э. В связи с этим можно предположить, что восточнороманские и болгарские обряды по своему происхождению связаны с древними фракийцами и их религией.

Рассматривая терминологию обряда, можно отметить, что наиболее древним является термин «Калоян». Позже возникло название «Герман» (от дня св. Германа), а также такие производные термины, как «Пэпуша» (Кукла), «Мума плойй» (Мать дождя). По мнению ряда лингвистов (Ф. Миклошич, И. Кандря и др.), термин «Калоян» — древнеславянского происхождения (от *кален*, что означает «глиняный») ²² *говекни?*

Можно предположить, что в период ранних контактов фракийского и славянского населения на Балканском полуострове фракийцы заимствовали у славян наименование обряда.

Этнографы, изучавшие эти обряды, единодушны в оценке их общего смысла. Ни у кого не возникало сомнений относительно их древнего происхождения и тесной связи с земледельческим культом плодородия. Что же касается более конкретной интерпретации содержания и назначения обрядов, то, начиная с XIX в., было предложено несколько толкований. Одними из первых пытались дать объяснение обрядам погребения глиняной фигуры представители мифологической школы в фольклористике — братья Гримм, А. Н. Афанасьев, Н. Ф. Сумцов (в ранних работах) и другие. Они рассматривали этот обряд как драматизацию мифа о борьбе зимы с летом. С других позиций подошли к объяснению обряда представители эволюционной и антропологической школы (Э. Тэйлор, Дж. Фрэзер, В. Вундт). Они представляли его как смерть божества плодородия, которое, воскреснув, должно было возродить природу. Наибольшую известность получила теория Дж. Фрэзера, которую можно назвать магическо-анимистической. Он характеризовал обряды погребения глиняной фигуры как действие, связанное с идеей умирающего и воскресающего божества растительности ²³. В. Я. Пропп, касаясь теории Дж. Фрэзера, внес существенную поправку, подчеркнув, что правильнее было бы говорить о религии убиваемого и воскресающего божества растительности ²⁴.

Этнографические материалы, относящиеся к различным народам земного шара, свидетельствуют о существовавшей в древности тесной связи аграрных культов с человеческими жертвоприношениями — женская и мужская сила плодородия переносилась на поля посредством акта умерщвления женщины или мужчины. Многочисленные факты этого рода, относящиеся к народам разных стран и к разным эпохам, собраны в известной книге Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь» ²⁵. В обычаях многих земледельческих народов, а также в разных легендах, мифах и поверьях можно видеть смягченные пережитки древнего варварского обычая чело-

веческих жертвоприношений. Вместо человека в жертву стали приносить часть его тела: например, палец, даже один сустав пальца (много таких обычаев описано Э. Тейлором). В других случаях жертвоприношение заменялось символическим проливанием нескольких капель крови, отрезанием волос и т. д.²⁶ Позднее ритуал проделал дальнейшую эволюцию: действительную жертву стали заменять ее подобием — человеческими фигурами из теста, бумаги, глины и т. д. Возможно, что глиняные фигуры античных и восточных божеств плодородия, как и восточнобалканский Калоян, имеют именно такое происхождение.

В какой связи находятся восточнороманские аграрные обряды Калоян с культом умирающего и воскресающего божества? Очевидно, что они входят в тот же круг представлений и ритуалов, по крайней мере, отдельными своими частями. Так, Ю. М. Соколов считал, что в масленичных обрядах содержатся только отдельные элементы восточных и античных культов²⁷. В. Я. Пропп установил принципиальное различие между развитыми религиозными культурами древности и русскими аграрными праздниками. По его мнению, целиком идея умирающего и воскресающего божества растительности не получила отражения в русских праздниках и подтверждается ими только частично²⁸.

Молдавские и румынские обряды тоже адекватно не отражают религиозную идею об умирающем и воскресающем божестве. Сходство между молдавскими обрядами, с одной стороны, и ближневосточными культурами — с другой, можно усмотреть лишь в некоторых формальных моментах: в погребении глиняной фигуры, а иногда (у восточных романцев и у древних греков) и двух фигур — женской и мужской.

При сравнении содержания этих двух групп обрядов выявляется значительное расхождение между ними. Характерной особенностью молдавской и румынской обрядности является отсутствие прямой инсценировки смерти. Сделанную из глины фигуру сразу же одевали, как покойника, т. е. в народном сознании Калоян уже с самого начала считался мертвым. Последующая же сцена с разламыванием глиняной фигуры на части и разбрасыванием их в поле не означает инсценировки убийства, так как она происходит после «похорон». Скорее это действие выражает стремление оплодотворить «чудодейственными» кусками «тела» божества как можно большую площадь земли. В ритуалах Калоян основное внимание обращено на похороны антропоморфного образа и наглядно показана роль, которую он должен сыграть в повышении плодородия земли. Эта идея ярко выражена и в заклинаниях, сопровождающих сцену погребения.

С течением времени содержание обряда Калоян претерпело изменение, которое свелось к постепенному сужению его магической функции. Если первоначально обряд был призван вызывать общее плодородие земли, то впоследствии его задача ограничилась только вызыванием дождя.

С начала XX в. обряд стал постепенно превращаться в действо игрового характера. В связи с этим менялось и смысловое значение термина Калоян, который приобрел нарицательное значение, обозначавшее понятие «некрасивый», «неотесанный», «грубый».

- ¹ Gh. Vrabie. Folclorul. Obiect-principii metodă-categorii. București, 1970, p. 173.
- ² S. Fl. Marian. Sărbătorile la români, vol. III. București, 1901, p. 299; I. Mușlea, O. Bîrlea. Tipologia folclorului. Din răspunsurile la dictionarele lui, B. P. Hașdău. București, 1970, p. 483.
- ³ S. Fl. Marian. Указ. соч., стр. 298—299.
- ⁴ Архив сектора фольклористики Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, № 175, лл. 6—7, 36. Записи А. С. Хынку, Н. М. Бэешу, 1967 г.
- ⁵ S. Fl. Marian. Указ. соч., стр. 299.
- ⁶ Gh. Vrabie. Указ. соч., стр. 170; S. Fl. Marian. Указ. соч., стр. 300—301.
- ⁷ I. Mușlea, O. Bîrlea. Указ. соч., стр. 482.
- ⁸ Gh. Vrabie. Указ. соч., стр. 173.
- ⁹ Там же, стр. 170.
- ¹⁰ T. Burada. O călătorie în Dobrogea. Iași, 1880, p. 26—27.
- ¹¹ Gh. Vrabie. Указ. соч., стр. 170.
- ¹² G. Dem. Teodorescu. Poesii populare române. București, 1885, p. 209, 211—212.
- ¹³ I. Mușlea, P. Bîrlea. Указ. соч., стр. 484.
- ¹⁴ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 296; М. Арнаудов. Очерки по български фолклор. София, 1969, стр. 557—558.
- ¹⁵ E. Schneeweis. Serbokroatische Volkskunde. Berlin, 1960, S. 163.
- ¹⁶ И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. VII. М., 1849, стр. 42, 91; И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 3. М., 1839, стр. 90—92; В. П. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п., т. 1. СПб, 1898, стр. 308—309; А. А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., ч. 5, 1848, стр. 55—58, 72—76, 80—86, 100—104; Н. Ф. Сумцов. Сказания русского народа. Киев, 1890, стр. 143—144; Р. Е. Кедрина. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством.—«Этнографическое обозрение», 1912, № 1—2, стр. 101—139; Н. П. Гринцова. Похороны кукушки.—«Советская этнография», 1947, № 1, стр. 178—184; О. Зилинский. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома—Коструб).—«Русский фольклор», XI. М.—Л., 1968, стр. 198—211.
- ¹⁷ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха.—«Сборник русского языка и словесности», ч. II, т. XX, № 6. СПб., 1879, стр. 98—99.
- ¹⁸ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963, стр. 97, 98.
- ¹⁹ П. Басанович. Ломский окръг.—«Сборник за наука и уметности», кн. V. София, 1891, стр. 109; Г. Кацаров. Нови антични паметници.—«Изв. на Българското историческо дружество», VI, 1905, стр. 116.
- ²⁰ М. Арнаудов. Студии върху българските обреди и легенди, изд. 2-е, т. I, София, 1971, стр. 233—234.
- ²¹ Ст. Генчев. Обичаят Герман в Добруджа.—«Векове», 1973, № 2, стр. 31—39; ео же. Българската оплаквателна песен-подялба и място в погребалните обреди.—«Проблеми на българския фолклор». София, 1972.
- ²² Fr. Miklosich. Lexicon paleo slovenico-graeco-latinum. Wien, 1862, p. 280; I. A. Candrea. Nua revistă română. București, 1900, t. II, p. 97.
- ²³ Дж. Фрээр. Золотая ветвь, вып. I. М., 1928, стр. 79—81, 96—98, 152—153.
- ²⁴ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 92—95.
- ²⁵ Дж. Фрээр. Золотая ветвь, вып. III, стр. 146—161.
- ²⁶ Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 494—495.
- ²⁷ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 148.
- ²⁸ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 93—95.

Интерференция языков карпатского ареала

С. Б. БЕРНШТЕЙН

Теория языковых союзов, получившая широкое признание в XX в., имела и имеет в настоящее время серьезных противников. До сих пор еще очень сильна тенденция рассматривать отдельные языки или языковые группы изолированно, через призму современного языкового мира. Здесь своеобразно сталкиваются два подхода, которые имеют общую основу. Первый отражает переоценку самостоятельности и гомогенности каждой языковой группы, сформировавшейся еще в глубокой древности. В основе этого подхода лежат представления XIX в., которые в скрытом виде живут в сознании многих современных лингвистов. Второй подход обусловлен метафизическим взглядом на такие категории, как язык, диалект, говор. Современную языковую карту мира механически переносят в прошлое. Отсюда упорное стремление все древние языковые образования непременно связывать с современными языками, переходные зоны генетически определять в свете современных национальных проблем. При таком подходе языковая реальность часто исследователей ставит в тупик. В таких случаях лингвисты обычно отказываются от языковых критериев и ищут выход в других областях.

Следует ясно отдавать себе отчет в том, что современная языковая карта мира формировалась в значительной своей части в результате экстралингвистических условий. Вот почему собственно языковые критерии часто отходят на второй план. Мы знаем много примеров, когда очень близкие говоры являются говорами разных языков, а весьма далекие входят в состав одного языка. В этом отношении большой интерес представляют языки и диалекты карпатского ареала. Здесь издавна происходили и происходят в настоящее время интенсивные взаимодействия родственных и неродственных языков, в результате чего возникла определенная языковая общность. По ряду признаков диалекты различных славянских языков карпатской зоны связаны между собою теснее, нежели карпатские и некарпатские диалекты каждого славянского языка в отдельности.

Методологической основой теории языковых союзов являлась теория субстрата. Некоторые основные положения этой теории (например, стремление последовательно и четко разграничивать в сложных ситуациях языковых контактов явления субстрата, адстрата и суперстрата) вызывали многочисленные и в ряде случаев серьезные возражения. Не меньше возникало сомнений, когда на основании аналогичных структур в современных языках делались смелые и далеко идущие выводы о языковых особенностях утраченного субстрата. Эти выводы были по существу бездо-

казательны. Сторонники классической теории субстрата решали очень прямолинейно все процессы языковых взаимодействий. Они искусственно противопоставляли внутренние закономерности языка влиянию субстрата, не отдавали себе отчета в том, что язык ассимилированного населения (субстрат) мог преобразовать самую внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции развития языка-суперстрата. Не был пассивен и суперстрат.

Велики достижения послевоенного языкознания в изучении закономерностей языковых контактов. Достаточно назвать труды У. Вайнрайха, Дж. Гринберга, Э. Хаугена, А. Мартине, Э. Петровича и других ученых. На многих примерах из разных языков было показано, что процессы взаимодействия языков чрезвычайно сложны и многообразны, что здесь мы имеем дело с различного рода интерференцией языков, которая существенно преобразует внутреннюю структуру и заложенные в ней тенденции самого развития. Теперь можно говорить о теории интерференции языков, которая гораздо глубже может объяснить механизм и последствия языковых контактов. Вместе с тем я бы не противопоставлял так резко старую теорию субстрата и новую теорию интерференции, как это делает, например, Б. Гавранек. Теория интерференции — это современный этап развития теории субстрата.

На материале балканских и славянских языков плодотворно новые принципы теории интерференции применял Э. Петрович. Труды румынского ученого представляют особый интерес прежде всего потому, что он обратил серьезное внимание на фонологические признаки (например, на корреляцию согласных по палатализации). Вместе с тем новые идеи в области балканского языкознания еще не получили заметного развития. Не может быть сомнений в том, что очередной задачей балканского языкознания является всестороннее изучение интерференции языков Балканского полуострова и сопредельных районов (прежде всего языков и диалектов карпатского ареала).

В географической науке уже давно утвердилось понятие «карпатской зоны». Население Карпат имеет много общих специфических элементов в области старой материальной культуры, народного быта, древних обычаев, народной словесности, музыки и хореографии. Многие из этих черт объединяют этот район с Балканским полуостровом. Поразительные аналогии представляют и языки. В настоящее время идет процесс формирования самостоятельной области языкознания, карпатского языкознания, которое самым тесным образом связано, с одной стороны, с балканским языкознанием, с другой — со славянским.

Языки и диалекты карпатского ареала принадлежат к языкам различных семей (индоевропейские и угро-финские), к различным группам славянских языков (восточнославянские и западнославянские). На значительной территории от Днестра на востоке и до Моравы, Нитры, Грона на западе обнаруживаются многочисленные общие специфические черты, которые придают этому району

черты большого своеобразия. Они обнаруживаются главным образом в словаре, в словообразовательных морфемах, в синтаксических конструкциях, в идиоматике и фразеологии. В своих наиболее специфических признаках данный континуум тяготеет к югу, к балканским языкам.

В последнее десятилетие заметно возрос интерес лингвистов к изучению проблем интерференции языков и диалектов карпатского ареала. Прежде языковые контакты на данной территории рассматривались обычно лишь в плане взаимодействий отдельных языков на уровне лексики. Впервые широко вопросы языковых контактов были поставлены историком Д. Крынджаловым в монографии «Rumunské vlivy v Karpatech» (1938). Однако этот труд, содержащий в ряде случаев ценный языковой материал и интересные частные наблюдения, не оказал заметного влияния на развитие карпатского языкознания в целом. Известную роль в формировании карпатского языкознания сыграли труды тех лингвистов, которые обратили внимание на «южнославянизмы» в юго-западных украинских говорах, а также труды историков и лингвистов, занимающихся проблемами так называемой валашской колонизации. Многие положения в этих работах уже устарели, но известное значение они сохраняют до сих пор. Велика роль в формировании карпатского языкознания трудов по лингвистической географии. Здесь уместно вспомнить польский атлас К. Нитча и М. Малецкого, атласы румынских и молдавских диалектологов, украинский атлас И. А. Дзендзелевского, карпатский диалектологический атлас, изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, и др. Прежде всего именно на этой основе теперь создается карпатское языкознание как самостоятельная область науки со своим материалом и со своей проблематикой.

Специфические общие черты языков и диалектов карпатского ареала формировались в течение весьма длительного периода.

Среди специфических общих черт языков и диалектов карпатского ареала необходимо различать карпатизмы и балканизмы. Древнейший пласт карпатизмов идет от тех древних индоевропейских языков, носители которых жили на данной территории до появления здесь славянского, романского и угро-финского населения. Таким образом, речь идет о языке старого коренного индоевропейского населения Дакии, Паннонии и соседних областей, жившего между северными отрогами Карпат и Дунаем. Об этих языках мы знаем очень мало. Нет сомнений, что Карпаты со времени позднего неолита населяли племена, говорившие на диалектах индоевропейского языка. Об этих диалектах дает некоторое представление топонимический материал, на основе которого, однако, решать вопросы этимологии во многих случаях затруднительно. К древнейшим индоевропейским карпатизмам могут быть отнесены те элементы современной речи, которые имеют кельтскую этимологию. Но их сравнительно мало. К этой же группе карпатизмов с известной долей вероятности могут быть отнесены

те карпатизмы индоевропейской структуры, которые не этимологизируются как элементы латинского, греческого языков, не имеют этимологии в романских и славянских языках. По методу остатков их можно считать карпатизмами дакийского и паннонского происхождения. В этом направлении прежде всего должны быть учтены результаты многолетних исследований по румынской этимологии. Они содержат важные данные для выявления списка карпатизмов древнейшего происхождения.

К поздним карпатизмам следует отнести те общие элементы современных языков карпатского ареала, которые имеют славянскую, румынскую и венгерскую этимологию. Однако в эту формулировку необходимо внести существенные ограничения.

В III—IV вв. н. э. территория Карпат была заселена племенами славянского происхождения. Эти племена заселили равнинную часть всей территории и склоны гор, на которых можно было заниматься земледелием, составлявшим основное занятие славян. В VI—VII вв. н. э. произошло резкое сокращение числа славян в связи с переселением значительной их части на Балканский полуостров. После этого начался многовековой процесс ассимиляции оставшегося здесь славянского населения носителями романской речи, позже венграми. Среди историков и лингвистов нет единства во взглядах на время завершения ассимиляционного процесса. Для нас, однако, в данном случае эти споры не имеют существенного значения. Важнее, что многие элементы речи этих славян до сих пор хорошо сохраняются в диалектах Ольтении, Мунтении, Молдавии, Трансильвании, Марамуреша, Кришан и Баната, в диалектах венгерского языка. Это не только слова славянского, но в ряде случаев и слова латинского происхождения, получившие, однако, славянскую семантику.

Карпатизмы славянского происхождения во многих случаях имеют аналогии в южнославянских языках (главным образом, в диалектах болгарского языка и в восточношотокавских диалектах сербохорватского языка). Вот почему многие исследователи юго-западных говоров украинского языка (говоров к западу от Днестра) этот вид карпатизмов называли «южнославянизмами». Объясняется это тем, что древние славянские племенные диалекты Дакии и Паннонии в своей массе относились к тем праславянским диалектам, которые позже легли в основу южнославянских языков. Это подтверждается характером древнейших славянских заимствований в румынском и венгерском языках, а также определенным кругом лексики в карпатских говорах современных славянских языков. В этих говорах указанные карпатизмы могли утвердиться как в результате контактов древнейших славянских племен еще до наступления балканской колонизации, так и позже, через румынский и венгерский языки. Историк языка должен считаться с обеими возможностями.

Выявление «южнославянизмов» среди карпатизмов славянского происхождения представляется одной из центральных за-

дач карпатского языкознания. Именно этой задаче был подчинен «Карпатский диалектический атлас» (КДА), изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1967 г. На очереди публикация второго тома. Данные атласа свидетельствуют, что прикарпатские говоры украинского языка в большинстве случаев тяготеют к болгарскому языку, тогда как закарпатские «южнославянизмы» имеют много аналогий в сербохорватском языке. Это обстоятельство представляется очень важным для решения многих лингвистических и собственно исторических задач.

Карпатизмы славянского происхождения содержат важные сведения для изучения древнейшей истории южнославянских языков добалканского периода. Они в какой-то степени характеризуют языковые различия древних славянских племен Дакии и Паннонии, связи современных южнославянских диалектов с языками и диалектами карпатского ареала. Примечательно, что некоторые изоглоссы болгарского языка идут на север от Дуная до юго-западных говоров украинского языка. Они объединяют балканский и карпатский языковый континуумы, придают в какой-то степени многим карпатским говорам славянских языков южнославянскую окраску.

Некоторые типичные карпатские «южнославянизмы» обнаруживаются далеко от карпатского региона. Они фиксируются в полесских говорах украинского и белорусского языков, в некоторых северо-западных (говорах русского языка, в кашубских говорах.

Среди карпатизмов велик процент слов романского происхождения. Это естественно, так как носители восточнороманской речи принадлежали к многочисленному и весьма подвижному этническому элементу. Они играли активную роль в процессах языковой интерференции в Карпатах. Особенно значителен романский слой в лексике, связанной с пастушеством. Однако и здесь перед исследователем возникает немало трудностей. Дело в том, что многие слова романского происхождения были принесены в карпатскую зону балканскими жителями, преимущественно пастухами — номадами, говорящими на разных романских диалектах Балкан. Эти слова — балканизмы, их следует отличать от карпатизмов романского происхождения.

Не столь велика роль венгерского элемента. Карпатизмы угрофинского происхождения относятся преимущественно к сфере городской жизни, торговли и т. п. Многие из карпатизмов-мадяризов получили широкое распространение за пределами карпатской зоны, в частности в некоторых областях Балканского полуострова. Через венгерский проникло некоторое число слов германского происхождения.

В языках Карпатского ареала обнаруживается много слов тюркского происхождения. И здесь необходимо различать две группы: карпатизмы и балканизмы. К карпатизмам относятся древнейшие заимствования из языков различных древних тюркских народов (протоболгар, куманов и др.). Эта группа карпатиз-

мов утвердилась прежде всего в венгерском языке и уже позже распространилась за его пределами. Практически эти карпатизмы можно отнести к мадьяризмам. Значительно больше местных слов тюркского происхождения восходят к турецкому языку. Именно они составляют значительную часть так называемых балканизмов. Большая их часть была принесена сюда болгарскими переселенцами (ремесленниками, торговцами и крестьянами) в своей массе уже после XVII в., а также балканскими пастухами.

Основную группу среди балканизмов составляют элементы южнославянских языков (преимущественно болгарского). К ней же следует отнести заимствования из албанского, новогреческого и арумунского языков. Многочисленные переселенцы с Балканского полуострова появились на территории Карпат после турецкого завоевания, т. е. после XV в. Период же интенсивного их расселения падает на XVII—XIX вв. В процессах карпатской языковой интерференции балканизмы сыграли чрезвычайно большую роль. Кроме того, они укрепили, сделали богаче и разнообразнее связи языков и диалектов данного района с собственно балканскими языками. Сформировался во многом сходный языковый континуум от северных отрогов Карпат до южных районов Балканского полуострова.

Итак, на примере языков карпатского ареала мы видим, что контакты языков принимают сложные и разнообразные формы. Старые представления сторонников теории субстрата о характере взаимодействия языков схематичны и далеки от реальной действительности. Языковые союзы формируются не в результате наложения языков суперстрата на единый языковый и этнический субстрат, а вследствие разнообразных и сложных процессов интерференции языков, имевших место в течение длительного исторического периода. Так было и на Балканах. Конечно, диалекты фракийского языка сыграли важную роль в формировании балканского языкового союза, но имели место и другие весьма существенные факторы. На основе современных балканизмов реконструировать реальные черты фракийского языка нельзя. Многие балканизмы возникли в результате интерференции языков сравнительно поздно.

В свете теории интерференции первостепенное значение приобретает выявление районов, где шли процессы активного формирования языковых тождеств, откуда уже позже они распространялись на соседние территории. Таких районов могло быть несколько. Высказывалось мнение, что центром всех карпатизмов была Трансильвания. Бесспорно, что Трансильвания являлась важнейшим районом возникновения карпатизмов, откуда они распространялись во всех направлениях. Однако существовали и другие центры. В различные исторические периоды возникали новые центры, старые в ряде случаев утрачивали свое значение. Центрами распространения балканизмов были районы номадного пастушества, а также Валахия и Молдавия, где поселилось много бол-

гарских беженцев. Следует учитывать роль Баната, на территории которого в течение длительного времени имели место разнообразные языковые контакты.

В науке высказывались предположения, что на территории Карпат существует самостоятельный карпатский языковый союз. Эти утверждения лишены оснований. Наиболее характерные общекарпатские грамматические признаки в той или иной степени повторяют грамматические признаки балканского языкового союза.

Карпатское языкознание имеет много аспектов. Я хочу обратить внимание лишь на одну первоочередную задачу, с помощью которой можно будет в дальнейшем решить целый комплекс вопросов. Я имею в виду лингвогеографическое изучение говоров всех языков карпатского ареала по единой программе и создание на этой основе «Общекарпатского диалектологического атласа». Атлас должен обнаружить возможно полнее все наличные карпатизмы и балканизмы и показать территорию их распространения. Кроме того, программа атласа должна предусмотреть случаи маргинальных контактов, в результате которых происходили и происходят локальные заимствования. В связи с этим кроме общей программы атласа необходимо иметь несколько частных программ: украинско-словацкую, венгерско-словацкую, венгерско-украинскую, румынско-венгерскую и т. д.

Изогlossen многих карпатизмов пересекают Дунай и идут по территории уже южнославянских языков. На болгарском диалектном материале это было показано М. Младеновым. Прежде казалось, что наблюдения в этом направлении должны ограничиться только болгарскими и сербохорватскими говорами. Однако К. Гутшмидт нашел интересные и чрезвычайно поучительные параллели в словенском языке. Все эти наблюдения последних лет наглядно показывают, что лингвистическое картографирование языков карпатского ареала должно учитывать в полной мере данные южнославянской диалектологии. На первых этапах обследования не следует давать предпочтения ни одной из диалектных областей.

Диалектологические исследования последнего десятилетия обнаружили на ряде надежных примеров несомненную связь языков и диалектов карпатского континуума с латеральной западной зоной восточнославянских языков до самых северных районов. Находим неожиданно некоторые «карпатизмы» в северо-западных говорах украинского языка, в говорах Западного Полесья, в ряде северо-западных говоров русского языка. В будущем исследователи должны будут объяснить все эти факты. Пока же необходимо дать наиболее полный перечень всех «северных карпатизмов» и показать территорию их распространения. Аналогичную работу необходимо провести и на территории кашубских говоров. Таким образом, работа приобретает общеславянский характер.

Изучение явлений интерференции языков и диалектов карпат-

ского ареала может проводиться различными приемами и методами. Мы осветили лингвогеографический аспект. Конечно, всестороннее изучение карпатизмов и балканизмов в современных говорах языков карпатского ареала возможно лишь при полном учете данных местной письменности (главным образом, славянской). Нет сомнений в том, что в X в. славянская письменность здесь уже существовала (некоторые исследователи склонны датировать ее начало второй половиной IX в.). Постепенно в различных политических и религиозных центрах сформировались различные типы церковнославянского языка, среди которых особый интерес представляет так называемая карпатская редакция. Существенно от местного церковнославянского языка отличался язык славянских деловых текстов (обычно их называют грамотами), язык которых содержит в той или иной степени особенности народной речи.

Итак, решать задачи карпатского языкознания в целом нужно коллективными усилиями лингвистов различных специальностей.

Балканские элементы в карпатской терминологии горного пастушества

Г. П. КЛЕПИКОВА

Кочевое и трансгумантное пастушество широко практиковалось на Балканах еще в конце XIX — начале XX в. и известно до сих пор ряду этнических групп. Поэтому, по мнению Д. Крынджалова, его следовало бы именовать «балканским»¹. Развитие горного пастушества в Карпатах связано с так называемой валашской колонизацией, которая, оставаясь на всем своем протяжении гомогенной в хозяйственно-экономическом отношении, начинается на определенной стадии характеризоваться этнической (и лингвистической) гетерогенностью².

Историки и этнографы изучают типы и конкретные формы горного пастушества на Балканах и в Карпатах и устанавливают отношение их друг к другу. При этом учитываются два аспекта. Во-первых, исторический — и тогда говорят о несомненной зависимости пастушества в Карпатах от балканского пастушества. Известный польский ученый К. Добровольский отмечал, что сравнение пастушеской культуры в Карпатах и на Балканах указывает на идентичность или близкое родство большинства ее элементов, несмотря на то, что связь с исходными областями была утрачена несколько столетий назад³. Во-вторых, отношение карпатского пастушества к балканскому может рассматриваться в ти-

пологическом аспекте, с учетом лишь его современного состояния. Специфика типов и форм, отмеченных в указанных регионах, убеждает исследователей в том, что единого карпато-балканского пастушества уже не существует. Так, упоминаются, по крайней мере, две особенности, которые отличают современное пастушество на Балканах: а) наличие элементов номадизма (у арумын, греков-каракачан, турок-юруков)⁴ и б) несравненно более широкое, чем в Карпатах, распространение трансгуманции (она известна в Югославии, Албании, Болгарии)⁵. Несомненно, что в результате длительной многовековой эволюции карпатское горное пастушество удалилось от балканского и в настоящее время демонстрирует значительное своеобразие конкретных форм.

В рамках указанной выше проблематики могут быть рассмотрены и вопросы специальной пастушеской терминологии. Лингвистическое изучение народной терминологии пастушества предполагает, с одной стороны, выяснение условий ее функционирования в современных диалектах (соотношение внутри- и междиалектной синонимии и омонимии и т. п.) и, с другой стороны, — решение генетических задач (установление путей формирования данного лексического разряда, происхождения отдельных терминов и т. д.).

Признание зависимости в историческом аспекте карпатского пастушества от балканского допускает существование зависимости также в сфере терминологии. Естественно, однако, что это общее положение нуждается в конкретизации. Необходимо, например, установить степень соответствия как терминологических инвентарей, так и семантических объемов лексем, выступающих в качестве терминов. Всестороннее изучение роли «балканского» пласта в карпатской терминологии пастушества требует конфронтации последней с данными славянских и неславянских диалектов не только в рамках балкано-карпатского ареала, но и за его пределами. В результате подобного сопоставления, например, для славянских языков и диалектов зоны Карпат выявляется несколько типов пространственных отношений (изоглосс) в пределах указанной лексической группы (в настоящей работе привлечены данные трех ее разрядов: названия животных, молочных продуктов, построек)⁶.

I. Балкано-карпатские изоглоссы, очерчивающие ареал, из которого исключаются диалекты южнославянских языков: *kornut(a), *balan(balaia) и т. п., *tsar(o)k, *strunga, *ryn(d)za.

Kornut(a) — овца с (большими, маленькими) рогами (карпатоукр., польск., словц., морав., дакорумынские, арум., молд.); kr(r)ut(u) — то же (с.-греч., алб.); kornut(a) — с загнутыми (назад) рогами (карпатоукр., польск., словц.); k(ë)grut — то же (алб.); kornut(a) — с рогами в стороны (карпатоукр., польск.), овца с маленькими ушами (карпатоукр.).

Balan (balaia) — домашнее животное светлой масти (карпатоукр., друм., арум., мегл.); balio — животное темной масти с бе-

лой головой, белым пятном (с.-греч., алб.); также *bal'ūs'a* (-сѣа) — с пятнистой мордой (серб., алб.).

Tsar(o)k — отгороженное место в хлеву для ягненка (карпатоукр., польск., морав., друм.), загон для ягнят (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], слвц., друм., арум., молд., венг., алб.); *tsarok* — отгороженная часть помещения, где хранят молочные продукты (карпатоукр.); *tsar(e)k* — отгороженное жердями место, где стоит сено (польск., друм.).

Strunga — проход в загоне, через который овцы идут на дойку (карпатоукр., польск., слвц., морав., друм., молд., венг.); загон, где доят овец (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], польск., слвц., друм., арум., мегл., истрорум., молд., с.-греч.); *(i)esztrunga* — то же (венг.); *shtrungë* — то же (алб.); *strunga* — помещение для овец на пастбище (польск.), загон для коров (карпатоукр.), организационная форма пастушества (венг.).

Ryn(d)za — желудок (или часть его) жвачного животного, используемый для заквашивания молока при изготовлении брынзы (карпатоукр., друм.); *г(у)енска* — то же (польск., слвц.); *гун-д(у)за* — закваска, получаемая из желудка животного (используется для заквашивания молока) (карпатоукр., истрорум.); *ařinžä* — то же (арум.).

II. Балкано-карпатские изоглоссы, очерчивающие всю область в целом, представляют лексемы: ⁺*dzer*, ⁺*kolastra*, ⁺*urda*, ⁺*koliba*, ⁺*pojata*, ⁺*okol*, ⁺*komarnik*, ⁺*čul(a)*, ⁺*belitsa*, лексемы с корнями *p(v)řč(k)-*, *var-*, *nelep-*, *syr-*, также *bačija* и т. д.

(D)zer — виды сыворотки (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], друм., арум., истрорум., молд., з.-болг.); *(d)zira* — то же (болг. диал.); *dzer* — жидкость, отделяющаяся от кислого молока (карпатоукр.), скисшее, заварившееся молоко (карпатоукр.); *(d)zer(a)* — пахтање (друм., з.-болг.); *dzira* — то же (макед.).

Kolastra — первое молоко после отела, окота (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], польск., слвц., морав., друм., арум., мегл., истрорум., молд., болг., макед.); *ko[ul]nastra* — то же (серб.); *(k)gula[j]sztra* — то же (венг.); *klastra* — то же (с.-греч.); *klllo-shtër* — то же (алб.).

Urda — творог худшего качества (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], слвц., друм., арум., мегл., болг., макед., серб., венг., с.-греч.), подогретая сыворотка или густая ее часть (карпатоукр., польск., слвц., морав.), скисшее, заварившееся молоко (карпатоукр.).

Koliba — жилище пастуха на горном пастбище (где также перерабатывают молоко) (карпатоукр., ю.-укр., польск., слвц., морав., друм., арум., мегл., молд., з.-болг., макед., в.-серб., венг.); *kaliv(i)(a)* — то же (с.-греч., алб.); *koliba* — помещение для овец (польск., морав., друм., болг., в.-серб.), поселение вне села (хутор) (з.-болг.).

Pojata — помещение для скота (друм., арум., мегл., молд., венг., з.-болг., макед., с.-хорв., словен.), пастушеская стоянка (в.-серб.).

Okol — загон (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], з.-чеш., друм., молд., венг., серб., словен.), помещение для скота (ю.-польск., з.-слвц., венг., друм.), огороженное пастбище (словен.).

Komarnik — помещение на горном пастбище, где пастухи хранят молочные продукты (карпатоукр., польск., слвц., морав., друм., венг., болг., в.-серб.), помещение (навес), где ночуют пастухи, где перерабатывают молоко (карпатоукр., друм., венг.), передвижной домик, где спит пастух (з.-болг., в.-серб.), навес, где доят овец (друм., венг., болг.), постройка для овец (карпатоукр., друм.), шалаш (блр. [полесск.]).

Cul(a) — животное с маленькими ушами (или безухое) (карпатоукр., ю.-укр. [бессараб.], слвц., морав., з.-болг., с.-хорв., макед., словен., друм., арум., венг., алб., с.-греч.), с маленькими рогами (безрогое) (карпатоукр., венг., хорв.).

Belitsa — белая овца (карпатоукр., польск., слвц., морав., з.-болг., макед., серб., словен., мегл., с.-греч.); bölicze — то же (венг.).

P(v)řč(k) — козел (баран)-производитель (карпатоукр., польск., морав., болг., макед., с.-хорв., друм., арум., мегл., истрорум., алб., с.-греч.); p(v)řč! — междометие (карпатоукр., слвц., морав., макед., серб.).

Nevarka, zvarka — сыворотка (карпатоукр., слвц.); zvar(k)a — то же (карпатоукр., словен.); zvarnica — то же (польск., слвц., словен., друм.); podvara — то же (серб.); zvara — свернувшееся, заварившееся молоко (карпатоукр.); provara — то же (з.-болг.); zvar(k)a — творог (польск., болг., макед.); otvara, podvara — то же (болг.), provara — то же (з.-болг., серб.); provar(ok)(ka) — молоко, предназначенное для изготовления творога (карпатоукр.).

Nelerka — животное, родившее на втором году жизни (карпатоукр., ю.-укр. бессараб., друм., венг., болг. диал.).

Syrište — желудок молодого животного (используется для закваски молока) (чеш. диал., морав.); sirište (болг., макед., с.-хорв., словен., мегл.); syridlo — закваска для молока (чеш., слвц.) sirilo — то же (словен.).

Bačija — пастушеская стоянка (друм., з.-болг., в.-серб.), организационная форма пастушества, помещение для овец на пастбище (з.-болг., в.-серб.), скот на пастбище (в.-серб.), помещение, где держат молочные продукты (друм., в.-серб.); bačilo — пастушеская стоянка (з.-макед., мегл.), помещение, где перерабатывают молоко (макед.); bačovisko(eń)(ka) — пастушеская стоянка (з.-слвц., морав.); basoveń — помещение на горном пастбище (слвц.); bačovka — то же (польск.).

III. Ряд изоглосс очерчивает ареал, включающий, помимо Балкан и собственно карпатской зоны, также некоторые районы севернославянской территории, не примыкающие к Карпатам: ⁺(g)kl'ag, ⁺tsap, ⁺šut, ⁺košar(a), ⁺bug(ka), ⁺obor(a).

(G)kl'ag — вещество, которым заквашивают молоко при изготов-

лении брынзы (карпатоукр., ю.-укр.); gl'ak(anka) (ю.-рус.); kl'ag(a) (польск., словц., морав.); k(l)'ag (друм., арум., мегл., истрорум., молд.); k(l)'ag — часть желудка, где находится вещество для заквашивания молока (карпатоукр., польск., друм.).

Tsar — козел (карпатоукр., центральноукр., ю.-рус., польск., словц., морав., болг. диал., макед., словен., друм., арум., мегл., истрорум., молд., венг., алб.).

Šut(k)(a) — безрогое животное (или с маленькими рогами) (карпатоукр., ю.-укр., блр., польск., словц., морав., болг., макед., серб., друм., мегл., с.-греч., алб.), ~ без ушей (карпатоукр.), ~ без хвоста (укр. диал., подольск., друм.), овца (блр.); šut — междометие (карпатоукр., с.-укр. полесск., блр.).

Košara — помещение для скота, хлев (карпатоукр., укр. диал. [юг и центр], ю.-рус., польск., болг., макед., с.-хорв.); košar(e) — то же (друм., арум., молд.); košara — загон (карпатоукр., ю.-укр., блр., болг., с.-греч.); koš(i)ar — то же (карпатоукр. лемк., польск., словц., морав., друм., арум., венг.); košara — стадо (карпатоукр., ю.-рус.); koš(i)ar — организационная форма пастушества (польск., словц.); košiar — время пребывания загона на одном месте (словц.).

Bu(i)rka — овца с тонкой шерстью (карпатоукр., польск., словц., морав., с.-хорв., друм.); birkajuh — то же (венг.); bu(i)rka — белая овца (польск., морав), овца (карпатоукр., рус. диал., польск., словц., словен., венг.); beruška — то же (з.-чеш.); birka — тонкая шерсть (карпатоукр.); birečka — то же (морав.); byrka — овечья шкура (рус. диал.).

Bug(y), brr — междометие (карпатоукр., рус. диал., польск., серб., друм., венг.).

Oboга — загон (карпатоукр., польск.); oboг — то же (словц., з.-болг., в.-серб., словен., друм., молд.); oboга — помещение для скота (карпатоукр., ю.-укр., блр., польск.); oboг — то же (болг., макед., друм., мегл.); oboга — часть двора, где стоит скот (блр., русск., польск.); (h)oboг — то же (алб.); oboга — огороженное жердями пастбище (польск.).

Таким образом, лингвогеографическое изучение лексем, употребляющихся для выражения терминов пастушества, позволяет установить некоторое число общих для балканской и карпатской зон единиц. Очевидно, однако, что фиксация подобных лексем на Балканах и в Карпатах не дает оснований считать балканизмами все общие элементы в славянских говорах карпатского ареала. Выявленные балкано-карпатские схождения должны быть изучены и в плане их генезиса. При этом на вопрос, что именно в карпатской терминологии является балканским, этимология не всегда может дать исчерпывающий ответ. Только явно неславянские элементы: (балкано)романские, греческие и т. п. или неясные по происхождению определенно трактуются в славянских диалектах карпатской зоны как балканизмы.

Так, романского происхождения в славянских диалектах карпатской зоны являются следующие лексемы: (g)kl'ag(a) < друм.

chiag < лат. coag(u)lum (> quaglum > clagum) (*Puşc.*; *Cioranescu*; *Pap.*, 298); карпатск. (слав.) kornut(a) < друм. cornut(ă) < лат. corn (*Machek*; *Stawski*; *Puşc.*; *Cioranescu*); kl(r)astra < друм. colastră < лат. *colastra < *colostra (colostrum) (*Candrea — Dens.*), последнее считается неясным (DLR), имеющим «средиземноморскую структуру» (*Batt. — Al.*, II, 1021).

Как заимствование из греческого, через румынское посредство, рассматривается карпатск. (слав.) koly(e)ba, koliba < друм. colibă (*Machek*; *Stawski*) < ю.-слав. koliba (DLR; *Kniezsa*, 244) < греч. κάλυβα (< др.-греч. κάλύβη — *Sandfeld*, 18; *Vasmer*).

Не имеют достоверной этимологии лексемы; карпатоукр. dzer < друм. zer (där), возможно, из и.-е. *ser- (ср. лат. serum — *Pap.*, 432) или дако-фрак. *gher- (*Phil.* I, 444) или из *dher- (*Russu. Dintrec.*, 29—30); карпатоукр. balan(balaia) < друм. balan (*Vrab.*, 130), < bäl- < слав. *bělъ (DLR; *Cioranescu*), или из bäl, сопоставляемого с фрак. balion и под. (*Russu. LTD*, 92); карпатск. (слав.) tsar(ok) < друм. țarc из дак. *s'erk, которое сопоставляется (*Reich.*, 165) с и.-е. *serk- (ср. греч. ἔρκος, лат. sarcio — *Pokorny*, 912), или из лат. circus (*Tiktin*) и т. д.; карпатск. (слав.) strunga < друм. strungă, возможно, из дак. *strunga (*Durid.*, 95; *Reich.*, 147), сходным образом трактуется и ю.-слав. стърга, струга, строга и др. (< слав. *stroga — *P. Бернар. Actes*, 733); карпатск. (слав.) гуп(d)za и под. < друм. rînză (*Machek*) < слав. *reša — сережки ольхи (< rînsa > ... rînsa ...) (*Г. Вейганд. Jahrb.*, XVI, 227) или автохтонное (*Russu. LTD*, 203—204), или из албанского (ср. grëndës 'Lab' — *Pap.*) и т. д.; карпатск. (слав.) urda < друм. urdă — или автохтонное (*Durid.*, 93), или из албанского (*Barić*, 39); карпатск. (слав.) čul(a) < друм. ciul — или из слав. *ču- + -лъ (*Младенов*), или из древнеродственного (через дакийский) греч. κυλλός — согнутый, искалеченный (*Reich.*, 110); карпатск. (слав.) tsar < друм. țar (*Machek*; *Stawski*) — возможно, из албанского (*Meyer*) или иранского (*Machek*), или автохтонное (*Russu. LTD*, 204), рассматривают и как наследие доиндоевропейского субстрата в Восточном Средиземноморье, Альпах и т. д. (*Hub.*, 97); карпатск. (слав.) šut(k)(a), возможно, из друм. șut (ciut), последнее или автохтонное (*Reich.*, 109), или из албанского (*Meyer*), или доиндоевропейское (*Skok*, 352), наконец, не исключают и исконно славянское происхождение (при этом šut — безрогий и šut — шут и трактуются как родственные, например — *Jakobson*, 279).

Если же речь идет об элементах с несомненно славянской этимологией, то для славянских диалектов карпатского ареала существует две возможности: а) элементы являются «балканизмами» (resp. южнославянизмами, прошедшими румынское или венгерское посредство), б) элементы являются исконными для славянских карпатских говоров.

В связи с изучением карпато-балканских схождения, необходимо обращать внимание на проблему их стратификации, отграничивая «балканизмы» от более древних для карпатской зоны эле-

ментов, называемых «карпатизмами»⁷. Последние также могут иметь соответствия в языках Балканского полуострова, однако они не должны привлекаться для решения вопроса о роли «балканского» пласта в формировании карпатской пастушеской терминологии — именно потому, что направление их иррадиации оказывается обратным, чем в случае с «балканизмами». Например, не могут рассматриваться в этом плане балкано-карпатские соответствия, представляющие фрагменты лингвогеографически более широких отношений и наблюдаемые в лексемах, существование которых в праславянском не вызывает сомнений.

Итак, учет лингвогеографического и историко-этимологического критериев дает возможность отнести к «балканизмам» следующие лексемы, употребляющиеся в языках и диалектах карпатского ареала в качестве терминов пастушества: *cornut(a), *balan(balaia), *čul(a), *šut, *tsap, *kol(r)astra, *dzer, *urda, *ryn(d)za, *komarnik, *tsar(o)k, *koliba, *strunga, *košar. Этот список в основном совпадает с соответствующим списком Д. Крынджалова, различия касаются нескольких лексем. Так, несомненно, *brundza* относится к числу «балканизмов», но этого нельзя сказать о *vakeša* (в качестве пастушеского термина лексема фиксируется только в зоне Карпат); не являются исключительно карпатскими, как показано выше, *kurnota*, *gl'aga*, *gundza*.

Аналогичным образом могут быть определены балканские элементы и для остальных разделов карпатской пастушеской терминологии (т. е. для названий пастушеских профессий, посуды, стад и т. д.). В дальнейшем применение упомянутых выше принципов анализа, как нам кажется, поможет установить весь корпус «балканизмов» в славянских языках и диалектах зоны Карпат, хотя эта задача и является чрезвычайно сложной в силу, например, неясности происхождения и истории многих лексем.

Сокращения

Barić — *H. Barić*. *Lingvističke studije*. Sarajevo, 1954; *Batt.* — *Al. — C. Battisti, G. Alessio*. *Dizionario etimologico italiano*, III. Firenze, 1952; *Candrea—Dens.* — *I. Candrea, O. Densusianu*. *Dicționarul etimologic al limbii române*. București, 1914; *Cioranescu* — *A. Cioranescu*. *Diccionario etimológico rumano*. La Laguna, 1959—1963; *DLR* — *Dicționarul limbii române*, I, II. București, 1913, 1934; *Durid.* — *I. Duridanov*. *Thrakisch-dakische Studien*. Sofia, 1969; *Hub.* — *B.*: «Die Kultur Südosteuropas. Ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen». Wiesbaden, 1964; *Jahrb.* — «Jahresbericht des Instituts für rumänischen Sprache». Leipzig; *Jakobson* — *B.*: «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», t. I, 1959; *Kniezsa* — *I. Kniezsa*. *A magyar nyelv szláv jövevényszavai*. I. Budapest, 1955; *Pap.* — *T. Papahagi*. *Dicționarul dialectului aromân general și etimologic*. București, 1963; *Ondrus* — *P. Ondrus*. *Stredoslovenské nářečia v MLR*. Bratislava, 1956; *Phil.* — *A. Philipp*

de. Originea Românilor, I. Jași, 1926; *Pușc.* — *S. Pușcariu*. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Heidelberg, 1905; *Reich.* — *G. Reichenkron*. Das Dakische. Heidelberg, 1966; *Russu*. Din trec. — B: «Annuarul Muzeului etnografic al Transilvaniei pe anii 1957—1958». Cluj, 1958; *Russu*. LTD — *I. Russu*. Limba traco-dacilor. București, 1967; *Sandfeld* — *K. Sandfeld*. Linguistique balkanique. Paris, 1930; *Skok* — B: «Slavistična revija», III. Ljubljana, 1950; *Stanislav* — *J. Stanislav*. Liptovské nárečia. Turč. sv. Martin, 1932; *Vrab.* — B: «Romanoslavica», XIV. București, 1967.

- ¹ *D. Krandžalov*. Valaši na Moravě. Materiály, problémy, metody, Praha, 1963, str. 221.
- ² *A. Vašek*. Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques. — «Romanoslavica», t. XIV. București, 1967, p. 14.
- ³ *K. Dobrowolski*. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten von 14. bis zum 20. Jahrhundert. — «Vieh- und Hirtenleben in Ostmitteleuropa». Budapest, 1961, S. 122.
- ⁴ *C. Hög*. Les Saracatsans. Une tribu nomade grecque, I. Paris, 1925, p. 3 и сл.; *T. Capidan*. Aromânii. Dialectul aromân. București, 1932, p. 14; *S. Berezowski*. Problemy geograficzne pasterstwa wędrownego. — «Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala», I. Wrocław, 1959, str. 103—104.
- ⁵ *S. Berezowski*. Problemy..., str. 105 и сл.; *Ch. Vakarelski*. Etnografia Bulgarii. Wrocław, 1965, str. 29; *V. Marinov*. Die Almenwirtschaftliche Schafhaltung im Zentralen Balkangebirge. — «Viehwirtschaft...», S. 357 и сл.; *R. Vuia*. Tipuri de păstorit la Români. București, 1964, cap. IV, p. 141—189.
- ⁶ Подробно они рассмотрены в монографии: *Г. П. Клепикова*. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
- ⁷ *С. Б. Бернштейн*. Проблемы карпатского языкознания. — «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 10.

Связь традиционных форм пахотных орудий Молдавии и стран балкано-карпатского ареала

Н. А. ДЕМЧЕНКО

Земледелие — одно из древнейших и важнейших занятий населения балкано-карпатского ареала и прилегающего к нему с востока Пруто-Днестровского междуречья. Важнейшее место в характеристике этой отрасли хозяйства принадлежит орудиям труда¹.

Развитие, степень применения и усовершенствование земледельческих орудий обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами и ландшафтно-климатическими особенностями. Однако неодинаковые этнические традиции населения также могли быть причиной создания локальных различий в орудиях труда. В результате многовековой земледельческой деятельности каждый

народ создавал пахотные орудия со своими конструктивными особенностями, традиция которых передавалась из поколения в поколение. В процессе тесного хозяйственно-культурного общения специфические локальные элементы сельскохозяйственной техники могли стать достоянием и нескольких этнических групп.

У народов, населявших территорию Молдавии, издавна существовало два вида традиционных пахотных орудий — рало и плуг. Наиболее древним и примитивным пахотным орудием было однозубое рало (*ралэ*). Различались два его типа: без полоза и с полозом.

Однозубое бесполозное рало имело наклонную к поверхности почвы рабочую часть, было весьма подвижным, но неустойчивым. Согласно нашим полевым материалам, оно было распространено до сравнительно недавнего времени во многих селах центральной и северной Молдавии. Это объясняется ландшафтно-географическими условиями указанных районов: большую часть их площади занимают лесные почвы. Бесполозное рало удобно для маневрирования во время работы на сравнительно неплотных, засоренных корнями лесных почвах².

Бесполозное рало было известно и земледельцам средневековой Молдавии. На фресках монастыря Сучевица, выполненных в конце XVI в., изображена сцена пахоты при помощи орудия с характерными частями бесподошвенного рала. Сопоставив этот рисунок с археологическими находками более раннего времени, современный румынский ученый В. Нямцу пришел к выводу, что в Молдавском княжестве в XVI в. широко применялось крюкообразное рало для обработки старопашотных мягких земель³.

Этот тип рала был распространен и далеко за пределами Молдавии. В юго-восточной части средиземноморской зоны бесподошвенные рала, известные нам по наскальным и скульптурным изображениям, применялись уже в раннем бронзовом веке⁴. В эпоху поздней бронзы и раннего железа этот древнейший тип рала продвигается к северу, в глубь лесной части умеренной зоны Европы⁵.

На Балканах и в Карпатах бесподошвенные рала получили широкое распространение. Они здесь известны по многочисленным археологическим и этнографическим данным⁶. Сравнивая бесподошвенные рала Молдавии с многочисленными вариантами того же рода рал в странах балкано-карпатского ареала, мы обнаруживаем близкое сходство первых лишь с одним из вариантов, распространенным в Чехословакии и известным там под названием валашского⁷. Их однотипность можно объяснить воздействием сходных природных условий и длительными хозяйственно-культурными контактами нескольких этнических групп, в том числе славянских и волошских племен. Конструктивные особенности этих рал можно считать поэтому этническим признаком.

Рала с полозом, как показал В. Нямцу, также широко применялись в средневековом Молдавском княжестве. К сожалению,

из-за недостатка археологического материала ученому не удалось определить тип конструкции подошвенных рал той эпохи.

Подошвенные рала — древние пахотные орудия. В Юго-Восточной Европе прямогрядильный их вариант изображен на симферопольской стеле бронзового века⁸. Его распространение в этой культурно-исторической области подтверждается и многими этнографическими материалами.

Сравнивая многочисленные варианты этого рала, известные в Юго-Восточной Европе, мы отмечаем функциональную и типологическую близость молдавского варианта с хорватским и болгарским⁹ и однотипность его с украинским¹⁰. Молдавско-украинский вариант прямогрядильного подошвенного рала сложился не только под воздействием одинаковых географических и экономических условий, но и вследствие непрерывных и разнообразных контактов молдаван и украинцев.

Кривогрядильный вариант подошвенного рала был распространен шире. В Восточной и Центральной Европе он известен по целому ряду находок и изображений¹¹. Многочисленные археологические и этнографические материалы показывают, что этот вариант рала значительно преобладал в восточной части Средиземноморья.

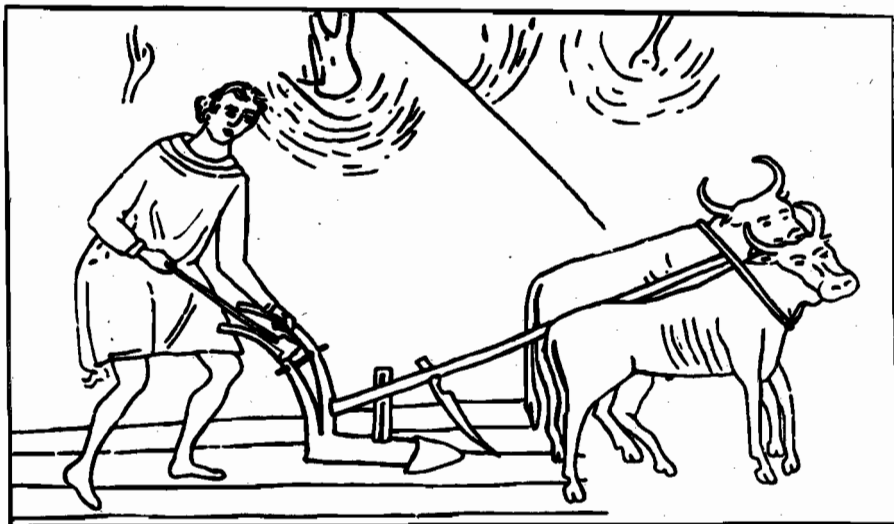
При сравнении кривогрядильного рала, распространенного на юге Пруто-Днестровского междуречья, с его разновидностями на Балканском полуострове бросается в глаза его сходство с орудием, распространенным в Восточной Болгарии и на юге Румынии¹². Эта разновидность кривогрядильного рала была создана, по нашему мнению, на Балканах в глубокой древности и отсюда в разные времена и, в частности, с волной задунайских переселенцев во второй половине XVIII — первой трети XIX в. попала в южную часть Пруто-Днестровского междуречья.

Наибольшее распространение в Молдавии в XIX — начале XX в. получил второй вид традиционных пахотных орудий — *плуг*. По характеру работы и с формально-типологической точки зрения здешние плуги можно разделить на два типа: с передвижным и с неподвижным отвалом. Первый тип, известный под названием *плуг де коастэ* (оборотный плуг), использовался для пахоты на крутых склонах, второй — на равнинной местности.

Употребление этих двух типов плугов зависело от рельефа местности, поэтому второй тип был более распространенным. Плуг же первого типа существовал параллельно со вторым лишь в тех хозяйствах, которые имели пахотные угодья на крутых склонах.

Тип традиционного плуга с неподвижным отвалом существовал в двух вариантах: прямогрядильном и кривогрядильном.

Прямогрядильные плуги известны по иконописным материалам молдавского средневековья, изображены в сценах пахоты на фресках Воронежского монастыря (XVI в.). Они без передка, сделаны из дерева, за исключением рабочих частей, лемеха и чересла,

Прямоградильный плуг. Воронежский монастырь, фреска XVI в.

представляют собой переходную форму от симметричного к классическому, предназначены для тяги одной воловьей упряжкой.

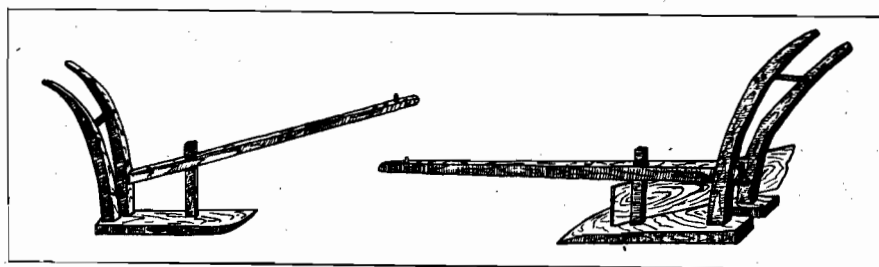
Распространение плуга аналогичного типа на территории Пруто-Днестровского междуречья в более поздний период подтверждается этнографическими музейными материалами. Очевидно именно о таких плугах сообщал в 1847 г. и «Журнал Министерства государственных имуществ», характеризуя хозяйство Хотинского уезда Бессарабской губернии¹⁴. А. А. Скальковский (середина XIX в.) наблюдал их в северной и центральной частях губернии, особенно в уездах Кишиневском, Сорокском и Оргеевском¹⁵.

На фресках церкви св. Ильи в Сучаве (XVI в.) изображен плуг этого же варианта, но он больше по размеру, сложнее по конструкции и снабжен двухколесным передком¹⁶. В отличие от предыдущего, этот плуг имел более массивный и более широкий полоз, передний конец которого значительно шире, толще и посередине раздвоен. Лемех — асимметричной формы. Аналогичные лемехи в большом количестве обнаружены молдавскими и румынскими археологами.

Бытование этого плуга в междуречье Прута и Днестра в XIX — начале XX в. подтверждается литературными, музейными и полевыми материалами. Немецкий исследователь Р. Браунгардт, изучавший земледельческие орудия XVIII—XIX вв. многих европейских народов, приводит рисунок молдавского плуга¹⁷, деревянная конструкция которого не отличается от зафиксированной на сучавских фресках. Фрагмент такого плуга с раздвоенной задней частью полоза выставлен в Кишиневском краеведческом музее.

Отдельные детали аналогичного плуга (часть ручек, задний конец полоза) обнаружены нами в с. Ганск Котовского района. Учитывая все эти материалы, можно утверждать, что пахотное орудие такого рода широко применялось в течение веков на большей части территории Молдавии. У бедных крестьян оно почти в неизменной форме сохранилось до конца XIX — начала XX в.

Среди прямогрядильных плугов различались легкие — менее устойчивые, но более подвижные — и тяжелые, которые были значительно устойчивее, но менее подвижны. Первыми обрабатывались в основном сравнительно мягкие старопахотные и лесные земли,

Прямогрядильные плуги

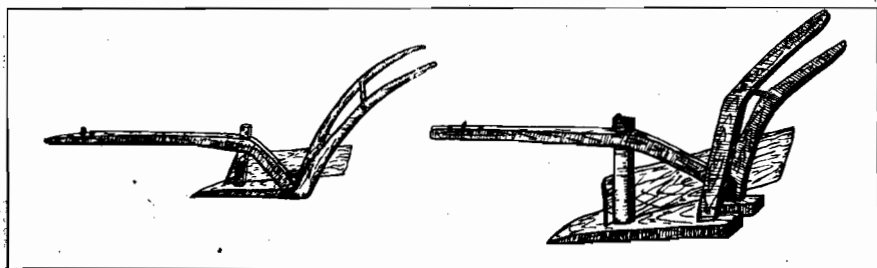
а вторыми — более дернистые и плотные черноземные почвы, а также целина и залежь. Вероятно об этих плугах и идет речь в опубликованном в 1843 г. отчете о поездке в Бессарабскую область агронома П. Ломана, который отметил широкое распространение там тяжелого «бессарабского» плуга ¹⁸.

Второй вариант — плуг кривогрядильный. Согласно нашим полевым материалам, он применялся в юго-западной части Молдавии.

Традиционный плуг с неподвижным отвалом известен на огромной территории Евразии, однако аналогии молдавским прямогрядильным вариантам можно найти лишь в более ограниченном ареале Юго-Восточной Европы. Аналогии более примитивному легкому его варианту весьма малочисленны. Румынские исследователи проводят близкую параллель лишь между изображением плуга на фресках Воронежского монастыря и Куртя-де-Аржеш (середина XVIII в.). Мы можем принять ее только условно, поскольку отсутствует не только археологический, но и предметный этнографический материал. Не располагаем мы пока и этнографическими данными по другим странам Балкан. В сопредельных районах близкую аналогию находим среди вариантов чешских прямогрядильных плугов с двумя ручками, вставленными в узкий полз ¹⁹.

Чешский вариант отличается от средневекового молдавского более коротким грядилем и приспособлен, очевидно, не для воловьей, а для лошадиной тяги.

Значительно больше сравнительного материала имеется для массивного варианта. Ареал распространения этого плуга включал северные части Балканского полуострова и сопредельные районы Центральной и Восточной Европы. Границы его бытования очень близки к границам рассмотренного выше подошвенного рала. Можно полагать поэтому, что происхождение массивного криво-грядильного плуга связано с эволюцией именно варианта рала, которое постепенно из симметричного превратилось в асимметричное пахотное орудие плужного типа, более приспособленное к работе в лесостепных районах на сравнительно легких лесных

Криво-грядильные плуги

почвах. Однако этот вариант плуга сформировался и в течение многих веков сохранился здесь как локальный специфический вариант не только благодаря местным природно-географическим факторам, но и под воздействием сложившихся здесь еще в раннем средневековье особых типов земледельческого и пастушеского хозяйства славянского и волошского населения²⁰. Контакты со славянами способствовали развитию у волохов земледелия и совершенствованию земледельческой техники. Учитывая своеобразие культурно-хозяйственной деятельности местного населения и сложные славяно-волошские этнические связи, можно предположить, что на этой территории прямогрядильный плуг является локальным вариантом традиционных пахотных орудий древнеславянского населения.

Криво-грядильные варианты плуга были широко распространены на огромной территории Средиземноморья, Кавказа и Передней Азии. Вероятно, они сложились на основе развития криво-грядильного варианта рала, область распространения которого почти та же. На Балканском полуострове криво-грядильные варианты плуга встречались далеко не равномерно. На севере они редки, а в центре и на юге возникло множество их разновидностей, что объясняется, по-видимому, разным видоизменением криво-грядильного варианта рала в зависимости от плотности степных почв и рельефа местности. При всем этом разнообразии аналогии молдавским вариантам криво-грядильных плугов можно найти в Югославии, Болгарии и Румынии²¹. В этом ареале они сложи-

лись у древних земледельческих племен, откуда проникли в более северные районы. В области Северо-Западного Причерноморья, куда входит и Пруто-Днестровское междуречье, следы бытования в древности этих вариантов плуга в археологических памятниках пока не обнаружены. Кривоградильные плуги могли проникнуть сюда как в античную эпоху, вследствие тесных культурно-экономических контактов местного населения с балканским, так и позднее, вплоть до времени переселения сюда болгар, гагаузов и др.

Сведения о традиционном плуге с передвижным отвалом весьма скудны. Этот вид пахотного орудия известен в Молдавии пока лишь по литературным данным. По сведениям многочисленных информаторов нами сделана реконструкция общего вида плуга этого типа, аналогии которому имеются в украинских районах Карпат. Полагаем, что наибольшее распространение этот плуг получил в горных и предгорных районах Молдавии в период средневековья. В с. Фундул-Молдовой Сучавского района он еще был зафиксирован румынским этнографом по полевым материалам конца XIX — первой половины XX в.²² Из этих районов он распространился и в другие области региона, в частности в Пруто-Днестровское междуречье, где рельеф местности был подходящим для его применения. Лемех этого плуга имел симметричную форму, а плоский деревянный отвал прикреплялся к корпусу плуга довольно свободно. В процессе вспашки склонов земляной пласт всегда отваливался в сторону ската. Для этого при повороте плуга в обратном направлении отвальную доску легко переставляли.

Типологию этого плуга определял градиль, который вставлялся в ручку под прямым углом. Ручка, в свою очередь, крепилась в полоз.

На Балканском полуострове были известны два варианта традиционного оборотного плуга. Кроме вышеуказанного, бытовавшего на территории румынских Карпат, здесь был известен и кривоградильный вариант оборотного плуга, распространенный в горной местности Югославии²³. Можно предполагать, что эти два варианта оборотного плуга сложились на базе развития соответствующих вариантов подошвенных рал. Учитывая районы распространения этих двух вариантов, представляется вероятным, что в северодунайских Карпатах с менее плотными почвами прямоградильный оборотный плуг генетически связан с соответствующим вариантом подошвенного рала, а в южнодунайских горных местностях, где почва отличалась большей плотностью, он непосредственно связан с кривоградильным подошвенным ралом, как наиболее приспособленным к плотным, порой тяжелым южным почвам.

Вопрос о происхождении и этапах развития этого плуга еще не вполне ясен из-за недостатка материала. Но нам представляется вполне вероятным следующее. Во-первых, это оригинальный образец приспособления пахотных орудий к требованиям рельефа местности. Во-вторых, сравнение карпатского оборотного плуга

с горными плугами других ареалов показывает, что ареал распространения составляет особую культурно-историческую область.

- ¹ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23. М., 1960, стр. 191.
- ² *Н. А. Демченко*. Молдавские рала.—«Этнография и искусство Молдавии», Кишинев. 1972, стр. 160.
- ³ *V. Neamtu*. Contribuții la problema uneltelor de arat din Moldova în perioada feudală.—«Arheologia Moldovei», vol. IV. București, 1966, p. 298—299; он же. Contribution à l'étude du problème des instruments aratoires utilisés au Moyen Age en Moldavie.—«Revue Roumaine d'Histoire», 1967, N 4, p. 538.
- ⁴ *Г. Кларк*. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 109; *М. Е. Сергеевко*. Итальянский плуг.—«Византийский временник», т. IX, 1956, табл. 2; «Античная цивилизация». М., 1973, стр. 163.
- ⁵ *Г. Кларк*, Указ. соч., стр. 110.
- ⁶ *St. Stantchev*. Un monument de l'agriculture slave à Plisca.—«Slavia Antiqua», t. IV, 1953, p. 342—343; *G. Moraru-Popa*. Contribuții la tipologia plugului Românesc.—«Revista de etnografia și folclor», 1970, N 2, p. 146, 148.
- ⁷ «Народы Зарубежной Европы» (серия «Народы мира»), т. I. М., 1964, стр. 192; *Л. Нидерле*. Славянские древности. М., 1956, стр. 310; *F. Sach*. Übersicht über die Entwicklung der Bodenbearbeitung in Böhmen und Mähren.—«Getreidebau in Ost- und Mitteleuropa». Budapest, 1972, S. 381.
- ⁸ *Б. А. Шрамко*. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.—«Советская археология», 1964, № 4, стр. 97—98.
- ⁹ *В. Bratanič*. Ograđe sprave u Hrvata. Zagreb, 1939, str. 40—42; *C. Vakarcelski*. Traditionelle landwirtschaftliche Geräte der Bulgaren.—«Getreidebau in Ost- und Mitteleuropa», S. 343.
- ¹⁰ *В. Ф. Горленко*, *И. Д. Войко*, *О. С. Куницкий*. Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, стр. 35, табл. 2—4.
- ¹¹ *Б. А. Шрамко*. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.—«Советская археология», 1961, № 1, стр. 76, 81 и др.; он же. Древний деревянный плуг, стр. 85 и др.; *М. Е. Сергеевко*. Указ. соч., табл. 1.
- ¹² *В. Маринов*. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Северо-Източна България. София, 1956, стр. 77; он же. Към въпроса за ралните форми в България.—«Известия на Етнографския институт и Музей», т. XII, 1969, стр. 35.
- ¹³ *Воронец*. Фрески XV—XVI вв. Бухарест, 1959, стр. 97; *N. Edroiu, P. Gyulai*. Evoluția plugului în țările Române în epoca feudală.—«Acta Musei Napocensis», N 2, 1965, p. 335.
- ¹⁴ «Журнал Министерства государственных имуществ» ч. XXIV. СПб., 1847, стр. 49.
- ¹⁵ *А. А. Скальковский*. Взгляд на хлебопашество и хлебную торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии.—«Журнал Министерства внутренних дел», ч. 23. СПб., 1848, стр. 54.
- ¹⁶ *V. Neamtu*. Contribuții la problema uneltelor..., p. 310—314; он же. Contribution à l'étude du problème..., p. 551.
- ¹⁷ *R. Braunhardt*. Die Urheimat der Landwirtschaft alter indogermanischer Völker. Heidelberg, 1912, S. 192.
- ¹⁸ *П. Ломан*. Хозяйственное обозрение Бессарабской области.—«Журнал Министерства государственных имуществ», 1843, стр. 41.
- ¹⁹ *V. Urbancová*. K vyvoju slovenského orného odtadia na zaklade materialu z muzéálnych zbierok.—«Slovenský Národopis», 1960, N 1, str. 99, fig. 30.
- ²⁰ *Ю. В. Бромлей*, *В. Д. Королюк*. Славяне и волахи в великом переселении народов и феодализации Центральной и Юго-Восточной Европы.—«Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973, стр. 24—33.

²¹ В. Bratanič. Указ. соч., рис. 56—65 и др.; В. Маринов. Дървеният плуг в България.—«Известия на Етнографския институт и Музей», т. VI, 1963, стр. 113—115; С. Vakarelski. Указ. соч., стр. 362; G. Moraru-Popa. Comen-tarii etnografice la arheologia plugului.—«Revista de etnografie și folclor», 1967, N 3, p. 220.

²² G. Moraru-Popa. Указ. соч., табл. VII.

²³ В. Bratanič. Указ. соч., стр. 90.

Этнические черты в жилищах населения Молдавии (X—XIV вв.)

И. Г. ХЫНКУ

На территории современной Молдавии граничат между собой две археологические культуры, соответствующие двум этнокультурным общностям. К северо-востоку от линии, соединяющей Днестр и Прут в местах впадения в них рек Реута и Чугура (что соответствует приблизительно водоразделу реки Реут), распространены памятники восточнославянской культуры. Раскопки на поселениях Алчадар, Екимауцы (Резинский район), Рудь (Дондюшанский район) и других показали, что восточнославянская культура существовала в указанном регионе до середины XI — начала XII в. и что ее памятники отличаются устойчивыми характерными чертами и однородностью элементов¹.

К юго-западу от водораздела реки Реут в лесостепной части Молдавии распространены памятники балкано-дунайской культуры, относящиеся к X—XIV вв. Изучение ее на поселениях Калфа (Ново-Аненский район), Лукашевка, Петруха, Бранешты (Оргеевский район), Ханска (Котовский район) и других² выявило, напротив, разнородность элементов, что объясняется, по-видимому, разноэтническим составом носителей этой культуры.

Вопрос об этническом составе населения, создавшего балкано-дунайскую культуру, изучен слабо. Румынские исследователи считают, что в пределах современной Румынии основными ее носителями были волохи. Мнения советских археологов разделились: Г. Б. Федоров и Г. Ф. Чеботаренко утверждают, что балкано-дунайская культура принадлежит Первому Болгарскому царству и по основным признакам является прежде всего южнославянской. Вместе с тем они отмечают, что в раннюю пору существования балкано-дунайской культуры в ней явственно проступали и тюркские (салтовские) черты. Эти исследователи допускают также присутствие среди ее носителей потомков романизованного населения римских придунайских провинций.

По мнению С. А. Плетневой, балкано-дунайская культура на территории Болгарии, Румынии и Днестровско-Прутского меж-

дуречья представляет собой «болгарский вариант салтово-маяцкой культуры». М. И. Артамонов также считал, что изучаемая культура — создание тюрко-болгар.

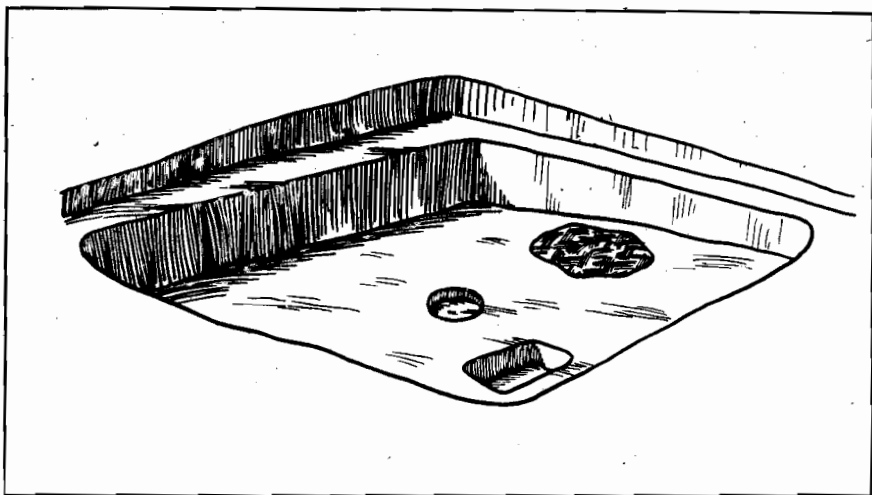
На наш взгляд, археологические данные, полученные при исследовании памятников Днестровско-Прутского междуречья, свидетельствуют о том, что в состав балкано-дунайской культуры вошли три основных этнокультурных компонента: славянский, тюрко-болгарский и волошский³.

Неоднородность балкано-дунайской и однородность восточнославянской культур получили, в частности, отражение в некоторых особенностях внутреннего устройства жилищ. Изучение этих особенностей дает дополнительный материал для освещения вопроса о формировании этнического состава населения данного региона.

Раскопками у сел Алчедар, Екимауцы, Лукашевка, Рудь, Проскуряны (Рышканский район) обнаружено свыше 60 жилищ — землянок и полуземлянок. Кроме того, вероятно, существовали и наземные дома, построенные из дерева и глины. Об этом свидетельствуют остатки печей, найденных на небольшой глубине вне землянок и полуземлянок.

Полуземлянки восточных славян Поднестровья сооружались на склонах лощин. Поперек склона выкапывали прямоугольную или квадратную в плане яму глубиной от одного до двух метров, в которую, по-видимому, опускали деревянный сруб или облицовывали стены тесом. На предположении о срубной конструкции стен наводит отсутствие столбовых ям в жилищах, а на крепление земляных стен плахами указывают расположенные по периметру полуземлянок столбовые ямы (от двух до восьми). Встречались и полуземлянки со стенами, обмазанными слоем глиняного раствора.

В одном из углов каждого жилища находилась печь-каменка, расположенная на противоположной от входа стороне. Все печи сооружались однотипно. Вокруг плоского или слегка углубленного в грунт и чаще всего обмазанного глиной пола устанавливали на ребро три больших камня, составлявшие в плане подковообразную или прямоугольную фигуру. Эту основу печи перекрывали одной или двумя каменными плитами. Над получившейся конструкцией укладывали большое количество булыжников или дробленых камней, составлявших подобие кубической фигуры. Промежутки между камнями глиняным раствором не закладывались, чтобы между ними мог проходить дым и нагретый воздух. Камней было обыкновенно 500—700 штук размером $20 \times 15 \times 10$ см и меньше. Иногда, над печами устанавливали квадратные или овальные глиняные жаровни размером 60×40 см с высокими бортиками, предназначенные, видимо, для просушивания зерна перед размолом его на ручной мельнице. Жилища с печами-каменками (а по утверждению И. И. Ляпушкина, и с глинобитными печами в останцах)⁴ характерны для славян и особенно типичны для восточнославянской культуры.

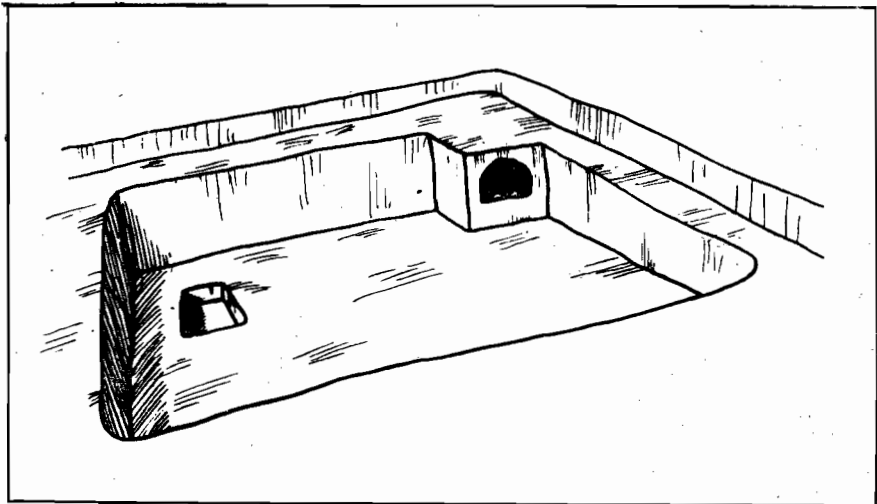

Остатки полуземлянки с очагом из поселения Ханска Котовского р-на.
X—XIV вв. (аксонометрия)

Хотя число изученных памятников балкано-дунайской культуры значительно уступает восточнославянским, жилых и хозяйственных построек в них обнаружено довольно много. Специальных работ, посвященных жилищам носителей балкано-дунайской культуры на территории Молдавии, еще не появилось, но в последние годы изданы результаты исследований отдельных памятников, в которых опубликованы, в частности, раскрытые археологами комплексы жилых и хозяйственных построек.

На поселении у с. Калфа (степная зона МССР), которое датируется VIII—X вв., было найдено свыше 20 жилых и хозяйственных построек. На селищах северо-восточной лесостепной зоны Молдавии, называемой Оргеевскими кодрами (лесами), — Лукашевка, Петруха, Бранешты XIII, обитаемых в XI—XIV вв., также было исследовано около 20 жилых и хозяйственных построек. На поселении у современного с. Ханска Котовского района в юго-западной части лесостепной зоны Молдавии, именуемой Ганчештскими кодрами, которое возникло на рубеже V—VI вв. и было заселено вплоть до XIV—XV вв., обследовано свыше 30 жилых и хозяйственных строений, датируемых X—XIV вв. Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеется около 80 остатков жилищ и хозяйственных построек, относящихся к различным этапам бытования и развития памятников балкано-дунайской культуры на территории Молдавии.

Основным типом жилищ были землянки и полуземлянки, но не исключена возможность и существования наземных жилых построек. Землянки и полуземлянки зафиксированы на всех поселе-

Остатки полуземлянки с глинобитной печью в останце из поселения Ханска. X—XIV вв. (аксонометрия с частичной реконструкцией)

ниях. Как и восточнославянские, они по своей конструкции разделяются на срубные и столбовые. Жилища без ямок от столбов встречаются на поселениях балкано-дунайской культуры в значительном количестве, а на некоторых селищах преобладают. Так, на поселении Калфа из 10 жилищ, обитаемых в X в., пять были без столбовых ям. На поселении X—XIV вв. у с. Ханска из свыше 30 строений — в 25-и столбовых ям не оказалось. На селище Лукашевка XI—XIV вв. из шести жилищ — в пяти не было столбовых ям, а на поселении Петруха в двух полуземлянках из трех столбовых ям вообще не было найдено.

Об устройстве стен и крыш этих жилищ можно строить только предположения. Так, например, в некоторых полуземлянках без столбовых ям на поселении Калфа были обнаружены остатки обгорелой обшивки стен. Видимо, стены эти были облицованы деревом или же имели срубную конструкцию. Возможно также, что стены отдельных жилищ, выкопанных в твердом грунте, оставляли необлицованными или их только обмазывали глиняным раствором.

Из приведенных данных явствует, что на поселениях балкано-дунайской культуры полуземлянки со столбовой конструкцией встречаются редко. Так, на селищах Калфа, Лукашевка, Петруха, Ханска и других найдено всего лишь 11 таких жилищ из общего числа около 80. Они различаются между собой количеством и расположением столбовых ям, что, видимо, связано с конструктивными особенностями: облицовкой стен и устройством перекрытия. Жилища, в которых имеются одна столбовая яма в центре

или одна в центре и две по смежным углам, вероятно, были покрыты шатровой крышей с центральным опорным столбом. Три такие полуземлянки раскопаны на селище Ханска (X—XIV вв.). В двух других жилищах на поселении Калфа, в одном на селище Лукашевка и в двух на средневековом поселке у с. Ханска было обнаружено всего лишь по две столбовые ямы, расположенные в середине линии боковых стен. Представляется, что столбы в таких полуземлянках предназначались главным образом для крепления облицовки стен жилища. Крыша, видимо, была трехскатной, как это предполагает и И. И. Ляпушкин для построек VII—X вв. подобного типа у славян на левобережье Днепра⁵.

К третьей группе жилых построек, выделяемой по признаку их конструкции, можно отнести полуземлянки с четырьмя и более столбовыми ямами, расположенными по периметру. Минимальное количество столбов — четыре (по углам), максимальное — 11. Количество столбов зависело от величины постройки. Так, в полуземлянке 19 размером $3,3 \times 3,6$ м при глубине 0,8 м из поселения X—XIV вв. у с. Ханска имелось восемь столбов, в полуземлянке 3 размером 5×6 м при глубине 1,4 м из поселения Петруха было шесть массивных столбов, а в жилище 13 размером 5×4 м при глубине 1,3 м обнаружено 11 столбов, предназначенных для крепления облицовки стен и перекрытия.

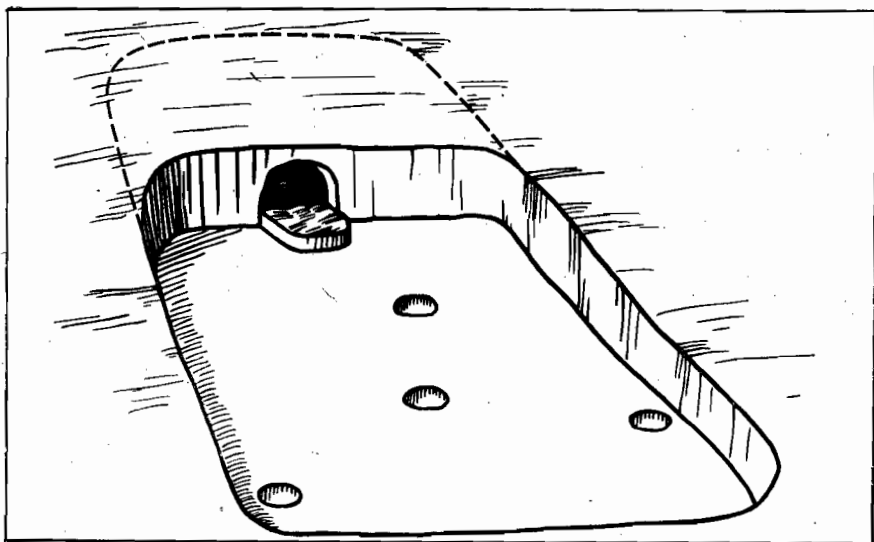
Крыша этих, как и вышеописанных, полуземлянок, видимо, была трехскатной, покоилась на деревянном каркасе и крылась соломой, камышом, а возможно, и землей. О последнем свидетельствует наблюдение, сделанное на поселении Лукашевка, где при вскрытии землянки 2 глубиной свыше 2 м было замечено, что котлован ее с трех сторон окружал земляной вал с пологой наружной поверхностью и крутой внутренней. Как нам кажется, это не что иное, как остаток земляного покрытия крыши.

Но жилища балкано-дунайской культуры различаются между собой не только и не столько конструктивными особенностями, сколько интерьером. Как правило, эти жилища не имели тамбуров перед входами, за исключением трех на поселении Калфа и двух на селище у с. Ханска. Тамбурные входы были расположены в стене, против которой находилась печь.

На селище Лукашевка обнаружена большая землянка площадью свыше 31 кв. м при глубине немногим более 2 м, разделенная на три части. В небольшом закутке северо-западного угла землянки располагалась печь-каменка, которая устьем выходила в небольшие «сени». Южная (большая) часть жилища составляла как бы отдельное помещение, которое дополнительно обогревалось очагом. Пол всех частей землянки был горизонтальным и устроен на различных уровнях.

Как видно из приведенных данных, в технических приемах строительства жилищ восточнославянской и балкано-дунайской культур отличий не наблюдается.

Они обнаруживаются в устройстве, типах и месторасположе-

Остатки полуземлянки с обогреваемой лежанкой из поселения Ханска X—XIV вв. Пунктиром обозначена лежанка (аксонометрия с элементами реконструкции)

нии отопительных сооружений. Если в ареале восточнославянской культуры встречаются жилища только с печами-каменками, то в области распространения балкано-дунайской отмечается большое разнообразие отопительных устройств, притом не только в пределах ареала в целом, но и на отдельных памятниках, где найдены жилища с очагами, с печами, с очагами и печами, а также с очагами перед устьями печей.

Жилища с очагами встречаются на поселениях в разном количестве. Так, на поселении Калфа их обнаружено три, на селищах Лукашевка — 1, Петруха — 1, Ханска (X—XIV вв.) — 11 (из 34 открытых).

Среди очагов различаются ямные, устроенные в круглой или овальной в плане яме глубиной 20—30 см, и тарелкообразные, расположенные на дне тарелкообразного углубления 5—10 см глубиной. Ямные очаги чаще всего обложены камнями, а тарелкообразные обмазаны глиной и утрамбованы.

В интерьере жилища очаг размещался в центре, в углу или около одной из торцовых стенок перед специально сделанной нишей-дымоходом. Полуземлянки с очагами в центре встречаются редко.

Очаги всех разновидностей, встречаемые в жилищах на поселениях балкано-дунайской культуры, представляют собой традиционный, южный тип отопительного устройства, возникший в глубокой древности. На территории Молдавии с древнейших вре-

мен и до прихода в эти места славян в VI—VII вв. это был почти единственный способ отопления жилища. Видимо, в климатических условиях края тепла от очага было достаточно для обогрева жилища; пищу также готовили на очаге и на поставленном около него таганке.

Печи в жилищах носителей балкано-дунайской культуры встречаются довольно часто, а в некоторых селищах даже преобладают над очагами. Различаются каменные и глинобитные печи.

Печи-каменки в жилищах балкано-дунайской культуры точно такие же, как и в жилищах восточнославянской, и несомненно, заимствованы у последней.

Глинобитные печи несколько различаются по конструкции. В плане они полуовальные, прямоугольные или круглые. Печи эти встроены в стены полуземлянок, тщательно обмазаны глиняным раствором, под их сильно утрамбован. Полуовальные или прямоугольные глинобитные печи аналогичны славянским глинобитным печам, устроенным в останцах, и, видимо, как и печи-каменки, представляют собой славянскую черту в культуре балкано-дунайских поселений. Диаметры круглых в плане печей иногда достигают 1,6—1,8 и даже 2 м, при высоте свода над подом около 0,6—0,8 м и при ширине устья 0,3—0,4 м. Некоторые из наиболее крупных печей этой разновидности, несомненно, были производственного назначения. Печь, сооруженная за пределами котлована полуземлянки, входила в интерьер жилища и обогревала лезжанку типа современной молдавской.

Нередким явлением на поселениях балкано-дунайской культуры Молдавии X—XIV вв. является сочетание в одном жилище печи и очага. По одному такому жилищу найдено в селищах Лукашевка и Петруха, а на поселении X—XIV вв. у с. Ханска их обнаружено шесть. В одних случаях печь-каменка (или глинобитная) и очаг устроены рядом, в других печь находится в одной части полуземлянки, а очаг — в другой. Ярким примером сочетания печи и очага в одном комплексе может служить полуземлянка 7 на селище X—XIV вв. у с. Ханска, которая была дважды перестроена.

Как нам кажется, сосуществование в жилищах очагов и печей представляет собой проявление в материальной культуре одного из этапов синтеза южного (вероятно, волошского) и северного (славянского) населения, что имело место на раннем этапе развития балкано-дунайской культуры.

Следующим этапом проявления этого симбиоза, как нам кажется, было сочетание печи с очагом, располагающимся перед ее устьем (или топкой). Так, в жилищах 27 и 32 в селище Ханска обнаружены глинобитные круглые в плане печи, выкопанные в торцовых стенках, а перед устьями печей на продолжении их подов устроены обмазанные глиной очаги.

Жилища с отопительным устройством, совмещающим в себе два элемента, в X—XIV вв. были редкостью. Позднее же они ста-

ли характерными для ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы ⁶, в том числе и для молдаван, тогда как восточнославянские народы пользовались только печью ⁷, а население других стран Западной Европы — преимущественно очагом ⁸.

- ¹ Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. КСИА АН СССР, вып. 99. М., 1964; *он же*. Городище Екиматуцы. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 50. М., 1953; *он же*. Древнерусское поселение на севере Молдавии. — «Археологические исследования в Молдавии». Кишинев, 1972; И. Г. Хынку. К вопросу о соотношении восточнославянской и балкано-дунайской культуры лесостепной полосы Молдавии. — «Труды Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР», вып. II. Кишинев, 1969; *он же*. К вопросу о расселении тиверцев и улчий в Поднестровье. — «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев, 1972.
- ² Г. Ф. Чеботаренко. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973; И. Г. Хынку. Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1968; *он же*. Археологические исследования на поселении Лимбарь-Кэпрэрия X—XIV вв. в 1968—1969 гг. — «Археологические исследования в Молдавии». Кишинев, 1972.
- ³ И. Г. Хынку. Балкано-дунайская культура лесостепной Молдавии в X—XIV вв.; Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, стр. 174—175.
- ⁴ И. И. Ляпушкин. Днепровское степное левобережье в эпоху железа. — «Материалы и исследования по археологии, АН СССР», № 104. М. — Л., 1961, стр. 91.
- ⁵ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. — «Материалы и исследования по археологии АН СССР», № 74. М. — Л., 1958.
- ⁶ «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы». М., 1968.
- ⁷ «Народы Европейской части СССР» (серия «Народы мира»), т. I. М., 1964.
- ⁸ «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы».

Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа

Ю. В. ИВАНОВА

Гостеприимство — институт, возникший в эпоху разложения родового строя. Он сохранялся и в классовых формациях в тех малых общественных структурах, в которых специфические исторические условия консервировали пережитки родо-племенного быта. При всем многообразии конкретных условий в различных районах эйкумены можно выделить два главных фактора этого явления: во-первых, господство натурального или слабо развитого мелкотоварного уклада и, во-вторых, — отсутствие или слабость централизованной государственной власти. Эти факторы, как правило, концентрируются в условиях географической изоля-

ции. Сравнительное изучение отдаленных друг от друга регионов представляет большой интерес для выяснения общих закономерностей исторического развития. В данной работе для сравнения выбраны горные районы западной части Балканского полуострова и Кавказа, имеющие многие сходные черты и в других историко-этнографических аспектах.

Разнообразие конкретных обстоятельств экономической и политической жизни, неравномерность общественного развития привели к тому, что в избранных для изучения районах в доступное для этнографического обозрения время — примерно с XVI по XX в. — можно отметить формы общественного устройства в разных исторических вариантах. Горцы северной Албании еще на рубеже XIX—XX вв. сохраняли многие черты социальной организации, в принципе сходной с позднепатриархальным строем и военной демократией, в то время как в большинстве албанских областей, подчиненных Османской империи, господствовали развитые феодальные отношения. В Химаре (юго-западная Албания) общественное устройство было близко к порядкам, царившим в северных горах. В Черногории так же, как в Албании, традиционная родо-племенная структура и общинные порядки поддерживались в значительной степени субъективным сознанием народа, так как помогали сопротивляться проникновению в его внутреннюю жизнь управленческого турецкого аппарата. Целеустремленная политическая изоляция в свою очередь усиливала изоляцию культурную и экономическую. Такая же картина была и в южных районах Балканского полуострова, например в горных областях Сули (северо-запад современной Греции) и Мани (юг Пелопоннеса) в период господства Османской империи. Многие архаические черты жизни сохранялись в этих изолированных местностях и после провозглашения независимой Греции — на протяжении всего XIX в.

Горские народы Кавказа перед и во время присоединения к России (середина XIX в.) стояли на различных ступенях раннефеодальных отношений, начиная от так называемых вольных обществ Дагестана с их тухумной организацией (наследницей родовых отношений), аналогичных им обществ других народов Северного Кавказа, и кончая феодальными образованиями Адыгей, Восточного Дагестана, не говоря уже о развитых обществах Грузии и Армении.

Архаические формы института гостеприимства вытекали непосредственно из понятий, господствовавших в родовом обществе: человек воспринимался не как отдельная личность, не как индивидуум, а лишь как член определенного коллектива, в первую очередь группы родственников. По этой причине возникали различные способы установления группового или индивидуального фиктивного родства и был вознесен на большую моральную высоту институт гостеприимства, который по существу близок к фиктивному родству.

В родовом обществе, а также в условиях, близких к порядкам родовой общины, инкорпорация чуждого элемента в рамки какого бы то ни было коллектива требовала его полной адаптации ¹.

В обществе, не знавшем письменного права, не имевшем государственного аппарата и полиции, поддержка человека, оказавшегося вне сферы деятельности своей группы, предоставление ему крова, пищи и гарантия его безопасности была жизненной необходимостью — и правом, и обязанностью одновременно.

Институт гостеприимства — это право-обязанность родственного коллектива временно рассматривать чужеродца как своего сочлена, обладающего равными со всеми правами. В доме албанца гость может потребовать себе все, что пожелает (из еды, например). Среди кавказских горцев доньше практикуется обычай дарить гостю понравившуюся ему вещь. Ныне все это рассматривается как знак особого уважения к гостю, но, по всей вероятности, это пережиток его равных с членами семьи имущественных прав ². В некоторых вольных обществах Аварии еще в XIX в. существовал обычай, по которому лицу, появившемуся во время раздела или передела земли, в знак гостеприимства также выделяли пай ³.

Гостя-чужеродца принявший его коллектив защищал и нес за него ответственность в той же степени, как и за своего члена. Равным образом и гость отдельной семьи находился под защитой и ответственностью хозяина, приютившего его ⁴. Но именно поэтому обязанность гостеприимства не распространялась на общественные места, которыми пользовались все желающие. Пришелец не мог рассчитывать найти убежище в кузнице, на мельнице, на постоялом дворе ⁵.

С течением времени восприятие гостя как члена коллектива, оказавшего ему гостеприимство, ослабело, обязанность защищать гостя и нести за него ответственность превратилась в закон чести, другими словами — восторжествовала и закрепились в сознании эмоциональная сторона этого общественного явления. Недаром сложились поговорки: у осетин — «Гость — божий гость» ⁶, у албанцев — «Дом албанца — дом бога и гостя», «Хлеб, соль и сердце» ⁷. Со временем радушное гостеприимство стало явлением престижного характера: особенно гостеприимный дом пользовался всеобщим уважением.

Для албанского горца месть за гостя, пострадавшего в его доме, стала даже более обязательной, чем месть за члена его семьи: за убитого родственника можно было принять денежный выкуп, за гостя надлежало расплачиваться только кровью ⁸. Самый большой позор для горца — это ситуация, при которой его гость был убит, или ограблен, оскорблен, или просто осмеян и остался неотомщенным ⁹. У адыгов и дагестанцев человек, убивший чужого гостя, платил не только «цену крови» родственникам пострадавшего, но и особый штраф хозяину дома за нанесенное оскорбление ¹⁰.

Неукоснительное выполнение правил гостеприимства оказы-

валось порою сильнее логики и не раз ставило в тупик иностранных наблюдателей: человек оказывал приют и защиту собственному врагу или даже кровнику — убийце его ближайшего родственника¹¹. В Албании и Черногории путник на чужбине мог во всеуслышанье объявить себя другом (гостем) любого из местных жителей, не спрашивая у того согласия, мог также громогласно отдать себя под покровительство местных могил, в случае его гибели за него, кроме родственников, должны были мстить члены братства, которому принадлежали могилы¹².

Конечно, обычное право на протяжении столетий не оставалось неизменным, безразличным к социальным коллизиям. Лишение права на гостеприимство стало орудием общественного воздействия. Еще в XVI—XVII вв. жители Дагестана пытались бороться с грабежами, запрещая предоставлять убежища «плохому человеку»¹³. Еще более ясную социальную окраску принял обычай гостеприимства в XX в. В годы национально-освободительной борьбы против фашистских оккупантов и квислинговцев крестьяне северной Албании отказывались предоставлять свои дома в качестве убежища сторонникам националистов.

Известны два вида специального помещения для гостей — отдельно стоящая постройка и часть жилого дома. Наиболее древней формой гостевого помещения был специальный отдельно стоящий дом, один на все селение, служивший одновременно и для времяпрепровождения мужчин, и как спальное помещение для мужской молодежи села, и для приема гостей. Функции этого помещения, называемого обычно в кавказоведческой литературе «кунацкая», совпадают с функциями так называемого «мужского дома», известного у многих народов мира¹⁴. Этот вид гостевого дома соответствовал той фазе развития института гостеприимства, когда человек со стороны являлся гостем общественной группы, общины.

Выделение семьи (домохозяйства) как элементарной общественной единицы естественно вменило право-обязанность гостеприимства в статус семьи. Наиболее зажиточные и влиятельные лица строили свои гостевые дома, однако ими могли пользоваться все без исключения односельчане. Кунацкие князей и других аристократов (например, у адыгских народов и кумыков) служили местом сбора и бесед большого числа мужчин всех возрастов¹⁵.

С течением времени кунацкая стала принадлежностью одной семьи. Наиболее поздняя форма гостевого помещения — часть жилого дома¹⁶. Известной переходной формой между общественным гостевым домом и кунацкой комнатой в жилом доме можно считать порядок «постоя» гостя по очереди в разных домах селения; так было, например, у армян, в Дагестане¹⁷.

С распадом семейной общины на малые индивидуальные семьи гостевая комната стала особым помещением мужа — хозяина до-

ма, где он не только принимал гостей, но и проводил время. Такая форма обычна для Албании и Черногории¹⁸.

Церемония приема гостя со сложными правилами этикета выполнялась всегда тщательно и неукоснительно. В общих чертах она одинакова и на Балканах, и на Кавказе. Гостя надо было встретить у порога, ввести в дом, снять с него оружие, дать вымыть ноги (в некоторых случаях хозяева сами мыли гостям ноги), усадить на почетное место, угостить так обильно, как только позволяли возможности домохозяйства.

Беседа и застолье с гостем всегда проводились по строгим правилам. Прислуживал гостям младший мужчина. Женщину, пришедшую в гости, принимали на женской половине с такими же почестями. С ней вела беседу хозяйка дома, прислуживала младшая из женщин и т. д.

Когда гость покидал гостеприимный кров, его провожали до того места, которое он сам указывал (обычно — граница села или махалы). Мужчину провожал мужчина, женщину — женщина. Дети следовали тем же правилам: мальчика провожал мальчик, девочку — девочка¹⁹.

Когда чужак оказывался за пределами группы, временно принявшей его в свой состав (семья, родовая группа, сельская община и т. п.), он утрачивал права сочлена этой группы и оказавшие ему гостеприимство больше не несли за него ответственности²⁰.

Следовательно, гостеприимство как институт эпохи распада родового строя был связан с локальным единством общины. Дальнейшее развитие института гостеприимства — обычай куначества. Два человека, принадлежавшие к разным родам, племенам, народностям, вступали в особо близкие дружеские отношения, помогали во всем друг другу, а если кунак приезжал в гости, хозяин провожал его до безопасного места или сдавал на попечение следующему кунаку²¹.

Широко известный из кавказоведческой литературы термин «кунак», применявшийся как к гостю, так и к хозяину, происходит от турецко-татарского *конак* (гость) и проник в русский язык через посредство кумыков и ногайцев. В языках кавказской семьи есть свои термины, точный смысл которых чаще всего *друг*, *приятель*, *доброжелатель*²². Характерно, что в албанском языке слово *tik* имеет такой же смысл: это и *друг*, *приятель* (но со стороны — не родственник и не односельчанин), и *гость* (знакомый или незнакомый посетитель), и *зять*, *своjak* (значит, человек чужой стороны). В новогреческом языке *ὁ ξένος* означает и *гость* и *чужеземец*, *иностранец*. Слово же *конак* в албанском (*konak*) и новогреческом (то *κονάκι*) употребляется только в смысле жилья, помещения для ночлега, а во времена османского господства на Балканах так называлась резиденция турецкой администрации. Что касается эмоционального оттенка в словах *гость* (любой пришелец) и *кунак* (близкий человек), то в албанском северном говоре

есть те же оттенки: *mik* — любой гость, *mik i mire* — хороший гость, хороший друг, *mik zêmret* — сердечный друг.

Как и любой другой институт обычного права, гостеприимство и куначество претерпевали изменения в ходе истории, приобретали новые социальные функции. При всей приверженности албанских горцев к традициям, выразившимся в строгом порядке размещения гостей возле камина и за столом, традиции эти нарушались «из почтения» к той группе лиц, которые стояли на верхних ступенях социальной лестницы²³. На Кавказе приспособление гостеприимства к феодальным порядкам особенно заметно. Оно было использовано господствующим классом для обслуживания его интересов. Куначество превращалось в особый род покровительства со стороны этой социальной группы по отношению к своим низкородным соплеменникам, что увеличивало в итоге число феодально зависимых людей²⁴.

Другое социальное явление, эксплуатировавшее древний обычай, — оказание покровительства постороннему человеку (это покровительство также пытались монополизировать феодалы). Отсюда один шаг к наемному, оплаченному «куначеству», которым на Кавказе широко пользовались иноземные купцы и другие путешественники, а также русская администрация. Любопытно, что такое же использование института куначества отмечено во второй половине XIX в. в северной Албании²⁵.

На первых порах общественного расслоения такое явление, как наем в индивидуальное хозяйство платной рабочей силы, скрывалось под оболочкой патриархальных отношений. Батрак, слуга, живший в доме нанимателя, получал статус гостя, из чего вытекала ответственность хозяина за его поступки и обязанность защищать его жизнь²⁶.

Необходимость гостеприимства как общественного института придавала ему необычайную моральную силу. Мы уже упоминали об оказании помощи собственным кровникам. Известны случаи, когда в угоду обычаю нарушался запрет государственных властей прятать скрывавшихся от поимки убийц и других преступников. Такой запрет предусматривали следующие документы: «Общий законник черногорский», введенный в 1855 г. князем Данилой Петровичем Негошем, «Всеобщие инструкции», обнародованные в 1858 г. межджилом г. Шкодры. Каждый, кто укрывал в своем доме уголовного преступника, рассматривался этими законами как его сообщник и подвергался уголовному преследованию²⁷. Русской администрации на Кавказе еще в середине XIX в. приходилось сталкиваться с тем, что местные жители, даже находившиеся на русской военной службе, рискуя подвергнуться уголовной ответственности, скрывали и защищали преступников, повинаясь обычаям своего народа²⁸.

Обычай гостеприимства, облегчая передвижение людей вне территории общины, влиял некоторым образом на формирование состава жителей этнографических областей. Кровная месть, чрез-

вычайно развитая и в Албании, и в Черногории, и в области Мани, и по всей горной зоне Кавказа, вызывала вынужденную эмиграцию—бегство кровников от угрозы мщения. Прием беглецов—одно из проявлений гостеприимства — в большой мере способствовал развитию эмиграции²⁹. Эмиграция вела за собою возникновение населенных пунктов, жители которых не состояли в родственных между собой отношениях, их общественная жизнь шла уже по законам не родовой, а соседской общины. Хотя и в соседской общине существовало право-обязанность гостеприимства, но все же это была та среда, где нормы общественной жизни родового коллектива теряли питательную почву. Диалектика исторического развития привела к тому, что институт гостеприимства, порожденный понятиями родового общества, сам в известной мере расшатывал принципы общинной жизни, нарушая локальное единство родовой группы.

В наше время правила гостеприимства соблюдаются жителями всех горных зон, о которых шла речь. Они воспринимаются как правила хорошего тона, как обязательные знаки вежливости, воспитанности и составляют характерные черты домашнего и общественного быта в этих областях.

- ¹ Ю. В. Иванова. Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973, стр. 71—73; А. И. Робакидзе. Поселение как источник изучения общественного быта. М., 1964, стр. 5.
- ² См. например: Л. И. Лавров. Абазины.—«Кавказский этнографический сборник», вып. I. М., 1965, стр. 7.
- ³ «Гидатлинские адаты». Махачкала, 1957, стр. 11.
- ⁴ «Памятники обычного права Дагестана, XVII—XIX вв.». М., 1965, стр. 120, 152; «Kununi i Leke Dukagjinit, permbledhë e kadifikue prej A. Stjefen Konstandin Gjecov». Shkodër, 1933, § 643, 626, 629, 630; «Памятники обычного права...», стр. 163.
- ⁵ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 4, 315, 390.
- ⁶ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 169.
- ⁷ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 602, 608.
- ⁸ Архив ИЭ АН СССР, Ю. В. Иванова. Полевая тетрадь. Албания, 1956 г., стр. 175.
- ⁹ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 615, 624—633, 639, 643—652.
- ¹⁰ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгейских народов. М., 1967, стр. 302, 303; «Памятники обычного права...», стр. 126, 144, 162.
- ¹¹ М. Рашовић. Племя Кучи. «Этнографски-историјски преглед». Београд, 1963, стр. 19, 60; П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 2. СПб., 1904, стр. 369—370; В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 298—300; Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 169.
- ¹² «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 642; М. Рашовић. Указ. соч., стр. 60.
- ¹³ «Памятники обычного права...», стр. 63, 267.
- ¹⁴ М. О. Косвен. Из истории брака и семьи у народов Кавказа.—«Этнография и история Кавказа». М., 1961, стр. 128—129.
- ¹⁵ М. Алибек. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 28—29.
- ¹⁶ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 83, 93, 127, 129; Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, ч. II. Тбилиси, 1961, стр. 22.
- ¹⁷ «Памятники обычного права...», стр. 75; С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении.—«Кавказский этнографический сборник», вып. I. М., 1965, стр. 235.
- ¹⁸ Ю. В. Иванова. Указ. соч., стр. 133.

- ¹⁹ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 623; П. А. Ровинский. Указ. соч., стр. 375—376.
- ²⁰ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 624; «Памятники обычного права...», стр. 63.
- ²¹ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 308—313.
- ²² Там же, стр. 308; Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 171; С. Д. Лисициан. Указ. соч., стр. 235.
- ²³ «Kununi i Leke Dukagjinit...», § 555, 654, 657—659.
- ²⁴ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 289, 303, 311—317, 321—326; Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 172; М. Алибек. Указ. соч., стр. 29.
- ²⁵ АВПР, ф. ГА, V-Az, оп. 181, д. 673, л. 7/об.
- ²⁶ «Гидатлинские адаты», стр. 21.
- ²⁷ См. подробнее: П. А. Ровинский. Указ. соч., стр. 370—371; см. также: АВПР, д. 867, лл. 123—124, 159, 244; д. 868, лл. 3—7, 9—10, 23—24; Н. Ј. Когричипф. Ahmed Xhevdet pasha mbi Shqipërine veriore dhe Malin e Zi.—«Gjurmime albanologjike». Prishtinë, 1969, N 2, f. 210.
- ²⁸ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 300—302.
- ²⁹ Ю. В. Иванова. Указ. соч., стр. 138; П. А. Ровинский. Указ. соч., стр. 369, 371—372; «Памятники обычного права...», стр. 120, 126, 195; «Гидатлинские адаты», стр. 27; Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 168; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 140; J. Elezi. Sur la vendetta en Albanie. «Studia Albanica», 1966, N 1; B. Vlavianos. Zur Lehre von Blutrache. Mit besonderer Berücksichtigung dieser Sitte in Mani (Griechenland). Jena, 1924.

К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи

В. И. ФРЕЙДЗОН

Общие границы интересующего нас исторического периода определяются ленинским тезисом, что нация — «неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹. В основе формирования наций лежало развитие буржуазных отношений и связей, становление классов буржуазного общества.

При периодизации процесса формирования наций следует учитывать крупнейшие сдвиги как в социально-экономической сфере, так и во внутреннем содержании самого процесса, в более узком смысле, прежде всего в распространении сознания национальной принадлежности.

Веи, разделяющие периоды единого исторического процесса, приближительны, они, «как и все вообще грани в природе и обществе, условны и подвижны, относительноны, а не абсолютны»². С учетом этого можно выделить следующие главные этапы в изменении базиса, в основном определявшие формирование наций в Австрийской империи: 1. Нарастание кризиса феодализма и смена

общественных формаций — последние десятилетия XVIII — середина XIX в. (конец периода — примерно с конца 40-х до начала 60-х годов XIX в.). 2. Дальнейшее развитие капиталистических отношений, консолидация каждого из классов буржуазного общества — вторая половина или последняя треть XIX — начало XX в.

Начало формирования наций уходит в эпоху феодализма, оно сопровождается появлением ростков буржуазных товарно-денежных связей. Между этим явлением и периодом национального «возрождения» или «пробуждения» (термины применяются как тождественные) прошла целая эпоха, результатом которой было появление буржуазного уклада. В Австрийской империи национальное пробуждение угнетенных народов развернулось в последние десятилетия XVIII — первой половине XIX в.

Национальное пробуждение — это совокупность явлений в сфере общественной, политической, культурной и идеологической жизни народа, присущих раннему этапу формирования нации и национально-освободительного движения. Этот период охватывает национальные процессы, сопровождающие кризис и ликвидацию феодального строя, становление и победу буржуазных отношений.

Начало национального пробуждения внешне проявлялось в пристрастном и систематическом внимании отдельных ученых, представителей формировавшейся интеллигенции к языку, быту, фольклору, истории своего народа. Это внимание иногда было прямым следствием буржуазных интересов, но подчас было далеко от непосредственной связи с ними или эта связь еще не осознавалась. Интеллигенция, многими нитями связанная с нарождавшимися буржуазными отношениями, наиболее чутко реагировала на потребности эпохи.

Попутно отметим, что начало национального движения было положено первыми культурно-политическими организациями и обществами, приступившими к пропаганде национальных идей и агитации за национальные требования. Эти организации, общества, журналы и т. п. получали все более широкую общественную поддержку. Именно в это время закладываются идеологические основы национального движения. Таким образом, период национального пробуждения включает в себя как подготовку национального движения, так и само движение.

Свидетельством завершения периода национального пробуждения было широкое распространение национального самосознания хотя бы среди населения какой-либо части общенациональной территории. Это явление, как правило, сопровождало наличие более или менее развитой общности экономической жизни (прежде всего на этой части территории), распространение общенародного литературного языка. Результатом национального пробуждения было достижение определенной ступени процесса формирования нации. Обычно эта ступень сопровождалась и соответствующим уровнем национального движения — политической борьбой.

Следует обратить внимание на значение общеполитических условий в многонациональной империи для завершения периода национального пробуждения. У народов, имевших национальный феодальный господствующий класс (хорваты), была возможность открытого формулирования национально-политических программ и политического движения уже при феодальном строе. В других случаях только ликвидация феодализма открывала возможность более свободной национальной агитации. Поэтому период перестройки общественно-политической структуры Австрийской империи — конец 40-х — 60-е годы XIX в. — явился рубежом завершения процесса национального пробуждения угнетенных народов. Революция 1848—1849 гг., прежде всего ее социально-экономические, а затем и политические последствия создали для этого решающие условия.

В 1848—1849 гг. появилась лишь кратковременная возможность открытого формулирования программ национального движения и их пропаганды. Например, словенское национальное самосознание и национальное движение тогда не затронули массу крестьянства и широкие городские слои, даже в среде интеллигенции еще было распространено локальное этническое самосознание. В 50-х годах возросло подспудное воздействие социально-экономических процессов, и после краха «бахова абсолютизма» ситуация в Словении быстро изменилась. Любляна превращалась в общенациональный идеологический (несколько позднее — и экономический) центр. В обстановке оживленной политической борьбы разные социальные слои, в том числе крестьянские, прониклись сознанием национальной общности словенцев³. В начале 60-х гг. XIX в. в Словении завершился этап национального пробуждения.

В Хорватии значительные слои населения были охвачены национальным движением уже в 40-е годы XIX в., а Загреб претендовал на роль общехорватского центра. Более ускоренные по сравнению с другими югославянскими землями империи национальные процессы в историческом «королевстве Хорватии» объясняются тем, что здесь в качестве застрельщика движения выступило дворянство, располагавшее сословными учреждениями и поддержанное частью буржуазии. Национальные лозунги стали для обуржуазившегося дворянства средством борьбы за обеспечение более благоприятных условий перехода к новым формам хозяйственной жизни. А отождествление каким-либо общественным слоем своих социальных интересов с национальными — важнейшее условие распространения в его среде национального самосознания. Этап национального пробуждения в Хорватии завершился в 40-х годах, накануне 1848 г. Однако в 30—40-х годах движение в Хорватии сохранило дворянско-буржуазный характер.

В остальных хорватских землях — Славонии, Далмации, Истрии формирование национального самосознания отставало от собственно Хорватии. Там, кроме Дубровника и частично Славонии, не имелось национального дворянства, и национальное развитие

хорватов происходило во многом аналогично этому процессу у словенцев и других народов империи, у которых отсутствовал свой господствующий феодальный класс.

Среди сербского населения Воеводины — сербского национального центра в Австрийской империи — период национального пробуждения завершился во время революции 1848—1849 гг. в условиях острых политических и военных конфликтов.

У угнетенных народов Австрийской империи изменения в уровне (в частности, переход к политической борьбе) и размахе (массовость) национального движения примерно совпадали по времени с широким распространением национального самосознания.

В период национального возрождения общим для югославянских народов Австрийской империи было возникновение *национального ядра*. Такой центр национальной консолидации обычно возникал в районе, где общественно-экономическое развитие и становление национальной буржуазии имели более интенсивный характер, возникали более тесные, чем в других районах, внутренние экономические связи, а иногда имелись благоприятные политические и этнические условия, возможности развития национальной культуры. В разных случаях национальное ядро занимало большую или меньшую часть национальной территории, в различной степени опережало развитие остальных национальных районов.

Образование национального ядра означало, что нация уже возникла, хотя она и не достигла еще зрелости. Незрелость внутринациональных взаимосвязей проявлялась, например, в том, что споры между сторонниками отдельных диалектов (у хорватов) или споры с защитниками «славяно-сербского» языка (у сербов) еще не завершились; не завершилась и сербско-хорватская национальная дифференциация в районах смешанного (православного и католического) югославянского населения⁴; не везде обозначились пределы национальной территории; хотя экономические связи между некоторыми национальными районами были значительными, об общности экономической жизни всего народа еще говорить было рано; общенациональное самосознание было присуще главным образом интеллигенции и более образованному слою дворянства и буржуазии (Хорватия), интеллигенции и части буржуазии, мелкой буржуазии и крестьянства (Словения, Воеводина). Этническое самосознание в большей мере было пропитано религиозными и местными представлениями.

У хорватов роль национального ядра с 40-х годов XIX в. играла собственно Хорватия. Кроме причин, о которых говорилось, следует указать, что эта область была наиболее развитой в экономическом отношении среди хорватских земель, представляла собой узел старинных торговых путей⁵. Сербский национальный центр в Австрийской империи сформировался в течение XVIII — первой половины XIX в. в Воеводине. Относительно

благоприятные условия развития сербской торговой буржуазии и интеллигенции, наличие сербской православной церковной организации и императорских «привилегий» — все это, несмотря на пестроту национального состава населения (в условиях роста сербской буржуазии, в какой-то мере даже благодаря этой пестроте), способствовало активизации национального движения. Соседство с очагом революционной борьбы сербского народа в Османской империи и возникшим здесь Сербским княжеством (1815 г.) еще более подняло значение Воеводины в национальном развитии сербов.

Завершение процесса формирования наций означало создание новой социально-этнической общности, изменение характера этнических взаимосвязей⁶. Этот радикальный сдвиг был результатом не менее радикальных изменений в общественно-экономической сфере. В восточной части Европы, в частности в югославянских землях Австрийской империи, перестройка сельского хозяйства в основном на капиталистической основе, ускорение промышленного развития и связанные с этим консолидация класса буржуазии, класса пролетариата произошли лишь во второй половине XIX в.⁷ По мере углубления процесса разделения труда, интенсификации связей крестьянского хозяйства с рынком, расширения культурного горизонта крестьянина в словенских и хорватских землях, а также среди сербского населения Триединого королевства упрочилось сознание словенской, хорватской и сербской национальной принадлежности⁸.

В этот период югославянские национальные центры в Австрийской империи поддерживали активность национальных периферийных организаций и распространяли свое идейное влияние среди населения территорий, которые рассматривались деятелями национальных движений как принадлежащие данной нации. Появились новые объединения — культурные, политические, экономические, что свидетельствовало прежде всего о сплочении буржуазии в рамках всей нации⁹.

В Словении были организованы политические партии (буржуазные и пролетарская)¹⁰. Между политическими организациями хорватской буржуазии разных земель налаживалось сотрудничество. Увеличивалось сходство между программно-идеологическими концепциями соответствующих лагерей национального движения. В истории сербской нации и национального движения имела место попытка Объединенной сербской оmlадины, возникшей в Воеводине в 1866 г., создать организацию, которая бы действовала среди сербского населения разных земель независимо от их государственной принадлежности¹¹. Однако эта деятельность была пресечена габсбургскими властями.

Центром развития сербской нации после создания княжества становилась Сербия, а роль Воеводины в этом процессе, достигшая кульминации в 60-е годы XIX в., в последующее время стала быстро падать.

У разных народов в процессе сплочения нации определяющим было влияние социально-экономических факторов. Уместно сравнить в этом отношении развитие хорватской и словенской наций. Для возникновения хорватского национального ядра, как отмечалось, было важно наличие обуржуазивающегося дворянства, автономных учреждений. На первых порах это облегчило распространение национального самосознания¹², создание культурных учреждений¹³, внедрение уже в 40-е годы XIX в. хорватского языка в общественно-политическую жизнь¹⁴, в школу ускорило политические движения.

Ситуация в словенских землях была иной. В большинстве их на признание словенского языка официальным вообще нельзя было надеяться, а открытие каждой новой словенской школы еще в начале XX вв. приходилось завоевывать упорной борьбой. Но компактное расположение словенских земель на важных хозяйственных путях Австрийской империи способствовало их экономическому подъему и упрочению связей с имперским рынком. Правда, плодами этого подъема пользовалась прежде всего австро-немецкая буржуазия. Интенсивность межнациональных социально-экономических связей была такова, что в первой половине XIX в. словенские торговцы, ремесленники, мануфактуристы германизировались. Поэтому национальное движение вплоть до 60-х годов XIX в. имело очень узкую базу. Кроме того, отдельные словенские земли, тяготевшие к своим областным центрам, в то же время прочнее были связаны с крупными центрами империи — Веной, Триестом, Венецией, чем между собой. Это сдерживало национальную консолидацию. Все же завершение промышленного переворота в империи в третьей четверти XIX в., хотя и сопровождалось усилением германизации некоторых районов (Клагенфурт), способствовало экономическому развитию и постепенному хозяйственному сплочению словенских земель, формированию буржуазии и пролетариата, завершению процесса формирования нации.

Экономические взаимосвязи между некоторыми хорватскими землями (Хорватия и Славония, с одной стороны, Далмация, Истрия — с другой) оставались слабыми вплоть до первой мировой войны. Это было следствием общего относительно низкого уровня экономики до начала XX в. и географической разбросанности хорватских земель, развития общегосударственного рынка в Австрийской империи (с 1867 г. — Австро-Венгрии) и, наконец, политики правящих кругов. В третьей четверти XIX в. имело место временное ослабление внутринациональных хозяйственных связей, что было следствием конкуренции фабричных изделий, ввозимых в Хорватию, и упадка старинных торговых путей из Воеводины в Приморье. Нельзя при этом не отметить важное явление: именно социально-экономические затруднения периода завершения промышленного переворота в Австро-Венгрии (кризис старой хозяйственной структуры) привели к росту оппозиции Габсбургам,

обострению национальных чувств. Таким образом, осознание населением национальной общности являлось результатом не только положительного экономического развития, но и протеста против подчинения хозяйства страны инациональному капиталу, против препятствий, которые ставились правящими кругами гармоничному развитию национальной экономики.

В целом, хотя начало формирования словенской нации было более трудным, чем хорватской и сербской, позднейшее развитие привело к тому, что эти нации в основном сложились в один и тот же период, в последней четверти XIX — начале XX в., причем словенская в рамках указанного небольшого периода, очевидно, несколько раньше других¹⁵.

Вместе с консолидацией каждого из классов буржуазного общества и их антагонистических социальных отношений югославянские нации становились более зрелыми, комплекс их характеризующих общностей более устойчивым (хотя в условиях многонационального государства проблема национального рынка окончательно не могла быть решена), классовый противоречивый характер общности буржуазной нации более четко выраженным. Но формирование нации хронологически может совпадать с социальными сдвигами лишь в основном, так как на него оказывали воздействие политические и культурные традиции, классовый характер национального гнета, государственные границы, народные восстания, войны, политика властей, национальное движение и др.

Период завершения формирования наций отличается от периода национального пробуждения изменениями в социальных силах национального движения. В 1860-х гг. хорватское национальное движение становится буржуазно-либеральным, одновременно усиливается буржуазно-демократическое радикальное течение, в своей основе — мелкобуржуазное. Социально-экономические сдвиги после 1848 г., которые в Хорватии происходили в неблагоприятных условиях, и изменения в расстановке общественных сил национального движения вызвали резкую идеологическую и политическую дифференциацию последнего.

Аналогичные явления наблюдаются в Словении и Воеводине в 60—70-х годах XIX в. Национально-политическая радикализация в Воеводине и Хорватии была связана как с социально-экономическими процессами периода, следовавшего за 1848 г. (быстрым развитием имперского рынка, вытеснением отдельных слоев национальной средней и мелкой буржуазии, разорением деревни и т. д.), так и с широким распространением в Европе «принципа национальности», успехами национального движения в Италии и Германии и подъемом освободительного движения на Балканах.

Общей чертой периода консолидации югославянских наций было то, что в Австрийской империи сохранились крупные феодальные пережитки, в особенности в восточных частях государства (Венгрия; Галиция). Аграрная и национальная проблемы не

получили демократического решения. Национальный гнет сохранил корни во всем социальном строе Австро-Венгрии. В 70—80-х годах в Хорватии и Воеводине более или менее ярко проявились революционно-демократические и социалистические течения, отражавшие протест народных масс против гнета со стороны инонациональных и «своих» господствующих классов.

Отличительной чертой общественно-политической жизни в югославянских землях Габсбургской монархии в начале XX в. было наличие организованного рабочего движения, противостоящего всему буржуазному лагерю в каждой нации.

Дальнейшие национальные процессы — уже в условиях сформировавшихся наций — нашли внешнее проявление в том, что политическая жизнь основных хорватских земель, вопреки их административно-политической раздробленности, развивалась в общем русле. Среди сербов аналогичный процесс имел место даже вопреки государственным границам.

Формирование наций у югославян Австрийской империи типологически соответствует двум основным вариантам этого процесса у угнетенных народов данного региона, вариантам, связанным с социальной структурой отдельных народов. В первом варианте (хорваты) развитие начального этапа формирования нации (национальное пробуждение) было облегчено, причем немалую роль в этом сыграли внеэкономические факторы. Однако результаты этого этапа в основном были ограничены сферой высших общественных слоев. Поэтому второй этап — завершение формирования наций — оказался несколько растянутым. Ведь для повсеместного распространения национального самосознания среди народных масс были необходимы глубокие социально-экономические сдвиги. Во втором варианте (словенцы) начало процесса и завершение его первого этапа было затруднено, так как процесс развития нации с самого начала в большей мере, чем в первом случае, зависел от интенсивности сдвигов в базисе, от того, как быстро они вели к развитию разделения труда, формированию внутринационального рынка и т. д. Именно поэтому в данном случае второй этап был менее продолжительным.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

² Там же, стр. 143.

³ Об этих сдвигах см.: J. Vošnjak. Spomini. Ljubljana, 1905, str. 81.

⁴ См.: В. И. Фрейдзон. Об особенностях формирования нации в хорватских землях. — «Советское славяноведение», 1969, № 4.

⁵ И. И. Лециловская. Условия и основные черты национального развития хорватов в первой половине XIX в. — «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 519—520.

⁶ О проблемах этноса и национальной общности см.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1972.

⁷ Об этом см., например: «Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867». Bratislava, 1971, S. 597.

⁸ J. Šidak, M. Gross, I. Karaman, D. Sepić. Povijest hrvatskoga naroda. Zagreb, 1968; R. Petrović. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX st. Sarajevo, 1968; B. Milanović. Hrvatski narodni preporod u Istri. Pazin, 1967.

- ⁹ См.: *D. Schauer*. Prva doba našega združništva. Ljubljana, 1945.
- ¹⁰ *F. Gestrin, V. Melik*. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966.
- ¹¹ «Омладинска заједница за годину 1868», св. I. Нови Сад, 1868.
- ¹² Но дворянская гегемония в национальном движении играла противоречивую роль, она сдерживала распространение национального самосознания в крестьянской среде.
- ¹³ «Матица хорватская» была создана в 1842 г., «Матица словенская» — в 1864 г.; первая читальня в Хорватии — в 1838 г., словенская читальня в Триесте — в 1861 г. В 1866 г. в Загребе была основана Академия наук и искусств и т. д.
- ¹⁴ См.: *J. Sidak*. Studije iz hrvatske povijesti XIX stoljeca. Zagreb, 1973, str. 221—236.
- ¹⁵ Формирование словенской, сербской и хорватской наций завершилось тогда лишь в основном. Ряд элементов этого процесса имел место и позднее. Развитие национального самосознания в отсталых районах Балканского полуострова (как на территории монархии Габсбургов, так и вне ее) или среди отдельных немногочисленных этнических групп продолжалось и в первой четверти XX в.

К изучению семейных обычаев болгарских горожан

Л. В. МАРКОВА

Городской быт — новая проблема в болгарской этнографии. Она начала разрабатываться в последние 10—15 лет, и публикаций по ней пока еще мало. Предприняты лишь первые попытки этносоциологических исследований¹. Тема же семейных обычаев городского населения, насколько нам известно, затронута лишь в статье И. Георгиевой-Юскеселиевой, посвященной духовной культуре современной рабочей молодежи Сливена, и в ее же статье о быте цыган этого города, где привлекается сравнительный материал по болгарам².

Архивные и литературные источники, содержащие сведения о городском быте, как правило, фрагментарны, а немногие описания тех или иных обычаев в отдельных городах относятся к какому-нибудь одному хронологическому периоду³. Основу настоящего исследования составили поэтому данные, собранные автором путем опроса населения, а также наблюдения над его бытом. Такая работа была проделана в 1969—1971 гг. в 13 городах страны. Хронологически она охватывает период от середины XIX в. до наших дней⁴.

Методика изучения городского быта имеет свои особенности, вытекающие из специфики объекта исследования.

Городское население Болгарии (как и любой другой страны) более неоднородно по своему социально-профессиональному составу, культурному уровню и характеру бытовых традиций, чем крестьянское. Неодинаковы и исторические судьбы городов, тем-

пы их развития и пр. Поэтому определению общеполгарской модели городских семейных обычаев на каждом этапе развития должна предшествовать работа по выяснению особенностей в разных социальных слоях групп городов, отдельных городов и внутри каждого из них.

Для первоначального выявления социально-бытовых групп понадобились данные по истории города, его экономике, административном статусе. Богатую информацию дали сведения о структуре города, исторически сложившейся в определенной географической среде, под влиянием национальных взаимоотношений, социальной и профессиональной дифференциации и пр.

Особое значение имеет выяснение этнического состава городских жителей. Перед освобождением от османского ига население многих городов Болгарии было этнически смешанным, при этом доля болгар нередко равнялась половине и более их численного состава. Самым многочисленным иноэтничным компонентом были турки, в ряде городов, кроме того, значительные были группы греков, армян, евреев, цыган и пр.⁵ Длительное проживание болгар бок о бок с представителями других национальностей не могло не отразиться на их быте. Но в процессе увеличения удельного веса болгарского элемента на протяжении XIX—XX вв. за счет прилива в города деревенских жителей, с одной стороны, и в связи с эмиграцией значительного числа турок и греков — с другой, городское население становилось этнически однороднее, а вместе с этим в быту болгар стирались некоторые наслоения традиций других народностей.

С конца XIX в. заметно усилилось сближение болгарского городского быта с общеевропейским. В этом большую роль сыграло просвещение, профессиональная культура, пресса, позднее радио и другие способы массовой информации, превышающей по своему объему информацию, получаемую путем непосредственных контактов, которая преобладала ранее.

Для изучения традиционной основы семейных обычаев важно знать историю формирования групп населения, которые их придерживаются. Это дает возможность сделать предположения относительно происхождения локальных типов обычаев или отдельных их элементов. Статистические данные показывают, что сельские жители переселяются по преимуществу в близлежащие города⁶. Соответственно и локальные варианты городских обычаев чаще всего проявляют известное сходство именно с обычаями окружающего деревенского населения. Исключением из этого правила в числе исследованных нами городов является Пловдив, принявший большие группы переселенцев и из более отдаленных областей.

Сложность изучения городских семейных обычаев выдвигает необходимость наряду с традиционными методами этнографического исследования — опросом местных жителей и собственными наблюдениями — широко привлекать статистические данные, сре-

ди которых особое место занимают результаты анкетного обследования представительных групп населения. К последнему методу, по нашему мнению, нужно обратиться на следующем этапе работы, после выявления узловых вопросов темы.

Избранные для начального этапа работ города, каждый из которых обладает своей индивидуальностью, можно сгруппировать следующим образом. Копривштица, Панагюрище, Трявна, Елена, Котел — это города, в которых активно разворачивалось национально-освободительное движение и культурно-просветительская деятельность в эпоху национального возрождения. В буржуазной Болгарии, с изменением экономики и направления торговых и культурных связей, они сделались заштатными городками, и оживление в их жизни наступило только при народной власти. Здесь более, чем где-либо, можно найти материал для воссоздания бытовой атмосферы торгово-ремесленных поселений третьей четверти XIX в. Габрово и Сливен выделяются как ремесленно-промышленные центры, где наиболее ярко и самобытно протекал процесс зарождения болгарской индустрии. Дунайские города Свиштов и Русе дают представление о двух последовательных этапах европеизации болгарского городского быта в XIX—XX в. К ним примыкает в этом отношении Пловдив, разносторонние экономические и культурные связи которого предопределили и большую сложность процесса урбанизации. Население Шумена, расположенного на востоке страны, создавало свою городскую традицию в условиях тесного общения с компактным турецким населением, одновременно воспринимая, начиная с середины XIX в., известные веяния европейской культуры. Пловдив, Тырново и Видин интересны античным и средневековым наследием в городской культуре, наложившим отпечаток на быт позднейших поколений. Наконец, в Смоляне, находящемся в этнографически очень своеобразной области Родопского горного массива, можно наблюдать складывание городского быта на основе полукрестьянского — полуремесленного. Столица Болгарии София нами не обследовалась ввиду особой сложности этого объекта; ее изучение рациональнее провести на следующих этапах работы.

Несмотря на то что система городских семейных обычаев по сравнению с деревенскими гораздо более открыта внешним воздействиям (включая сюда явления экономической, социальной и культурной жизни внутри страны), она сохранила до наших дней свою этническую специфику. В ней можно проследить элементы, сходные с элементами сельских обычаев, и это создает возможность выявления общенациональных черт семейной обрядности болгар. Таков первый, самый общий вывод из нашей работы.

Сопоставление данных, относящихся к разным хронологическим периодам, приводит ко второму важному выводу: семейные обычаи болгарских горожан находятся в состоянии непрерывного видоизменения, при этом развитие их отнюдь не сводится ни к постепенному затуханию крестьянского комплекса, ни к подав-

лению его системой ритуалов и символов, созданных в сфере профессиональной болгарской культуры или же заимствованных в арсенале городской традиции других стран. Заимствуются лишь отдельные элементы, но параллельно с этим наблюдается оживление народного творчества, переосмысление собственной городской традиции, обогащение ее элементами деревенской, создание новых оригинальных особенностей городского ритуала.

Рассмотрение семейных обычаев болгарских горожан в динамике выявляет два рода факторов, влияющих на складывание их облика и на направление их развития. С одной стороны, это социально-экономические процессы и постепенное повышение общего культурного уровня населения, с другой — этнические традиции.

Многие закономерности явлений первой группы присущи не только болгарам, а потому их воздействие на обычаи приводят к результатам, которые отмечаются и у других народов. По преимуществу, это та содержательная сторона обычаев, которая отражает общие черты развития семьи и общества, а также основы мировоззрения народа на данном этапе его истории.

Один из интереснейших моментов эволюции семейных обычаев — это взаимодействие в них городской и деревенской традиций. Если рассматривать только род традиций (городская или деревенская?), отвлекаясь от их конкретной формы, то можно заметить зависимость удельного веса той и другой от соотношения в городе коренных жителей и пришельцев из села. Но этого мало. На интенсивность восприятия деревенской традиции, на положительную или отрицательную ее оценку оказывали влияние социальная дифференциация, сословная замкнутость или же, наоборот, демократизм общественных отношений. Поэтому, хотя народонаселение болгарских городов на протяжении исследуемого периода непрерывно возрастало за счет главным образом сельских жителей, восприятие деревенской традиции в семейных обычаях шло неравномерно.

В период болгарского возрождения даже в небольших торговых-ремесленных центрах отмечается упрощение обрядности семейного цикла обычаев, но сохраняется их типологическое сходство с крестьянскими. Сказывалась еще относительная близость семейного уклада большей части горожан и крестьян и подчеркнута положительное отношение общества к традиционной культуре, которая сыграла значительную роль в формировании национальной культуры болгар. В семьях с различным имущественным и социальным положением обычаи в целом были еще однородными⁷. Только представители верхушки общества — богатые буржуа и духовенство — стремились противопоставить народной культуре свою, делали попытки внести коррективы в бытовые традиции, руководствуясь практическими соображениями экономии времени и средств (это период становления капитализма в Болгарии) и в целях укрепления влияния церкви (союзницы буржуазии) и цер-

ковной культуры. Ряд городских управ издал постановления о резком сокращении расходов на свадьбы и другие семейные торжества и рекомендации относительно исполнения семейных ритуалов; обряды, имевшие языческую основу, осуждались как «простонародные», не приличествующие якобы культурному уровню горожан. Эта деятельность не принесла, однако, предполагаемых результатов.

Для буржуазного периода характерно противопоставление культуры города и деревни. Городские обычаи приобрели в это время определенную стабильность и специфичность, что затрудняло включение в них крестьянских элементов. Углубившаяся социальная дифференциация заметно отразилась на расслоении системы семейных обычаев. Для крупной буржуазии, офицерства и части интеллигенции было характерно пренебрежительное отношение к деревенской традиции, неумеренное заимствование стиля и элементов обрядности из быта социальных верхов в крупных европейских городах. Вместе с ритуалами, имевшими магический смысл, в этой среде отмирали и положительные моменты народных обычаев: многолюдность семейных торжеств и подчеркнутая публичность их проведения, живость и примесь юмора в выполнении отдельных традиционных элементов уступили место чопорности стиля, стремлению замкнуться в среде своего сословия, узкого круга родни.

Скудость средств существования и разобщенность мелких собственников капиталистического города наложили свой отпечаток на семейные обычаи ремесленников. Их обрядность была сильно упрощена, круг участников сужен, момент экономического расчета преувеличен. Так, если в предшествующий период в обычаях многих горожан и крестьян основным обрядовым реквизитом служили цветы, зелень, вода, хлеб, мед и т. п., которые придавали действу поэтичность, подчеркивали моральную сторону взаимоотношений людей, то в буржуазном городе символический смысл этих предметов обесценился в сравнении со стоимостным значением даров, состоявших из вещей и денег⁸. В среде трудовой интеллигенции, а также передовой части рабочих и мелких ремесленников отмечался более разумный подход к народной традиции, избегание преимущественно отрицательных ее элементов — суеверий, магических действий, навыков, вредных здоровью (например, в родильных обрядах). На отход от вредных бытовых пережитков оказывала влияние атеистическая пропаганда коммунистической партии, культурно-просветительная работа читальщ, прогрессивных общественных организаций.

Коренная перестройка экономики в социалистической Болгарии вызвала миграции внутри страны, каких не знала ее история. Население городов обновилось вследствие огромного наплыва крестьян и одновременного оттока квалифицированных кадров из числа коренных жителей средних и малых городов в крупные промышленные и культурные центры. В обстановке демократи-

зации общества и стирания культурно-бытовых различий между городом и деревней происходит интенсивное взаимопроникновение городских и сельских традиций. При этом многие традиционные моменты в семейных обычаях переосмыслиются в соответствии с возросшим культурным уровнем широких масс, с изменением общественных отношений и устоев семьи.

Отмеченным особенностям эволюции семейных обычаев можно найти много аналогий у других народов, переживших сходные события в своей истории. И это важно для изучения общих закономерностей социально-бытового развития. Но форма проявления этих особенностей у болгар своеобразна. Имеет свою специфику комплекс представлений о желательном и нежелательном в семейной жизни, характерны этические нормы и эстетические вкусы, набор символов, магических действий, реквизита, состав обрядовых лиц, наконец, структура обрядности. Они-то и придают семейному циклу обычаев болгарских горожан неповторимый облик. Пройлюстрируем это на примере родильных обычаев.

В родильном цикле показали устойчивость следующие главные моменты, присутствующие и в крестьянском комплексе. В день родов домашние раздают своим близким обрядовый хлеб — *питу* во здравие матери и ребенка (теперь кое-кто заменяет хлеб тортом). Это и оповещение о событии, и форма поздравления со стороны узнавших о нем (отламывая кусочек от поднесенного хлеба, люди произносят благопожелания ребенку). На третий день после родов (теперь — после выхода роженицы из родильного дома) устраивается торжество в узком кругу родственников и соседей — *малка пита*. Посетить роженицу считается моральным долгом. Гостям полагается принести с собой хлеб (*пита*) и что-нибудь из кушаний, в числе которых непременно должно быть сладкое. Хозяйка стол не накрывают, и это имеет рациональный смысл: не затруднять еще не окрепшую после родов женщину. Через некоторое время проводится торжество в более широком кругу — *голяма пита*, на которое гости уже приглашаются. Далее следует церемония наречения ребенка именем. Религиозный ритуал крещения занимал в прошлом незначительное место в народном обычае «крестин». Теперь крещение заменяет гражданский ритуал наречения именем, совершаемый в городском народном совете. Полагается отметить также «первый шаг» ребенка (мать бегом раздает обрядовый хлеб соседям — «чтобы дитя резво бегало»; преподносит хлеб, торт, конфеты воспитательницам детских ясель). Другой традиционный момент — прокатывание хлеба по полу между ножек ребенка — перестал соблюдаться по гигиеническим соображениям. В прошлом имело распространение гадание о будущем роде занятий новорожденного; ныне, если оно и соблюдается, то лишь как забава в домашнем кругу. Этот обычай, очевидно, развился из древнеевропейского поверья о феях, предсказывающих судьбу младенцу (поверья о таких *орисницах* сохранились в селах Западной Болгарии).

Основная цель и смысл исполнения родильных обычаев — пожелать здоровья и благополучия матери и ребенку — выражались, например, следующими средствами: разламыванием обрядового хлеба с произнесением традиционной словесной формулы, раздачей медового хлебца (мед — символ «сладкой», благополучной жизни), оставлением в колыбели нитки, выдернутой из собственной одежды («на добрый сон»), соблюдением специфических запретов со стороны гостей при посещении ими дома роженицы и т. п. Имелся специфический набор апотропейных средств (чеснок, красная шерстяная нитка, железный предмет, пучок целебных трав и пр.), запретов, налагаемых на мать в течение первых 40 дней после родов, средств, якобы предохраняющих ребенка от заболеваний. Комплекс действий, символов и реквизита, связанный со здоровьем матери и младенца, очень консервативен и восходит к глубокой древности. Но вследствие развития образования и атеистического мировоззрения он претерпел большие изменения. Одни элементы исчезли, другие трансформировались в символы, которые придают особый смысл и торжественную окраску семейным праздникам, но совершенно лишились религиозного содержания. Так, разламывание хлебов и *меденика*, формулы традиционных благопожеланий вошли в современный гражданский ритуал наречения именем.

Состав обрядовых лиц более изменчив, на нем быстрее отразились изменения в обществе. Так, еще в буржуазной Болгарии среди образованных слоев горожан уже началось нарушаться правило, чтобы на *питах* присутствовали только женщины. Теперь же этот обычай уже никем не соблюдается. В крестьянских родильных обычаях важное место занимала повитуха — *баба*. В бедных городских слоях, пока прибегали к ее помощи, она сохраняла свою почетную роль в семье новорожденного и причастность к ритуалам семейного цикла. Ее общественное положение было до некоторой степени унаследовано акушерками, исполнившими отдельные обрядовые действия и отчасти использовавшими рациональный опыт народной медицины. В социалистической Болгарии учрежден официальный праздник Родильной помощи на основе народного Бабина дня (21 января), во время которого исполняются некоторые традиционные обряды.

Другие важные обрядовые лица — «крестные». Эти роли сохранены в современном гражданском ритуале наречения именем, где они выступают под старым названием *кръстник*, *кръстница* как наставники родившегося, т. е. отпало значение крестного — восприемника при церковном крещении, а осталось бытовое, народное его значение. Последнее претерпело, однако, изменения. В «крестные» выбирают уважаемого человека, связанного дружескими или деловыми узами с родителями ребенка, тогда как прежде эта роль передавалась по наследству (впрочем, традиция стала широко нарушаться в городах уже с начала XX в.).

Не касаясь здесь других семейных обычаев, укажем только,

что целый ряд образных средств в них сходен с отмеченными нами в родильном цикле. Таковы, например, разламывание хлеба (вообще роль хлеба в приобщении людей к обрядовому действию), меденик, который разламывают и перед свадьбой (тот же символ), апотропеи (красные нитки, железо), употребляемые в свадебных и похоронных обрядах, ныне превратившиеся в символ здоровья, и пр. Аналогичный смысл выражается аналогичными же средствами. Сходна с «крестным» роль «кума», сходны знаки уважения к ним, сходен этикет поведения женщины в обрядах и изменение его с получением равноправия в социалистическом обществе и т. д.

Городские семейные обычаи немного однороднее крестьянских. Их обрядность проще и обобщеннее, она очищена от целого ряда пережитков прошлых эпох. Это более высокий этап развития бытовой культуры, созданной на том уровне этнического развития, когда складывается и развивается нация.

- ¹ Г. Митков, Е. Миткова. Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар. — «Советская этнография», 1975, № 2.
- ² И. Георгиева-Юскеселиева. Развитие на духовния бит на съвременната работническа младеж на гр. Сливен. — «Известия на Етнографския институт и Музей», кн. X. София, 1967; она же. Исследования върху бита и културата на българските цигани в Сливен. — Там же, кн. IX, 1966.
- ³ См., например: И. Груев. Обычаи и обреди по сватби в Копривщица. — «Периодическо списание», кн. 54. Средец, 1896; П. Цончев. Из обществено и културно минало на Габрово. София, 1934.
- ⁴ Материалы, собранные автором в 1969 г., хранятся в архиве Института этнографии АН СССР, собранные в 1970—1971 гг., — в архиве Этнографического института Болгарской Академии наук.
- ⁵ См.: Н. Тодоров. Балканския град. XV—XIX век. София, 1972, стр. 334—335, 339—340; Е. Колева. Промени в етнически състав на населението на гр. Пловдив. — «Годишник на музеите в Пловдив», кн. IV. Пловдив, 1965, стр. 67—68.
- ⁶ См.: М. К. Сарафов. Населението в градовете Русе, Варна и Шумен. — «Периодическо списание», кн. 4, 1883, стр. 45; статистические сведения предоставленные автору в городских народных советах В.-Тырново, Сливена, Панагюриште.
- ⁷ Х. Н. Даскалов. Празници и обичаи в Тревненско. — «Сборник за народни умотворения», кн. XXII—XXIII, дел. I. София, 1906—1907, стр. 1; Еж. З-ва. Грижи за обществен морал през време на възраждането ни. — «Мир», бр. 1282, 28.V.1943 г.
- ⁸ «Юбилеен сборник на Копривщица», кн. I. София, 1926, стр. 649—651; Еж. З-ва. Указ. соч.

Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв.

(опыт исторической характеристики)

Г. Г. ЛИТАВРИН

Рассматривая проблему культурных отношений с исторической точки зрения, мы имеем в виду не только различные отрасли изобразительного искусства, архитектуры или литературного творчества, но и все иные проявления духовной жизни общества вообще — всю совокупность естественнонаучных знаний, идеологических, нравственно-этических и эстетических ценностей, созданных людьми в процессе их общественно-исторической деятельности.

Культурные связи Древней Руси и Византии неотделимы от всего комплекса их межгосударственных, экономических и политических отношений; развитие этих связей и их конкретные формы обуславливались как особенностями истории обеих стран, так и характером той политической и исторической конъюнктуры, которая складывалась на различных этапах в отношениях между Русью и Византией на международной арене.

Однако в целом культурные связи в течение всего рассматриваемого периода отличались гораздо большей устойчивостью, чем отношения государственные. Культурный обмен далеко не всегда подвергался строгому регулированию со стороны официальной власти; нередко он совершался стихийно и незаметно, не прерываясь полностью даже в периоды временного прекращения дипломатических и торговых отношений.

Стабилизации культурных связей Древней Руси и Византии способствовали также никогда не прерывавшиеся отношения между византийской и русской церковью, имевшие в то время огромное значение в культурном общении народов: даже в периоды резкого обострения политических отношений русская церковь должна была функционировать, поддерживая сугубо официальные

контакты с константинопольской патриархией, которой она была подчинена.

Культурные связи с Византией, кроме того, уже в XI в. стали потребностью все более расширяющегося круга просвещенных людей русского общества, и удовлетворение этой потребности далеко не всегда целиком зависело от политических акций княжеской власти.

Нельзя не учитывать также, что с конца X — начала XI в. в Древней Руси (по крайней мере, в Киеве) эпизодически или в течение длительного времени проживали представители культурного общества империи, а в Византии, в свою очередь, существовали, постоянно обновляясь, русские колонии и монашеские конгрегации, поддерживавшие связи с родиной и находившиеся в непрерывном общении с миром византийской культуры.

Определенную роль в сохранении устойчивости русско-византийских культурных связей в домонгольский период играл еще один фактор: если в силу конкретных причин контакты Руси с империей временно ослабевали, то они оставались сравнительно интенсивными с другими странами, втянутыми в орбиту влияния византийской цивилизации (Болгария, Сербия и т. д.).

Отметим, наконец, еще одно обстоятельство, характерное для культурных отношений между Древней Русью и Византией. Взаимная отдаленность, несомненно, затрудняла их культурное общение. Однако имевшая место интенсивность этого общения подчеркивается специалистами; по мнению некоторых из них, «культурное сообщество» «православных» государств парадоксальным образом было на периферии даже более устойчивым, чем в центре (на Балканах)¹. При всех преувеличениях, которые при этом допускаются², необходимо учитывать тот факт, что трудности контактов между русскими и византийцами, вызываемые удаленностью их государственных границ, в известной мере компенсировались редко учитываемой спецификой политических отношений этих стран. Интерес к византийской культуре в древнерусском обществе никогда не осложнялся угрозой непосредственной агрессии со стороны Византии.

Древняя Русь не знала осуществляемой Византией по отношению к соседним народам с помощью силы политики «ромеизации»: атрибуты византийской цивилизации никогда не приобретали на Руси значения символов иноземного угнетения и ненавистной чужой власти. Отнюдь не случайно столь резко ослабли культурные контакты Древней Руси с Болгарией (особенно в XII в.), когда империя, завоевав эту страну, проводила там упомянутую политику³.

Учитывая общий ход культурно-исторического развития Древней Руси и Византии и характер их межгосударственных отношений в целом в течение X—XIII вв., мы выделяем в их культурных связях домонгольской эпохи три периода: IX — конец X в., конец X — конец XI в. и конец XI — 40-е годы XIII в.

Разумеется, начальная грань первого периода весьма условна: первые культурные контакты империи с населением Восточно-Европейской равнины восходят к более глубокой древности. Первоначально зоной непосредственного общения восточных славян и византийцев были причерноморские колонии империи⁴. Прямые контакты русских с Константинополем устанавливаются около середины IX в. Нет никаких сомнений в том, что образование единого Древнерусского государства (конец IX в.) находится в закономерной связи с особенно настойчивым стремлением русских к регулярным, договорным отношениям с Византийской империей.

Древняя Русь силой навязала себя Византии в качестве партнера в системе ее межгосударственных отношений. Но одновременно она попала в сферу влияния высокой византийской цивилизации.

Безусловно, культурные контакты в это время были еще весьма поверхностными. Но невозможно их отрицать совершенно. Отвлекаясь от данных археологии о проникновении на Русь художественных изделий Византии, упомянем о свидетельствах письменных источников, говорящих о постепенном распространении христианства в Древней Руси в течение почти полутора веков до официального его принятия в качестве государственной религии. Учитывая особенности византийской дипломатии, хронологически невозможно отделить первые контакты империи с каким-либо «варварским» народом от попыток его приобщения к христианской доктрине — центральному феномену византийской цивилизации и мощному рычагу имперской дипломатии одновременно.

Действительно, после первого же похода Руси на Византию влиятельная часть русских в 860—867 гг. приняла христианство, и это сопровождалось официальными мерами по организации на Руси христианской церкви. Однако и после этого процесс распространения христианства среди русских совершался в основном по неофициальным путям. Во всяком случае в начале X в. в Киеве уже легально функционировала христианская церковь (св. Ильи); к 40-м годам этого же столетия христианами были многие из ближайшего окружения киевского князя, а едва через десятилетие христианкой стала и правительница Древнерусского государства княгиня Ольга⁵.

Первый, дохристианский период культурных контактов Руси и Византии носил лишь «подготовительный» характер. Но нельзя полностью элиминировать его значение, подчеркиваемое в работах многих исследователей⁶. Именно к этому времени относится начало проникновения на Русь столь важного фактора культуры, как славянская письменность. Во-первых, она была непременным спутником христианства. Во-вторых, сами потребности развивающегося государства, независимо от христианства, обуславливали использование письменности⁷.

Процесс усвоения элементов развитой цивилизации предполагает достижение воспринимающей стороной определенного культурного уровня. Без учета какого бы то ни было значения культурных связей Руси с Византией и южным славянством до 988 г. невозможно достаточно убедительное объяснение бурного развития самых разных сфер древней русской культуры уже через столетия после «крещения Руси»⁸.

Действительно новый этап в русско-византийских культурных отношениях наступил после официального принятия Русью христианства как государственной религии. Древняя Русь вошла в византийский религиозно-культурный ареал. Сфера культурного воздействия империи на Русь резко расширилась. Период с 988 г. до конца XI в., особенно первое полувековье, отличался наиболее интенсивными культурными связями по официальной государственной линии, так как в самых существенных своих проявлениях они оказались в русле внешней (а на Руси — и внутренней) политики обеих сторон.

Именно в этот период Древняя Русь освоила и адаптировала основные ценности византийской цивилизации, именно в течение этого периода в целом сложились и основы древнерусской культуры домонгольского времени.

Византия стремилась с максимальной полнотой утвердить на Руси свое идеологическое и культурное влияние. Но уже в первые десятилетия после принятия христианства Древняя Русь не была пассивно воспринимающей стороной. Даже в этот период ярко проявившегося активного духовного «учительства» греков достаточно явственно прослеживается избирательность, проявленная русскими при усвоении элементов византийской цивилизации.

В наиболее «чистом» и адекватном виде воспринимались при этом те стороны византийской культуры, которые были неотъемлемыми атрибутами христианского вероучения, организации церкви, канонического права и отправления православного культа, так как эти стороны имели непосредственное отношение к идейно-политической жизни и в отношении их проявился особенно строгий контроль государственной власти.

Однако даже в этой сфере византийского воздействия на Русь имела место примечательная особенность: если оставить в стороне тот цикл церковно-литургической литературы, который был совершенно необходим для отправления христианского культа⁹, то в числе проникавших на Русь в старославянском переводе или переводившихся на Руси богословских трудов оказывались, как правило, лишь труды классиков византийского православия раннехристианской эпохи. Труды византийских богословов-современников (живших в X—XII вв.), не говоря уже о светских памятниках византийской литературы, в целом на Руси оставались неизвестными. Полагают, что подобный подход к делу определялся сознательными целями русской светской и церковной власти: в эпоху далеко не мирного процесса утверждения христианства среди

широких масс языческого населения правящий класс на Руси обращался к апробированным временем теологическим сочинениям, сыгравшим большую роль в победе христианского вероучения в самой Восточноримской империи. К усвоению тонкостей византийской теологии, развитой в сочинениях X—XII вв., русское общество в это время еще не было подготовлено¹⁰. И византийский высший клир воздерживался от рекомендаций неопитам новейших сочинений византийских богословов, так как их труды еще не были освящены церковной традицией и «источали» пыл неостывших дискуссий, опасных для нестойких в вере наивных умов новообращенных христиан¹¹.

Самый процесс восприятия определялся конкретными историческими условиями. Воспринимаемое активно приспособлялось к насущным потребностям русского общества. Сколь ни велик был авторитет римско-византийской юриспруденции, влияние тонко разработанного светского права империи на древнерусское осталось в XI—XII вв. весьма поверхностным — оно не отвечало сложившимся на Руси нормам социальной и общественной жизни¹².

В данной статье мы не имеем возможности перечислять достаточно хорошо известные примеры ярких и оригинальных шедевров древнерусской культуры, созданных уже в XI столетии. В области литературы это нашло проявление, например, в создании таких памятников, как «Слово о законе и благодати» Илариона, анонимное житие Бориса и Глеба, житие Феодосия Печерского и «Чтения» о Борисе и Глебе Нестора, жития Владимира и Ольги и др.¹³ К концу XI в. сложилась столь оригинальная, специфически русская отрасль древнерусской литературы, как летописание, представлявшее собою первую попытку определить место своей страны и своего народа в мировой истории и в современном летописцу мире¹⁴.

Особые, местные акценты в переводных памятниках византийской литературы, как пришедших на Русь непосредственно из империи, так и через южных славян, прослеживаются уже в текстах XI столетия; проявилась смысловая, стилистическая и языковая адаптация переводных византийских памятников, превращавшая эти памятники из произведений иноземной литературы в явления актуальной культурной жизни Древней Руси¹⁵⁻¹⁶.

Византийское влияние проявлялось тем ярче, чем слабее была развита та или иная отрасль древнерусской культуры в дохристианскую эпоху. К таким отраслям в целом можно причислить, например, каменное монументальное зодчество на Руси, которое активно осваивалось в течение XI в., следуя в целом нормам византийского столичного строительного канона. Но и в этом строительстве уже в конце XI в. нашли выражение черты своеобразия, связанные с особенностями социального устройства древнерусского общества и его вкусами¹⁷. Некоторые советские исследователи отстаивают и ныне давно высказанное мнение, что

каменное зодчество на Руси с самого начала усвоило частично и традиции русского деревянного строительства¹⁸.

К концу XI в. стала оформляться на Руси, по-видимому, и собственная живописная русская школа¹⁹. Знакомство с высокохудожественными изделиями византийского ремесла, несомненно, способствовало быстрому прогрессу русского прикладного искусства. Византийские мастерские по производству смальты для мозаик и художественного стекла были открыты в Киеве уже на рубеже X—XI вв., а через столетие собственно русские стекольные мастерские производили изделия, конкурировавшие с византийскими²⁰.

В течение столетия (с конца X до конца XI в.) Древняя Русь превратилась в одну из цивилизованных стран Европы. Она располагала отныне собственными кадрами высокообразованных людей не только в среде духовенства, но и в светской среде.

С конца XI в. характер межгосударственных отношений Древней Руси и Византии существенно меняется. Торговые связи утрачивают былое значение во внешней политике русских князей. Сама эта политика по отношению к империи теряет былую целостность и единство: каждое из княжеств, на которые распалась Русь, стремилось к проведению своей, отвечавшей его интересам внешней политики. Избирательной и маневренной в соответствии с меняющейся ситуацией на Руси стала и политика Византии по отношению к русским княжествам²¹. Завоевание Византии крестоносцами в 1204 г. серьезно осложнило государственные контакты Руси с осколками империи (Эпиром и Никеей)²². Завоевание Киева и других русских центров в 40-х годах XIII в. монголо-татарами привело к временному почти полному прекращению русско-византийских отношений.

Все это, разумеется, не могло не отразиться на характере культурных связей Древней Руси и Византии. Однако однозначное заключение, что существенные перемены в этих связях обусловлены главным образом изменениями во внешней политике обеих держав и в условиях их межгосударственных контактов, было бы неверным.

Главное состояло в глубоких общественно-политических и культурно-исторических переменах во внутреннем развитии Древней Руси: пути дальнейшего развития ее отдельных земель — самостоятельных княжеств постепенно расходились. Кроме того, «учительная» роль греков в основном закончилась. Русь была способна отныне без вмешательства извне решать сложные вопросы православной доктрины и казусы церковно-литургической практики. К арбитражу константинопольского патриарха и византийских канонистов прибегали теперь не столько из-за недостатка знаний и опыта, сколько в расчете на поддержку в острой церковно-политической борьбе, разделявшей высший клир и княжеские центры на Руси²³. Культурные связи по официальной линии приобрели преимущественно церковно-политический аспект.

Тем не менее культурное общение Древней Руси и Византии в течение третьего периода в определенном смысле стало более глубоким и плодотворным, так как обуславливалось теперь главным образом не узкими идейно-политическими интересами княжеской власти и правящего класса, а многообразными духовными и эстетическими потребностями русского культурного общества.

Гораздо более широким в этот период стал круг византийской литературы, приходившей на Русь в старославянских переводах и переписывавшейся на древнерусском, а также переводившейся непосредственно с греческого. Большую популярность на Руси приобрели в это время сборники нравственно-назидательного содержания («Пчелы»), включавшие изречения, приписывавшиеся античным авторам и отцам церкви²⁴. Стало известно русскому читателю и получило широкое распространение существенно переработанное византийское эпическое произведение о Дигенисе Акрите — «Девгениево деяние»²⁵. Известные на Руси еще в XI в. так называемые отреченные книги, апокрифы, запрещенные официальной церковью, проникли сюда в основном в XII—XIII вв.²⁶ Древнерусские книжники активно осваивали в это время самые различные стили и жанры византийской литературы, создавая шедевры собственно русского литературного творчества. Сложилась древнерусский литературный язык, оформились и идейно-художественные нормы древнерусского литературного творчества²⁷.

Относительно живописи для этого периода уже можно говорить не только о тонком вкусе, проявляемом русскими художниками при отборе византийских образцов и их воспроизведении, но и о становлении местных русских художественных школ²⁸. Утверждением собственного типа, формированием «собственного художественного кредо» завершился этот период развития и древнерусского зодчества²⁹.

В настоящее время советская наука располагает гораздо большими доказательствами высокого уровня древнерусской культуры домонгольского времени, чем 15—20 лет назад. В северных городах Руси археологи обнаружили в слоях XII—XIII вв. сотни берестяных грамот самого разного, почти исключительно светского содержания. Эти грамоты свидетельствуют о широком распространении бытовой письменности на Руси не только в среде знати и духовенства, но и среди городских ремесленников³⁰. Об этом же говорят и многочисленные надписи на изделиях самых различных отраслей древнерусского ремесла³¹, и граффити на стенах древних соборов³².

Для правильной оценки этого уровня культуры нельзя не упомянуть и о тех ее областях, которые остались почти или совсем не затронутыми византийским влиянием. Мы имеем в виду русское народное творчество, в частности эпос, героические песни, сказания, былины, созданные в духе древней языческой традиции³³. В XI—XII вв. Древняя Русь переживала эпоху «двоеверия»: языческая культура медленно и неохотно отступала перед хрис-

тианством, ее мотивы и характерные черты не были изжиты и в послемонгольскую эпоху³⁴. Без учета русского былинного эпоса, не испытавшего византийского влияния, не может быть по достоинству оценен такой шедевр древнерусской литературы домонгольской поры, как «Слово о полку Игореве»³⁵.

Характерной особенностью третьего периода культурных связей Древней Руси и Византии было начало так называемого обратного движения культурных ценностей — начало проникновения элементов оригинальной русской культуры на Балканы. Вряд ли возможно при этом говорить о сколько-нибудь заметном влиянии молодой русской культуры на собственно византийскую. Однако несомненно ее некоторое влияние на южнославянскую культуру. В конце XII в., после освобождения болгар и сербов от византийского господства, приведшего к замедлению темпов развития оригинальной культуры этих народов (политика «ромеизации»), Древняя Русь содействовала быстрому возрождению имевшей богатые традиции южнославянской культуры. В частности, Древняя Русь «возвращала» на Балканы сохраненные ею памятники старославянской литературы. В XII в. среди славян Балканского полуострова становится популярным культ русских святых: Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского и др. Иначе говоря, их созданные на Руси жизнеописания проникли в это время в Болгарию и Сербию и получили широкое признание³⁶. Возможно, житие Бориса и Глеба было переведено и на греческий язык. Некоторые изделия художественного ремесла Древней Руси стали в этот период пользоваться спросом и в пределах самой Византийской империи³⁷.

Остановимся кратко на тех пунктах и центрах, которые в течение нескольких веков служили средоточием наиболее интенсивного культурного общения русских и византийцев. Не все эти центры можно ныне указать с достаточной точностью: пути и формы культурного общения были весьма различны и многообразны. Немалую роль играли непосредственные контакты образованных русских и византийцев как на Руси, так и в империи.

Тем не менее можно указать и вполне конкретные пункты, в которых культурный обмен совершался относительно постоянно. На Руси это было прежде всего подворье греческого митрополита, возглавлявшего русскую церковь, со всем его штатом, и греческие колонии, в которых эпизодически проживали византийские архитекторы, живописцы, певчие, стеклоделы, а также дипломаты, купцы, политические эмигранты.

В византийской столице подобного рода русская колония существовала уже в начале X в., сначала в предместье св. Маманта, а через столетие — в самом Константинополе³⁸. По всей вероятности, русская колония в XII в. имела и в Фессалонике, где русские купцы участвовали в ежегодных осенних ярмарках и где русские пилигримы останавливались на пути к Афону.

Большую роль в культурном и особенно в литературном обмене играли византийские монашеские центры—такие, как Олимп (в Вифинии), константинопольские обители (главным образом Студий) и Афон. Особенно большое значение в усвоении и переработке сокровищ византийской цивилизации имел существовавший с начала XI в. русский монастырь на Афоне³⁹.

Проблема русско-византийских культурных отношений тесно связана с вопросом о культурных связях Древней Руси с южными славянами, с Болгарией и Сербией, а для раннего периода также с Моравией и Чехией.

Как в дохристианский период, так и в течение полувека после принятия Русью христианства (до завоевания Болгарии византийцами в 1018 г. и до начала проведения ими активной политики ромеизации на Балканах) исключительную роль в приобретении Древней Руси к византийской цивилизации сыграло Болгарское царство, содействовавшее своим посредничеством и прямым участием распространению славянской письменности на Руси и передавшее ей литературные сокровища старославянской литературы, созданные в эпоху Симеона⁴⁰.

Несомненно, центры культурного общения русских и южных славян имелись в XII в. в Болгарии и, несколько позже, в Сербии. Но и в пределах самой империи русские особенно охотно вступали в контакты с представителями южнославянских народов. Установлено, например, что «Славянский пролог» был переведен в XII в. в Константинополе совместно болгарин и русским⁴¹. Афонские монастыри: болгарский (Зограф), русский (св. Пантелеймона) и сербский (Хиландарь)—находились в особенно тесных связях среди прочих обитателей св. Горы.

Культурные связи Древней Руси и Византии сыграли крупную историческую роль в развитии и становлении древнерусской культуры. Влияние самой развитой в IX—XI вв. страны средневековой Европы было плодотворным и многообразным. Благодаря ему Древняя Русь приобщилась к сокровищам античной, в особенности — эллинистической цивилизации, к нравственно-эстетическим идеалам раннехристианской эпохи, к традициям блестящего византийского искусства. Активно и творчески воспринимая и перерабатывая это богатое наследие, Древняя Русь нашла собственные пути культурного развития; она сама стала источником высоких культурных ценностей.

Соприкосновение с миром многогранной византийской цивилизации необычайно расширяло кругозор русского человека. Культурное общение с Византией содействовало оформлению и древнерусской народности, осознанию русскими себя самих как особой исторической, этнической, политической и культурной общности.

- ¹ *D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453.* London, 1971, p. 348. Ср. *Gy. Moravcsik. Byzantium and the Magyars.* Budapest, 1970, p. 31—33.
- ² *Г. Г. Литаарин. D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1459.* London, 1971.—«Вопросы истории», 1972, № 2, стр. 183.
- ³ *В. Мошин.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 19, 1963.
- ⁴ *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Шапов.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 384; *В. М. Минорский.* История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, стр. 196, 201.
- ⁵ *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 59—68.
- ⁶ *М. Н. Сперанский.* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы.—«Slavia», t. VII, № 3, 1925, стр. 524; *В. Мошин.* Указ. соч., стр. 33; *Н. Н. Воронин и А. Г. Кузьмин.* Духовная культура Древней Руси.—«Вопросы истории», 1972, № 9, стр. 113—116, 125; *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1970, стр. 14.
- ⁷ *А. А. Зимин.* Памятники права Киевского государства. М., 1952, стр. 3—4; *С. М. Каштанов.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в.—«Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, стр. 209—215; *Н. Н. Воронин и А. Г. Кузьмин.* Указ. соч., стр. 115; *Д. А. Аедусин.* Гнездовская корчага.—«Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 112—119; *А. С. Львов.* Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова.—«Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 30, вып. 1, 1971, стр. 51.
- ⁸ *М. Н. Тихомиров.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 96, 98 и сл.
- ⁹ *В. Мошин.* Указ. соч., тр. 50—51.
- ¹⁰ *И. П. Еремин.* Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 12—18.
- ¹¹ *З. В. Удальцова.* Русско-византийские культурные связи.—«The Proceedings of the XIII International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 23.
- ¹² *Я. Н. Шапов.* Церковь и становление древнерусской государственности.—«Вопросы истории», 1969, № 11.
- ¹³ *И. П. Еремин.* Указ. соч., стр. 16—17, 28; *Н. Н. Воронин и А. Г. Кузьмин.* Указ. соч., стр. 118—119; *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 92—96. Ср.: *В. П. Адрианова-Перетц.* Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIX, 1963.
- ¹⁴ *Д. С. Лихачев.* Повесть временных лет. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957; *он же.* Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945; *Я. Н. Шапов.* Русская летопись о политических взаимоотношениях Древней Руси и Византии.—«Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972.
- ¹⁵⁻¹⁶ *Д. С. Лихачев.* К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 20, 1964; *Н. А. Мещерский.* К вопросу об источниках «Изборника 1076 года».—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 27, 1972; *Д. С. Лихачев.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973; *он же.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; *В. П. Адрианова-Перетц.* Задачи изучения агиографического стиля Древней Руси.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 20, 1964, стр. 41—46.
- ¹⁷ *А. И. Комен.* Византийская архитектура IX—XII веков и архитектура Киева конца X — начала XII столетия. Автореферат канд. дисс. М., 1971, стр. 16—17.
- ¹⁸ *Н. Н. Воронин и А. Г. Кузьмин.* Указ. соч., стр. 125—126.
- ¹⁹ *В. Н. Лаварев.* Живопись и скульптура Киевской Руси.—«История русского искусства», т. 1. М., 1953; *он же.* Живопись Софии Киевской. М., 1960; *В. И. Антонова и Н. Е. Мнева.* Каталог древнерусской живописи XI —

- начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации, т. 1. М., 1963, стр. 51—53.
- ²⁰ Ю. Л. Шапова. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в X—XII вв.—«Византийский временник», т. 19, 1961, стр. 66—71; она же. Художественное стекло Древней Руси.—«Древнерусское искусство. Художественная культура»; см. также: А. Н. Свирич. Ювелирное искусство Древней Руси XI—XVII вв. М., 1972.
- ²¹ Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в.—«Proceedings...»; Г. Г. Литаврин. Русь и Византия в XII в.—«Вопросы истории», 1972, № 7.
- ²² В. Т. Пашуто. Внешняя политика..., стр. 201.
- ²³ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.).—«Византийский временник», т. 21, 1962; он же. «Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII в.—«Византийский временник», т. 23, 1963; он же. Сказание о победе над болгарами в 1164 г. и праздник Спаса.—«Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963; он же. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.—«Византийский временник», т. 26, 1965; В. Т. Пашуто. Внешняя политика..., стр. 199.
- ²⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Человек в учительной литературе Древней Руси.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. 27, 1972.
- ²⁵ В. Л. Кузьмина. Девгениево деяние. М., 1972; А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. 1964.
- ²⁶ М. Н. Тихомиров. Русская культура..., стр. 117 сл.
- ²⁷ Д. С. Лихачев. Развитие древнерусской литературы...; И. П. Еремич. Указ. соч.; Л. Л. Муравьева. Духовная культура Северо-Восточной Руси.—«Вопросы истории», 1973, № 10; В. А. Плугин. Культура Владимиро-Суздальской Руси.—«Вопросы истории», 1972, № 4. Я. Д. Исавич. Культура Галицко-Волынской Руси.—«Вопросы истории», 1973, № 1; См.: «История русского искусства», т. II. М., 1954; В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М., 1966; О. С. Попова. Галицко-волыньские миниатюры раннего XIII в. (К вопросу о взаимоотношениях русско-византийского искусства).—«Древнерусское искусство. Художественная культура...»
- ²⁸ А. И. Кочев. Указ. соч., стр. 19—20.
- ³⁰ А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг.—«Советская археология», 1965, № 3; Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- ³¹ А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.
- ³² С. Д. Бабишин. Данные эпиграфики о грамотности древнерусских ремесленников.—«Вопросы истории», 1973, № 4.
- ³³ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- ³⁴ Я. Н. Шапов. Церковь...; А. Г. Кузьмин. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века.—«Вопросы истории», 1971, № 10; Б. А. Рыбаков. Языческое мировоззрение русского средневековья.—«Вопросы истории», 1974, № 1.
- ³⁵ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; он же. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- ³⁶ М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Б. Ангелов. Из история на руското културно влияние в България.—«Известия на Института за българската история». София, 1956.
- ³⁷ А. П. Каждан. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии.—«Международные связи России до XVII в.». М., 1964; А. Davidson. The Minor Objects. Corinth, 12. Camb. Mass., 1952, N 2014, p. 251.
- ³⁸ Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.—«История СССР», 1970, № 4.

- ³⁹ И. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. «Труды Отдела древнерусской литературы», 19, 1963; *он же*. Le Mont Athos et les Slaves au Moyen âge.— «Le millénaire du Mont Athos (963—1963). «Etudes et mélanges», t. II. Venezia—Chevetogne, 1964; *он же*. Relations entre les Slaves méridionaux et Byzance aux Xe—XIIe siècles.—«Cahiers de civilisation médiévale», t. IX, N 4, 1966.
- ⁴⁰ Н. Н. Воронин и А. Г. Кузьмин. Указ. соч., стр. 117.
- ⁴¹ И. Дуйчев. Центры византино-славянского общения..., стр. 117.

Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского
в Русском хронографе редакции 1512 г.
(к истории болгаро-русских культурных связей
конца XIV—начала XVI в.)

Л. В. ГОРИНА

Проблема ме́жславянских культурных связей давно уже стала традиционной в исследованиях славистов, в том числе и история болгаро-русских средневековых связей, имеющая весьма обширную литературу. И хотя многие компоненты большой темы культурного общения средневековой Болгарии и Руси уже привлекли внимание ученых, особенно история литературных и языковых взаимосвязей, сохраняется необходимость дальнейшего изучения идейного содержания и взаимодействия памятников южнославянской письменности, попавших на Русь в период так называемого второго южнославянского влияния (конец XIV—XV в.). Необходимо также конкретный анализ целого ряда памятников, еще не вызвавших должного к себе интереса. По справедливому замечанию акад. Д. С. Лихачева, «решение вопроса об объеме южнославянского влияния в России, о его соотношении с византийским будет зависеть от того, насколько интенсивно будут проводиться в этой области частные конкретные исследования»¹.

Автор настоящего сообщения видит свою основную задачу в анализе одного из интересных и притом малоизученных памятников болгарской письменности последней четверти XIV в. — жития Илариона Мегленского, созданного видным болгарским церковным деятелем и писателем Евфимием Тырновским в тяжелую для болгарского народа эпоху турецкой экспансии на Балканском полуострове. Это житие попало на Русь в общем потоке южнославянской литературы скорее всего в XV в. и было почти целиком включено в состав известного памятника русской исторической мысли этого времени — Русского хронографа, древнейшая сохранившаяся редакция которого датируется 1512 г. В ряду исторических сочинений средневековой Руси Хронографу принадлежит видное место как памятнику, где впервые русская и южно-

славянская история рассматривается как неотъемлемая часть всемирной истории. Этим объясняется тот чрезвычайный интерес, который проявляют к нему исследователи начиная с середины прошлого века и вплоть до наших дней².

Усилиями нескольких поколений историков и литературоведов выяснены многие сложные проблемы истории памятника, хотя по некоторым важным вопросам, например о времени и месте составления Русского хронографа, еще продолжают споры.

Разумеется, есть и целый ряд мало изученных вопросов, к их числу относится проблема болгарских материалов Русского хронографа. Главные составные части памятника были удачно определены еще А. Н. Поповым. Источниками статей по болгарской истории были, по классификации ученого, глоссы болгарского переводчика византийской хроники Манассии, сделанные им на полях рукописи, сочинения Евфимия Тырновского, житие сербского короля Стефана Уроша II Дечанского, составленное болгарским писателем и политическим деятелем начала XV в. Григорием Цамблаком, и ряд других менее значительных источников³. Правильно выделив источники болгарских материалов Хронографа, А. Н. Попов не ставил своей целью углубленное рассмотрение этих материалов. Такой задачей не задавались и последующие исследователи памятника, ограничиваясь обыкновенно лишь их перечислением.

В ряду болгарских источников Русского хронографа житие Илариона Мегленского, составленное болгарским патриархом Евфимием Тырновским, занимает видное место. Этот известный средневековый болгарский писатель оставил большое литературное наследство, являясь автором житий, похвальных слов и посланий. Евфимий был искусным переводчиком с греческого, инициатором реформы правописания и исправления текстов сделанных до него переводов. Агиографические произведения занимают видное место в творчестве Евфимия. Составленные им жития болгарских святых Иоанна Рыльского, Петки (Параскевы), Филофеи и Илариона Мегленского — ценные источники по истории средневековой Болгарии и в то же время талантливые литературные произведения, написанные высокохудожественным языком в стиле так называемого плетения словес. Близкие по форме образцам византийской агиографии, житийные рассказы Евфимия Тырновского имеют и реальное историческое содержание. Произведения последнего тырновского патриарха были весьма популярны на Руси, распространяясь в десятках списков, преимущественно XVI—XVII вв.

Житие Илариона Мегленского было составлено Евфимием в бытность его тырновским патриархом (1375—1393 гг.). Деятельность героя произведения, епископа болгарского города Меглена, Илариона, рукоположенного в 1134 г. византийским архиепископом Евстафием Охридским, относится, таким образом, ко времени византийского господства в Болгарии. Описывая в последней четверти XIV в. события более чем двухсотлетней давности, Евфимий

Тырновский привлек в качестве источников, помимо преданий, проложное (краткое) житие епископа, написанное его учеником Петром вскоре после смерти Илариона, и известное антиеретическое сочинение видного византийского богослова Евфимия Зигабена «Догматическое всеоружие» (начало XII в.).

Согласно житию, Иларион развернул свою активную антиеретическую деятельность во вверенной ему епархии в правление византийского императора Мануила I Комнина (1143—1180). В ту пору в городе Меглене распространились более всего манихейская, армянская и богомильская ереси⁴. В житии находим подробное описание прений Илариона с представителями первых двух течений. Епископ выступил с разоблачительными речами против дуалистических воззрений манихеев (павликиан), одни из которых, согласно житию, видели в земле творение дьявола, а другие и землю и небо считали делом рук сатаны⁵.

Мегленский епископ продолжил диспут с павликианами по вопросу о сущности Христа и богородицы, осуждая их за поругание креста и Старого завета. Гнев епископа вызвали и явившиеся на диспут армяне-монофизиты, защищавшие в споре тезис лишь о божественной сущности Христа. И еретиков, и всю свою паству епископ призывал «верить в отца и сына и святого духа, то есть неразделенную троицу, в очеловечивание Христа, крест и мощи»⁶. В житии находим пространные описания побед Илариона над еретиками, которые все — и павликиане, и монофизиты — отказались от своих еретических воззрений. По повелению византийского императора Иларион принимается за искоренение и богомильской ереси⁷. Борьба с богомильством описана весьма скупо, развернутых прений с богомилами не находим. Хотя на основании приведенных Евфимием данных можно заключить, что именно борьба с богомилами была наиболее тяжелой и отнюдь не привела, как в первом случае, к их поголовному раскаянию. Сюжет о победах болгарского царя Калояна (1197—1207) над византийцами и о переносе мощей Илариона в Тырново завершает житие Илариона⁸.

Содержание жития соответствует многим реальным историческим фактам, имевшим место в середине XII в. Имеются и другие источники, позволяющие говорить об еретических движениях в Византийской империи и подчиненной ей Болгарии в 40—80-х годах XII в. Сведения о расправе Мануила I с богомилами содержатся, как показал Д. Ангелов, у известного толкователя канонического права XII в. Вальсамона⁹. Но, вопреки гонениям и расправе, богомилы во время царствования Мануила Комнина учредили даже ряд религиозных общин¹⁰. Собранные Д. Ангеловым материалы о богомильстве в Византии и в Болгарии в XII в. А. П. Каждан дополняет свидетельствами двух известных византийских писателей — Михаила Хониата и Евстафия Солунского¹¹. Один из сюжетов жития Илариона Мегленского — сообщение о еретичестве Мануила Комнина — вызвал в свое время сомнения у К. Радченко на том основании, что ничего подобного

из других источников о Мануиле не известно, «хотя мы имеем подробные сведения о деятельности Мануила на поприще богословия и его своенравных распоряжениях в этой области»¹². Но, как справедливо заметил еще А. Попов, отсутствие сведений об отношении Мануила Комнина к епископу болгарского города Меглена у двух известных византийских историков того времени Никиты Хониата и Иоанна Киннама совсем не является доказательством отсутствия таких отношений¹³. Те же авторы оставили многочисленные свидетельства о пристрастии Мануила к богословским спорам, его вмешательстве в литургическую практику и проч.

Для Евфимия Тырновского эти далекие события не были лишь предметом абстрактно-богословского интереса, его живо волновали еретические движения современного ему XIV в., и антиеретические сражения мегленского епископа расценивались как образец, достойный изучения и подражания.

Став патриархом (1375 г.), Евфимий столкнулся с целым рядом ересей, широко распространившихся в Болгарии и связанных, как правило, с византийскими. В последней четверти XIV в. в Болгарии продолжало распространяться богомилство. Претерпевшее определенную эволюцию, оно все еще представляло грозную опасность для господствующего класса¹⁴. Во второй половине XIV в. активизировались проповеди евреев, для осуждения которых был созван специальный собор в Тырнове в 1360 г.¹⁵ Евфимию пришлось бороться с еретиками Пироном и его учеником Феодосием (Фудулом), о чем повествует Григорий Цамблак в «Похвальном слове» тырновскому патриарху. Согласно «Слову», прения патриарха с Пироном и Феодосием — один из многих случаев борьбы Евфимия с еретиками. Цамблак сообщает, что Пирон поклонялся ереси Нестора, Акиндина и Варлаама, был иконоборцем, явился в Тырново из Константинополя и нашел там Феодосия, по прозвищу «Фудул», ставшего его учеником. Еретики увлекли своими проповедями многих, даже готовили восстание и обратили в свою веру более всего царских вельмож и военачальников¹⁶.

Внесение анафем этим еретикам в Синодик царя Борила, скорее всего по инициативе Евфимия, позволяет оценить связанное с ними движение как особо опасное для интересов церковников. Из соответствующих статей Синодика узнаем, что Феодосий и Пирон (Пиропул) уничтожали иконы богородицы, занимались магией, хулили архиереев, священников и монахов, позорили храмы и кресты¹⁷. Даже исследователи, подвергавшие сомнениям, на наш взгляд неосновательным, истинность рассказа Г. Цамблака о борьбе Евфимия с Феодосием и Пироном¹⁸, не оспаривают других фактов антиеретической деятельности Евфимия. Таким образом, для Евфимия полемика его героя с павликианами и армянами имела вполне современное звучание. Не случайно свое сочинение патриарх завершил молитвой — обращением к святому о помощи в борьбе с антицерковными движениями.

Житие Илариона Мегленского вошло почти целиком в состав Русского хронографа редакции 1512 г. Само по себе включение антиеретического сочинения в Хронограф не удивительно. Этот памятник русской исторической мысли XV в. весь проникнут антиеретической направленностью и, как отмечал акад. Л. В. Черепнин, церковно-охранительной тенденцией¹⁹. Разоблачительные антиеретические пассажи часты в Хронографе, но они, как правило, очень кратки, потому включение почти всего текста Евфимиева произведения в Хронограф (1512 г.) представляется уникальным для составительской и редакторской практики хрониста. Еще А. Попов в свое время заметил, что «Извлечение Хронографа из Илариона сделано так обстоятельно и полно, что в нашей письменности оно расходилось отдельной статьей по сборникам XVI и XVII веков и вошло в Кириллову книгу, изданную в Москве в 1644 году»²⁰.

Житие Илариона Мегленского вошло в 189-ю главу Хронографа, носящую название «Царство греческое Мануила Порфиригонита»²¹. В литературе уже замечено, что талантливый составитель Хронографа обладал незаурядным литературным и редакторским мастерством, широко применял пересказ привлекаемых источников, зачастую пропускал целые статьи и фрагменты, иногда, что было, впрочем, редко, дословно цитировал текст и сделал в то же время большое число авторских вставок²². Эти вставки обнаруживают специальный интерес хрониста к «богословским толкованиям, апокрифическим версиям и подробностям церковного ритуала»²³. Обратимся к вопросу о работе составителя Хронографа (1512 г.) над текстом жития Илариона Мегленского. Хронистом полностью опущены абстрактно-нравоучительное вступление Евфимиева рассказа, опущены также те части жития, где повествуется о детских и отроческих годах святого. Составитель заинтересовал рассказ о «чуде», совершенном Иларионом, который якобы наполнил зерном опустевшие во время сильного голода закрома, и этот пассаж, правда, изрядно сокращенный, нашел свое место на страницах Хронографа²⁴. Отчетливо прослеживается стремление автора к сокращению источника, подчас опускаются даже важные конкретно-исторические детали, например сообщение жития об архиепископе Евстафии Охридском, рукоположившем Илариона, и ряд других. Создается впечатление чрезвычайной заинтересованности составителя в сохранении и передаче антиеретического содержания жития: имеющиеся в рассказе Евфимия сюжеты, относящиеся к этой стороне деятельности Илариона, все включены в Хронограф. Проявив большое внимание к далеким событиям болгарской и византийской истории и включив рассказ о них в Хронограф, составитель значительно сокращает некоторые догматически-богословские части жития. Вызывает интерес редакторская работа хрониста над материалом жития о борьбе Илариона с богомилами. Хронист, видимо, настроен более воинственно и нетерпимо по отношению к еретикам,

нежели в свое время Евфимий Тырновский, поэтому он опускает ту часть жития Илариона, где повествуется о прощении раскаявшихся еретиков-богомиллов, — «покорящаяся убо благочестия догматом усердно приимати к избранному сочетавати стаду». Включены в Хронограф лишь те пассажи, где речь идет о наказании богомиллов: «Яко да и Богомильскую ересь до конца от стада Христова очистити, елицы не хотяь приступити к соборней церкви, во изгнания послати»²⁵.

Повышенный интерес составителя Хронографа вызвал рассказ о еретических заблуждениях императора Мануила I Комнина. Этим событиям он придал большее значение, нежели Евфимий Тырновский. Рассказом о Мануиле, завершающим в житии Илариона пространное повествование о борьбе епископа с еретиками, хронист посчитал нужным начать соответствующую главу: «И только возмогаху еже к Мануилу царю дерьзновениемъ, яко и самому Мануилу, царю Греческому, мало не отпасти благочестивыа наша веры: аще не би блаженным Иларионом оукрепен был благочестия догматы и нечестивое оно веление далече оть сръдца его отогна и православия семена в немь оусугуби. Царь же о сихъ Бога благодаривъ о радостию и Божию архиерею всяко покорение показавше и дары мъногы тому посылаше»²⁶.

Рассказ о Мануиле Комнине передан составителем почти дословно. Приводим для сравнения соответствующий пассаж жития: «Толико бо оны възмогы быща ереси, якоже и кирь Мануилу царю Греческому в мале не отпасти от благочестивия наша веры, аще не блаженнымъ Илариономъ укреплен би догматскими словесы и утвержден и нечестивое оных веление от сръдца его далече негде прогна, православие же семя в нем углуби. . . и того архиерею въсяко покорение показаваше же и подааше и дары различныя и инаа все еже тому потребнаа, всегда, посылаше»²⁷.

Повышенное внимание хрониста к эпизоду из болгарской и византийской истории об еретичестве императора Мануила I Комнина, его непримиримое отношение к ересям, внимание к определенным богословско-догматическим проблемам не только обнаруживают в хронисте воинствующего ортодокса, защищающего позиции своего класса, но и позволяют сделать некоторые предположения относительно времени включения жития Илариона Мегленского в Русский хронограф. Это заставляет нас обратиться к вопросу о дате составления основной редакции Русского хронографа.

По мнению А. А. Шахматова, первоначальная редакция Русского хронографа была составлена в 1442 сербом Пахомием Логофетом²⁸. Это мнение прочно утвердилось в науке, хотя высказывались и другие точки зрения. Например, С. П. Розанов полагал, что первоначальная редакция Хронографа составлялась в течение шести лет — с 1456 по 1462 г.²⁹ В самое последнее время вопрос о времени создания основной редакции Русского хронографа начал усиленно дебатироваться. Основываясь на анализе

русских известий памятника, Б. М. Клосс предложил иную датировку. По мнению ученого, возникновение Хронографа следует относить ко времени не ранее второй половины XV в., памятник же составлялся на протяжении 1488—1494 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. Этому монастырю принадлежал сборник «Волоколамский № 655» XV—XVI вв., в котором вместе с другими материалами, внесенными в Хронограф, находим и житие Илариона Мегленского³⁰. Заключение Б. М. Клосса о дате составления Хронографа поддержал О. В. Творогов³¹. В защиту традиционной шахматовской точки зрения выступил М. А. Алпатов³².

Позволим себе высказать предположение, основываясь на наблюдениях относительно редакторской работы хрониста над материалами жития Илариона Мегленского, что для русского автора Хронографа описываемые в житии события антиеретической деятельности мегленского епископа не были предметом абстрактно-познавательного интереса, а скорее всего, так же как и для болгарского патриарха Евфимия Тырновского, назидательным примером, достойным подражания. Создается впечатление озабоченности составителя Хронографа проблемами борьбы с отклонениями от установленных господствующей церковью догматов. Хронист, таким образом, предстает перед нами как современник каких-то важных еретических движений на Руси, с которыми был связан и русский великий князь. Иначе трудно объяснить, почему эпизод с еретичеством Мануила I Комнина так заинтересовал автора Русского хронографа.

Обратимся к материалам русской истории. Самым крупным еретическим движением древней Руси была новгородско-московская ересь антиринитариев второй половины XV — начала XVI в. В отличие от стригольничества эта ересь охватила многие центры Русского государства³³. В начале или середине 80-х гг. XV в. московский реформационный еретический кружок уже существовал, о нем князь Иван III не только знал, но даже ему и покровительствовал³⁴. В конце 80-х гг. XV в. новгородский архиепископ Геннадий и его единомышленник волоколамский игумен Иосиф Волоцкий (Санин) стали на путь непримиримой борьбы с ересями, склоняя Ивана III на позиции поддержки официальной церкви. Воинствующие клерикалы обращались и к болгарскому опыту. В послании к Иосафу (бывшему архиепископу Ростовскому и Ярославскому) Геннадий просил содействовать в получении книг, которыми пользовались еретики, и среди них назвал «Послание Фотия патриарха князю Борису Болгарскому», а также «Слово Козьмы пресвитера против богомилов»³⁵. В 1490 г. Московский собор осудил еретиков, но и после него союза князя с церковью еще не возникло, «на соборе настоящим воинствующих церковников была противопоставлена воля великого князя»³⁶. После собора 1490 г. идейным вождем церковников стал Иосиф Волоцкий. Однако влияние московских еретиков не только не падало, но и продолжало расти. Впрочем, в конце 90-х гг. XV в. естествен-

ный классовый союзник господствующей церкви князь Иван III начинает ей все больше и больше уступать, жертвуя своими недавними друзьями — еретиками. После антиеретического собора 1504 г. великий князь капитулирует перед церковью. И на Руси «сотрудничество между великокняжеской властью и реформационным движением никогда ни на одном этапе истории больше не возобновилось»³⁷.

Таковы некоторые факты истории еретических движений на Руси во времена, когда предположительно мог быть составлен Русский хронограф. Не кажется натянутым предположение, что хронист воспользовался болгарскими антиеретическими материалами именно в пору широкого распространения реформационных учений, поддерживаемых в какой-то мере самим великим князем, т. е. в 90-х годах XV в. В связи с этим предложенная Б. М. Клоссом датировка памятника 1494 годом кажется вполне приемлемой. Вполне вероятно и то, что Русский хронограф был составлен именно в Иосифо-Волоколамском монастыре. Обратимся снова к болгарским материалам Хронографа. Составитель Хронографа, как уже указывалось, включил в памятник обширные пассажи из жития Илариона Мегленского, основное содержание которых составляют догматически-богословские прения епископа с павликианами и монофизитами. Это вовсе не значит, что во время составления Хронографа на Руси распространялись именно эти ереси или что русские еретики XV в. были дуалистами. Согласно постановлению антиеретического собора 1490 г., новгородские еретики, например, якобы «хулили Иисуса Христа и богоматерь, молились «по-жидовски», недостойно служили литургию, не верили в наступление конца мира и пришествие Христа, надругались над иконами и крестами, держали мессалианскую ересь и маркианскую и др.»³⁸. Еретики, с которыми сражался в середине XII в. болгарский епископ, согласно житию, тоже не почитали крест и богоматерь. Но это, пожалуй, и все, что роднит указанные еретические движения с точки зрения богословско-догматической. Более значимо родство социальное. Под религиозной оболочкой еретических выступлений и в Болгарии, и на Руси скрывался антифеодальный протест обездоленных народных масс.

Русские ортодоксы православия боролись с еретичеством и вольнодумством, используя и болгарский антиеретический опыт. Но не только клерикалы, но и сами еретики были хорошо знакомы с литературой антиеретической, где взгляды вольнодумцев весьма подробно излагались. Не случайно в круг чтения московско-новгородских еретиков входила антиеретическая литература болгарского происхождения. Эта попавшая на Русь литература выполняла, таким образом, не только культурную, но и идеологическую миссию. Пример использования составителем Русского хронографа агиографического сочинения Евфимия Тырновского подтверждает эту мысль.

- ¹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.—«Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». М., 1958, стр. 14.
- ² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866; вып. 2. М., 1869; В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследования и текст. М., 1893; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899; С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах.—«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1904, январь; он же. Время составления первоначальной редакции Русского хронографа.—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXX. Л., 1926; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М., 1957; О. В. Творогов. К истории жанра Хронографа.—«Труды...», т. XXVII. Л., 1972; он же. Русский Хронограф и задачи его изучения.—«Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970; Б. М. Клосс. О времени создания Русского Хронографа.—«Труды...», т. XXVI. Л., 1971.
- ³ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 25 и сл.
- ⁴ E. Kaluzniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Wien, 1901, S. 33.
- ⁵ Там же стр. 34.
- ⁶ Там же, стр. 32.
- ⁷ Там же, стр. 52.
- ⁸ Там же, стр. 56.
- ⁹ Д. Ангелов. Богомилство в България. София, 1969, стр. 413.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ А. П. Каждан. Новые материалы о богомилах в Византии XII в.—«Vuzantinobulgarica», t. II, 1966, стр. 275—277.
- ¹² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 279.
- ¹³ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 35.
- ¹⁴ Д. Ангелов. Богомилство в България, стр. 504 и сл.
- ¹⁵ Там же, стр. 508.
- ¹⁶ П. Русев, И. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971, стр. 184.
- ¹⁷ М. Г. Попруженко. Синодик царя Бориса. Одесса, 1899, стр. 101 и сл.
- ¹⁸ В. Сл. Киселков. Патриарх Евтимий. София, 1938, стр. 35 и сл.; К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии, стр. 201 и сл.
- ¹⁹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957, стр. 93.
- ²⁰ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 38.
- ²¹ «Полное собрание русских летописей», т. XXII. Русский хронограф, ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911, стр. 382.
- ²² О. В. Творогов. К истории жанра Хронографа, стр. 205 и сл.
- ²³ Там же, стр. 215.
- ²⁴ «Полное собрание...», т. XXII, ч. 1, стр. 382.
- ²⁵ Там же, стр. 386.
- ²⁶ Там же, стр. 382.
- ²⁷ E. Kaluzniacki. Указ. соч., стр. 52.
- ²⁸ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 1—124; он же. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 133—145.
- ²⁹ С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции Русского хронографа.—«Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», т. XXX, 1925, стр. 322.
- ³⁰ Б. М. Клосс. О времени создания Русского хронографа.—«Труды...», т. XXVI. Л., 1971, стр. 254 и сл.
- ³¹ О. В. Творогов. К истории жанра Хронографа.—«Труды...», т. XXVII. Л., 1972, стр. 203.

- ³³ М. А. Аллатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 156.
- ³⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV — начале XVI века. М.—Л., 1955, стр. 221.
- ³⁵ Там же, стр. 148 и сл.; А. И. Клибанов. Реформационное движение в России в XV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 192 и сл.
- ³⁶ Там же, стр. 197.
- ³⁷ Там же, стр. 202.
- ³⁸ Там же, стр. 226.
- ³⁹ Там же, стр. 200.

Русско-византийские фрески в Польше и культурные связи восточных славян с балканскими странами

А. И. РОГОВ

Так называемые русские фрески XV в. в Польше относятся к одному из самых интересных и все еще во многом загадочных явлений. Исследователей не могла не привлекать неожиданность увидеть в собственно польских землях и готических костелах традиционную восточнохристианскую стенопись. Если в XIX в. к этим фрескам относились как к некоей экзотике, то в последние десятилетия историки искусства стремятся изучить их на общепристорическом фоне русско-польских культурных связей.

Необходимо пояснить самое обозначение интересующих нас фресок как русских. Когда для данного периода речь идет о русской культуре в пределах Польско-Литовского государства, прежде всего имеются в виду собственно украинская и белорусская культуры. Они хотя и являлись, как и русская, живым и непосредственным преемником культуры древней Руси, но в XV в. уже обладали целым рядом специфических черт. Говорить о русских фресках поэтому можно, вкладывая в это понятие прежде всего древнерусские традиции живописи, в которых выполнены фрески. Впрочем, учитывая и достаточно интенсивные в этот период русско-польские культурные связи, нельзя упускать из виду и возможности собственно русских (московских, ростово-суздальских, новгородских и псковских) истоков творчества монументалистов, работавших в Польше.

Во всяком случае русские фрески — это бесспорно восточнославянское художественное явление. Но именно это заставляет нас с самым пристальным вниманием отнестись к южнославянским и вообще балканским чертам в занимающих нас фресках. Ведь теперь можно считать общепризнанным значительное и весьма плодотворное для русской культуры конца XIV—XV в. творческое усвоение лучших достижений византийской, сербской, болгарской и, быть может, молдаво-валашской культур. Правда, все эти явления изучены преимущественно по отношению к собственно

русской культуре, тогда как в области истории культуры украинской и белорусской по этому вопросу написано чрезвычайно мало. До сих пор мы не имеем по существу ни одной специальной работы, посвященной южнославянским, и шире — балканским связям украинской и белорусской культур.

Культурному общению украинцев и белорусов с южными славянами в XIV—XVI вв. в значительной мере способствовало пребывание на Киевской митрополии двух образованнейших выходцев из Болгарии: Киприана и Григория Цамблака. И тот и другой были связаны со знаменитой Тырновской школой. Григорий Цамблак, кроме того, являлся выдающимся деятелем сербской и молдавской культур. Оба митрополита продолжали поддерживать самые тесные контакты с такими традиционными центрами греко-славянского и межславянского общения, какими были Афон и Константинополь.

Едва ли можно сомневаться, что Киприан и Григорий Цамблак способствовали знакомству на Украине и Белоруссии с культурой балканских народов. Они могли привезти с собой как книги, так и писцов. Вот почему именно с начала XV в. появляется целый ряд украинских рукописей, представляющих собой копии с болгарских и молдавских оригиналов¹, и переводы греческой аскетической литературы исихастского толка, столь популярной в этот период на Балканах.

Памятники молдавской письменности обильно поступали в Галицкую и Перемышльскую земли и независимо от деятельности Киприана, Григория и их последователей. Некоторые из этих памятников, в том числе и роскошные лицевые евангелия XV—XVI вв., дошли до нас в составе книг библиотеки перемышльской капитулы и хранятся в настоящее время в Национальной библиотеке в Варшаве². Между Галицией и Молдавией в XIV—XV вв. существовали теснейшие церковные связи³.

Белорусские земли, территориально более удаленные от Балкан, в XIV—XVI вв. также были затронуты культурными влияниями этого региона. Здесь следует иметь в виду, что киевские митрополиты Киприан и Григорий своей второй, а некоторое время фактически и первой резиденцией имели город Новогрудок. В Белоруссии были люди настолько хорошо знакомые с болгарской письменностью, что ученые, например, до сих пор не могут решить вопрос, кем был Арсений Селунский, написавший свое «Хождение» в конце XIV — начале XV в., — белорусом или болгаром⁴.

Графика и особенно орфография белорусских рукописей XIV—XVI вв., написанных полууставом, по наблюдениям Е. Ф. Карского, отличается чертами особой близости к южнославянской письменности⁵.

Видимо, уже в конце XIV в. в Белоруссии стало известно сербское житие виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, пострадавших при Ольгерде⁶. Некоторые лингвистические

признаки позволяют сделать предположение, что из Сербии оно попало в Белоруссию через Болгарию⁷. Важно отметить, что на белорусской почве житие было переработано и дополнено новыми сведениями о столь почитавшихся в этом крае святых⁸.

Именно в такой культурной атмосфере на украинских и белорусских землях складываются те художественные школы и направления, представителям которых суждено было расписать целый ряд польских храмов.

Можно не сомневаться, что пребывание мастеров-живописцев из «русских» земель Польши и Литвы, особенно в начале XV в., было обычным явлением при королевском дворе Ягеллонов, связанном с русской культурной традицией. Некоторые из них, например художник Михаил из Перемышля, в 1426 г. «за многие труды» по росписи костелов в сандомирской, краковской, серадзской и иных землях щедро одариваются не только деньгами, но и землями⁹. По данным письменных источников известно, что «русские мастера» расписали стены кафедрального собора в древней столице Польши — Гнезно и в широко известном, благодаря своей реликвии креста, монастыре на Лысой Горе. До нас дошли их росписи в коллегиатах древнейших городов Польши — Вислице (1413—1416 гг.) и Сандомире (30-е годы XV в.), в костеле при королевском замке в Люблине (1418 г.), а также в королевской часовне-усыпальнице Вавеля в Кракове (1471 г.). К сожалению, в настоящее время трудно сказать что-либо определенное о росписях в Сандомире, так как они очень сильно искажены поздними прописями.

К древним образцам тяготекют фрески в Вислице¹⁰. Явной архаичностью для восточнохристианского искусства XV в. отличается и большинство композиций, и неразвитый архитектурный пейзаж, и особенно продолговатые лица с характерными для XII—XIII вв. удлинненными носами. В них более всего и прежде всего в характере стиля можно найти черты сходства с памятниками древнерусского искусства XII—XIII вв., хотя бесспорные сербские иконографические особенности здесь также налицо. Это относится к ряду композиций. Так, в сцене «Благовещение» архангел Гавриил представлен именно в том варианте торжественного предстояния и почти в тех же одеждах, в которых мы видим его на сербских росписях Хиландарского монастыря на Афоне (начало XVI в.), в церкви св. Дмитрия в Печи (40-е годы XVI в.) и в Марковом монастыре (около 1370 г.)¹¹. Очень примечательна пропорционально резко увеличенная фигура младенца в «Сретении», отличающаяся от древнерусских изображений очень маленькой фигурой младенца Христа. Изображение, наиболее близкое в этом отношении вислицкому, можно найти опять-таки в сербских фресках в Милешеве (около 1235 г.), Дечанах (1335—1350 гг.), Марковом монастыре¹². Определенные признаки иконографической близости с сербскими, причем с относительно ранними фресками Студеницы (1209 г.), можно отметить и в композиции «Тай-

Костел св. Троицы в Люблине. Роспись сводов центральной части. 1418 г.

ной вечери»¹³. В ней также Христос с Иоанном Богословом изображены за круглым столом слева. Впрочем, к началу XV в. такая композиция была знакома и на Руси. Ее мы находим, в частности, на иконе Андрея Рублева из Троицкого иконостаса Троице-Сергиевской лавры (1422—1425 гг.)¹⁴, так что трудно установить, какого происхождения образец был использован в данном случае висилицкими мастерами. Гораздо более определенно в балканских росписях усматривается образец для висилицкого «Распятия», даже несмотря на его довольно плохую сохранность¹⁵. Здесь опять-таки можно указать на фреску Студеницы¹⁶ и на роспись Боянской церкви близ Софии (1259 г.)¹⁷. В выборе висилицкими мастерами такого рода вариантов композиций для фресок сказалось их общее тяготение к архаическим образцам, гораздо более разнообразным общему стилю их росписей, чем более внешнее копирование отдельных иконографических новшеств, появившихся на Балканах в XIV в.

Совершенно иначе, гораздо смелее и последовательнее, обращаются к этим новшествам художники люблинских фресок 1418 г., работавшие под руководством мастера Андрея. Этот мастер, в котором некоторые исследователи (И. Э. Грабарь¹⁸ и М. Н. Тихомиров¹⁹) готовы были видеть самого Андрея Рублева, оставил надпись о своей работе в костеле. Ее палеографический анализ, произведенный Н. М. Каринским²⁰, равно как и лингвистический анализ этой и всех остальных надписей на фресках, сделанный И. И. Огиенко²¹, не оставляет сомнения в украинском происхождении мастеров, работавших в Люблине. В то же время обращают на себя внимание явные югославянизмы и прежде всего сербизмы в этих надписях. Югославянские черты бросаются в глаза и при изучении самой живописи.

Среди люблинских фресок можно найти и композиции, наиболее типичные именно для сербского искусства. Таковы «Молитва нищего со склоняющимся к нему Христом»²², «Пророк Илья в пустыне и кормящий его ворон»²³. Особенно следует подчеркнуть, что среди преподобных и пустынников, размещенных на стенах костела фронтально в рост, в соответствии с балканской и особенно афонской традицией XIV в.²⁴, фигурирует и Спиридон — патриарх сербский. Можно предположить, что какой-то мастер-серб, происходивший из Косова, где находились мощи Спиридона, представил этого редкого святого на стенах люблинского костела.

На правой стене пресбитерия костела большое место занимает страстной цикл изображений: «Иуда перед священниками», «Моление о чаше», «Поцелуй Иуды», «Заушение Христа», «Поругание Христа», «Ведение на суд», «Христос перед Пилатом», «Бичевание Христа», «Отречение Петра» и далее цикл, связанный с распятием Христа. Хорошо известно, что в Древней Руси композиции с такой тематикой встречаются крайне редко, скорее как исключение. В то же время в западноевропейском искусстве, как в его романский, так и особенно готический период, сцены

Костел св. Троицы в Люблине. Фреска с изображением преподобных. 1418 г.

страстей были в высшей степени популярны ²⁵. Весьма распространены они были в том числе и в польской живописи XIV в. И действительно, целый ряд западных черт, явно связанных с желанием и вкусами заказчиков, нетрудно заметить в люблинских фресках. К ним относится и материальная объемность тканей и особенно колец занавесей, декорирующих стены; тенденции к более реалистическому изображению склонов гор, готические короны и доспехи воинов. И все же есть все основания полагать, что и в страстных сценах дело не обошлось без балканских, в частности сербских, образцов. Ведь именно в XIV в. в сербском искусстве проявляется заметный интерес к изображению страстей. Характерно, что в тех редкостных случаях, когда в древнерусской живописи, да и то начала XVI в., встречаются изображения на эту тему, исследователи усматривают в них балканские иконографические, стилистические и колористические элементы XIV в. ²⁶

В люблинских страстных композициях особенно вспоминаются сербские фрески (в Старом Нагоричино, 1317 г.) в изображении «Поцелуя Иуды» и «Поругания Христа». Совпадают даже такие детали, как музыкальные инструменты ²⁷. Довольно близка композиция «Поругания» в Люблине молдавским фрескам в Доброваце (1529 г.) ²⁸.

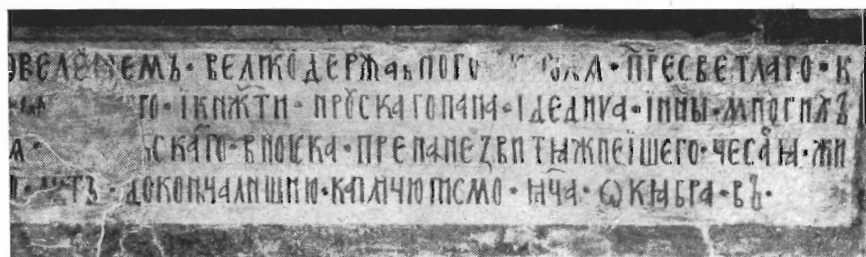
С балканской традицией безусловно связаны в люблинских фресках и две ктиторские композиции: «Ягайло Владислав на коне, с ангелом, протягивающим корону», и «Коленопреклоненный Ягайло с воинами перед богородицей с младенцем на престоле». Необычным в первой из названных люблинских сцен является то, что Ягайло представлен на коне в рыцарских доспехах. Эту особенность можно отнести за счет тех западных черт фрески, о которых речь шла выше. Но зато венчающий донатора ангел — довольно обычное явление в балканских храмах (см., например, в Грачанице около 1321 г.). Богородица или Христос на престоле с предстоящими ктиторами встречаются в молдавских и валашских храмах. В качестве аналогии можно указать на ктиторские портреты в Козии ²⁹ (начало XVI в.) и в Хуморе (1535 г.) ³⁰.

Даже фоны люблинских фресок темно-гранатового цвета в сочетании с красно-зеленым цветом также восходят к балканским фрескам, прежде всего напоминая характерные фоны в Мистре XIV в. ³¹ В ряде композиций в Люблине в фонах даны лучистые звезды. Для балканских фресок это довольно обычное явление. В качестве примеров можно привести уже упоминавшееся распятие на фресках Студеницы в Сербии, в валашских фресках Куртяде-Арджеш (XIV в.) ³² и в ктиторской композиции церкви святого Георгия в Сучаве (1534 г.) в Молдове ³³.

Стиль люблинских фресок не может быть определен однозначно. Не подлежит сомнению, что их создавали несколько мастеров. Там, где наиболее проявляются признаки обращения к западно-европейским образцам, явно работал мастер, привыкший к миниатюрным, может быть даже книжным изображениям. Созданные

им фигуры приземисты, они написаны в суховатой манере с использованием ломких линий. Особенно ярко эта особенность проявляется в фигурах воинов в страстных сценах.

В других местах костела мы видим и совершенно иные изображения воинов. Их стройные высокие фигуры, богатые доспехи, изогнутый лук за спиной и висящий на руке изощренно декорированный щит — все это как бы прямо сошло со стен балканских храмов. Особенно близка к таким изображениям фигура воина в церкви св. Апостолов в Печской патриархии (около 1354 г.)³⁴. Стиль таких изображений в Люблине особенно свободен, в нем заметно преобладание живописности над графичностью.

Костел св. Троицы в Люблине. Надпись о росписи храма.

В целом, однако, трудно указать какие-либо фрески на Балканах, в частности в Сербии, в которых можно было бы усматривать прямую стилистическую аналогию люблинским росписям. Манера второго из выделенных нами двух мастеров, создавших их, скорее напоминает не сами сербские фрески, а фрески церкви Спаса Преображения на Ковалева в Великом Новгороде (1380 г.), погибшие во время Великой Отечественной войны. Их явные сербские черты, участие в их создании сербских мастеров теперь после выхода в свет исследования В. Н. Лазарева никем не подвергаются сомнению³⁵. Именно с ковалевскими фресками, и прежде всего с теми, которые В. Н. Лазарев относит ко второму мастеру, поражает сходство таких люблинских изображений, как «Апостол Фома», «Пророк Даниил», «Богоявление», «Воскрешение Лазаря», «Преображение» и др.³⁶

Интересно, что не только в люблинских, но и в краковских фресках 1471 г. заметно разительное сходство, почти идентичность с некоторыми композициями Ковалева. На это сходство указала исследовательница краковских фресок А. Ружицкая-Брызек³⁷, выделив особенно сцены «Оплакивания» и «Положения во гроб». Вторую из них А. Ружицкая даже признает непосредственным образцом для краковских фресок. Однако при всем этом она полагает, что краковские росписи — дело рук псковских мастеров и стиль их восходит к собственно псковскому искусству. При этом

сербские начала в Ковалевской росписи автором даже не упоминаются. Между тем при изучении краковских фресок бесспорно следует учитывать балканские образцы и истоки. Они могли быть опосредствованы (восприняты через русскую живопись). Эти черты проявляются не только в иконографии. Ряд фресок в Кракове по своему стилю и даже техническим приемам не могут не напомнить сербские произведения живописи с характерным для них обильным употреблением белил³⁸.

Художественные контакты украинских и белорусских живописцев не прекратились с концом XV в. Изучение произведений станковой живописи, пока еще только начатое, несомненно это подтвердит. Уже и сейчас не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что на рубеже XV и XVI столетий в белорусской и особенно в украинской живописи становятся довольно популярны иконы Петки — Параскевы Тырновской, очень почитавшейся не только в Болгарии, но и в Сербии и Молдавии. Немало среди них и житийных икон с клеймами на сюжет ее болгарского жития. Довольно много таких икон, происходящих с лемковских земель, хранится в музеях Кракова и Санока³⁹. Наконец, в середине XVI в. сербский мастер Нектарий примет участие в росписи Благотешенского собора в Супрасле (около Белостока)⁴⁰.

Как свидетельствует анализ «русско-византийских» фресок в Польше, они возникли не только в результате культурных взаимосвязей Польши с Русью, Украиной и Белоруссией, но могут рассматриваться и как проявление еще более широкого культурного общения при весьма заметном и существенном вкладе представителей художественной культуры Балкан.

¹ См. об этом: П. В. Владимиров. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст.—«Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. IV. Киев, 1890.

² А. И. Рогов. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши.—«Studia Źródłoznawcze», т. XIV, 1969, стр. 154—155.

³ См.: А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 62—63; И. Чистович. Очерки истории западно-русской церкви, ч. 1. СПб., 1882, стр. 186; А. И. Рогов. Кириллические рукописи..., стр. 155.

⁴ А. Марков. Родина паломника Арсения Селунского.—«Русский филологический вестник», 1914, № 2, стр. 556—561; С. П. Обнорский. К литературной истории «Хождения» Арсения Селунского.—«Известия Отделения русского языка и словесности», т. XIX, кн. 3, 1914, стр. 192—205.

⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. Варшава, 1908, стр. 35, 51—55.

⁶ М. Н. Сперанский. Сербское житие литовских мучеников.—«Чтения в Обществе истории и древностей Российских», кн. 1, отд. II, 1909.

⁷ Там же, стр. 23.

⁸ «История беларусскай дакастрычницкай літаратуры», т. I. Мінск, 1968, стр. 389.

⁹ J. Szarantewicz. Rzut oka na beneficja kościoła ruskiego za czasów Rzeczypospolitej Polskiej. Lwów, 1875, str. 12.

¹⁰ А. Рóžыцка-Брызек. Bizantyńsko-ruskie malowidła ścienne w kolegiacie Wiślickiej.—«Folia historiae artium», т. II. Kraków, 1965, str. 47—82.

¹¹ Там же, стр. 52—53, ср. стр. 52—53. Ср.: G. Subotič. The church of St. Demetrius in Patriarchate of Peč. Beograd, 1964; «Старосерпско сликарство». Beograd, 1966, табл. 87.

- ¹² *A. Różycka-Bryzek*. Bizantyńsko-ruskie malowidła..., str. 57—58.
- ¹³ *B. H. Лазарев*. Андрей Рублев и его школа. М., 1968, табл. 151.
- ¹⁴ Там же, стр. 65.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *О. Бицальи-Мерин*. Фреске и иконе. Београд, 1960, табл. 27.
- ¹⁷ *K. Mijatev*. Die Wandmalereien in Bojana. Dresden—Sofia, 1961, abb. 12.
- ¹⁸ Их публикацию см: *M. Walicki*. Malowidła ścienne kościoła sw. Trójcy na zamku w Lublinie (1418).—«Studia do dziejów sztuku w Polsce», t. III, Warszawa, 1930.
- ¹⁹ *И. Грабарь*. О древнерусском искусстве. М., 1966, стр. 195—196; *М. Н. Тихомиров*. Русская культура X—XVIII веков, М., 1968, стр. 216—217.
- ²⁰ *Н. М. Каринский*. Русская надпись в Люблинском тюремном костеле.—«Известия имп. Археологической комиссии» вып. 55. Пг., 1914, стр. 131—134.
- ²¹ *J. Ogiętko*. Люблинські написи 1418 р.—«Елпіє», ks. IV. Warszawa, 1928, str. 65—72.
- ²² *M. Walicki*. Указ. соч., стр. 21.
- ²³ Там же, стр. 32.
- ²⁴ Там же. Наиболее близкая аналогия в монастыре Морача (Черногория) XIII в. (см.: «Изложба копија фресака из Црне Горе». Цетиње, б. г., табл. 2).
- ²⁵ Архиепископ *Филарет*. Святые южных славян. СПб., 1881, стр. 76.
- ²⁶ *В. В. Филатов*. Иконостас Новгородского Софийского собора (предварительная публикация). В сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 77.
- ²⁷ *M. Walicki*. Указ. соч., стр. 56.
- ²⁸ «Istoria artelor plastice în România», vol. I. București, 1968, fig. 314.
- ²⁹ *M. Davidescu*. Mănăstirea Cozia. București, 1968, tabl. 5.
- ³⁰ *S. Balș*. Mănăstirea Humor. București, 1967, tabl. 14.
- ³¹ *W. Walicki*. Указ. соч., стр. 61.
- ³² «Istoria artelor...», fig. 230—232.
- ³³ Там же, рис. 326.
- ³⁴ Ср.: *M. Walicki*. Указ. соч., табл. XXIX; *R. Ljubinković*. The church the apostles in the patriarchate of Pec. Beograd, 1965, tabl. 34.
- ³⁵ *В. Н. Лазарев*. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XV века. В сб. «Русская средневековая живопись». М., 1970, стр. 234—278.
- ³⁶ Ср.: *M. Walicki*. Указ. соч., стр. 78, табл. XXIV, XXII, XIX, XXI; *В. Н. Лазарев*. Указ. соч., стр. 256, 259.
- ³⁷ *A. Różycka-Bryzek*. Bizantyńsko-ruskie malowidła ścienne w kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu.—«Studia do dziejów Wawelu», t. III. Kraków, 1968, str. 250.
- ³⁸ Ср.: Там же; *В. Н. Лазарев*. Указ. соч., стр. 278.
- ³⁹ «Ikonen aus Polen». Recklinghausen, 1966, tabl. 20.
- ⁴⁰ *И. Йодковский*. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси.—«Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Московском археологическом обществе», т. VI, М., 1915, стр. 266.

Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков

Е. И. ДЕМИНА

Плодотворность типологического подхода к изучению сходных явлений, обнаруживающихся в разных областях человеческой деятельности на Балканах и являющихся результатом глубоких и длительных интерференционных процессов в данном географическом ареале, едва ли нуждается в специальных доказательствах. Типологический анализ непосредственно не родственных систем балканских языков позволил в свое время прийти к созданию теории балканского языкового союза и языковых союзов вообще, определить объект и задачи балканской лингвистики. В свою очередь установление существенных сходжений в области фольклора, изобразительного искусства, народных верований, обрядов и игр, как и в сфере материальной культуры, подтвердило существование балканской культурно-исторической общности, сложившейся в специфических условиях этого ареала.

Структурно-типологическое изучение грамматического строя современных балканских языков привлекает внимание многих ученых. Этого нельзя сказать о проблематике балканских литературных языков как таковых. Попытка типологического подхода к изучению балканистических процессов в этой сфере до сих пор не предпринималась. Неясным остается, насколько вообще целесообразен и возможен здесь такой подход, существуют ли какие-то специфические черты литературных языков на Балканах, объясняющиеся типологическими сходжениями между ними в сходных исторических, экономических и историко-культурных условиях.

Сопоставление языковой ситуации в современных балканских странах, на первый взгляд, свидетельствует скорее о наличии значительных различий, чем о существовании каких-то типологических сходжений.

Действительно, если в Болгарии и Румынии функционирует единый для всей территории нормированный поливалентный национальный литературный язык, то в Албании вплоть до последнего времени как в художественной и научной литературе, так и в устной речи образованной части населения использовались две формы литературного языка: северная (гегская) и южная (тоскская), различавшиеся своей территориально-диалектной базой¹. На протяжении XX в. происходили определенные изменения в общественной функции тоскской и гегской форм литературного языка, проявлявшиеся в предпочтении сначала одной (гегской), затем другой (тоскской) формы в качестве языка администрации, школьного обучения и периодической печати. В настоящее время в Албании полностью победил² начавшийся после освобождения

страны в 1944 г. процесс кристаллизации норм единого национального литературного языка, основанный на сближении южноалбанского и североалбанского вариантов³.

Иная ситуация в современной Греции, где существующие формы литературного языка — простая кафаревуса, димотики и новогреческий койне — функционально закреплены каждая за определенной сферой общения. Кафаревуса является нормой для научной и учебной литературы и для официальных документов, димотики — нормой для поэзии, прозы и драматургии, новогреческий койне используется в устном общении образованных слоев греческого общества⁴. Таким образом, в Греции формы литературного языка не противопоставлены по территориальному признаку, но разделяются по признаку функциональному (связанность с определенной сферой общения).

Как это ни парадоксально, указанные различия языковой ситуации в современных балканских странах, на наш взгляд, во многом обязаны своим происхождением действию *общих* некогда для этих стран типологических тенденций развития. Об этом свидетельствует сравнительно-типологический анализ языковой ситуации в этих странах во второй половине XVI — начале XVIII в.

При решении вопроса о задачах типологической характеристики литературных языков мы исходим из следующей предпосылки. Нам представляется целесообразным разграничивать относящиеся к разным уровням абстракции понятия, стоящие за термином «литературный язык». С одной стороны, это — литературный язык как определенное историко-культурное явление (наличие у данного народа специального письменного или и устного на основе письменного идиома, обслуживающего сферу достаточно высокой культуры). С другой — это литературные, письменные, книжные и т. д. языки как конкретная манифестация этого явления. Подобно тому, как объектом истории литературного языка должно на наш взгляд явиться не только изучение изменений в субстанции и структуре конкретного литературного идиома, в его функциях и сфере действия, но и исследование возможного в истории данного народа сосуществования, взаимодействия и процесса смены подобных гомогенных и гетерогенных идиомов, т. е. изучение изменений в рамках данного историко-культурного явления⁵, типологический анализ литературных языков (в частности, балканских) должен быть ориентирован на изучение сходных тенденций в развитии самого данного историко-культурного явления, а также на поиск тех общих особенностей в субстанции и структуре конкретных литературных идиомов, которые обусловлены действием этих тенденций.

В качестве объекта наблюдения нами избран тот период преддверия истории современных балканских литературных языков (вторая половина XVI — начало XVIII в.), который характеризуется существенными изменениями языковой ситуации у каждого балканского народа, коренными переменами в литературном языке

как историко-культурном явлении, обусловленными соответствующими экономическими, социальными, политическими и идеологическими сдвигами. Именно в этот период у всех балканских народов наблюдается отказ от используемого как инструмент культурного общения непонятного простому народу традиционного литературного языка (книжнославянского — в Болгарии, Валахии, Трансильвании и Молдавии, классического языка византийской эпохи — в Греции, латинского, арабского, отчасти книжнославянского — в Албании) и создание новых книжных языков, претендующих на роль литературных. Важнейшей типологической тенденцией этого процесса является то, что у всех балканских народов в этот период новые типы книжного языка формировались на основе современной живой народной речи (обычно — народно-разговорных койне городского населения) во исполнение единого во всех случаях принципа — создания письменности, понятной простому народу.

В условиях упадка в конце XVI — начале XVII в. Османской империи в результате ряда военных поражений, разложения военно-феодальной системы, усиления политики эксплуатации, религиозной дискриминации и насильственной ассимиляции балканских народов (известным исключением в некоторых отношениях является Греция), с одной стороны, подъема освободительного движения, роста городов, развития ремесла и торговли — с другой, создание письменности на доступном народу языке явилось формой борьбы определенных социальных группировок против языковой и религиозной ассимиляции, формой сплочения народности.

Рассмотренный в более широком, европейском контексте, этот процесс явился вместе с тем отражением прокатившейся по Европе мощной волны реформации и контрреформации, идей гуманизма, ускорившей процесс формирования ряда европейских литературных языков на народной основе.

В Греции создание письменности на языке, в значительной мере свободном от влияния византийской традиции, связано прежде всего с именами конфессиональных авторов XVI в. Феофана Елеавулка, Иоакимия Картаноса, Дамаскина Студита и других писателей⁶, выдвинувших программное требование писать доступным народу языком. Созданный Дамаскином Студитом сборник проповедей «Сокровище» (1557—1558) получил широкое распространение как в самой Греции, так и на славянском юге⁷ и в восточнороманских княжествах⁸. В этот же период (1550) создается первая грамматика «вульгарного» греческого языка Николаса Софианоса. В 1630 г. митрополит Монеувасийский Доронфей издает на новогреческом языке свою «Историю», посвященную политической и религиозной истории Рима и Византии. «Метереология» (1642) и другие светские и религиозные произведения Иоакимия Маркароса также написаны на новогреческом языке. Большое влияние на болгарских книжников оказали свет-

ские и вероисповедные произведения греческого писателя XVII в. Агапия Критского, пользовавшегося доступным народу языком⁹. Упомянем в этой связи также имена таких греческих книжников XVII—XVIII вв., как Партений Пелапонийский, Пахомий Афонский, Георгий Контарис и др.

В середине XVI в. в Албании возникает письменность на основе наддиалектного северногегского устного койне, связанная с деятельностью католического духовенства на севере страны. В 1555 г. вышла в свет первая албанская печатная книга «Служебник» Гьона Бузука¹⁰. В XVII в. эта традиция получила дальнейшее развитие. Появляется ряд переводных и оригинальных печатных книг: «Христианское вероучение» (1618), «Римский обряд» (1624) и «Зеркало веры» (1624) епископа Пьетера Буди, «Отряд пророков» (1685) Пьетера Богдани, «Латино-епиротский словарь» (1635) епископа Франга Барди. В XVIII в. североалбанская традиция, отразившая первый в истории Албании опыт создания книжного языка на народной основе, иссякает. В этот период сильная тенденция к созданию письменности на родном языке существовала у христианского населения городов средней и южной Албании (ср.: в частности, деятельность даскала Годри, который перевел на албанский Ветхий и Новый завет). Тогда же получает развитие мусульманская литература на албанском языке и связанная с ней поэзия «бейтеджей»¹¹.

В XVI в. в Северной Трансильвании создаются первые переводы на родной язык богослужебных книг (Воронецкий кодекс, Воронежская и Шкеянская псалтыри и др.). Независимо от этой традиции во второй половине XVI в. в районе Сибиу — Брашов возникает письменность, в основу которой положен обобщенный тип речи, употреблявшийся в валашских и трансильванских городах. Появляются первые печатные книги (Евангелие, 1561, Псалтырь, 1577), приписываемые дьякону Кореси¹².

В XVII в. центр письменности и книгопечатания перемещается в Молдавию¹³. Здесь в 1643 г. митрополит Молдавии Варлаам перевел со славянского оригинала ряд произведений Дамаскина Студита и иных авторов, включавшихся в состав болгарских дамаскинов¹⁴.

Веяние времени коснулось также Болгарии и Македонии, где во второй половине XVI в. предпринимаются вначале робкие попытки демократизации языка письменности внесением живой «народной струи» в традиционный книжнославянский язык синтетического строя¹⁵. Первый опыт книжного языка на основе наддиалектной формы разговорного языка городов и примыкавших к ним монастырей района Средней Старой Планины и Средней Горы датируется началом XVII в. Язык этот отражен в дошедших до нас от второй половины XVII в. рукописных сборниках религиозно-поучительного содержания — дамаскинах (они названы так по имени Дамаскина Студита, переводы произведений которого включались в состав этих сборников). Он явился ка-

чественным скачком в истории литературного языка в Болгарии. Именно в нем впервые был осуществлен синтез возможностей, предоставляемых народным болгарским языком, и богатого наследия старого литературного языка, причем в структурном отношении победила живая болгарская речь аналитического строя¹⁶.

В XVII—XVIII вв. в Болгарии осуществляется целый ряд новых опытов демократизации языка письменности, по-разному решавших проблему соотношения в нем книжных и народных элементов, нередко сводящихся к попытке писать на диалекте.

Отметим следующие характерные типологические особенности книжных языков на народной основе, возникавших на Балканах во второй половине XVI — начале XVIII в.

1. Каждый из них (в отличие от сосуществовавших с ним книжных языков на народной основе) обладал своей внутренне присущей ему нормой (или тенденцией к таковой), если под нормой для данного периода понимать само наличие в тексте «тождественных и потому нормативных для всех высказываний моментов — фонетических, грамматических, лексических»¹⁷. Для этой нормы характерно допущение известного числа вариантов.

2. Типы этих языков различались между собой выбором диалектной основы (точнее, выбором обобщенного типа разговорной речи — койне, положенного в основу письменного языка), т. е. своей соотнесенностью с той или иной региональной территориально-социальной общностью, для которой этот язык создавался (ср. ситуацию в Румынии, Албании, Болгарии), а также своим различным отношением к старой книжной традиции (ср. особенно ситуацию в Греции и Болгарии).

3. На облике различных типов книжных языков на народной основе сказалось то, что в процессе их создания имело место взаимодействие народного и традиционного литературного идиомов, т. е. наличествовала ситуация весьма своеобразного гомогенного (Греция, Болгария) или гетерогенного (Албания, Румыния) двуязычия. При этом шло восполнение взятого за основу народно-разговорного идиома необходимыми в сфере достаточно высокой культуры выразительными средствами, которыми он ранее не обладал (заимствование грамматических и лексических моделей, отдельных слов, фразеологизмов, при гетерогенном билингвизме — калькирование)¹⁸.

4. Различные типы рассматриваемых языков обычно использовались в определенной функциональной сфере (чаще — в конфессиональной письменности), что влекло за собой возникновение информативной специфики, накладывало отпечаток на словарь, грамматику и стилистические особенности.

5. Сфера применения каждого из таких языков была весьма ограниченной, нередко замыкаясь в рамках деятельности конкретного книжника, не распространялась на устное общение; в то же

время между ними имело место взаимодействие и существовала известная преемственная взаимосвязь.

Оценивая степень взаимодействия различных типов книжных языков на народной основе у конкретных балканских народов, необходимо иметь в виду целый ряд сопутствующих обстоятельств, в частности печатный ~ рукописный способ распространения отражавших данный язык книг, силу воздействия на современников, связанную с художественными и иными достоинствами этих книг, их адресованность определенному кругу читателей и слушателей и т. п. Важно помнить, что возникновение некоторых из этих языков было вызвано необходимостью активной пропаганды среди простого народа определенной религии. Например, как уже упоминалось, в Албании северногегская письменная традиция XVI—XVII вв. была связана с деятельностью местного католического духовенства, письменная традиция XVIII в. в средней и южной Албании возникла в среде христианской части населения, наконец, так называемая литература бейтеджей, получившая широкое развитие в XVIII в., была распространена среди мусульманского населения Албании (ср. также на фоне болгарской письменности, обращенной к православному населению, первую новоболгарскую печатную книгу «Абагар» (1651), составленную Филиппом Станиславовым для болгарских католиков)¹⁹. Это, естественно, резко ограничивало, если не сводило на нет, возможность взаимодействия подобных типов книжных языков.

Таким образом, вторая половина XVI — начало XVIII в. в истории литературных языков балканских народов могут быть охарактеризованы как период дивергентного развития с центробежной тенденцией к осуществлению все новых опытов демократизации языка письменности. Это — вторая существенная типологическая тенденция развития литературных языков на Балканах. Она, безусловно, связана с общими особенностями исторической и языковой ситуации жизни поработенных балканских народов в это время, среди которых решающую роль играло отсутствие единого политического, экономического и культурного центра и соответственно направленной языковой политики государства, исповедание у некоторых балканских народов (главным образом, в Албании) различных религий при конфессиональном в целом содержании литературы, сильная диалектная раздробленность языкового континуума и т. д. Немалую роль играл и упадок образования даже в среде культурной части общества.

Следует обратить особое внимание на характерную особенность языковой ситуации у балканских народов в рассматриваемый период, которой, на наш взгляд, в известной мере обуславливалась степень проявления центробежных тенденций. Отказ от традиционного литературного языка и использование новых типов книжных языков, опиравшихся на народную основу, был связан с резкой ломкой существовавшей социолингвистической нормы²⁰, принятых в данном обществе правил использования языков и их

идиомов в определенной коммуникативной ситуации. Использование «вульгарного» языка как стилистически нейтральной нормы в сфере достаточно высокой культуры — в религии, науке требовало принципиальных сдвигов в представлениях о «социально корректном высказывании»²¹.

Эта ломка сравнительно легче проходила у народов, лишенных традиционной письменности на родном языке, богатого наследия родной литературы. У народов с богатым культурным наследием ломка существовавшей социолингвистической нормы рано или поздно приводила к необыкновенно острой борьбе по языковому вопросу (ср. историю литературных языков в Болгарии и Греции). Но и вне эксплицитной дискуссии сами вновь и вновь возникавшие типы книжных языков на народной основе нередко представляли собой вариант решения вопроса о соотношении в литературном языке народных элементов и книжной традиции. Видимо отчасти поэтому в Болгарии и Греции степень дивергентного развития была особенно сильной. Новые типы книжных языков у этих народов длительное время сосуществовали с поздними редакциями традиционного литературного языка (книжнославянского, древнегреческого).

При переходе к этапу конвергентного развития имели место попытки закрепления книжных языков, тесно связанных с традицией, за более «высокими» жанрами, книжных языков на народной основе — за жанрами «низкими». Так, например, Софроний Врачанский в автобиографии, повестях, баснях использует тип языка, продолжающий традиции дамаскинов, в произведениях высокого стиля («Неделник», «Гражданское позорище») — язык с большим наслоением книжнославянской лексики и грамматических конструкций. Как мы уже отмечали, в Греции, где после победы революции 1821—1829 гг. небывало возрос пиетет перед древнегреческим языком, подобное функциональное распределение кафаревусы и димотики закреплено официально.

Литературное двуязычие и многоязычие гомогенного и гетерогенного характера является еще одной типологической тенденцией развития литературных языков балканских народов в рассматриваемый период.

В конце XVIII — начале XIX в. (в Греции — несколько ранее, в Албании — немного позже) начинается этап конвергентного развития литературных языков на Балканах, связанный с национальным возрождением, становлением наций и национальных литературных языков.

¹ А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. М., 1968, стр. 31—34.

² A. Kostallari. Gjuha e sotme letrare shqipe dhe disa probleme the melore të drejtshkrimit të saj.— «Studime filologjike», 1973, N 1.

³ A. Kostallari. Sur les traits principaux de l'albanais littéraire contemporain.— «Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Linguistique». Sofia, 1968.

- ⁴ К. И. Логачев. Языковая ситуация в современной Греции (лингвистические аспекты). — «Лингвистические исследования», ч. I. М., 1973, стр. 364—369.
- ⁵ Аргументацию этой точки зрения см.: Е. И. Демина. Начало современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии. — «Вопросы языкознания», 1969, № 6, стр. 86—89.
- ⁶ *Börje Knös*. L'histoire de la littérature néogrecque. Stockholm, 1965; С. Т. Dimaras. Histoire de la littérature néohellénique. 1965; Ю. Трифонов. Ритор Теофан и иподьякон Дамаскин Студит. — «Списание на Българската академия на науките», кн. LXXI, историко-филологически клон, т. 34, 1950, стр. 1—27.
- ⁷ Д. Петканова-Томева. Дамаскинците в българската литература. София, 1965; Е. И. Демина. Тихонравовският дамаскин. Болгарският паметник XVII в., ч. I. «Филологическо ввеждане в изучение на българските дамаскинови». София, 1968.
- ⁸ Р. Olteanu. «Damaskinsky» prúd v slovansko-rumunskej literatúre. — «Referate a prednášky prednesene na VII-om kongrese slavistov». Bucureşti, 1973, str. 8—39.
- ⁹ Д. Петканова-Томева. Из гръцко-българските книжовни отношения през XVII—XVIII век. — «Годишник на Софийския университет. Ф-т по славянски филологии», т. XII, 1969, стр. 53—149.
- ¹⁰ Е. Cabei. «Meshari» i Gjon Buzukut (1555). Tiranë, 1968.
- ¹¹ А. В. Десницкая. Из истории образования албанского национального языка. — «Труды Института языкознания», т. X, 1960, стр. 224—247.
- ¹² М. В. Сергеевский. К истории создания литературного языка в Румынии. — «Уч. зап. Ин-та языка и литературы», т. III, лингв. секция. М., 1928, стр. 114—132; Al. Rosetti, B. Cazacu. Istoria limbii române literare, t. I. Bucureşti, 1961.
- ¹³ J. Pascu. Istoria literaturii române din secolul XVII-a. Iaşi, 1922.
- ¹⁴ Varlaam, mitropolitul Moldovei. Cazania, 1663. Bucureşti, 1943; Р. Olteanu. Damaschin Studitul și mitropolitul Varlaam al Moldovei. — «Studii de slavistică», т. 3. Bucureşti, 1972.
- ¹⁵ П. А. Лавров. Дамаскин Студит и сборники его имени — «Дамаскины» в югославянской письменности. Одесса, 1899, стр. 3; Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин., ч. I, стр. 42—52, 81—224; П. Илиевски. Крински дамаскин. Скопје, 1972.
- ¹⁶ Е. И. Демина. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. — «Славянское языкознание. VII Международного съезда славистов. Доклады советской делегации». М., 1973.
- ¹⁷ В. В. Волошинов. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социалингвистического метода науки о языке. Л., 1929, стр. 64.
- ¹⁸ Ср., например, широкое проникновение в книжный язык на народной основе Валахии и Молдавии XVII в. славянской лексики и калек типа: bunăvoire (благоволение), bunăvestire (благовестие), întrupare (вплочение), înălțare (взнесение) и т. д. (М. В. Сергеевский. К истории создания литературного языка в Румынии, стр. 132).
- ¹⁹ Б. Цонев. История на българския език, т. I. София, 1919, стр. 311.
- ²⁰ О речевом поведении как части социального поведения человека см.: D. Hymes. The ethnography of speaking. — «Anthropology and human behaviour». Washington, 1962; I. I. Gumperz. Language in social groups. Stanford, 1971.
- ²¹ Л. Б. Никольский. О предмете социалингвистики. — «Вопросы языкознания», 1974, № 1, стр. 63.

Жанры хайдуцкого фольклора

И. М. ШЕПТУНОВ

Сопоставительное, сравнительно-типологическое рассмотрение устного народного творчества балканских народов, творчества, отражающего их многовековую борьбу против военно-феодального иноземного гнета и социальной несправедливости в специфической форме хайдучества и других родственных ему движений, выдвигает ряд интересных и важных вопросов. Среди них находится и проблема жанровой принадлежности произведений народного творчества, освещающих и раскрывающих хайдуцкую тему, понимаемую нами в самом широком смысле слова.

При традиционном подходе, при определении хайдуцких песен в целом, обычно дается приблизительно такая их дефиниция, в которой на первое место выступает тематическая общность, их тематическое единство как вида песен, посвященных борьбе народных защитников — хайдуков против турецкого военно-феодального гнета. Но далее в определениях исследователей обнаруживаются значительные различия в установлении типа, вида или подвида этого довольно большого массива устного творчества народов Юго-Восточной Европы. Ряд исследователей относит хайдуцкие песни к песням историческим. Так, например, академик Петр Динев в книге «Български фолклор» при классификации болгарского народного песенного творчества пишет: «Хайдуцкие песни по существу являются частью исторических, но они должны быть обособлены в отдельную группу из-за своей идейной направленности, высокого поэтического развития и большой роли, которую играют в жизни нашего народа»¹.

Другой болгарский исследователь, Цв. Романска, в своей сводной работе «Славянский фольклор» так характеризует хайдуцкие песни: «Хайдуцкие песни обособляются как один сравнительно более молодой цикл народного песенного творчества среди исторических (курсив мой. — И. Ш.) песен южных славян. Они отличаются от остальных четко и определенно прежде всего своим основным содержанием — они воспевают героическую борьбу хайдуков против турецкого гнета и притеснений турецких феодалов и местных чорбаджиев в период XVI—XIX вв.»².

Близкую позицию по отношению к указанным выше мнениям занимает и советский фольклорист В. К. Соколова, которая в докладе на V Международном съезде славистов на тему «О некоторых закономерностях развития историко-песенного фольклора у славянских народов» говорила о том, что «термин „исторические песни“ я употребляю здесь в широком смысле, объединяя разные виды славянской историко-песенной поэзии: собственно исторические песни, южнославянские гайдуцкие и усюкские

песни, словацкие „збойничкие“ песни, некоторые западнославянские баллады с исторической тематикой, солдатские военно-исторические песни и пр.»³ и далее: «Основной формой активного сопротивления поработителям в период турецкого владычества у них (южных славян. — *И. Ш.*) было гайдучество (в пограничных юго-западных районах нынешней Югославии и ускочество), и гайдуцкая песня стала у них ведущей формой народной исторической (выделено мною. — *И. Ш.*) поэзии»⁴.

Иную точку зрения на природу хайдуцкой песни высказывает писатель и фольклорист Д. Осинин, который в своей вступительной статье к тому «Хайдуцкие песни» из собрания «Болгарское народное творчество» в двенадцати томах пишет о том, что хайдуцкие песни не отделяются от общего массива «*миро-эпических народных песен*» (курсив мой. — *И. Ш.*), что «творцы хайдуцких песен до конца так и не смогли освободиться от влияния юнацкой поэтики и складывали хайдуцкую песню на реально-исторической почве»⁵.

Сходное мнение выражал не один раз проф. Н. И. Кравцов, относящий хайдуцкую и ускокскую песню к циклам сербо-хорватского эпоса⁶, указывающий на «существование двух жанровых разновидностей *эпических песен — юнацких и хайдуцких*»⁷ (курсив мой. — *И. Ш.*) в фольклоре южных славян.

Со своей стороны и автор этих строк в работах о хайдуцкой песне определял ее как героико-эпическую в широком смысле слова, считая переходной формой от юнацкой песни к исторической. Этот вывод делался в связи с тем, что в хайдуцких песнях почти всегда речь идет о конкретных случаях и действующих лицах народной борьбы, что в них находит выражение закономерно утверждающееся стремление к закреплению в коллективной памяти всех значительных событий общественного бытия⁸.

Известные албанские фольклористы проф. Зихни Сако, Кемаль Хаджихасани в своих работах, посвященных песням о качаках, относят их к историческому эпосу⁹.

Ряд исследователей устного творчества народов Юго-Восточной Европы, обращаясь к хайдучеству и его отражению в фольклоре, а также к другим близким народным движениям — клефтов, ускоков и т. д., определяют фольклорные произведения, посвященные им, как баллады. Так, известный венгерский фольклорист С. Домокос считает, что наиболее важным жанром народной европейской поэзии являются баллады и что баллады о хайдуках в единстве сложного народного эпического творчества представляют новый их тип¹⁰. Однако употребление этого термина для всего массива народных произведений о хайдуках приводит к значительным разночтениям, хотя для определенного типа песен о хайдуках — собственно балладического — оно вполне приемлемо.

Даже этот очень неполный перечень различных мнений о типе хайдуцких песен, об их видовой и жанровой принадлежности свидетельствует, что вопрос этот сложный, требующий присталь-

ного внимания. При этом необходимо сразу же оговориться, что каждый из исследователей по-своему прав, давая указанные выше характеристики народным произведениям о хайдучестве и родственных ему движениях, так как этим произведениям присуще большое жанровое разнообразие, а значит и возможность отнесения их к историческим, героико-эпическим, балладным и другим типам произведений. Это жанровое разнообразие связано с тем, что хайдуцкие песни, как и родственные им песни о клефтах, ускоках и качаках, за время своего многовекового развития не оставались неизменными. Существенные изменения, наблюдавшиеся в их эволюции, затрагивали идейное содержание, что приводило и к изменениям формы. К тому же на хайдуцкие, ускокские и другие песни этого же типа оказывали воздействие лирические и другие произведения народного творчества. Героико-эпические произведения на широкой исторической основе, близкие в начале своего развития классической форме героического эпоса — юнацким и войницким песням, хайдуцкие песни, как и песни о клефтах, ускоках, качаках, со временем претерпевают модификации, в них усиливаются социальные мотивы, развиваются черты исторической песни, возникают балладные и новеллистические элементы. Но при всем этом тема — т. е. борьба против национального и социального гнета в форме хайдучества — остается общей для всего многообразия этого фольклорного массива.

Эта общность не является простым механическим соединением или чисто формальным обобщением. Хайдучество как общественное явление, образ хайдука как художественное достижение целой эпохи являются цементирующим началом всех песен о народной борьбе против турецкого ига и социальной несправедливости, к какой бы поэтической форме они ни принадлежали — будь то баллады о хайдуках, или классические ускокские песни, или дойны, где лирическим героем является хайдук.

Указанная тематическая общность охватывает собой не только песенное творчество народов Юго-Восточной Европы, но и прозаические жанры — предания о болгарских хайдуках, устные рассказы о молдавских и румынских хайдуках, пословицы и поговорки разных народов, связанные с хайдуками или ускоками, клефтами или качаками, народная хайдуцкая драма молдаван и румын.

Весь этот многообразный и сложный многожанровый массив устного творчества народов, населяющих Балканы и сопредельные с ними территории, объединяемый общностью темы и единством идейно-образной системы, может быть выделен как вполне самостоятельный массив народного творчества, называемый нами хайдуцким фольклором. Данное название предлагается нами потому, что хайдучество как движение, наименование «хайдук» как главное действующее лицо, как герой и движения, и устного народного творчества, были представлены в болгарских и сербских пределах, в Дунайских княжествах, в албанских областях, где «хайдуки»

назывались еще и «качаками». Таким образом, «хайдучество» и «хайдук», а также и «хайдучий фольклор» могут быть предложены как наиболее обобщающие названия как всем народным движениям, имеющим бесспорную историко-типологическую общность, — т. е. собственно хайдучеству, движениям албанских качаков, ускоков, клефтов и паликаров в греческих областях, хайдуков в молдавских кодрах, как всем этим героям, так и всему массиву поэтического и прозаического народного творчества, посвященного этим героям.

Итак, хайдучий фольклор представляет, по нашему мнению, определенное диалектическое единство тематического и идейно-образного плана. Это единство обусловлено во многом сходными процессами исторического развития народов Юго-Восточной Европы, сходством их борьбы против чужеземного гнета и социальной несправедливости. Хайдучий фольклор, его генезис, его эволюция представляют значительный научный интерес в плане построения истории устного народного творчества народов Юго-Восточной Европы и ее историко-типологических и генетических связей с фольклором народов Центральной и Восточной Европы, с такими массивами народного творчества, как збойницкий фольклор, как русская разбойничья песня, как украинская дума, как русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. и др.

Исторические связи народов Юго-Восточной Европы (например, боевое содружество чет ускоков, хайдуков и клефтов, дружин качаков и хайдуков; взаимопомощь во время народных восстаний и многое другое), в том числе и культурные взаимосвязи и взаимодействие фольклорных систем, — все это способствовало тому, что хайдучий фольклор на протяжении своего развития, имея генеральную линию эволюции как вид героико-эпического народного творчества с широкой исторической основой, выработал исторически обоснованный, развивающийся во времени, диалектически единый жанровый ряд произведений на хайдучью тему.

Этот жанровый ряд хайдучьего фольклора в первом своем приближении представляется нам следующим:

1. *Переходная форма хайдучьей песни* как нового жанрового образования, находящегося в непосредственной связи с более ранним видом героического эпоса — юнацкой и войницкой песней.

Этот песни типа «Димка Бизимка и Вълчан войвода»¹¹, «Велко Войвода и Арапче»¹², в которых имеются и элементы такой же гиперболы, как и в юнацких песнях старшей поры, и излюбленные эпические числа — девять шкур волчьих для кожушка героя, и сила у героев песни подобна силе юнаков (описание единоборства Велко и Арапа) и т. д. К подобным песням могут быть отнесены и некоторые хайдучьие песни героического склада из восточнороманского эпоса. К примеру, из хайдучьих песен героического склада, в которых еще сильны традиции войницкой песни, можно назвать некоторые варианты песен о хайдуке Бакуле, вырывающем с корнем дерева, или хайдуке Кодряне, который, вы-

бирая себе коня, отбрасывает с легкостью невероятной в сторону тех лошадей, которые ему не подходят¹³, т. е. действуют примерно так же, как богатыри-юнаки или воины. Подобная же близость к традициям эпика прослеживается и в некоторых сербских хайдуцких песнях и в ряде песен ускокских¹⁴, что позволяет нам их также отнести к переходной форме (песни о Новаке и Радивою, песня о поединке Байо Пивлянина и бега Любовича и подобные ей, песни о сватовстве и женитьбе Иво Сентянина, Груице Новаковича и др.)¹⁵.

2. *Собственно хайдуцкая песня* посвящена различным случаям из жизни хайдуков. Этот тип поэтического произведения на хайдуцкую тему особенно широко представлен в болгарском народном творчестве, восточнороманском народном героическом эпосе, отчасти в сербских хайдуцких и ускокских песнях. В прямой связи с этим подвидом хайдуцкого фольклора находятся албанские песни о качаках и часть греческих песен о клефтах. Лейтмотивом всех этих произведений является героическая борьба против угнетателей народа. В их основе лежат конкретные факты или рассказы о достоверных лицах и их поступках. Вместе с тем в них имеется и широкое обобщение, делающееся на основе опыта общественной борьбы. В этих песнях создается колоритный образ положительного героя эпохи — хайдука — мстителя, защитника, борца «за правду и свободу», друга обездоленных и униженных. В них поется о жизни хайдуцкой дружины, о подвигах хайдуков, их борьбе. В поздних песнях этого типа ощутимы социальные мотивы. За время своего многовекового бытования они обрели устойчивую поэтику, в них хорошо развиты «общие места», они обладают разнообразными художественными изобразительными средствами (олицетворение природы, постоянные эпитеты, умеренная гиперболлизация и др.), а также хорошо разработанной сюжетной стороной, яркой эмоциональной тональностью и реалистичностью. Среди болгарских собственно хайдуцких песен необходимо назвать такие, как «Татунчо войвода», «Ангел войвода», «Богдан собира хайдути», «Ильо войвода», «Вълчан и Стайко», «Страхил войвода», «Бояна войвода», «Индже войвода» и многие другие¹⁶. Из песен восточнороманского эпоса этого жанра необходимо указать на такие, как «Хайдук Баду и турки», «Хайдук Миул и Штефан-водэ», «Пенеш», «Кодрян» и др.¹⁷ Среди сербских хайдуцких и ускокских песен к этому основному жанру относятся песни типа «Мали Радоица», «Старый Вуядин»¹⁸, «Раде из Сокола и Ашин-Бег», «Вид Данчич», «Смерть Смилянича Илии»¹⁹.

Песни об албанских качаках в подавляющем большинстве также относятся к типу собственно хайдуцкой песни. В них почти полностью отсутствуют фантастические элементы, сюжет обычно строится на основе событий из реальной жизни. Это песни о Марко Кули, Колё Паше, Беге Петани, Люмане Бала, Зеке Якини, Капедане Науме, Бейо Дуке, Капедане Спано и др.

Из греческих песен о клефтах, относящихся к этому типу и на-

зываемых некоторыми исследователями героическими, мы можем назвать песни о Янисе Буковаласе, Кростосе Мильенисе, Янисе Отафасе, Яннаки Кондоянисе, Кацандонисе и других борцах за свободу²⁰.

3. *Хайдуцкие песни балладного типа* представляют собою лиро-эпические произведения с героическим или социально-бытовым содержанием, со значительными включениями фантастики, чудесного, с напряженным, часто имеющим историческую основу драматическим сюжетом, в котором элемент необычайного является доминирующим. Среди болгарских песен балладного склада на хайдуцкую тему могут быть отмечены такие, как «Гарван грачи на висока елха», «Стоян и сокол», «Разболял се млад Стоян», «Стоян мами си думаше», «Заженил се Воин», «Богдан войвода», «Мирче и Бояна»²¹, «Гюбрена отървава мъжа си затворник», «Мома Гроздена и брат ѝ Дамян» и др.²² Сербские песни балладного склада — это «Предраг и Ненад», «Плен Янковича Стояна», «Вороны вещают о смерти Перы Данчича», «Смерть Джюры Данчича» и др.²³ Молдавские и румынские песни о хайдуках также имеют и тип балладного склада. Исследователи отмечают, что восточнороманские баллады изображают личную жизнь хайдуков, имеют нередко новеллистический характер, они повествуют о судьбе человека, его семьи. Особо следует выделить среди них баллады «Бедняк и богач», «Крестьянин и мироед» и др. Эти песни правдиво рисуют тяжкую жизнь крестьян и подводят к пониманию неизбежности ухода на «хайдуцкую тропу»²⁴. Сюда же могут быть отнесены и некоторые песни греческих клефтов²⁵.

4. *Хайдуцкие песни исторического содержания* представляют собой тип песен, в которых нашли отражение социальные конфликты, в которых действуют исторически достоверные хайдуцкие воеводы, ставящие уже перед собой и дружинами задачи не простой мести завоевателям-туркам, а задачи «разбунтовать» народ, наказать своих богатеев-чорбаджиев, чокоев, облегчить участь народа. В них даются картины тяжелой жизни народа, его пробуждение, стихийный протест. По времени возникновения это песни поздние, конца XVIII—XIX в. Из песен болгарских этого типа следует указать на произведения «Настас чорбадки», «Стоян войвода помога на спромаси», «Караджа дума Русании», «Хайдук Велко» и др.²⁶ Из произведений восточнороманского фольклора к этому типу относятся песни о Бужоре, Тобултоке, Дарие, Тунсу, Жиану и др.²⁷ Сюда же могут быть отнесены и песни о клефтах — такие, как песня о Никацаросе²⁸ и ряд поздних песен о качаках.

5. *Хайдуцкие лирические песни* присущи болгарскому и греческому народному творчеству, а так называемые хайдуцкие дойны — лирические песни восточнороманского фольклора являются одной из характернейших его частей. Как лирические хайдуцкие болгарские песни, лирические песни о клефтах, так и хайдуцкие дойны полны лирических образов, обращений хайду-

ков к лесу, к природе, которые выступают в этих песнях как дру- жественные силы, помогающие хайдукам в их борьбе. Средства их поэтического выражения многообразны и ярки. Для этого типа песен характерен лирический монолог героя-хайдука, рассказы- вающего о своих чувствах и переживаниях, а также диалог, на- пример разговор героя с лесом, который отвечает хайдуку ²⁹.

6. *Прозаические предания о хайдуках*. Этот тип народного твор- чества о хайдуках является важным добавлением к поэтическим биографиям народных героев. Предания позволяют более полно представить образ хайдука, раскрывают различные стороны его жизни и деятельности, не вошедшие в песню, позволяют провести анализ творческого процесса создателей песен, отбирающих для поэтического произведения определенные случаи и необходимые черты, характеризующие героя. Предания о болгарских хайдуках частично изданы. Предания о молдавских и румынских хайдуках мы находим в работах Я. Яцимирского и А. Руссо.

7. *Хайдуцкая драма* известна только восточнороманскому фольклору, она является вторичным образованием, имеющим ли- тературный прототип. Однако его значение огромно, так как по- зволяет наблюдать характер и критерии отбора сюжетных ситуа- ций, наиболее интересных как для зрителей, так и для исполните- лей, проследить судьбу хайдуцкой драмы, ее жизнь, ее роль для популяризации хайдуцкой тематики в целом. По свидетельству советских исследователей В. М. Гацака и Г. Г. Ботезату, хайдуц- кие драмы «Бужорений» и «Жиений» являются произведениями о мужестве, о смелости людей, поднявшихся против социального беспорядка. Эти драмы содержат песенные монологи, являющиеся дойнами с социальным содержанием. Сюжеты драм динамичны, носят героический характер, но не лишены элементов сатиры и авантюриности ³⁰.

Отмеченные нами семь типов произведений о хайдуках, при- сущих устному народному творчеству народов Юго-Восточной Европы, не отделены непроходимыми границами. Все это жанровое многообразие представляет собой подвижную, динамичную, взаимозависимую и взаимопроникаемую систему.

¹ *Петр Динев*. Български фолклор. София, 1972, стр. 280.

² *Цв. Романска*. Славянски фолклор, очерци и образци. София, 1963, стр. 132.

³ См.: «История, фольклор и искусство славянских народов. Доклады со- ветской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 467.

⁴ Там же, стр. 468—469.

⁵ «Българско народно творчество», т. 2. София, 1961, стр. 40—41.

⁶ См.: «Сербский эпос», т. I. М., 1960, стр. 13—14; «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., 1962, стр. 484.

⁷ «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968, стр. 244.

⁸ См.: «Эпос славянских народов». М., 1959, стр. 180; «Славянский фольк- лор». М., 1951, стр. 251—265.

- ⁹ См.: «*Studia albanica*», 1970, N 2.
- ¹⁰ S. Domokos. Les traits communs dans les ballades de type haidouk des Balkans et de l'Europe centrale.—«Actes du Premier Congrès International des Etudes balkanique et sud-est européennes», t. VII, p. 903—913.
- ¹¹ «Българско народно творчество», т. 2. София, 1961, стр. 315.
- ¹² Там же, стр. 123.
- ¹³ В. М. Гацак. Восточнороманский героический эпос. М., 1967, стр. 196, 341—342 и др.
- ¹⁴ См.: Стефана Стойкова. Общи черти и различия между български и сърбски хайдушки и гръцките клефтически песни.—«Славянска филология», т. XVI. История и фолклор. София, 1973, стр. 131—132.
- ¹⁵ См.: В. Караджић. Чојство и јунаштво. Београд, 1944, стр. 295, 298, 270 и др.
- ¹⁶ «Българско народно творчество», т. 2, стр. 97, 100, 143, 190, 288, 303, 321, 403.
- ¹⁷ В. М. Гацак. Восточнороманский героический эпос, стр. 349, 359, 386—387.
- ¹⁸ В. Караджић. Указ. соч., стр. 304, 309.
- ¹⁹ «Сербский эпос». Сост. и коммент. Н. И. Кравцова, т. 2. М., 1960, стр. 189, 257, 259 и др.
- ²⁰ См.: «Греческие народные песни». М., 1957, стр. 61, 63—65, 82; «Песни разных народов». Пер. Берга. М., 1854, стр. 187.
- ²¹ «Българско народно творчество», т. 2, стр. 323, 492, 542, 544, 549, 563, 598.
- ²² «Трем на българската народна историческа епика». София, 1939, стр. 423, 454.
- ²³ «Сербский эпос», стр. 208, 252, 264, 266.
- ²⁴ См.: Г. Г. Ботезату. Фольклорные жанры и историческая действительность (По материалам молдавского гайдуцкого фольклора). Автореф. дисс. Кишинев, 1965, стр. 9.
- ²⁵ К балладным песням могут быть отнесены такие песни о клефтах, как «Голос из могилы», «Девушка — клефт», «Прощание клефта», «Убитый клефт» и др. (см.: «Греческие народные песни», стр. 92, 97, 103, 106).
- ²⁶ «Българско народно творчество», т. 2, стр. 297, 398, 502.
- ²⁷ Г. Г. Ботезату. Фолклорул хайдуческ ын Молдова. Кишинэу, 1967.
- ²⁸ «Песни разных народов», стр. 187.
- ²⁹ «Българско народно творчество», т. 2, стр. 67, 74, 81, 92—95, 613—615.
- ³⁰ См.: В. М. Гацак. Войницкий и гайдуцкий народный театр в Молдавской ССР, Северной Буковине и Северо-Восточной Румынии. М., 1964; Г. Г. Ботезату. Фольклорные жанры и историческая действительность.

О некоторых типологических схождениях
в формировании театра стран
Центральной и Юго-Восточной Европы
(конец XVIII — середина XIX в.)

А. А. ГЕРШКОВИЧ

При всех особенностях, отличающих формирование национальной культуры у разных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, этому процессу были присущи и некоторые общие типологические черты. Выявление сходства не менее важно, чем констатация фактов различий, ибо «как раз в типологических схождениях фокусируются черты и тенденции общих законов, к открытию которых и направлена главным образом исследовательская мысль»¹.

В искусстве исключительно важно связать специфические явления национальной духовной жизни с общими закономерностями объективного исторического процесса². Формирование профессионального национального театра у разных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проходившее в конце XVIII — середине XIX в., в эпоху складывания наций, дает богатый материал для установления типологических схождений в разных странах. Из этого, разумеется, не следует, что формирование театра балканских народов, испытавших османский гнет, не отличалось от развития театральной культуры центральноевропейского региона, испытывавшего на себе, по выражению Ф. Энгельса, гнет «австрийского варварства»³, которое пыталось онемечить или, по крайней мере, затормозить национальную духовную жизнь закабаленных народов. Однако сопоставительный анализ разнонациональных фактов и явлений показывает, что нельзя абсолютизировать различия в духовной жизни народов этих двух регионов, проходя мимо того, что было для них общим.

В истории культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы существуют проблемы, изучение которых требует отдельного рассмотрения по регионам и даже по отдельным национальным культурам, но есть и такие вопросы, которые являются общими как для центральноевропейских, так и для балканских стран. Проблема формирования профессионального театра в эпоху национального подъема конца XVIII — середины XIX в. относится, на наш взгляд, к числу последних.

Таким общим знаменателем театрального процесса в указанный период является формирование национальной сценической культуры в условиях отсутствия у большинства народов национальной независимости и вытекающая из этого особая общественная функция театра в жизни народа. «В то время, когда у нас не было политической трибуны, — писал Зденек Неedly об эпохе

«будительства» в Чехии, — театр брал на себя ее роль»⁴. Аналогичную миссию выполняло театральное искусство в этот период и в других странах рассматриваемого региона, независимо от того, идет ли речь, к примеру, о театре Польши, располагавшем богатыми национальными традициями и находившемся на более высоком профессиональном уровне, или о молодом театре Болгарии, только начинавшем оформляться как профессиональное искусство в эпоху национального возрождения. Различие между ними существовало в уровне и в формах театрального творчества, сходство — в особенностях формирования национальной культуры и взаимоотношений театра с общественной жизнью.

Театр стран Центральной и Юго-Восточной Европы является органической частью общеевропейской театральной культуры и подчиняется ее единым имманентным законам. Он пережил в своем развитии многие явления общеевропейского художественно-исторического развития, хотя, разумеется, и в своеобразных национальных формах, нередко смещенно во времени.

У самых истоков, на стадии ритуальных игр и обрядов как зачатков театральной зрелищности, рассматриваемые культуры находились примерно на одном уровне. Дошедшие до наших дней «нестенарские» игры и «кукеры» в Болгарии, сохранившие элементы языческой ритуальности, красноречиво говорят об общем историческом корне европейского театра, идущем от дионисийских празднеств. Так, Болгария — страна едва ли не самой молодой европейской театральной культуры (профессиональный театр здесь развился лишь в конце XIX в.) является вместе с тем одной из немногих сегодня в Европе стран, где еще можно в живом виде узреть «театральную древность». При этом важно подчеркнуть то обстоятельство, что изначальные элементы театральности успели развиться в рассматриваемых странах еще на ранней стадии народного искусства, до того, как оно испытало иноземные влияния.

В средние века положение существенно меняется: во Франции уже в XIII в. наряду с литургической драмой возникает и светский театр («игры» Адама де Ла-Аль, 1262), на юго-востоке же и в центре Европы, подвергшимся иноземным нашествиям и завоеваниям, нормальное театральное развитие прерывается. С XIV по XVIII в. оно проходит урывками, представляет собой как бы редкую пунктирную линию. Отдельные взлеты здесь, конечно, тоже были, скажем, расцвет ренессансной драматургии и театра Дубровницкой республики в XV—XVI вв., но это уже не меняло существа дела. Драма и театр Дубровника как важное проявление театрального искусства южных славян в средние века лишь подтверждает общее правило о равных потенциальных возможностях славянской и других культур Центральной и Юго-Восточной Европы, которые при прочих равных условиях способны были давать и давали синхронно с Западом высокие образцы театрального творчества.

Качественно новый этап в развитии театральной культуры рассматриваемого региона начинается со второй половины XVIII в., когда происходит бурный процесс освобождения от феодальных уз и складывания буржуазных наций и их культур. Именно в этот период открываются первые национальные публичные театры в странах Центральной Европы: в Польше (1765), Чехии (театр Боуда в Праге, 80-е годы XVIII в.), Венгрии (театр Л. Келемена в Пеште, 1790 г.), в Клузе (Трансильвания) в 1794 г. и др. В странах Юго-Восточной Европы из-за продолжавшегося османского ига театральное развитие задержалось еще на несколько десятилетий. На сербскохорватском языке первые представления были даны в 1813 г. труппой И. Вуича, в Бухаресте в 1833 г. был открыт Драматический класс при городском Филармоническом обществе, в 1836 г. — театр в Яссах. В 1840 г. состоялись первые спектакли нового греческого театра, а в 1856 г. были осуществлены труппой Д. Войникова первые постановки на болгарском языке. Эти смещения во времени уже не меняли сути дела. Путь к профессиональному искусству, пройденный театром на Балканах, хотя и имел свои существенные особенности, но принципиально не отличался от модели развития театра центральноевропейского региона. Деятельность труппы Д. Войникова на румынской территории в 50—60-х годах XIX в., так же как и организация сербской труппы И. Вуича на территории Венгрии, в Пеште (1812 г.), где она давала свои первые спектакли, и другие аналогичные случаи, включая деятельность греческих любительских трупп в Яссах (1805 г.), Бухаресте (1810 г.) и Одессе (1814 г.), распространяют на театр вывод болгарского исследователя И. Конева, который, говоря о литературе, писал, что «ни одна из балканских литератур не начинает формироваться и не развивается как *национальная литература* без своих заграничных центров и очагов. Возникали они преимущественно в странах Юго-Восточной Европы и в России, когда большая часть балканских стран еще не имела государственной самостоятельности»⁵.

С запозданием пробудившись к жизни, театр стран Центральной и Юго-Восточной Европы развивался затем исключительно интенсивно. И здесь стали обнаруживаться интересные и неожиданные закономерности и тенденции.

Пользуясь опытом мировой культуры, театр народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в. усваивал театральный материал прошлых веков параллельно с новым, ему современному. В этом совмещении разных исторических и художественных пластов рождались оригинальные произведения смешанных жанров и стилей. Они дополняют общепринятые представления о ходе европейского театрально-художественного процесса. Приведем несколько примеров. В середине XVI в. венгерский протестантский священник П. Борнемисса прочитал античную трагедию Софокла как школьную драму и создал на этой основе свой вариант «Венгерской Электры» (1558), продолжающей жить как ори-

гинальное произведение для сцены и сегодня. Известная назидательная драма «Велизарий», сюжет которой прошел по сценам школьного театра всей Европы в XVI—XVIII вв., была поставлена в Болгарии в середине XIX в. как просветительская пьеса о гражданском долге. В Венгрии же «Велизарий» (в обработке не Трауцшена, как в Болгарии, а Шенка) был исполнен на открытии Национального театра в Пеште в августе 1837 г. как романтическая трагедия, где личность вступает в конфликт с государством.

Классицистскую западную драму от Корнеля до Мольера и польский, и венгерский, и чешский и румынский театры воспринимали в XVIII — начале XIX в. как драму прежде всего просветительскую. Идеал частной жизни в ней торжествует над всем прочим, чего, понятно, не могло быть в эпоху расцвета классицизма, когда долг всегда побеждал чувство.

Интересную рецепцию претерпевал Мольер: в придворном театре Польши его ставили в барочном духе, в переводах же польского драматурга — раннего просветителя Фр. Богомольца пьесы Мольера, а также Гольдони и Плавта, к которым он также часто обращался, получали явный дидактический акцент. Создатель польского национального театра В. Богуславский играл комедии Мольера как просветительские.

Ценный материал для понимания национальных рецепций мировой культуры дает румынский театр. Советский исследователь М. В. Фридман показал на примере работы И. Элиаде-Радулеску над «Магометом» Вольтера, что во имя большей доходчивости этой пьесы для румынского зрителя Элиаде добавлял к тексту собственные стихи. Финал трагедии был им радикально изменен. В оригинале Магомет горько оплакивает гибель Пальмиры, терзаясь угрызениями совести. Элиаде замечает по этому поводу: «Образ Магомета ослаблен, принижен... Своим раскаянием он смягчает ненависть, даже вызывает сострадание. Поэтому переводчик решил усилить его кровавый облик»⁶. Для жителей Дунайских княжеств, долгое время находившихся под османским гнетом, образ вольтеровского Магомета должен был вызывать ненависть к тирану. Только с поправкой Элиаде, по свидетельству современников, пьеса Вольтера «производила фурор»⁷.

Известно также, что К. Аристия, который еще в 1825 г. перевел «Жоржа Дандэна», придавал пьесе резко «античоковскую» направленность. Герои ее были названы румынскими значащими именами (Кривоног, Кривоножка и т. д.) и все поведение и их повадки «были сообразны поведению и повадкам „чоков“». Переводчик допускал эти «вольности» совершенно сознательно, так же как и Войкулеску — переводчик «Мещанина во дворянстве» Мольера и другие. Таковы в то время были общие принципы переделок переводных пьес.

Анализ переводного западноевропейского репертуара, который на первых порах составлял значительную часть театра, показывает, что национальные сцены усваивали переводной материал не

вслепую, а осмысливали его в соответствии с собственными потребностями и в соответствии с творческими задачами и уровнем своего художественного сознания. Нередки были случаи, когда национальные адаптации какой-нибудь второстепенной западной пьесы делали ее более значительной в идейно-художественном отношении, чем в подлиннике. При этом следует, однако, отметить, что при освоении зарубежного опыта театры рассматриваемых стран нередко обращались к эпигонам; так, к Мольеру шли от Гаффнера и Иффланда, к Гюго — от Дюканжа и Дино, к Шекспиру — от Коцебу и т. д.

Из сказанного напрашивается вывод, что своеобразие формирования театральной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не в том, что она проходит иные ступени и фазы развития, чем театр Запада, а в том, что проходит их в иной форме, чаще всего более ускоренно, интенсивно, путем своего рода национальных адаптаций, стилевых стяжек и приспособлений. Адаптация западноевропейских форм к историческим условиям места и времени породила обилие смешанных по стилю художественных произведений. В силу исторических условий просветительская идеология в странах Центральной и Юго-Восточной Европы выражала себя в театральном творчестве не только и, пожалуй, не столько в формах просветительского реализма, сколько в смешанных и осложненных формах классицистской, сентиментально-мелодраматической и романтической поэтики (например, творчество Й. Катона в Венгрии, В. Александри в Румынии, Д. Войникова в Болгарии и др.).

Другой важной общей чертой театрального развития была присущая театру рассматриваемых стран глубокая демократичность. Она была порождена особыми историческими обстоятельствами. Французский театр эпохи Просвещения, имевший давнюю культурную традицию, свои постоянные сцены и привилегированные труппы, игравшие для аристократического зрителя, был в ходе революции 1789 г. подвергнут коренной демократизации. Из «дворца» театр хотели вновь вернуть на площадь.

Иначе обстояло дело в странах рассматриваемого региона. Театр на родном языке собирал зрителей из самых широких демократических кругов: зарождавшейся интеллигенции, мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, мастеровых, крестьян. Быт городских низов стал главной темой театра — вспомним «Фидловачку» и «Волынщика из Стракониц» Й. Тыла, специфический жанр «народных пьес» Э. Сиглигети, знаменитые «Кирицы» В. Александри.

Разумеется, профессиональный уровень искусства английских или французских актеров и драматургии западноевропейского Просвещения (Вольтер, Шеридан, Дидро и др.) был выше рождавшегося молодого искусства рассматриваемых стран. Демократизм же там и здесь был разного типа: на Западе можно говорить о буржуазной демократизации театра после «Женитьбы Фигаро»,

в странах, пробуждавшихся к национальной жизни, театр формировался с самого начала как демократическое искусство. Не только репертуар, но и стиль исполнения, когда зрители требовали после серьезной пьесы вставных музыкальных номеров, а также устройство сцены и даже сама организация спектакля как народного зрелища были здесь весьма своеобразны. В Чехии, Венгрии, Сербии, Молдавии и Валахии, Болгарии первые профессиональные актеры часто играли на постоянных дворах, под открытым небом, причем не за деньги, а за «обед». Зрители часто вмешивались в действие, выражая одобрение или осуждение поступкам героев репликами с мест, на сцене стреляли из настоящих ружей, как это было, например, в театре Д. Войникова. Во Франции театр давно уже был как бы встроен в ансамбль абсолютистской власти. В странах же, борющихся за национальную независимость, театр на родном языке принадлежал в первую очередь низам (бродячий театр в Венгрии, болгарский эмигрантский театр в Валахии). Он пытался перетянуть простого горожанина и виноградаря из церкви и корчмы в непрезентабельные стены первых временных театральных помещений, где звучала не латынь, не немецкая, а родная речь и славилась людская добродетель. Демократизм этого театра заключался, таким образом, в том, что театр сознательно ориентировался на интересы и вкусы народа, выступал от его имени, а деятели его принимали активное участие в освободительной борьбе.

Характерно, что в глазах обывателей и властей слово «актер», «комедиант» приобрело оттенок «возмутителя спокойствия», чего-то такого, что нарушает привычное течение жизни. Шандор Петефи вспоминал, что как-то, скитаясь по стране, он забрел на постоянный двор и хозяин спросил его, чем он занимается. «Я — актер», ответил Петефи. «О, — воскликнул с сочувствием старый корчмарь, — я тоже протестант!»⁸ В этом историческом анекдоте заключалась горькая и гордая правда. Актер и в Венгрии, и в Чехии, и в Румынии, и в Болгарии представлялся в сознании демократической общественности не просто «лицедеем», «комедиантом», а выразителем народных чаяний, глашатаем национальных чувств и идей. Это прекрасно подтверждается и ценными воспоминаниями одного из основателей румынской сцены Костаке Караджале, который писал о том, что после закрытия властями филармонии «граждане предпочитали не говорить о театре, опасаясь, что за ними шпионят...». Само понятие «Филармоническое общество» приобрело характер «общества заговорщиков», «опозиционеров»⁹.

С демократичностью театра тесно связана еще одна важная, общая для всех театральных культур региона черта: теснейшая связь театра с национально-освободительной борьбой.

Театр пробудившихся к национальной жизни народов особенно остро и чутко реагировал на перипетии общественной жизни. В этом районе Европы театр всегда оказывался в гуще революци-

онных событий, а деятели его, как правило, становились активными участниками освободительной борьбы, своим искусством, а нередко и делами подтверждая верность высоким гражданским идеалам. Достаточно напомнить в этой связи общеизвестные факты, когда театр в Праге и Пеште весной 1848 г. стал ареной политических демонстраций, возвестивших начало революционных восстаний, напомнить, что в театре как актеры начинали свою деятельность руководители революционной борьбы своих народов Шандор Петефи и Христо Ботев, сражались в рядах революционных армий основоположник румынского театра Костаке Аристия, знаменитый венгерский трагик Габор Эгрешши и многие другие актеры.

Ярким, хотя и — в известном смысле — специфическим примером тесной связи театра с революционным движением, является деятельность болгарской труппы Добри Войникова, проходившая в среде многочисленной болгарской политэмиграции в Румынии. Труппа была детищем этой эмиграции, средством поддержания в ней революционного духа. Об этом подробно рассказано в повести и пьесе Ив. Вазова «Изгнанники». Архивные данные, найденные болгарскими театроведами П. Пеневым, Ст. Каракостовым, М. Брадистиловой-Добревой и др.¹⁰, свидетельствуют о том, что «Болгарское театральное общество», созданное в Браиле Д. Войниковым в 1865 г., рассматривалось руководителями болгарского революционного движения как боевая часть этого движения.

Немаловажный фактор в сближении театральных культур стран Центральной и Юго-Восточной Европы представляли собой непрерывные творческие и организационные связи между ними на разных этапах исторического развития. Дунайские княжества благодаря своему географическому положению создали как бы своеобразный мост для общения театральных культур разных народов. Причем движение по этому мосту было с самого начала двусторонним. Через Бухарест в 30—40-е годы XIX в., где было создано «Филармоническое общество» во главе с Э. Радулеску и К. Аристия, шло усиленное французское и итальянское театральное влияние, через Яссы, где во главе драматического класса Консерватории находился видный общественный и культурный деятель Г. Асаки, распространялось воздействие русской культуры. В Яссах уже в середине XIX в. были известны пьесы Княжнина, Хераскова, Сумарокова, Шаховского благодаря переводам с русского языка здесь знакомились с произведениями Вольтера и других передовых западноевропейских драматургов и писателей. Известно, что Г. Асаки обратился к жанру национальной исторической драмы под воздействием Карамзина.

В то время когда первая болгарская труппа набирала силы на братской румынской земле, болгарский город Шумен предоставил в 50-х годах XIX в. свои читалища в распоряжение венгерских и польских актеров-повстанцев, вынужденных после поражения революции 1848 г. жить в эмиграции. Среди них был великий

венгерский актер-романтик Габор Эгрешши — друг Шандора Петефи, большой пропагандист Шекспира. Болгарский театр еще на стадии школьного театра был связан с сербским (полулитургическая драма «Жертва Авраама», 1844 г., имеет сербскую редакцию, а также очень похожую русскую редакцию того же сюжета). Первые словено-сербские представления в Сремске Карловице организовали учителя из Киевской духовной академии, один из них — Э. Казачинский был автором пьесы о сербском короле Уроше V, предвосхитившей цикл исторических драм так называемого косовского цикла.

Факты тесных контактов и взаимовлияний культур народов рассматриваемого региона можно приумножить. Они говорят о том, что общность театра Центральной и Юго-Восточной Европы имеет глубокую традицию и является объективной данностью. В эпоху формирования наций и возникающих здесь межнациональных отношений искусство в целом и театр в особенности, играя важную роль в пробуждении национального самосознания, вместе с тем призывали к солидарности наций, борющихся за свою свободу и независимость. Чуткая на национальную тему, остро патриотическая театральная культура славян, венгров, румын избавлялась от национальной ограниченности. И когда уже в наши дни родилась новая историческая общность народов европейских социалистических стран, память о традиционных связях и тесных взаимоотношениях культур этих народов, сложившихся в их прошлом, служит дополнительным цементирующим фактором в развитии отношений между ними.

Исторический опыт формирования театра в Центральной и Юго-Восточной Европе на заре национального возрождения говорит, что, при всех местных исторических особенностях и различиях, профессиональный театр во всех странах рассматриваемого региона рождается в период формирования наций и национальных культур; он тесно связан с развитием городов и городской жизни; отличается широким демократизмом; выполняет важную просветительскую функцию в борьбе за родной язык и воспитание нравов; активно участвует в национально-освободительной и общественно-социальной борьбе; вырабатывает свою эстетику, вбирая опыт народного искусства и предшествующего развития национальной культуры; формируется как профессиональное искусство, ускоренно перерабатывая и применяя к местным условиям опыт мирового театра.

¹ Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 81.

² См.: И. Д. Шилиманов. Студии из областта на българското възрождение. — «Сборник на Българска академия на науките», кн. VI, 1916, стр. 3—4; Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1972; И. С. Миллер. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения. — «Советское славяноведение», 1972, № 4;

- С. В. Никольский*. Художественное сознание эпохи национального возрождения.—«Советское славяноведение», 1973, № 4; *В. А. Дьяков*. Об «эпохе национального возрождения» в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы.—«Советское славяноведение», 1974, № 6; *В. И. Злыднев, И. И. Лециловская, Е. П. Львова*. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.—«История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1973, и др.
- ³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 472.
- ⁴ *Зд. Неедлы*. Выступление в связи с принятием закона о театре.—«Чехословацкий театр». Прага, 1948, стр. 5.
- ⁵ *Илия Конев*. Просвещение в балканских странах и румыно-болгарские литературные отношения.—«Revue des Etudes sud-est européennes», vol. X, N 3, 1972, p. 544.
- ⁶ См.: *С. Трифу*. Cronica dramatica și începuturile teatrului românesc. București, 1970, p. 33.
- ⁷ *Ж. Моссофф*. Teatrul românesc, vol. I. București, 1961, p. 164.
- ⁸ *Жбкаи Мдр*. A magyar színészet hőskora. Révai kiadás. S. a., 17 old.
- ⁹ *С. Трифу*. Указ. соч., стр. 82.
- ¹⁰ См.: *П. Пенев*. Лекции по истории на български драматически театър, ч. I—II. София, 1954; *М. Брадистилова-Добрева*. Българската историческа драматургия през Възраждането. София, 1975.

О некоторых общих чертах
болгарского, румынского и сербского
изобразительного искусства
конца XVIII — середины XIX в.
(к постановке проблемы)

Е. П. ЛЬВОВА

В становлении национальных культур болгарского, сербского и румынского народов изобразительное искусство сыграло важную роль. С его исследованием связаны многие вопросы: о новых тенденциях, определившихся на различных этапах национально-освободительного движения, о взаимосвязях различных видов культуры в пределах одной страны и балканского региона в целом, о народных традициях и различных формах художественно-эстетических связей (контактных, типологических и т. д.) и др.

Если в области литературного творчества многие проблемы уже основательно изучены, то в исследовании процесса развития художественной культуры, типологических особенностей изобразительного искусства народов балканских стран в эпоху становления наций сделано еще очень мало.

Мы рассмотрим лишь некоторые вопросы развития изобразительного искусства периода национального возрождения. Один из них — о типологических особенностях болгарского, румын-

ского и сербского изобразительного искусства конца XVIII — 70-х годов XIX в.

В эпоху становления буржуазных отношений и формирования наций культура рассматриваемых народов переживала своеобразный период ускоренного развития. Изобразительному искусству предстояло также наверстать упущенное и на базе достижений европейского искусства создать собственную национальную художественную школу. Отторгнутое иноземным завоеванием от европейской художественной традиции, задержанное в своем развитии изобразительное искусство в Болгарии, Дунайских княжествах, Сербии существовало главным образом в формах народного творчества (служившего своеобразной «кладовой» традиций) и в формах средневекового церковного искусства. Начавшиеся процессы коренных изменений в живописи и графике происходят за сравнительно короткий срок.

К середине XVIII в. на путь освобождения от догм средневековья и обращения к искусству нового времени вступают румынская и сербская культуры, вскоре те же явления происходят и в болгарской культуре. С полным основанием можно говорить о схожести многих художественных явлений, которые обнаруживаются сильнее к середине XIX в. Для развития искусства важную роль сыграло народное творчество, достигшее в Болгарии, Сербии, Дунайских княжествах особого расцвета в XVIII—XIX вв. Оно проявлялось в самых разнообразных формах: в синтезе с архитектурой, в каменной пластике, деревянной резьбе, керамике, вышивке, ковроткачестве, декоративной настенной росписи, словно выплескивающей на фасады жилых зданий и монастырские стены всю многоцветность и яркость красок, вмещающих огромное богатство народной фантазии. В стенопись церквей, иконопись, деревянную резьбу иконостасов настойчиво проникают мотивы социального неравенства, протеста против иноземного угнетения.

Начинается процесс профессионализации народных мастеров — зографов, зугравов. Можно отметить общность эволюции, которую проходят первые живописцы на пути к утверждению станкового светского искусства. Именно этим мастерам обязана художественная культура болгарского, сербского и румынского народов восстановлением контактов с внешним миром, осмыслением и реализацией в творчестве художественного опыта, выходом из вынужденной длительной духовной изоляции. Происходит переосмысление традиций, утверждаются новые идейно-эстетические принципы искусства, его национальная и патриотическая направленность, а вместе с ними изменяется и мировоззрение художника, его представление о роли человека и его месте в жизни. Типичная особенность, которую можно отметить в произведениях художников, состоит в том, что они начинают подписывать свои творения, стремясь утвердить себя и престиж своего искусства.

В изобразительное искусство все чаще проникает реалистиче-

ский пейзаж, появляются социальные и национальные типы. Важной общей чертой живописи и графики указанных стран явилось повсеместное обращение к портрету. Уходя от статических образов ктиторов в церковных композициях, художники стремятся к передаче образа современного человека в станковом портрете. Здесь обнаруживается близость портретов, созданных мастерами Дунайских княжеств (Р. Зугравул, Еустатие Алтини), болгарских мастеров (Захарий Зограф, Тома Вишанов), сербских художников (Т. Чешляр и А. Теодорович).

Национально-просветительский период явился важным шагом в освободительном движении стран, длительное время находившихся под властью турецких феодалов. Изобразительное искусство было тесно связано с развитием просвещения, изданием книг и их художественным оформлением.

В борьбе за национальную школу активное участие принимали не только передовые педагоги, писатели, публицисты, но и художники. Важной особенностью духовной жизни той поры был своеобразный универсализм деятельности представителей культуры. Прогрессивные болгарские, сербские и румынские поэты и художники одновременно являлись педагогами, общественными деятелями. Многие из них принимали активное участие в революционном движении.

В Сербии и Дунайских княжествах развитие школьного дела началось сравнительно рано, шло освоение опыта, знаний других стран, но особенно значительными явились контакты болгарских, сербских и румынских просветителей с русской культурой. В Россию отправлялись учиться многие молодые педагоги, будущие писатели и художники, представители формирующейся интеллигенции, число их постоянно возрастало.

В ходе национально-освободительной борьбы во многом изменялся и характер складывающегося национального изобразительного искусства. Процесс утверждения национального самосознания проходил весьма динамично. В румынской художественной культуре это проявилось особенно наглядно в творчестве художников, связанных с духовной атмосферой периода подготовки революции 1848 г.—И. Негулича, Б. Исковеску, К. Розенталя, М. Поппа. Они заложили основы новой традиции румынского искусства. Произведения этих мастеров объединены не только общими истоками творчества народа, но и общим подходом к освоению лучших традиций и достижений европейской культуры. Идеино-художественные задачи, которые решал каждый из этих живописцев, определялись чувством революционного пафоса и гражданственности, приобретая большое общественное звучание. В портретах, созданных И. Негуличем, Б. Исковеску, И. Розенталем, проявилось восхищение мужеством и самоотверженностью человека-гражданина, борца. Таков образ вождя революции Н. Балческу, созданный И. Негуличем, портреты участников революции, принадлежащие Б. Исковеску, аллегорический образ

Родины в картине «Революционная Румыния» К. Розенталя. Художник К. Розенталь шел от своего, конкретного, личного революционного опыта, у него каждый образ непосредственно связан с историей народа. Героико-романтическое звучание, характерное для многих произведений художников интересующих нас стран, получило свое воплощение в портрете и исторической композиции.

В сербской живописи и графике утверждается тенденция реалистического воспроизведения образа человека (П. Джуркович, К. Данил, Н. Алексич). Одним из самых ярких представителей сербской художественной культуры был Джура Якшич. Он создал ряд картин на исторические сюжеты, наполненных драматизмом, героикой и романтическим пафосом, и ряд глубоких психологических портретов своих современников. Д. Якшич был не только живописцем, но и талантливым поэтом, писателем и общественным деятелем. В исторических полотнах Д. Якшича, как и в картинах других сербских художников, образы исполнены романтики, они значительны и ярки прежде всего переданными в них прекрасными человеческими качествами: мужеством, цельностью характера, глубоким человеческим достоинством. Жанр портрета явился особенно важным и для художников Болгарии эпохи национального возрождения. Галерею реалистических портретов болгарских просветителей, педагогов, общественных деятелей создали живописцы С. Доспевский, Х. Цокев, Г. Данчов, Н. Павлович.

С. Доспевский и Х. Цокев учились в России и испытали прямое воздействие передовой русской художественной культуры. Вчерашние иконописцы-самоучки стали первыми профессиональными живописцами, создавали произведения глубоко национальные, народно-поэтические по своему духу.

Почти все значительные деятели болгарской культуры второй половины XIX в. были связаны с русской литературой, искусством и передовой эстетической мыслью России. В России некоторое время работал выдающийся портретист, создатель картин и гравюр на патриотические темы Н. Павлович, в России побывал художник-революционер Г. Данчов.

В понимании творческих задач прогрессивные болгарские, румынские и сербские художники проявляли удивительное единодушие: для них творчество было прежде всего долгом гражданина, общественным деянием. Их искусство занимает самую активную позицию по отношению к общественным событиям.

Интенсивные культурные связи стран балканского региона, укреплявшиеся с середины XIX в., являлись частью общего процесса национально-освободительного движения. Важное значение имели и связи с другими европейскими странами. В процессе формирования национальных культур роль их еще больше возросла, способствуя ликвидации изолированности, укрепляя взаимосвязанность культурных и художественных центров (Москва,

Петербург, Киев, Одесса, Бухарест, Белград, Вена и др.), сыгравших особенно важную роль для сербов и болгар.

Вопрос об избирательности интересов, о том, что именно привлекло деятелей культуры (в том числе художников) в тех центрах, где они получали образование или были заняты творческой и общественной деятельностью, представляется весьма интересным. Зачастую они искали в европейской культуре традиции, которые по своей идейно-художественной направленности были созвучны требованиям их национальной культуры, соответствовали их творческой манере. Первым болгарским живописцам-профессионалам была, например, близка художественная культура Петровской эпохи в России (в частности, портретное искусство). Но они воспринимали и искусство Антропова, Тропинина, Венецианова и Кипренского.

Румынских художников, учившихся во Франции или Италии, привлекали традиции Делакруа и французский романтизм, они восприняли в нем порыв и высокую гражданственность, обобщенно-аллегорическую форму выражения. Но и в первом, и во втором случае это было активное творческое претворение европейского опыта.

Для деятелей болгарской культуры важное значение имел тот факт, что именно в России, на территории Сербии и Дунайских княжеств они нашли поддержку и единомышленников. Речь идет прежде всего о той духовной атмосфере, которая способствовала формированию их мировоззрения. Начиная с Софрония Врачанского и Петра Берона, изобразительное искусство вместе с литературой двигалось по пути ускоренного развития к следующему, более высокому этапу, выдвинув одного из величайших деятелей революции и культуры — Христо Ботева. Находясь в Бухаресте, Ботев сумел привлечь для работы в сатирических журналах польского революционера Х. Дембицкого, ставшего одним из основоположников болгарской карикатуры и графики.

В Сербии, как и в Румынии, печатались болгарские учебники и книги, а также патриотические литографии. Они пересылались в Болгарию и распространялись среди населения. На сербском языке были напечатаны критические статьи выдающегося болгарского писателя Любена Каравелова, воспитанника Московского университета. Как и Светозар Маркович, Каравелов писал о реализме в литературе и искусстве, он внес большой вклад в развитие болгарской и сербской критической мысли.

Так в системе многообразных взаимодействий рождались новые качественные изменения в культуре болгарского, сербского и румынского народов, сходные направления и тенденции изобразительного искусства. Это общее раскрывалось в произведениях искусства через специфическое, национальное.

Созданные художниками произведения — яркое свидетельство роста национального самосознания, их творчество — неотъемлемая часть европейского прогрессивного искусства XIX в. Твор-

чески переработав опыт, полученный на базе народных традиций и европейской культуры, болгарские, сербские и румынские художники заявили о себе в искусстве гражданственном и целеустремленном, связанном с национально-освободительным движением своих народов.

О типологических разновидностях в сербском реализме конца XIX — начала XX в.

Р. Ф. ДОРНИНА

Как и в ряде других литератур, реализм в сербской литературе конца XIX — начала XX в. отличается многосоставностью структуры, наличием разнообразных типов и тенденций. Этот закономерный процесс его развития осложняется так называемым ускоренным характером сербского литературного процесса, что сказывается, с одной стороны, в невыявленности отдельных типов, отдельных тенденций до конца, а с другой — в очень «уплотненном» развитии между собой несхожих (и в других литературах разделенных временем) разновидностей реализма. Это осложняет, но не исключает возможности определить наиболее характерные линии в сербском реализме на рубеже веков. Подобная попытка, не предпринимавшаяся пока в научной литературе, поможет с большей наглядностью выявить национальную специфику сербского реализма, найти его место в общем литературном процессе. Само по себе выделение определенных разновидностей в сербском реализме предполагает соотнесение, хотя бы в самой общей форме, с аналогичными явлениями в других литературах.

С середины 90-х гг. все настойчивее становится стремление сербской интеллигенции преодолеть известную замкнутость национальной культуры. Общение с другими литературами было для сербской литературы чрезвычайно плодотворным, оно обогащало ее, служило в ряде случаев тем катализатором, который способствовал активизации и выявлению зревших в ней процессов. Прямые, непосредственные контакты и воздействия обнаруживали сходные в типологическом отношении, хотя в ряде случаев синхронно не совпадавшие явления. Немало интересных примеров дает в этом отношении развитие сербского реализма рассматриваемого периода в его соотношениях с русским реализмом.

В пору своей зрелости (1890—1910 годы) сербские писатели продолжают обращаться к русской литературе¹. Проявление интереса к ней в эту пору многообразно, и его нельзя недооценивать, что, впрочем, ни в коей мере не умаляет расширившихся в ту

пору связей сербской литературы с другими литературами, в частности с французской. В оценке этих фактов приходится иметь в виду всю сложность, неоднозначность литературного процесса тех лет. Если тенденции нереалистического плана (в частности, в поэзии), связанные преимущественно с модернистскими течениями, действительно развивались под заметным воздействием аналогичных им явлений западной культуры, то для сербской прозы высоким образцом творческого вдохновения оставалась прежде всего русская реалистическая литература. Это дает основание, намечая определенные, наиболее характерные разновидности в сербском реализме конца XIX — начала XX в., соотносить их с типологически сходными явлениями именно в русской литературе.

В начале рассматриваемого периода в сербском реализме определились два одновременно развивавшихся начала — в творчестве Стевана Сремаца (1855—1906) и Светолика Ранковича (1863—1899) — писателей, формирование которых началось еще в предшествующие годы.

Реализм Сремаца — писателя-юмориста, автора широко популярных и любимых народом повестей и романов «Ивкова слава» (1895), «Поп Чира и поп Спира» (1898), «Вукадин» (1903), «Зона Замфирова» (1903) и др., в известной мере осуществлял задачи, которые стояли в европейском реализме перед писателями первой половины XIX в., в частности перед Гоголем, Диккенсом и др.

Заложенное в реализме стремление к постоянному расширению диапазона, вовлечению все новых пластов жизненного материала, освоению и раскрытию новой проблематики выразилось у Сремаца в обращении к новой для сербской литературы теме — жизни провинциального «среднего сословия». Именно на этом материале, представленном писателем с великолепным знанием провинциальной среды, ее быта и нравов, поднимает Сремац главный конфликт своего творчества, принципиально близкий конфликту гоголевского реализма и отвечающий острой проблеме современности — о «путях и судьбах» родины. Речь идет о столкновении двух разных жизненных укладов — патриархального и наступающего на него буржуазного. В резкой антибуржуазной направленности творчества Сремаца — особенно его сатиры (роман «Вукадин» и ряд рассказов), обличавшей столь характерные пороки современного ему сербского общества, как беззаконие, власть денег, взяточничество, карьеризм, политиканство, — проявляется общее для реализма углубление социального содержания.

Реализм Сремаца типологически близок гоголевскому, о чем позволяют судить основные черты его поэтики. Характерно в этом смысле изображение Сремацем человека как представителя среды, уклада, а не как индивидуальный характер, психологически сложную личность (что, впрочем, как и у Гоголя, не снижает высокой художественной ценности его образов):

Принципы реалистического изображения у Сремаца основываются на поисках значительного в будничном, повседневном, на раскрытии каких-то более общих сторон «в мелочности жизни» (в этом, в частности, заложены и основы его комизма). Любимые приемы писателя в создании образа — это юмористическое «укрупнение», бытовая деталь (здесь особенно характерно использование Сремацем вещного мира, окружающего его героев; это идет не только от убеждения, что вещь в обывательском мире стоит в центре мироздания, но и от сознания достаточной устойчивости жизни). В этом плане используется и речевая характеристика со столь свойственным ей обилием диалектных форм в диалогах и т. п. В творчестве писателя проявляется полифонизм прозы, тяготение к большим повествовательным жанрам. Это сказывается, в частности, в структуре некоторых рассказов Сремаца — самостоятельность отдельных эпизодов и образов несет в себе зародышевую форму разветвленного сюжета. Развернутый образ-сравнение, характерный для стиля писателя, тоже отражает его обращение к эпической форме. С другой стороны, лирическая окрашенность ряда описаний (в романе «Поп Чира и поп Спира», например) свидетельствует о поисках Сремацем более сложных форм, сочетающих в себе эпическое и лирическое начала. В сатирическом романе «Вукадин» отражается стремление писателя к крупным сатирическим (и юмористическим) жанрам, что также составляет одну из особенностей поэтики реализма гооголевского типа.

В сербской реалистической прозе развивается и другое начало, наиболее полно представленное в творчестве С. Ранковича. Рядом своих характерных особенностей оно сближается с теми процессами, которые происходят в европейском, в частности в русском, реализме второй половины XIX в.

В центре внимания писателя стоит человек, личность в ее отношениях с окружающей средой. Ранкович первым в сербской литературе с такой очевидностью выявил связь между актуальными конкретно-историческими проблемами современной ему действительности и процессами, которые происходят в духовном мире человека. Обращаясь к традиционной для сербского реализма теме деревни, крестьянства, он выделяется среди своих предшественников и современников не только остротой проблем распада сербской задруги, но и тем, что степень глубины этого процесса, его неотвратимости измеряет «метаморфозой», которой подвергается в его произведениях идеализированный его предшественниками образ крестьянина. Крестьянин у Ранковича — представитель деревни, одурманенной невежеством, раздираемой социальными противоречиями. Подобный образ был неизвестен до Ранковича сербской литературе.

Герой романов писателя («Лесной царь», 1897; «Сельская учительница», 1898; «Разбитые идеалы», 1898) — личность мыслящая, чувствующая, делает попытку порвать с окружающей

его средой. Но у этого столкновения трагический исход. Высокие человеческие помыслы оказываются несовместимыми с существующей социальной действительностью — миром торжествующей силы денег, духовной нищеты. В «глухую пору» 90-х годов, когда абсолютистский режим Обреновичей жестоко подавляет любое проявление свободолюбия, Ранкович, решительно отвергая какую-либо идеализацию действительности, открывает перспективу дальнейшего развития сербского реализма по пути проникновения в глубь социальных основ действительности. И еще одну важную черту содержит творчество Ранковича: герой писателя, вступивший в конфликт со средой, в которой господствует социальное неравенство и произвол, — выходец из демократических слоев, истоками своими связанный с народом.

Реализм Ранковича рядом своих сторон соприкасается с русским реализмом этого времени. Наиболее наглядно свидетельствует об этом тип героя Ранковича (особенно в романе «Разбитые идеалы»). Ищущий, сомневающийся, протестующий, устремленный в своих поисках к идеалу, а не к маленькой пользе и корысти, он находится в несомненном духовном родстве с героями русских реалистов (здесь приходится возразить тем исследователям творчества писателя, которые видят общность героев Ранковича и русских реалистов только в их «слабохарактерности», «слабой воле») ². При этом нельзя не учитывать и прямых контактов писателя с русской литературой.

Сосредоточенность Ранковича на судьбе личности определила некоторые знаменательные для всего развития сербского реализма черты. Для Ранковича, в частности, очень показательна тенденция рассмотрения человеческого характера в его сложном противоречивом движении, в его неоднозначной реакции на мир, в его незавершенности (при этом нельзя, конечно, не учитывать, что развитие характера еще не всегда психологически подготовлено и оправдано, душевные движения еще не всегда тонко уловлены — важна в данном случае тенденция). Отсюда такую заметную роль играет в его произведениях, особенно в романах, внутренний монолог. Отсюда и совершенно иное, чем, скажем, у Сремаца, использование детали, которая, так же как у любимого Ранковичем Толстого, передает душевное состояние героев. Наконец, новаторство реализма Ранковича проявилось и в утверждении жанра социально-психологического романа, что было одной из главных задач сербской литературы тех лет.

При всей типологической несхожести линий Сремаца и Ранковича они не были обособлены друг от друга в своем развитии. Между ними существовали разного рода внутренние точки соприкосновения и связи, что стало особенно заметно в дальнейшем литературном развитии, в творчестве младших их современников. С линией Сремаца связана, в частности, сильно развитая в сербском реализме конца XIX — начала XX в. сатирическая традиция. Ее вершиной стало творчество Радое Домановича (1873—

1908). Культивируя новые для сербской реалистической прозы приемы сатирической аллегории, фантастического гротеска («Страдия», «Отмена страстей», «Мертвое море» и др.), Доманкович подверг критике основы сербского общественно-политического строя. Деспотизм самодержавия, полицейско-бюрократический произвол, формировавшие в человеке верноподданнический страх и рабскую покорность, антипатриотическая деятельность буржуазии стали главным объектом сатиры писателя. В бескомпромиссности убеждений Домановича отразились взгляды радикально настроенной интеллигенции.

Эпоха конца XIX — начала XX в. обострила проблему личности, ее отношение к происходящим процессам социальной действительности и духовной жизни общества, проблему ее освобождения, которая волновала многих представителей демократической мысли. Не удивительно поэтому, что линия реализма Ранковича именно в эти годы получила особенно плодотворное и многогранное проявление. В этом русле развивается и творчество крупнейшего сербского реалиста Бориса Станковича (1876—1927), автора сборников рассказов «Из старого евангелия» (1899), «Старые времена» (1902), романа «Дурная кровь» (1910) и др. Действие произведений Станковича ограничено рамками патриархальной семьи, внимание писателя приковывают судьбы людей, их отношения, подчас глубоко личные, не связанные как будто с «большим миром». Но именно на этом материале, замкнутом и несколько локальном, Станкович поднимал тему большого общественного звучания: о взаимоотношении личности и общества, устой которого покоятся на ее угнетении. Сосредоточивая внимание на одном из самых драматических моментов истории — обреченной борьбе феодального мира против наступающего капитализма, писатель обнажал античеловеческую сущность и этой новой формации. Глубоким проникновением в происходящие процессы и бескомпромиссным осуждением общества, построенного на угнетении человека, творчество Станковича характерно для сербского реализма конца XIX — начала XX в.

В прозе Станковича идет дальнейшее углубление понимания сербским реализмом взаимосвязи внешних и внутренних процессов жизни. Подобно Достоевскому, Толстому в русской литературе, писатель явно тяготеет к раскрытию «вечных» свойств человека. И так же, как великие русские писатели, ключ к их разгадке он усматривает в конкретно-исторических, социальных явлениях действительности.

Психологическая манера Станковича тяготеет к передаче «предельного напряжения» душевных состояний, борения противоречивых страстей, беспощадному обнажению тайников души, болезненных изломов сознания, подчас своего рода эмоциональных деформаций, до упоения страданием, до разгула недобрых чувств как вызова среде, как протеста. В этом доведении «до предела» — несомненная точка соприкосновения Станковича

с традицией русского реализма, в частности с Достоевским. В то же время здесь довольно ощутимо намечается проекция в будущее отечественной реалистической литературы, напрашивается связь с реализмом Андрича, до сих пор недостаточно привлекавшая исследователей творчества выдающегося современного писателя³.

В реализме Станковича получает развитие характерная для европейского, в том числе и русского, реализма тема отверженных обществом людей «дна». Сербский писатель перекликается с теми прогрессивными художниками, которые обличают социальную действительность, узаконившую «дно». Станковичу чужды концепции «утешающей лжи». Изображая человека в самых как будто бесчеловечных обстоятельствах, он поддерживает линию активного, протестующего гуманизма. Гуманистический пафос высокого накала составляет отличительную черту реализма Станковича, его действительную направленность. В то же время писатель подходит к утверждению бунтарского начала. Его бунтари — одиночки, бросающие вызов окружающей действительности во имя своего права на человеческое достоинство и свободу личности.

Тяготение к внутреннему миру человека обусловило силу лирического начала в реализме Станковича. Проявление этой особенности реалистической поэтики многообразно (обращение к жанру исповеди, появление рассказчика как соучастника происходящего, повышенное внимание к внутреннему состоянию героя, напряженный, «нервный» синтаксис фразы и др.). С романом Станковича «Дурная кровь» связаны наиболее значительные достижения сербского романа рассматриваемого периода. Вклад Станковича в развитие жанра связан прежде всего с глубиной социально-психологического анализа. Структура типа романа, который утверждает Станкович, определяется не внешней фабулой, а сложными закономерностями внутренней жизни его героев⁴.

В творчестве Станковича с особой остротой встает вопрос об отношении сербского реализма конца XIX — начала XX в. к другим методам и тенденциям, в частности к натурализму. В использовании писателем натуралистических средств в цикле рассказов «Божьи люди» (и в некоторых других случаях) сказался как общий для реализма процесс поисков новых художественных путей для постижения все усложняющейся жизни, так и специфика реалистического таланта самого Станковича с его тяготением довести изображаемое явление «до предела». В лучших своих образцах писатель приходит к художественному синтезу.

К судьбам личности обращено и творчество младших современников Станковича, творческие искания которых шли в непосредственном соприкосновении с декадансом, а подчас и под его воздействием. Одним из наиболее характерных представителей этого поколения был Милутин Ускокович (1883—1915) — автор нескольких сборников рассказов и двух романов — «Пришельцы» (1910) и «Чедомир Илич» (1914).

Главная тема творчества Ускоковича — столкновение молодого интеллигента с буржуазной действительностью, символом которой становится город, способствует дальнейшему освоению сербским реализмом новых жизненных пластов. Остро воспринимаемая буржуазную действительность в ее нарастающих противоречиях, Ускокович продолжает в сербском реализме линию ее резкого обличения. Однако, углубляясь в конфликт своего героя и общества, писатель, захваченный кризисным мироощущением части творческой интеллигенции того времени, приходит к абсолютизации личности. Мотивы глубокого индивидуализма, трагического одиночества человека в буржуазном мире, с одной стороны, и резкие нападки на сторонников социалистической идеологии — с другой, свидетельствуют об утрате в реализме Ускоковича чувства исторической перспективы. В поисках «точка опоры» писатель (как многие его предшественники) возвращается к образу патриархального прошлого, которое символизирует заброшенная провинция. Не в силах, однако, противостоять жизненной правде, Ускокович, поэтизируя провинцию, осознает ее обреченность. Отсюда — пессимистическое начало в его творчестве.

Ускокович продолжил линию «усложнения» внутренней жизни героя сербского реализма. Сосредоточенный на все еще мало разработанной в сербской литературе психологии интеллигента, писатель тяготеет к смене противоречивых и противоположных друг другу внутренних состояний. Роман Ускоковича внес в становление этого жанра новую проблематику, связанную с жизнью городской интеллигенции. Ему принадлежит первое в сербской прозе воспроизведение интеллектуальной атмосферы сербской столицы, самого облика города, его пейзажей и т. д. Очень значительна тенденция Ускоковича максимально приблизить роман к современной жизни сербского общества (характерно в этом отношении точное указание дат, некоторых общественно-политических событий того времени и т. д.). С этим в известной степени связано и стремление писателя к жизненной обыденности, что, впрочем, в большей мере проявилось в его рассказах. В творчестве писателя усиливается лирическое начало, выраженное в жанре стихотворения в прозе и в подтексте отдельных рассказов.

Наконец, еще одна линия в сербском реализме этого времени — чрезвычайно существенная и перспективная для дальнейшего развития сербской литературы. Она в известной мере связана с творчеством Иво Чипико (1869—1923), для рассказов и романов которого («За хлебом», 1904; «Пауки», 1909) из жизни крестьян Далматинского приморья, характерен открытый социальный конфликт и острота социального обличения. Особенно ярко представлена эта линия у Петара Кочича (1877—1916) — писателя, новаторская роль которого все еще недооценена исследователями. Своеобразие его реализма (как и реализма Чипико) во многом определилось воздействием на литературу ширившейся освободительной борьбы народных масс, крепнущего влияния

социалистических идей. Кочич был одним из видных и широко популярных в народе деятелей освободительного движения в Боснии, идеологом угнетенного крестьянства, знакомым с социалистическим учением, писателем, увлеченным произведениями и личностью Горького. Главная проблематика его творчества (сборники рассказов «С гор и предгорий», 1902—1905; «Стены со Змияня», 1910, сатирические произведения — «Барсук перед судом», 1904, и др.) связана с жизнью страдающего и борющегося за социальное и национальное освобождение боснийского крестьянства. Характерный для реализма рубежа XIX—XX веков процесс углубления социального анализа жизненного материала находит выражение в теме народного горя, народной трагедии обобщающего, почти символического звучания. Но, опираясь на свой действенный идеал борца за освобождение родины и народа, Кочич вносит в реалистическую прозу яркое героическое начало. В сочетании с глубоким социальным анализом действительности это окрыляло литературу, обращало ее к будущему, наглядно свидетельствовало о воздействии на нее роста классового сознания трудовых масс, их социального протеста⁵. Углубляя процесс постижения сербской литературой социальных и жизненных закономерностей, Кочич, так же как Чипико, приходит к новому для сербского реализма решению традиционного классового конфликта: герои этих писателей — крестьяне поднимаются на борьбу. У Чипико — это бунт одиночки (роман «Пауки»). Кочич первым среди сербских реалистов приходит к отображению классового сознания забитых и обездоленных, к утверждению их пока еще стихийного, незрелого, но коллективного протеста (рассказ «Вуков гай»).

Отсюда некоторые специфические черты поэтики реализма Кочича, несомненно значительные для сербского реализма в целом. Так, в новом аспекте предстает у Кочича традиционный для сербского реализма герой из демократических, крестьянских слоев. В создании этого образа Кочич как бы наследует и переплавляет в новое качество остро критическое начало, которое обозначилось в крестьянских образах его предшественника Ранковича, и характерную для сербского реализма традицию, воспевшую в крестьянине человека высоких духовных качеств (проза Матавуля, Веселиновича). Творческое своеобразие Кочича проявляется здесь в утверждении совершенно нового характера, акцент в котором (и в этом несомненно сказалась связь творчества писателя с освободительным движением) поставлен на природной одаренности, душевном размахе, несломленном вольнолюбии. В этом русле развивается и тенденция творчества Чипико к поэтизации здоровой, цельной крестьянской природы. В создании этих образов Кочич проявляет тонкое знание крестьянской психологии (что лишней раз подтверждает идею взаимопроникновения, глубоких внутренних связей между отдельными тенденциями в сербском реализме этого периода). В то же время у Кочича идет осмысление

одной из центральных проблем времени (и прогрессивной литературы) — о роли народа в историческом процессе. Кочич подключается к ней утверждением народного характера — крупного, почти эпического, романтически приподнятого, хотя в основе своей предельно земного.

Крепкая связь писателя с освободительным движением, в которое все шире вливались народные массы, определила еще одну особенность его поэтики. Продолжая развивать интерес литературы к отдельной личности, к отдельной индивидуальности, писатель тяготеет к изображению «коллективной психологии», коллективной судьбы. Чуткость реализма к жизненным изменениям здесь очевидна.

В творчестве Кочича отразилось характерное для реалистической прозы тяготение к емкости повествования. Думается, что в этом одна из причин работы писателя в малой повествовательной форме — в рассказе совершенно нового (в сравнении, например, с рассказом Сремаца) типа. Рассказу Кочича свойственна высокая лирическая концентрация, которая достигается, в частности, такими характерными для художественной системы писателя средствами, как обращение к символике (отмеченной, кстати, большой внутренней наполненностью, значительностью явлений, которыми она вдохновлена), к образам национального прошлого, к легендам, притчам, т. е. разного рода иносказаниям, с помощью которых идет осмысление важнейших процессов современности.

Намеченные здесь типологические разновидности в сербском реализме конца XIX — начала XX в. не отражают его развития с исчерпывающей полнотой. Но они позволяют представить многообразие происходивших процессов, убеждают в богатстве тех традиций, которые оставил реализм рассматриваемого периода будущим литературным поколениям. Они позволяют говорить также и о том, что в своей ускоренной эволюции, обусловленной спецификой и потребностями национальной жизни, сербский реализм включался в общие процессы развития европейского реализма.

¹ Это убедительно подтверждается работами многих исследователей сербской реалистической литературы, среди которых следует прежде всего упомянуть монографию В. Р. Вулетича (*В. Р. Вулетич. Светозар Марковић и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964*).

² См., например: *М. Јовановић. Ljudi slabe volje u delima Svetolika Rankovića. Beograd, 1971*.

Уязвимость этой концепции не только в крайнем упрощении великих образов русского реализма (в частности, так называемых лишних людей), но и в том, что человеческий характер рассматривается приверженцами этой концепции как нечто от природы данное, вне связи с конкретно-исторической обстановкой.

³ Как начинавие в этой области несомненно заслуживает внимания работа В. Глигорича (*В. Глигорич. Иво Андрић и наша књижевна традиција.— «Иво Андрић. Институт на теорију књижевности и уметности», књ. I. Београд, 1962*).

- ⁴ Значительностью Станковича в развитии сербской прозы XX в. определяется усилившееся в последнее время внимание ученых к его творчеству, особенно к его поэтике (см.: *Vuk. Filipović. Svet detinjstva u delu Bore Stankovića*. Priština, 1968; *Владимир Јовичић. Умјетност Борисава Станковића*. Београд, 1972; *Бошко Новаковић. Синтетичка природа прозе Б. Станковића*. Крушевац, 1970).
- ⁵ Это представляется важным подчеркнуть еще и потому, что в некоторых работах последнего времени трагическое начало в творчестве Кочица лишается присущего ему острого чувства историзма. Подчеркивается «таинственный злой рок» в произведениях писателя, «трагическое бессилие перед судьбой» его героев (см.: *Стојан Ђорђић. Књижевна дело Петара Кочића*. — «Књижевна историја», 1973, № 21, стр. 98—99).

К. Кавафис и гуманистическая традиция в греческой поэзии XX в.

С. Б. ИЛЬИНСКАЯ

Творчество Константиносa Кавафиса (1863—1933) на протяжении многих лет было предметом ожесточенных дискуссий, знакомясь с которыми современный исследователь может судить о том, как в литературной атмосфере Греции начала XX в. строгая, внутренне собранная, рационалистическая манера Кавафиса, отразившая его стремление к объективизации изображения и реалистическому обобщению, воспринималась многими как неоправданная прозаичность, а характер общественного опыта не создавал достаточных предпосылок для освоения гуманистической основы его творчества.

Суд времени, растянувшийся на многие десятилетия, постепенно расширял границы постижения и признания поэзии Кавафиса, выявлял ее возрастающую роль в духовной жизни Греции. Одним из наиболее важных источников притяжения явился избранный Кавафисом аспект изображения личности — анализ социальной и моральной природы буржуазного общества, взыскательность в нравственной оценке поступков человека, акцентированная проблема его личной ответственности. Исследование этой сферы, раскрывающей гуманистическое содержание творчества Кавафиса, представляется весьма актуальным.

Ключом к пониманию особенностей творчества Кавафиса на фоне современной ему греческой литературы является специфический ракурс его мировосприятия, оформившегося в обстановке, принципиально отличной от греческой действительности рубежа веков. Сколь интенсивным ни было его ощущение кровной причастности к проблемам греческой национальной жизни, Александрия, где Кавафису суждено было родиться, жить и умереть, наделила его видением, несравненно более пронизательным.

В этом городе, открытом хищному веянию новой империалистической эпохи, поэт улавливает общественные противоречия и болезненные симптомы той стадии исторического процесса, которая пока еще не задела Грецию. Если в Греции буржуазия переживает в это время период накопления сил и ее активность не внушает пока еще опасений, то в Александрии на глазах Кавафиса установление английского колониального режима и распространение алчной бациллы делового успеха влекут за собой торжество самодовольного и беспринципного практицизма, мещанской вульгарности, бездуховности ¹.

Постижение этого общественного опыта сопряжено у Кавафиса с сильными потрясениями, с романтическими взрывами негодования. Недавнее знакомство со стихотворениями, не публиковавшимися при жизни поэта ², значительно углубляет наши представления об интенсивности его внутренней борьбы, о мучительности нравственного и эстетического поиска. Ностальгическое влечение к идеалу, столь часто всплывающее в его стихотворениях 90-х годов, объясняет то удивлявшее критиков обстоятельство, что «один из наименее романтических по своей природе поэтов так долго задержался подле многословия романтиков» ³. Противопоставление идеала и реальности, проводимое в плане романтического двоемирия, атмосфера меланхолии и душевной подавленности лирического героя в ранних стихотворениях Кавафиса раскрывают реакцию творческого сознания, раненного пониманием неосуществимости идеала.

И все же нравственный и гражданский идеал не уходит из творчества Кавафиса. Постепенно он отрешается от романтического ореола и приобретает оттенок стоицизма. Во многих стихотворениях, где этот идеал не утверждается прямо, мы ощущаем его как критерий оценки, как стимул обличения пороков. Для Греции, вышедшей из экономического и политического застоя, такой ракурс был необычен, и подлинное его понимание пришло не сразу.

Наряду со стихотворениями, в которых горькая неудовлетворенность жизнью выражается поэтом как бы безотносительно к конкретным условиям — всплеском грусти и тоски по идеалу, в те же 90-е годы Кавафис пишет ряд других, где тема индивидуальной судьбы ставится им в контекст конфликта со средой и получает социальную мотивировку («Кто неудачу претерпел», «Пешка», «Вновь в том же городе», «Стены», «Окна»). Эти стихотворения — своеобразные лирические тезисы формирующейся мировоззренческой позиции Кавафиса, которая послужит основой его зрелого творчества. Особого внимания заслуживает стихотворение «Вновь в том же городе» (в более позднем варианте оно получило название «Город»), где тема (личность и среда) решается в принципиально новом аспекте.

Главный акцент Кавафис делает на проблеме личной ответственности человека перед обществом, для бегства от которой

«нет судна, нет пути» («Город»). «Руины прожитых напрасно лет» ложатся на плечи неотделимым горестным грузом; город, где эти годы растрочены, будет следовать за человеком «верной тенью», неотступным кошмаром. Этот город Кавафиса войдет в греческую поэзию как символ жизненной данности, которая не позволяет склониться от ответа на свои проблемы и не прощает недостойных ответов. В своде стихотворений Кавафиса «Город» — первый серьезный опыт обобщения своих поисков ответа.

Исследуя условия и возможности общественной активности человека, Кавафис приходит к пессимистическим выводам. Лирический герой, которого «судьба к свершениям звала», оказывается «неслышно и незримо» отгороженным от мира («Стены»); его жизнь — тяжкое затворничество в комнатах, куда не проникает свет, настойчивые поиски окон не приносят результата: или окон нет вовсе, или герой не способен их найти («Окна»).

Кажется, что круг поисков замыкается. Отстранение от общественной активности переживается болезненно, но обосновывается как неприятием хищного, низкого, бездуховного социального уклада жизни, так и пессимистическим видением перспектив общественного развития. Однако примирения не происходит. Социальный скептицизм не смягчает противостояния и, не принимая открытых выпадов против ненавистной ему агрессивной буржуазности, поэт подвергает ее беспощадному суду. Благодаря иносказательности его критицизм не будет иметь непосредственной политической злободневности, но вместе с тем обретет необычайную глубину, логическую завершенность, масштабность. Более того, критицизм Кавафиса всегда будет ориентирован на активное читательское восприятие. Первоначальная романтическая вера в действенность слова станет у поэта значительно более трезвой, но никогда не угаснет, и дидактическая установка его творчества, оформившаяся в 90-е годы, сохранится неизменной. Чрезвычайный интерес представляет одна из личных заметок Кавафиса, опубликованная Г. Саввидисом в статье с характерным названием «Действенное слово К. Кавафиса»: «Я знаю, что не принадлежу к храброму десятку и не могу действовать. Поэтому я ограничиваюсь тем, что говорю. Однако я не считаю, что слова мои излишни. Действовать будет другой. Мои слова облегчат его действие. Подготовят почву»⁴.

С усилением в творчестве Кавафиса социальной темы растет тенденция к реалистической объективизации и типизации, которые безусловно соответствовали складу его дарования. Отход от мелодичности как первостепенного свойства поэтической формы сопряжен с отказом от внешних атрибутов символистской поэтической техники (в 90-х годах Кавафис отдает ей дань, особенно заметную в томе «Неопубликованных стихотворений»), которая не отвечала все более явственному стремлению поэта к смысловой определенности и точности выражения. Близкой и необходимой оказывается сама идея символа как основного ключа поэтической

образности, эффективного средства художественного обобщения реальности и выявления ее сущности. Так возникают античные маски Кавафиса, стихотворения, в которых через описание «древних дней» проступают вечные ситуации волнующей поэта современности.

Первые опыты использования античной канвы у Кавафиса датируются началом 90-х годов. И в них, и в ряде более поздних стихотворений он еще не поднимается до глубокой символики и почти не выходит за пределы обычных для греческой поэзии того времени жанровых зарисовок: шлифуется точность и меткость наблюдения, графичность изображения, мастерство сюжетного развития в рамках миниатюры, которое В. М. Жирмунский в применении к творчеству А. Ахматовой назвал новеллистичностью. К концу 90-х годов от этих близких к парнасской традиции картин, воссоздающих серию жизненных обстоятельств, Кавафис все увереннее переходит к постановке ключевых жизненных проблем.

Принадлежащее Г. Сеферису сравнение Кавафиса с мифическим старцем Протеем раскрывает великолепное качество осуществления кавафисовских замыслов — редкий дар перевоплощения, вживания в атмосферу дальних эпох. Это достоинство, вырастающее на фоне необычной эрудиции поэта и его склонности к научному исследованию, давно и охотно отмечалось критикой. Однако далеко не всеми и не сразу понято и принято было главное: тщательно и достоверно реставрируя картины древности, Кавафис творит как художник современности, тяготеющий к реализму. И не случайно, что с актом первого (1903) щедрого и проникновенного признания поэзии Кавафиса в Греции выступил реалист — видный прозаик и драматург Г. Ксенопулос, а главный властитель умов той эпохи, поэтический антипод Кавафиса, великий греческий романтик К. Паламас в тоне упрека указывал именно на документальный, «репортажный» характер его манеры.

Сколь детально ни разрабатывалась бы Кавафисом условная форма стихотворений, она интересует его только в том случае, если древний сюжет обнаруживает прямые аналогии с современностью, если он выявляет жизненный опыт, сходный с нынешним. Недаром из глубин веков Кавафис извлекает канун крушения эллинизма, Римской империи, Византии. Это как раз такие страницы прошлого, в которых поэт видит прообраз настоящего. Отражая одну из отличительных тенденций развития реализма на рубеже веков, он создает своеобразные художественные формулы, заключающие в себе историческое осмысление социального мироустройства. Символом неизбежного крушения несправедливого мира утверждается в его поэзии образ Города, парализованного неизлечимой внутренней болезнью и тщетно пытающегося скрыть ее за пышностью отживших ритуалов. Ожидание варваров переживается жителями не как трагедия, а как надежда на избавление, однако надежды тщетны:

Спустилась ночь, а варвары не прибыли.
А с государственных границ нам донесли,
что их и вовсе нет уже в природе.
И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход.

(«Ожидая варваров»).

Таким образом, критике подвергаются не частности, а основы. Открытость условной поэтической структуры обеспечивает высокий уровень обобщения, предоставляет богатые возможности глубоких смысловых проекций. Эти свойства обеспечат разоблачительным символам поэта устойчивую долговечность, восприятие их новыми поколениями греков как афористической квинтэссенции их собственного приговора строю социальной несправедливости.

Наиболее острый заряд социального критицизма поэзия Кавафиса несет на стыке XIX и XX вв. и в первом десятилетии XX в. В дальнейшем наблюдается определенный сдвиг от социальной проблематики к нравственной. Свойственный Кавафису и ранее интерес к духовной и моральной природе существующего общественного порядка становится особенно пристальным и сатирически заостренным. Мифологизируя и ату сферу, Кавафис обличает всепроникающий обман — орудие и сильных мира сего («Измена», «Юлиан в Никомедии», «31 г. до н. э. в Александрии»), и властительных приспешников («Любимец Александра Вала»), и простых смертных («Если умер»). Насилие, преступление служат здесь главным средством достижения цели, особенно если цель — в захвате и удержании власти («Аристокл»). Государственные институты демонстрируют лишь видимость внушительности и стабильности, на самом же деле они только пешки в игре иных сил, подлинных держателей престолов («Александрийские монархи», «Недовольство Селевкида»). С язвительным сарказмом развенчивает Кавафис беспринципных и нищих духом деятелей, выступающих марионетками на арене политических схваток («Пусть бы позаботились», «Верх одержал Иоанн Кантакузен»). Под маской благопристойности он показывает хищность, злобное честолюбие, эгоизм, моральную разнузданность и называет подлинную цену демагогических фраз о служении отечеству («Из школы знаменитого философа»).

Условная форма всех этих стихотворений, удаляющая действие в давно минувшие времена, как будто обеспечивает автору надежное «алиби», дарует дистанцию протяженностью в многие века, однако смягчает ли такая отстраненность характер его оценок? Художественный поиск многих мастеров XX в. и, пожалуй, как наиболее выразительный пример — путь В. Брехта свидетельствуют о том, что потребность в дистанции чаще всего отражает стремление художников подвергнуть объект изображения более хладнокровному анализу читателя или зрителя, апеллировать к его критической мысли, стимулировать его самостоя-

тельный приговор. На дорогах этого поиска Кавафис — один из первопроходцев. Разоблачительным самовыявлением персонажей в стихотворениях-монологих, сценами, обнажающими подлинный, глубинный смысл событий (осветив их сначала с внешней, официальной стороны, Кавафис внезапно позволяет увидеть истинную подоплеку, и эффект неожиданности удваивает заряд обличения), поэт достаточно четко определяет свою позицию и вместе с тем разрешает читателю проявить значительную свободу суждений, мобилизовать свой нравственный опыт. Нравственный аспект для Кавафиса первостепенен и всегда акцентирован.

Создавая портрет политической, духовной, моральной жизни общества, изучая черты общественной психологии, Кавафис обращает внимание на ряд вопросов, которые будут волновать многих мыслителей и художников XX в. Нивелирующее, отупляющее, развращающее воздействие порочного социального строя на общественное сознание запечатлевается им и в проявлениях гражданской индифферентности масс («Александрийские монахи»), и в акциях слепого фанатизма («В окрестностях Антиохии»). Насыщенный общественный опыт человека XX в., знающего, на какой почве возникают фашистские режимы, помогает современному читателю увидеть эти стихотворения Кавафиса в весьма актуальных проекциях.

Таков в самых общих чертах фон, на котором Кавафис разрабатывает свою главную тему: личность и враждебное ей несправедливое общество. Большинство его персонажей символизирует ту или иную форму отношения к жизни, и сразу отметим, что выбор зла и насилия Кавафисом не только осуждается, но и карается. Не случайно поэт так часто обращается к образу Нерона, неизменно подчеркивая мотив неотвратимости расплаты. Сильная личность, отвергающая не только ханжеские прописи, но и законы человечности, представляется Кавафису явлением глубоко аморальным и социально опасным. Даже если бы мы сейчас не располагали чрезвычайно красноречивой записью Кавафиса, в которой поэт порицает ницшеанские «новые философские идеи жестокости, превосходства сильного, якобы оздоровительной борьбы за устранение малых и слабых и т. д.»⁵, одного стихотворения «Теодот» (1915) было бы достаточно, чтобы оценить принципиальность и твердость позиции автора, не прощающего насилия ни в большом, ни в малом.

В еще большей степени волнует Кавафиса реакция человека, подвергающегося насилию. В галерее образов, раскрывающих этот аспект темы, пожалуй, преобладают характеры, сломленные жестоким испытанием. Констатируя с максимальной объективностью трудности, выпавшие на долю своих персонажей, поэт однако не делает им ни малейшей скидки: отступление и, тем более, предательство не могут иметь оправдания, человек обязан хранить верность «высоким помыслам и благородным чувствам». Нравственный идеал — Фермопилы, которые нужно защищать

несмотря ни на что, даже тогда, когда победа зла неминуема, возвышается в поэзии Кавафиса как символ высокой гражданской морали.

Честь вечная и память тем, кто в жизни
воздвиг и охраняет Фермопилы,
кто, долга никогда не забывая,
во всех своих поступках справедлив,
однако милосердию не чужд,
кто щедр в богатстве,
но и в бедности не скуп
и руку помощи всегда протянет,
кто, ненавдя ложь, лишь правду говорит,
но на солгавших зла в душе не держит.
Тем большая им честь, когда предвидят
(а многие предвидят), что в конце
появится коварный Эфиальт
и что мидийцы все-таки прорвутся.

(«Фермопилы»)

Все свои симпатии, свое нескрываемое восхищение Кавафис отдает тем, кто выбрал этот символ своей путеводной звездой («Сражающимся за Ахейский союз»). Есть свои Фермопилы и у поэта. Пусть его путь тернист, пусть стеною встают перед ним «привычек мелочность и равнодушие», права на отступление у него нет («Сатрапия»).

Кодекс взыскательной гражданской морали проявлен в поэзии Кавафиса с намеренной открытостью, и суд времени справедливо отделяет ее от поэзии декаданса. Надежды поэта на понимание у следующих поколений, которые, как он полагал, будут более расположены к восприятию поэзии, где поэтичность зиждется прежде всего на движении мысли («Сокрытое»), постепенно осуществлялись. Не зашифрованная кодом герметической замкнутости мысль Кавафиса нашла широкое признание у его поздних современников. Поколение 30-х годов, вынесшее из национального потрясения малоазиатской катастрофы⁶ более трезвое и критическое отношение к жизни, решительно отмежевалось от преобладавшего в литературе уже эпигонского романтизма (с ним связывались дискредитированные националистические иллюзии), и строгий скептический критицизм Кавафиса оказался созвучным его поискам. Освоенные им символы Кавафиса вошли в сознание следующих поколений, однако время подлинного познания и признания наступило значительно позже.

Общественные настроения в Греции 50—60-х годов, обострившие внимание к нравственному содержанию гражданственности, безусловно способствовали новому прочтению Кавафиса, которое открыло в его поэзии не постигнутые ранее глубины, недооцененные предшествующими поколениями грани. Сдержанный и строгий обличительный пафос Кавафиса, его объективное и на первый

взгляд бесстрастное видение своего времени как бы со стороны, создающее впечатление столь ценимой сейчас документальной достоверности, были восприняты многими современными греческими поэтами как методологические уроки. Предопределенные психологической ситуацией эстетические запросы находили в поэзии Кавафиса искомую емкость стиля, энергичную точность и объемность слова, высокую содержательность и существенность мысли. Однако главную ценность представил кавафисовский аспект изображения драмы человека, живущего в условиях больного, разлагающегося общества. Он соответствовал духовному поиску современности, направленному на познание сложных взаимоотношений личности с социальной средой и эпохой, на постижение внутреннего мира человека с его душевными потрясениями, дилеммами и моральными императивами, на выявление его возможностей и его ответственности.

Аналитическое освоение этой сферы, интенсивно начатое в Греции во второй половине 50-х годов на фоне двух тяжелейших поражений демократического движения, в обстановке террора и растущего засилья дичинной обывательской стихии, протекало как процесс взыскательного нравственного суда. Прозвучавшие на нем художественные «показания» Кавафиса во всей полноте раскрыли высокое достоинство и мужество его гражданского идеала. Гуманистическое начало его творчества, выраженное без тени субъективистской зашифрованности, «открытым текстом», стало необходимым духовным достоянием нации.

Непрекращающийся поток посвященных Кавафису публикаций свидетельствует о том, сколь важным и актуальным остается его наследие. Однако, пожалуй, еще более ярким свидетельством является новый ряд героических и стоических символов, которыми дополняет Кавафиса современная поэзия. «Кошки святого Николая» Георгоса Сефериса, «Золотое руно» Янниса Ридоса звучат как наказ соотечественникам ни при каких обстоятельствах не поддаваться натиску «трудного времени». «Лететь» — даже если «крылья надломлены» — считает своим долгом Мильтос Сахтурис. «Важно, что говоришь сейчас», — обращается к читателю Манолис Анагностакис, подчеркивая, что верность Фермопилам приходится подтверждать каждым поступком.

В духе лучших заветов Кавафиса передовая современная поэзия Греции продолжает «воздвигать и охранять» Фермопилы человечности и справедливости, «судить» современность, подходя к ней с самыми высокими нравственными критериями.

¹ Στρατή Τσίρα. 'Ο Καβίφης καί ἡ ἐποχή του. Ἀθήνα, Κέδρος. Β' ἐκδόση, 1971; он же. 'Ο Πολιτικός Καβίφης. Ἀθήνα, Κέδρος, 1971.

² Издание тома «Неопубликованные стихотворения» К. Кавафиса осуществлено в 1968 г. Г. Саввидисом.

³ Γιώργου Σεφέρη. Δοκίμιές. Β' ἐκδόση. Ἀθήνα, 1962.

⁴ Γ. Π. Σαββίδης. Πάνω Νερά. Ἀθήνα, 1973, σελ. 50 — 51.

⁵ Там же, стр. 119—120. Запись датирована 1910 г.

⁶ Поражение Греции в греко-турецкой войне 1919—1922 гг.

О некоторых особенностях современной болгарской драмы

Н. Н. ПОНОМАРЕВА

Жизнь постоянно и неизменно вносит поправки в эстетические представления человечества. Закон преемственности и культурного наследия не означает в искусстве простого повторения. Каждая новая эпоха неизбежно накладывает отпечаток на все унаследованное от предшественников, подчиняет его своим специфическим требованиям, модифицирует, придает новое значение.

В искусстве и литературе всех эпох главенствует проблема личности, героя современности, места его в обществе. Ни одно поколение не могло обойти решения этого вопроса, и каждое подходило к нему самостоятельно, по-своему, в зависимости от множества факторов самого разнообразного характера.

Специфика развития социалистического общества предполагает воспитание активной и сознательной личности, человека-борца и человека-созидателя. Процесс этот — сложный и длительный — отражает в сущности основные философские и нравственные задачи эпохи. Свое художественное воплощение он находит в социалистическом искусстве, в социалистической литературе.

Пристальное внимание к человеку как творцу истории, осмысление противоречивости в формировании современного героя, исследование глубин его внутреннего мира присущи социалистической болгарской литературе в целом. Драма же, в которой «не событие владычествует над человеком, но человек владычествует над событием» (Белинский) оказалась особенно чуткой к требованиям эпохи.

Проблема нового героя предстала перед драматургами народной Болгарии сразу же после освобождения страны. Художественное воплощение на сценах театров получил герой-коммунист, антифашист, партизан или подпольщик, участник революционных событий. Устами его были провозглашены идеи нового строящегося общества. Этот образ был первооткрывательским по своему существу и соответствовал требованиям исторического момента.

В болгарской драматургии первых лет народной власти четко отразилось своеобразие исторической обстановки — острота политической борьбы, резкое разделение враждующих лагерей, революционный пафос (первые пьесы Крума Кюлявкова, Лозана Стрелкова, Тодора Генова, Орлина Василева и др.). Психологическая глубина характеров, нюансы в отношениях между людьми, противоречивость конфликтов в общем уступали место открытой публицистичности, тезисности и известной декларативности. Перед героями стояла дилемма — по ту или эту сторону баррикады. Иных возможностей не существовало.

Однако в то же самое время замечается постепенное накапли-

вание в драме новых элементов, приведших в дальнейшем к существенным сдвигам в ее художественной структуре. Она шла по пути более глубоких общественно-философских и художественных обобщений. Некоторая прямолинейность характеров уступала место богатству и сложности человеческой души.

Эти и некоторые другие признаки нового этапа в развитии современной болгарской драматургии проявились особенно четко начиная со второй половины 50-х годов. Они были следствием естественного движения драматургии по пути художественного совершенствования, накапливания опыта.

Каковы же основные признаки нового героя в современной болгарской драматургии последних 15—20 лет? Это прежде всего интеллектуальность, понятая как глубокое раскрытие духовной сферы, детальное исследование внутреннего мира героя, обусловленных эпохой изменений в его сознании, расширение его интересов, увеличение объема знаний и пр. Характер мышления становится более активным, динамичным — подвергаются сомнению, проверке старые и как будто бы бесспорные истины, в ожесточенных спорах и в результате упорного труда, поисков рождаются блестящие открытия, меняющие и существенно обогащающие наше представление о мире, о человеке и обществе. Поскольку литература, в том числе и драматургия, связана с жизнью тесными узами, то размышления, дискуссии становятся существенным элементом драматургической композиции. Декларативность, тезисность отошли в прошлое. Выводы, к которым приходят герои, являются плодом долгих и трудных размышлений, подробного анализа внешних событий и собственных поступков, острой полемики с противниками и, часто, с самим собой.

Так, в центре пьес Димитра Димова «Женщины с прошлым» (1959) и «Виновный» (1960) стоит поиск нравственного критерия. Герои — наши современники отнюдь не идеальны. Они несут в себе черты нового общества, но еще не рассчитались и с грузом прошлого, проявляющего себя подчас в самых неожиданных формах. Д. Димов не спешит осудить своих нередко совершающих ошибки героев, не спешит выносить им приговор. Цель его — как можно тщательнее разобраться во всех тонкостях их судеб, понять внутренние побуждения их поступков, объяснить причины их ошибок. Его привлекает именно сложность и противоречивость как ситуаций, так и характеров. Своим пьесам он придает дискуссионный характер. Враг прямолинейности и примитивизма, Д. Димов подводит героев к решениям в результате долгих рассуждений, споров. Полемичность, однако, не мешает ему четко и ясно выражать позиции писателя-коммуниста. Внимание к человеку, борьба за человека — вот одна из важнейших миссий коммуниста, как ее понимает и художественно воплощает в своих драматургических произведениях Д. Димов.

Пьеса В. Петрова «Когда танцуют розы» (1959) — о любви, о том, что она несет радость, но нередко и горечь несбыточной

мечты или утраченных иллюзий, о старости и молодости, об эгоизме и душевной щедрости. И здесь существо пьесы составляет размышление, дискуссия. Органически сливаются два начала — философское и лирико-эмоциональное. Может быть отсюда и соединение в пьесе серьезных рассуждений и шутки, горьких выводов и веселых острот, иронической или грустной улыбки и беззаботного смеха.

Композиция пьесы строится на трех самостоятельных эпизодах-сценах, каждый из которых решает свою задачу. Все эпизоды объединены центральной мыслью и присутствием двух главных героев (Старика и Юноши), которые обсуждают происходящее на сцене, спорят, размышляют по поводу сложных ситуаций, возникающих в жизни, и даже принимают прямое участие в сценических событиях, превращаясь по ходу действия в тех или иных персонажей. Дискуссия Старика и Юноши о смысле жизни и составляет интеллектуальное ядро пьесы. Это поэтическое и философское осмысление жизненных конфликтов, серьезные выводы из комических, трагикомических, веселых, печальных и в общем обычных, даже банальных, но очень жизненных человеческих ситуаций. Старик и Юноша — носители лирико-субъективного начала в пьесе. Каждый из них является своеобразным лирическим героем в драме. В этом попытка известной «интеграции» лирической поэзии и драмы.

На сцене почти непрерывно ведется диалог-спор. Отдельные эпизоды тоже являются как бы частью этого спора. Обязанные своим созданием фантазии Старика и Юноши, они развиваются затем уже по объективным законам логики жизни, но вместе с тем подтверждают или отрицают высказываемые героями суждения — разворачивают, конкретизируют и аргументируют их мысли.

Использование разнообразных приемов, легкий и непринужденный характер диалога, динамика и темпераментность действия создают в пьесе атмосферу, исключающую банальные сентенции, претенциозность и ложную многозначительность. В то же время за веселыми шутками, остроумными парадоксами, забавными фантастическими приключениями героев легко различить серьезную, всегда напряженно ищущую мысль автора, почувствовать большой и оригинальный талант, понять его глубоко оптимистическое и активное жизненное кредо.

В последние 15—20 лет к драматургии обратились многие известные болгарские прозаики и поэты. Одновременно с В. Петровым в театр пришли такие поэты, как Иван Пейчев, Иван Радоев, Георгий Джагаров и др. Для их драматургического творчества характерна лирическая взволнованность, им свойственна поэтическая и метафорическая образность, их драмы отличают авторская пристрастность, «исповедальное» начало. Сокращается расстояние между зрительным залом и сценой, автор через своих героев делится со зрителем мыслями, сомнениями, как бы приглашая его участвовать в решении сложных жизненных проблем.

Отсюда особое усиление в пьесах монолога (часто внутреннего) и диалога. Эти компоненты драмы подчас берут на себя и основную смысловую нагрузку, организуют действие. Они же переносят внимание с внешней фабулы на идеи пьесы, логику развития мысли, характеров, внутренний мир человека. Эта особенность (в равной мере) присуща большинству современных драматургических произведений болгарской литературы и в первую очередь пьесам, авторы которых пришли из поэзии или прозы. Видимо, она вызвана к жизни интеллектуальным, полемическим началом, способствующим прояснению концепции человека нашего времени.

Подчеркнутый диалогизм драм иногда идет от так называемой повествовательности. Например, в упоминавшихся пьесах Д. Димова события происходят за сценой. На сцене же мы видим последовательные их результаты и слушаем комментарий героев, которые рассказывают о случившемся, обсуждают и, больше всего, спорят, каждый защищая свою позицию. Одноактная пьеса Николая Хайтова «Тропы» по существу представляет собой развернутый монолог героя, лишь иногда прерываемый репликами других персонажей.

«Повествовательность» бесспорно может помешать динамике действия, если она используется без меры и не к месту. В то же время умелое ее применение обогащает психологическую характеристику образов, расширяет интеллектуальную сферу произведения.

Создавая образ человека социалистического общества, драматурги обращают особое внимание на нравственную сторону вопроса. Воспитание социалистических принципов морали — дело очень нелегкое. Болгарские драматурги представляют его как продолжение борьбы за новую жизнь, как новый этап борьбы в годы мирного строительства. Мещанство, карьеризм, приспособленчество, равнодушие — эти и многие другие недостатки еще далеко не сняты с повестки дня. Их тлетворному воздействию подверглись даже некоторые из бывших стойких борцов против фашизма, не сумевших проявить принципиальность в новых условиях. Вернее, не понявших, что борьба продолжается, и отступивших перед обывательской философией современных мещан.

Эта тема получила свое воплощение в большом количестве драматургических произведений разных жанров и стилевых направлений — «День рождения» (1964), «Розы для доктора Шомова» (1966), «Прогулка в субботу вечером» (1968) и др. Драгомира Асенова; «Встреча» (1961), «Человек из досье» (1967) Лозана Стрелкова; «Молодожен» (1970) Эмила Манова; «Камень в болото» (1959), «Язык мой — враг мой» (1971) Георгия Караславова и др.

Драматурги бичуют пороки, несовместимые с моралью социалистического общества. Однако они не закрывают перед людьми, страдающими этими пороками, возможности осознания своих

ошибок, их исправления. В этом проявляется гуманизм социалистического общества.

В пьесе Л. Стрелкова «Встреча» есть интересный образ коммуниста Сиракова, поддавшегося влиянию буржуазной морали и пожертвовавшего прежними чистыми идеалами ради карьеры и материального благополучия. Драматург обрушивает всю силу своего возмущения прежде всего на морально разложившихся интриганов и политических спекулянтов, которые в корыстных и прямо вражеских целях использовали героическое прошлое Сиракова, его авторитет и служебное положение. Основная мысль Л. Стрелкова заключается в том, что и в новых условиях истинного коммуниста должно отличать безукоризненное поведение во всех сферах жизни, а в случае, если он допустил ошибки, — мужество в их признании и исправлении.

Борьба за человека предполагает одновременно и доверие к человеку. Это еще один отличительный признак социалистического гуманизма. Тема доверия прослеживается во многих пьесах болгарских драматургов. Для Л. Стрелкова она становится одной из основных в его творчестве вообще. Драматург довольно часто создает в своих пьесах исключительные ситуации, требующие категорических решений и действий («Нет ста правд», «Человек из досье» и др.). Проблема выбора в этом случае отвергает средний путь, компромисс; обстоятельства вынуждают героев проявлять свои истинные чувства и помыслы.

Тема доверия находит свое отражение и в героико-революционных пьесах. К ней обращается и Д. Димов в пьесе о гражданской войне в Испании («Отдых в Арко Ирисе», 1963), и И. Радоев («Большое возвращение», 1963), и И. Пейчев («Каждым осенним вечером», 1958), и Н. Русев («Ах, сколько маков...», 1964).

Никола Русев в пьесе «Ах, сколько маков...» воссоздает мужественную и порой трагическую борьбу болгарских подпольщиков-коммунистов и комсомольцев. Их беззаветная преданность делу партии, самоотверженность и стойкость даны в пьесе ярко и выпукло. Цель Н. Русева, его вклад в исследование героико-революционной темы — в постановке вопроса о доверии к человеку, анализе связанных с этим вопросом психологических состояний героев.

Пьеса Н. Русева «Ах, сколько маков...» — остросюжетная. Большое количество действующих лиц и быстрая смена эпизодов напоминают фильм. Однако автор в разрешении своей идейной концепции не рассчитывает целиком на интригу. Напротив, он отказывается от возможности держать зрителя в неведении, заставить его теряться в догадках. Для драматурга важна в первую очередь не занимательность интриги, а решение психологических и нравственно-философских вопросов, раскрытие внутреннего мира героев. В пьесе наличествует в известной мере и лирико-поэтическая атмосфера. Герои ее мужественны и самоотверженны, но и восприимчивы к красоте и многообразию жизни.

Наряду с доверием к человеку социалистический гуманизм включает в себя и другой не менее существенный признак — ответственность человека перед обществом. Если человек лишен чувства ответственности за свои поступки, решения, его поведение безнравственно, изъян в его моральных критериях неизбежно ведет к равнодушию, недобросовестности, неискренности, беспринципности, а иногда и к преступлению.

Мысль об ответственности личности, облеченной властью, за судьбы людей в обобщенно-философском аспекте звучит в пьесе Н. Русева «Старичок и стрела» (1969), в пьесе И. Радоева «Садал и Орфей» (1973). Она получает художественное разрешение и в ряде драм на современную тематику, наиболее значительной из которых является широко известная драма Георгия Джагарова «Прокурор» (1964).

Пьеса Г. Джагарова написана как отклик на конкретные события в Болгарии после Апрельского пленума ЦК БКП в 1956 году.

Четкость формы способствует выделению основной мысли — об ответственности коммуниста за свои действия перед обществом, его честности и мужестве. Настоящий коммунист не имеет права снять с себя эту ответственность даже в самой трудной ситуации.

Композиционно пьеса разделена на два плана, что приводит к своеобразному стилевому и жанровому переплетению. Сцены в прокуратуре — это непрекращающийся острый идейный диспут, столкновение характеров и жизненных позиций, публицистически прямое изложение взглядов героев на обязанности коммуниста, его нравственных критериев. Полное отсутствие каких-либо внешних событий, развитие конфликта исключительно в рамках размышлений и полемики, долгий и непростой путь Прокурора «к себе», к пониманию своих прежних заблуждений — все это напоминает пьесы Д. Димова. И здесь диалог доминирует, являясь основным компонентом драмы. Однако характер его совсем иной. Он строже, сдержаннее и более целенаправлен. Публицистическая заостренность темы требует драматизма и даже трагедийности тона, большей глубины и идейной значительности содержания, убедительности и логичности.

Сцены в доме Прокурора — тоже реальны, хотя это только проекция мыслей и предположений героя. По форме они даже более жизненны, чем первые, сделаны автором в стиле бытовой драмы. Однако в них чувствуется и известная «служебность» — в конце концов они ведь только часть дискуссии, которую ведет Прокурор с самим собой.

Пьеса «Прокурор» появилась в определенный момент развития общества, но имеет и более широкое значение. Ведь трудно ограничить конкретно-историческими рамками такие проблемы, как проблема соотношения творческого и узкодогматического начала, проблема ответственности, доверия и некоторые другие, поставленные в пьесе не только в художественно-изобразительном, но и в философском плане.

Черты, свойственные новому гуманизму и современному герою — носителю гуманизма, воплощаются в конкретных делах создателей нового общества.

В болгарской драматургии эта тема особенно в последние годы находит широкое художественное выражение, например, в образе руководителя, созданном в трилогии Л. Стрелкова («Человек из досье», «Пылающие угли», 1970, «Обжалованию не подлежит», 1972), в пьесе Недялко Йорданова «Вопрос принципа» (1973).

Ему присущи реальное, трезвое мышление, деловой подход к решению повседневных задач, отказ от пустых деклараций, солидные знания, отвечающие современным требованиям. У него же мы увидим и смелые поиски нового, широкий размах в работе, мечту о завтрашнем дне нашего общества. Он берет все ценное у предшественников, но яростно борется с косными традициями, мешающими движению вперед.

По-своему подходит к исследованию характера нового героя, нашего современника, строителя социалистического общества драматург Николай Хайтов («Триптих» или «Тропы» — по названию одной из трех миниатур, одноактных пьес). Он обращает внимание на более общие черты, соответствующие времени, на гармонию человеческой личности. В разных формах драматург раскрывает один и тот же конфликт — между прекрасным и безобразным, в котором первое — это стремление к гармонии в человеке, движение к более совершенным отношениям между людьми, огромное душевное богатство простого человека, строителя новой жизни, бескорыстное его служение людям, а второе — это все косное, бюрократическое и бездушное, что еще осталось в современном обществе. Н. Хайтов ищет конфликтные ситуации, которые бы давали повод и возможность для более общих выводов, для дальнейших размышлений.

Герои миниатур Н. Хайтова — обыкновенные болгарские труженики, люди на вид ничем особым не примечательные. Однако писатель умеет увидеть за внешней грубоватостью душевную чуткость, отзывчивость на доброту, за кажущейся чужаковатостью бескорыстное желание служить людям, помогать им. Он подчеркивает светлое, гуманистическое начало, нравственную красоту и чистоту героя из народа. В незначительных казалось бы фактах жизни простых людей содержится справедливая мысль: народ — носитель моральных ценностей.

Однако миниатюры Н. Хайтова — отнюдь не идиллия. Прекрасные черты героев проявляются в конфликтах и, часто, в очень драматических ситуациях — в столкновении с формализмом, бюрократией, равнодушием людей, не думающих о народном благе. В человеческой душе, как и в природе, Н. Хайтов ищет красоту и гармонию, но не всегда ее находит. Тогда на смену лирическому тону приходят гневные и обличающие интонации.

В творчестве Н. Хайтова всегда присутствует природа, точнее, его герои духовно слиты с природой. Она учит их красоте и чест-

ности, доброте и выдержке. Человек, не понимающий величия и прелести природы, не может быть гармоничной личностью. В нем есть изъян, который рано или поздно обнаружится и приведет к диссонансу в человеческих отношениях. Именно такие люди решили «сократить» (убить) пастушьих собак («Собака»). Именно из-за них, из-за их бесхозяйственности, может полечь без подпорок табак («Лодка в лесу»), именно они не способны понять добровольного и бесплатного труда для общества («Тропы»).

Гуманизм Н. Хайтова не абстрактен. Социальные и моральные проблемы драматург решает на вполне конкретном материале современной ему социалистической действительности.

Подводя итоги, можно утверждать, что в современной болгарской драматургии налицо успешные попытки ответить на основной вопрос искусства — о соотношении человека и времени, создать образ современника — человека социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА ПО БАЛКАНИСТИКЕ, ИЗДАННАЯ В СССР (1973—1974)*

ИСТОРИЯ

- Авершин В. И.* Борьба СССР за коллективную безопасность в Дунайском бассейне и на Балканах (1933 — июнь 1935 г.). — В кн.: «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», вып. 3. Свердловск, 1974, стр. 3—26.
- Балканские исследования. Международные отношения на Балканах. М., 1974.
- Балканский исторический сборник, т. 3. Кишинев, 1973.
- Из содержания: *Шульман Е. Б.* О позиции России в конфликте с Турцией в 1735—1736 гг.; *Гросул В. Я.* Зарождение российской революционной эмиграции в Юго-Восточной Европе; *Кирова К. Э.* Итальянское проникновение в Албанию (1897—1911 гг.); *Гросул В. Я.* Дунайские княжества в русско-турецких дипломатических взаимоотношениях (1783—1787 гг.); *Поглубко К. А.* Из истории южнославянских связей М. П. Драгоманова (60-е — начало 80-х годов XIX ст.); *Козьменко И. В.* Русский дипломат А. Н. Церетелев — защитник интересов болгарского народа.
- Балканский исторический сборник, т. 4. Кишинев, 1974.
- Из содержания: *Достян И. С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в.; *Гросул В. Я.* О балканских связях «якобинцев» (70-е годы XIX в.); *Агаки А. С.* Русско-румынские политические отношения в конце XIX — начале XX в.; *Мунтян М. А.* Обсуждение Дунайской проблемы на завершающем этапе мирного урегулирования с Болгарией, Венгрией и Румынией.
- Бромлей Ю. В., Королюк В. Д.* Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы (к вопросу о соотношении внутренних и внешних факторов). — В кн.: «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (Резюме докл. на Кишин. симп., 1973 г.). Кишинев, 1973.
- Величанская Л. А.* Проблема единства демократических сил Греции (1963—1967 гг.). — В кн.: «Актуальные проблемы международного рабочего движения». М., 1974.
- Волков В. К.* Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.
- Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, т. 3. М., 1974.
- Георгиев К.* (Рец. на кн.: *Трайков В.* Раковски и балканските народи. София, 1971). — «Советское славяноведение», 1973, № 2, стр. 78—81.
- Гибианский Л. Я.* Потсдам и Юго-Восточная Европа. (Некоторые вопросы истории дипломатической борьбы). — В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.
- Гибианский Л. Я., Мурашко Г. П., Парсаданова В. С.* Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в го-

* Составила А. Я. Огнева.

ды второй мировой войны и концепции общественно-политического развития. — В кн.: «История, культура, этнография и фольклор славянских народов», М., 1973.

Глебов В. Л. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX века. — «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 12—26.

Глебов В. Л. Основные черты и приемы германской политики на Балканах в конце XIX — начале XX в. — В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.

Глічов І. О. Ставлення більшовиків до ідей Балканської федеративної демократичної республіки. — «Вісник Львівського ун-ту. Серія історична», вип. 9. Львів, 1973, стор. 124—132 (резюме на русск. яз.).

Греков И. Б. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV—XVI в. — В кн.: «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (резюме докл. на Кишин. симп. 1973 г.). Кишинев, 1973.

Гросул В. Я. (Рец. на кн.: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972). — «Новая и новейшая история», 1973, № 2, стр. 185—187.

Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973.

Рец.: *Кондратьева В. Н.* — «Вопросы истории», 1974, № 8, стр. 148—150.

Гросул В. Я. Документы внешней политики России. — «Советские архивы», 1974, № 3, стр. 102—104. Рец. на кн.: «Внешняя политика России XIX и начала XX века», т. 8. Май 1814 — ноябрь 1815. М., 1972.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 1. М., 1973.
Из содержания: Агрессия фашистской Германии на Балканах, стр. 698—721.

Достян И. С. Освободительное движение южнославянских народов конца XVI — начала XVII в. — В кн.: «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (резюме) докл. на Кишин. симп. 1973 г.). Кишинев, 1973.

Достян И. С. Политика России в отношении Турции и балканских народов в 1813—1815 годах. — «Советское славяноведение», 1973, № 5, стр. 107—109. Рец. на кн.: «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», серия первая, т. 7 (январь 1813 — май 1814); т. 8 (май 1814 — ноябрь 1815). М., 1970—1972.

Достян И. С. (Рец. на кн.: *Тодоров Н.* Балканският град XV—XIX вв. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972). — «Новая и новейшая история», 1974, № 3, стр. 196—198. См. также рец.: *Гросул В. Я.* — «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 190—193.

Дьяков В. А. Об «эпохе национального возрождения» в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — «Советское славяноведение», 1974, № 6, стр. 31—44.

Ерещенко М. К вопросу о специфике монархо-фашистских режимов в Болгарии и Румынии накануне второй мировой войны. — «Советское славяноведение», 1974, № 6, стр. 74—83.

Зайцев В. В. Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции послов великих держав 1912—1913 гг. — В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.

Зимина Н. Г. Некоторые вопросы движения за Балканский союз (1929—1933). — «Новая и новейшая история», вып. 2. Саратов, 1974.

Златковская Т. Д. Некоторые особенности романизации земель между Балканами и Дунаем. М., 1973.

Златковская Т. Д. Некоторые проблемы этногенеза валахов в связи с романизацией Балканского полуострова в античное время. — В кн.: «Историко-географические аспекты славяно-волошских связей» (резюме докл. на сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973.

- Зографски Д.* Европейские державы и Балканы в начале XX века (1900—1914 гг.).— В кн.: «13-й Международный конгресс исторических наук», т. 1, ч. 6. М., 1974.
- Иова И. Ф.* Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974.
- Кириллов А. В.* Борьба народов славянских стран Восточной и Юго-Восточной Европы против германского фашизма в освещении советской историографии.— В кн.: «Проблемы германской истории» (Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15—17 окт. 1971 г.), вып. 2. Вологда, 1973.
- Кирсенко М. В.* Роль Греции в образовании Балканского союза 1912 года.— «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 31—42.
- Кирьяков Ю. С.* Планы «нейтрального» блока на Балканах и болгаро-германские отношения весной 1939 г.— В кн.: «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», вып. 3. Свердловск, 1974, стр. 63—79.
- Козьменко И. В.* (Рец. на кн.: *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970).— «Советское славяноведение», 1974, № 3, стр. 103—104.
- Конобеев В. Д.* Освободительная борьба народов Балканского полуострова и формирование программы национального освобождения Болгарии в начале XIX в.— В кн.: «Международный комитет исторических наук. Ассоциация славистических исследований. Доклады советских историков». М., 1973.
- Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 73—91.
- Королюк В. Д.* Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории.— «Советское славяноведение», 1974, № 1, стр. 53—67.
- Куликов В. Г.* Интернациональная помощь Советских Вооруженных Сил народам Европы в 1941—1945 гг.— «Новая и новейшая история», 1974, № 1, стр. 22—47.
- Легуров Э. И., Стецкевич Э. М., Якубский В. А.* Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран.— «Вестник Ленинградского университета», 1974, № 14. История, язык, литература, вып. 3, стр. 147—150.
- В. И. Ленин* и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973.
Рец.: *Кривогуз И. М.*— «Новая и новейшая история», 1974, № 5, стр. 178—180; *Фирсов В. И.*— «Вопросы истории», 1974, № 10, стр. 157—160.
- Литаверн Г. Г.* Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII—XIV в. К проблеме типологии феодализма. В кн.: «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (резюме докл. на Кишин. симп. 1973 г.). Кишинев, 1973.
- Лукач Б. Г., Маринеску Г. Г., Пашкуй З. А.* (Рец. на кн.: *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972).— «Український історичний журнал». Київ, 1974, № 3, стор. 149—150.
- Манусевич А. Я.* Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К вопросу об изучении проблемы.— «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1973, № 5, стр. 5—8.
- Маринов В.* Расселение пастухов-влахов на Балканском полуострове и за его пределами.— В кн.: «Историографические аспекты славяно-волошских связей» (резюме докл. на сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973, стр. 22—32.
- Марьина В.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами.— «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 23—40.
- Мизайленко В. И.* Политика фашистской Италии на Балканах в период советско-финской войны (30 ноября 1939—12 марта 1940 г.).— В кн.: «Бал-

- каны и Ближний Восток в новейшее время», сб. 2. Свердловск, 1973.
- Мошану А. К.* Рабочее и социалистическое движение в Румынии (1907—1914 гг.). Кишинев, 1974.
- Мунтян М. А.* Дунайская проблема накануне и на Потсдамской конференции глав правительств СССР, Англии и США.— «Известия АН МССР. Серия общественных наук». Кишинев, 1973, № 1, стр. 46—59.
- Мурашко Г. П.* Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 годах.— «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 84—99.
- Мурашко Г. П.* Некоторые аспекты осуществления национализации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг.— «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1974, № 6, стр. 33—39.
- Мушинский Е., Собчак К.* Закономерности и специфика социалистической революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— «История Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1974, № 6, стр. 5—6.
- Мыльников А. С.* Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального возрождения.— «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 73—84.
- Носкова А. Ф.* Ограбление нацистами оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.
- Писарев Ю. А.* Германо-австрийские планы на Балканах в годы первой мировой войны.— «Новая и новейшая история», 1973, № 2, стр. 72—85.
- Писарев Ю. А.* Революционная Россия и югославянские народы в 1917—1918 гг.— В кн.: «Исторические записки», т. 93. М., 1974, стр. 92—112.
- Позина Е. С.* Сербо-черногорские отношения и политика России накануне создания Балканского союза (1909—1912 гг.).— «Питання нової та новітньої історії», вип. 17. Київ, 1973.
- Рябоконт С. И.* Позиция Антанты в период переговоров о «пакте четырех».— В кн.: «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», сб. 2. Свердловск, 1973.
- Синица В. И.* Проблема югославянской эмиграции в русской политике 50—60-х годов XVIII в.— «Веснік Беларускага ўніверсітэта. Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права», 1974, № 1, стр. 14—18.
- Синица В. И.* Русско-турецкая война 1768—1774 гг.— В кн.: «Вопросы новой и новейшей истории», Минск, 1974, стр. 3—22.
- Скороденко П.* Военно-исторический справочник.— «Военно-исторический журнал», 1973, № 9, стр. 111—112.
- Рец. на кн.: «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник». М., 1972. 302 с.
- Спиваковский Е. И.* (Рец. на кн.: *Богв П.* Из историята на комунистическото движение на Балканите 1917—1923. София, 1972).— «Вопросы истории», 1973, № 6, стр. 179—181.
- Терезов В. К.* Сербия и Румелийский переворот 1835 г.— В кн.: «Проблемы всеобщей истории». М., 1973.
- Хенегар Г. И.* Румыния и политика Тройственного союза в Юго-Восточной Европе в 1908—1909 гг.— В кн.: «Германская восточная политика в новое и новейшее время». М., 1974.
- Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. Сб. статей. М., 1974.
- Чемпалов И. Н.* Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.).— В кн.: «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», сб. 2. Свердловск, 1973.
- Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г.— В кн.: «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», вып. 3. Свердловск, 1974.

- Черніков І. Ф.* (Рец. на кн.: *Жижкова Л.* Англо-турските отношения. 1933—1939. София, 1971).— «Український історичний журнал». Київ, 1972, № 2, стор. 147—149.
- Чертан Е.* Борьба балканских народов за независимость и Россия.— «Коммунист Молдавии». Кишинев, 1973, № 3, стр. 27—35.
- Шевяков А. А.* Установление дипломатических отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы как важный фактор европейской безопасности. М., 1974.
- Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М., 1974.
- Язькова А. А.* Планы создания «Балканского Локарно» и Малая Антанта (1925—1926 гг.). М., 1974.

КУЛЬТУРА И НАУКА

- Бажова А. П.* Культурные связи России с Сербией и Черногорией во второй половине XVIII в.— В кн.: «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)». Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.
- Васильев С. В., Клепикова Г. П., Стахеев Б. Ф.* Сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР с научными учреждениями социалистических стран. (К 250-летию АН СССР).— «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 11—22.
- Гацак В. М.* Эпическая поэзия народов Юго-Восточной Европы.— В кн.: «История всемирной литературы», т. 3, вып. 7. М., 1973.
- Георгиев Э.* Славянские культуры и формирование наций на Балканах.— В кн.: «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)». Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.
- Голенищев-Кутузов И. Н., Аверинцев С. С.* Византийская традиция, культурный обмен и предренессансные тенденции в балкано-славянском мире XIII—XV вв. до турецкого завоевания.— В кн.: «История всемирной литературы», т. 3, вып. 1. М., 1973.
- Голенищев-Кутузов И. Н.* Сербская, болгарская и македонская литература.— В кн.: «История всемирной литературы», т. 3, вып. 7. М., 1973.
- Евнина Е.* Наследие героических лет.— «Вопросы литературы», 1973, № 10, стр. 261—266.
Рец. на кн.: «Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы 1939—1945». М., 1971.
- Зеленин В. В.* Новая исследовательская комиссия Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.— «Советское славяноведение», 1973, № 6, стр. 112—113.
- Злыднев В. И.* Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. (Итоги и перспективы исследования).— В кн.: «Культура и общество в эпоху становления наций». М., 1974.
- Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П.* Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.— В кн.: «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1973.
- Карцева З. И.* Исследование проблем реализма в литературе южных славян.— «Вестник Московского университета. Филология», 1973, № 3, стр. 97—99.
Рец. на кн.: *Ничев Б.* Увод в южнославянския реализъм. София, 1971.
- Конев И.* Особенности болгаро-балканских литературных взаимоотношений в период национально-освободительного движения.— В кн.: «Сравнительное изучение славянских литератур». М., 1973.
- Литература правди і прогресу. До питання розвитку літературного процесу в крайніх соціалістичної співдружності. Київ, 1974.
- Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: «История всемирной литературы», т. 4, вып. 6. М., 1973.

- Марков Д. Ф.* Научная деятельность Института славяноведения и балканистики в системе Академии наук СССР. (К 250-летию АН СССР). — «Советское славяноведение», 1974, № 3, стр. 3—7.
- Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 80—95.
- Попов Г. В.* Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века. — В кн.: «Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура». М., 1973.
- Свешикова Т. Н., Цивьян Т. В.* К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. Румынские тексты о персонафицированных днях недели. — В кн.: «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973.
- Селиванов Ф. М.* (Рец. на кн.: «Славянский и балканский фольклор». М., 1971). — «Вестник Московского университета. Филология», 1973, № 2, стр. 84—87.
- Сидорченко Л. В.* Національно-визвольний рух на Балканах. «Східні повісті» Байрона. — «Радянське літературознавство», 1974, № 4, стор. 60—65.
- Шевчук В. І.* Тематичні і сюжетно-образні аналогії в сатири і науковій фантастиці східних і західних слов'ян XX ст. (спроба типологічного зіставлення). — «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. 8, 1973.
- Юдин Ю. І.* Нова праця про героїчний епос слов'янських народів. — «Народна творчість та етнографія». Київ, 1973, № 2, стор. 94—95.
Рец. на кн.: *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Киреев В. П.* Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны 1939—1945. Информ. библиогр. указ. сов. и зарубеж. библиогр. М., 1972.
- Литература по балканским проблемам, вышедшая в СССР (1970—1972). Сост. А. Я. Огнева. — В кн.: «Балканские исследования. Международные отношения на Балканах». М., 1974.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ БАЛКАНИСТОВ

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

4—10 сентября 1974 г. в Бухаресте состоялся III Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Он носил весьма представительный характер как по числу съехавшихся ученых (свыше тысячи человек из тридцати стран мира), количеству прочитанных докладов и сообщений (их было более семисот), так и по своей проблематике.

Диапазон обсуждавшихся в Бухаресте вопросов был исключительно широк. В области античной истории внимание делегатов концентрировалось вокруг связей Балкан и Средиземноморья. История Юго-Восточной Европы в средние века привлекла на конгресс более 130 ученых. Их сообщения и доклады были посвящены четырем основным проблемам: генезису балканских народов и формированию государств; культурным связям Юго-Восточной Европы со Средиземноморьем и Черноморьем; общим чертам развития балканских народов в эпоху османского господства; роли Балкан в отношениях Османской империи и европейских держав в XV—XVIII вв.

В отличие от предыдущего конгресса (Афины, 1970)¹, где история «обывалась» концом XIX столетия, в Бухаресте проблемы новейшей истории и современности заняли значительное место. Четыре секции, занимавшиеся XIX—XX вв., были самыми многочисленными и насчитывали около 200 человек.

Предметом обсуждений на конгрессе в Бухаресте явились важнейшие вопросы социального и национального движения, общественно-политической мысли, характер и тенденции экономического и социального развития, роль Юго-Восточной Европы в международных отношениях.

Значительным был интерес к проблемам балканской лингвистики, о чем свидетельствуют более 30 докладов и сообщений, прочитанных на заседаниях соответствующих секций. Внимание ученых привлекали параллельные тенденции развития балканских языков, их интерреляция, вопросы становления и эволюции литературных языков.

Дискуссии на секциях по литературоведению шли по вопросам сравнительного изучения литератур Юго-Восточной Европы, формирования в них реалистических течений и развития гуманистических традиций; фольклористы обменялись мнениями о традициях и новых чертах в устном народном творчестве; этнографы широко обсуждали как старый, но не перестающий привлекать исследователей вопрос о развитии сельской цивилизации, так и новый — о развитии в Юго-Восточной Европе цивилизации городской и ее воздействии на образ жизни народа. В секции искусствоведения оживленно обсуждалось искусство эпохи борьбы за национальное освобождение. Правоведы посвятили свои доклады и сообщения национальному праву народов Юго-Восточной Европы и его воздействию на развитие международного права.

Конгресс явился крупным событием в научной жизни. Он продемонстрировал глубокий интерес к проблемам балканистики не только в странах Юго-Восточной Европы, но и во всем мире. Международный съезд балканистов предоставил возможность для широкой научной дискуссии и ознакомления

¹ Советские ученые в нем не принимали участия.

с результатами исследований в отдельных государствах и по отдельным отраслям науки. Он дал представление не только о достижениях, но и недостатках, одним словом — об уровне этих исследований. Значительная часть выступлений была посвящена частным вопросам страноведческого характера. Что же касается комплексных обобщающих проблем в области социальной и политической истории Балкан, то в социалистических странах Юго-Восточной Европы уже предпринимаются первые шаги в этом направлении. Попытки же некоторых ученых из западных стран втиснуть сложные национальные и социальные процессы в формально-структурные схемы и вывести закономерности без должного соотнесения их с конкретным историческим развитием не выдерживают серьезной критики.

Заседания конгресса проходили, как правило, в духе доброжелательства и стремления к научному сотрудничеству, в чем наглядно проявилась тенденция к разрядке международной напряженности, наблюдающаяся сейчас в мире в результате последовательной внешней политики СССР и других социалистических стран. Активное участие в работе конгресса представительной советской делегации во главе с членом-корреспондентом АН СССР Д. Ф. Марковым позволило ознакомить научный мир с итогами, достижениями и проблемами балканских исследований в СССР.

Заседания данные по этому вопросу были приведены в выступлении на пленарном заседании конгресса заместителя директора Института славяноведения и балканистики АН СССР доктора исторических наук В. Н. Виноградова. Отметив, что балканские исследования в СССР имеют прочные исторические и научные традиции, он информировал делегатов конгресса о вышедших в последние годы обобщающих трудах советских ученых по истории и культуре отдельных балканских стран, о предпринятых совместно с зарубежными коллегами фундаментальных публикациях по истории балканорусских и балкано-советских связей. Сейчас советские балканисты находятся на стадии создания обобщающих трудов по вопросам этногенеза балканских народов, возникновения и развития капиталистической формации на Балканах, национально-освободительного и революционного движения, влияния Октябрьской революции, идей ленинизма на судьбы народов указанных стран и т. д.

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ «БАЛКАНЫ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ»

С 9 по 12 июня 1975 г. в Варне (Болгария) состоялась конференция новой научной комиссии Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ) — «Балканы в современную эпоху», созданной при активном участии советских балканистов. На совещании экспертов, собравшихся в Москве в июне 1973 г., были утверждены планы работы комиссии (краткосрочный и перспективный), включающие проведение научных конференций по проблематике новейшей истории Балкан, издание совместных публикаций и другие формы научного сотрудничества. Председателем комиссии утвержден проф. Э. З. Карал (Турция), представителем советских балканистов в комиссии — В. В. Зеленин. Конференция в Варне, посвященная проблеме «Борьба за мир и безопасность в Европе в период между двумя мировыми войнами», была первой научной конференцией комиссии «Балканы в современную эпоху».

В конференции приняли участие ученые 12 стран: А. Зуппан (Австрия), Х. Данава-Михова, С. Дамянов, З. Минчева, Н. Недев, К. Манчев, В. Тыпкова-Заимова, Б. Христов, Д. Янчев и др. (Болгария), М. Адам (Венгрия), Д. Донтас (Греция), В. Бальцержак (Польша), Э. Кампус, Н. Фотино (Румыния), В. В. Зеленин, П. С. Сохань (СССР), И. Сандерс (США), Б. С. Байкал, Ю. Юсель (Турция), П. Дюмон, Ж. Кастеллан (Франция), М. Тейхан (Чехословакия), Д. Лукач (Югославия). Большую помощь при организации и проведении конференции в Варне оказал генеральный секретарь-казначей МАИЮВЕ акад. Э. Кондураки (Румыния).

Организатором конференции был Институт балканистики БАН (к сожалению, его директор, член-корреспондент БАН Н. Тодоров, из-за болезни не смог принять участие в ее работе).

В соответствии с тематикой конференции на ней были зачитаны и обсуждены доклады, в которых рассматривались различные аспекты международных отношений на Балканах в период между двумя мировыми войнами, политика отдельных балканских стран по вопросу обеспечения мира и безопасности в этом регионе. Ряд докладов был посвящен вопросам социально-экономического развития некоторых балканских стран.

С докладом «Усилия народов Юго-Восточной Европы по обеспечению мира и безопасности в межвоенный период» выступила Магда Адам (Венгрия). Темой доклада Веслава Бальцержака (Польша) было «Отношение государств Юго-Восточной Европы к проблемам коллективной безопасности в 30-е годы XX в.».

В своем докладе «Вклад Советского Союза в обеспечение мира и безопасности в Юго-Восточной Европе (1931—1934 гг.)» В. В. Зеленин осветил усилия советской дипломатии по установлению нормальных дипломатических отношений с балканскими странами. Недю Недев (Болгария) выступил с докладом «Концепция Болгарской коммунистической партии по вопросам мира и межбалканского сотрудничества в 30-х годах». Христина Данева-Михова (Болгария) посвятила свой доклад проблеме: «Усилия Болгарии в достижении мира и международного сотрудничества в период между двумя мировыми войнами». Румынские ученые Элиза Кампус и Николае Фотино выступили с общим докладом, разделенным на две хронологические части (1919—1929 и 1929—1938 гг.), на тему: «Румыния и ее усилия в борьбе за мир и сотрудничество».

Жорж Кастеллан (Франция) назвал свой доклад «Балканский пакт от 9 февраля 1934 г. Опыт интерпретации». В докладе П. С. Сохана «Производительная помощь трудящихся стран Юго-Восточной Европы Советскому Союзу — пример интернациональной солидарности» на многочисленных примерах освещено получившее широкое распространение в 20-е годы стремление трудящихся зарубежных стран помочь Советскому Союзу в деле восстановления и развития его народного хозяйства. Душан Лукач (Югославия) посвятил свой доклад рассмотрению экономического проникновения гитлеровской Германии в Юго-Восточную Европу в 1933—1941 гг. «Последняя попытка создания системы коллективной безопасности в Юго-Восточной Европе против фашистской агрессии (весна — лето 1939 г.)» — в докладе под таким названием Мирослав Тейхман (Чехословакия) осветил усилия балканских и ряда центральноевропейских стран поставить последний барьер перед надвигающейся угрозой фашизма.

Три доклада: Ирвина Сандерса (США) — «Некоторые изменения в аграрных структурах в период между первой и второй мировыми войнами», Пьера Дюмона (Франция) — «Мифы и реальность в области социальных перемен в турецкой деревне в межвоенный период» и А. Зуппана (Австрия) — «Социально-экономическая борьба в Хорватии в 1920 г. на примере всеобщей стачки железнодорожников» были посвящены исследованию ряда аспектов социально-экономического развития балканских стран.

Высокий научный уровень докладов и выступлений в прениях, деловая и дружеская атмосфера, отличная организация работы позволили участникам конференции единодушно оценить ее как весьма успешную.

В качестве темы следующей конференции комиссии «Балканы в современную эпоху», которую намечено провести в конце 1976 г. в Бухаресте, утверждена проблема: «Аграрные структуры в Юго-Восточной Европе (1919—1932)».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ

В Сучаве и Яссах с 9 по 16 июля 1975 г. проходил международный коллоквиум на тему: «Искусство народов Юго-Восточной Европы в XVI — XVIII вв. и его интеллектуальное окружение». Коллоквиум был организо-

ван международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы совместно с Дирекцией охраны памятников национальной культуры Румынии. Он велся под руководством президента Комиссии по изучению поствизантийского искусства, директора Византийского музея в Афинах М. Хадзидакиса. В работе коллоквиума приняло участие в качестве докладчиков представители следующих стран: Болгарии (1 чел.), Греции (5), Румынии (4), СССР (1), Турции (2), Югославии (2 чел.). Кроме того, были приглашены представители от Франции (1 чел.), Марокко (1), а также 7 ученых от Румынии, главным образом из числа сотрудников Дирекции охраны памятников. Особенностью коллоквиума было то, что его заседания дополнялись посещением памятников архитектуры и монументальной живописи Северной Молдовы и изучением коллекций ее музеев (епископия Роман, Сучава, Воронеж, Молдовица, Сучевица, Пунта, Радауц, Арборе, Патрауц, Разбоени, Секул, Нямец, Быстрица). Нередко эти памятники рассматривались в докладах участников коллоквиума, а дискуссии переносились к самим памятникам. Здесь же происходил самый оживленный обмен мнениями по вопросам датировок, оценок, сравнительных характеристик произведений искусства. В целом атмосфера работы была весьма доброжелательной и вполне соответствовала задачам научной конференции.

Хотелось бы специально отметить, что в докладах болгарского (К. Паскалева) и югославских (С. Петкович и Б. Вуйович) ученых подчеркивалось и убедительно раскрывалось особо плодотворное влияние на искусство южнославянских стран русской культуры. Этому же в значительной мере был посвящен и доклад А. И. Рогова на тему: «Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI — XVII вв.». Большое внимание в нем было уделено связям Руси с княжествами Молдавии и Валахии, что вызвало оживленный интерес у румынских специалистов. Доклады во время коллоквиума были сгруппированы преимущественно по тематическому признаку.

Рабочие заседания коллоквиума открылись 10 июля докладом М. Хадзидакиса, исследовавшего вопрос о локализации греческих художников в 1454—1820 гг. Результаты проделанной им работы были сведены в таблицу. К сожалению, развернутых выводов и наблюдений в связи с ее данными в докладе не было сделано. Впрочем, цифры явно говорят о том, что если в XV — первой половине XVI в. большинство художников концентрировалось на Крите, то впоследствии его значение в этом отношении заметно падает.

Доклад К. Николеску о роли греческой живописи в поствизантийском искусстве Дунайских княжеств изобилует новыми сведениями о памятниках и материалах. К. Николеску проследила пути проникновения греческого искусства, а также указала конкретные отличительные черты грецизирующих памятников. Однако если в отношении стиля это не вызывает возражений, этого нельзя сказать, когда речь идет об иконографии. Здесь следует помнить о русских влияниях, которые недостаточно учел докладчик.

Основные тенденции развития болгарской иконографии в XVI — XVIII вв. рассмотрела в своем докладе К. Паскалева. Она наметила три важнейших этапа: 1) XVI в. — заметное влияние Афона, 2) XVII в. — усиление экспрессивности в живописи, 3) XVIII в. — усиление фольклоризации и стилизации.

Западные влияния в балканской и анатолийской архитектуре были темой доклада турецкого ученого Олаша Арика, который, к сожалению, не содержал серьезного анализа проблемы.

Если заседания 10 и 12 июля были посвящены главным образом истории живописи и архитектуры, то 13 июля (оно происходило в отличие от первых двух не в музее г. Сучава, а в Яском университете) рассматривались вопросы «интеллектуального окружения искусства». Таким был доклад Л. Вранусиса (Греция) о роли книги в духовной жизни балканских народов. В нем приводилось множество цифр, отражавших динамику распространения книг, а также постепенное, но неуклонное возрастание интереса к светской тематике. К сожалению, речь шла только о греческой книге, и притом только

печатной, тогда как славянские народы Балкан широко еще пользовались рукописной книгой.

А. Дуцу посвятил свой доклад состоянию общественной мысли и образного языка в странах Юго-Восточной Европы в XVI — XVIII вв. Заслуживает внимания выделение в этом докладе положительной роли русской книги, «носительницы историографических идей».

Единое целое составляли доклады югославских ученых С. Петковича «Интеллектуальное окружение искусства Сербии, Черногории и Македонии в XVI — XVII вв.» и Б. Вуйовича «Сербское искусство в XVIII в. и его интеллектуальное окружение». Выше уже говорилось о выделении ими особой положительной роли России в развитии сербской культуры. Кроме того, были показаны критические влияния, раскрыты вопросы архаизации сербской живописи XVI в. и ее причины, соотношения светских и церковных начал в искусстве и ряд других.

Последний доклад имел сугубо библиографический характер. В нем проф. П. Вокотопулос дал справку об исследованиях по истории поствизантийского искусства в Греции.

Заключительное заседание коллоквиума происходило 14 июля в Нямецком монастыре. На нем были подведены итоги работы коллоквиума, принято решение об издании его материалов. С 1976 г. комиссия по изучению поствизантийского искусства начнет издавать бюллетень, в котором будут публиковаться материалы главным образом библиографического характера.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРНЕ

С 15 по 20 сентября 1975 г. в Варне проходила международная научная конференция «Славянские культуры и Балканы». Она была организована в рамках проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур Академией наук и Комиссией по делам ЮНЕСКО НРБ. 145 ученых из 15 стран (в том числе 20 чел. из СССР) участвовали в ее работе.

Это был крупный международный форум, объединивший историков славянских и балканских культур. С приветственной речью к участникам конференции обратилась председатель Комитета искусства и культуры НРБ Людмила Живкова.

Большой сквозной проблемой, рассматривавшейся на заседаниях конференции, была проблема синтеза и взаимодействия славянских и неславянских культур на Балканах, взаимоотношений между балканскими культурами и культурами других европейских народов, в частности русской культурой IX — XIX вв. Большой интерес вызвали сообщения: А. И. Рогова (СССР) о культурных связях Киевской Руси с Балканами, И. Конева (Болгария) о русско-балканских культурных взаимоотношениях в процессе формирования балканских национальных культур, В. И. Злыднева (СССР) о русско-болгарских литературных связях 50—70-х годов XIX в., Л. Вранусиса (Греция) о распространении греческой книги на Балканах в XV — начале XIX в.

В XV—XIX вв. в условиях османского господства большую роль в развитии культуры и национального самосознания поработенных народов играли культурные центры на Балканах и за их пределами (Афон, Бухарест, Венеция, Одесса и др.). В сообщении болгарской исследовательницы Н. Драговой. «Культурные центры болгар периода болгарского возрождения (XVIII — 40 гг. XIX в.)» были высказаны интересные соображения относительно типологии балканских культурных центров. Для работы конференции был характерен комплексный подход, рассмотрение сложных явлений балканской культуры с привлечением данных истории, истории литературы и искусства, фольклора, лингвистики. Наряду с изучением двухсторонних связей и взаимодействия делались сопоставления культурных явлений в рамках всего региона. Так, в докладах И. М. Шептунова (СССР) и М. Лорда (США) рассматривались место и значение фольклора в балканском культурном процессе. Материалы конференции будут опубликованы.

«БАЛКАНСКИЙ ДЕНЬ» В САН-ФРАНЦИСКО

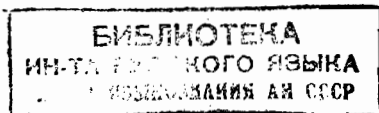
28 августа 1975 г. Ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы провела в рамках XIV Международного конгресса исторических наук обсуждение проблемы «Средиземноморье и Балканы».

Связям этих регионов в античную эпоху, прежде всего культурным, посвятил свой доклад румынский академик Э. Кондураки.

Средним векам были посвящены два доклада: проф. Арвейлер (Франция) и Иналджика (Турция). Арвейлер пыталась обрисовать понятие средиземноморского и балканского регионов в средние века, опираясь исключительно на данные о морской торговле. Это вызвало живейшие возражения, в частности, со стороны проф. М. Берзы (Румыния), призвавшего руководствоваться при определении принадлежности к региону совокупностью экономических, политических и культурных связей. Доклад проф. Иналджика, лично не присутствовавшего на конгрессе, был зачитан. В нем излагалась точка зрения буржуазной турецкой историографии на роль Османской империи в Восточном Средиземноморье и на Балканах в XV—XVII вв. Османская империя представлялась как наследница Византии, утверждалось, будто в борьбе с турецким нашествием балканское крестьянство активно не участвовало, что его положение в эпоху османского господства было вполне благополучным и т. д. Проф. Переньи (Венгрия) и проф. Н. Тодоров (Болгария) в своих выступлениях подвергли критике ряд его положений.

Проф. Джорджевич (США) посвятил свой доклад Балканам и Средиземноморью в XIX в. Он кратко остановился на некоторых процессах этнического развития, на становлении национальных государств на Балканах, отметив как характерную черту их развития «стремление к морю». Проф. Н. Тодоров, новый президент Ассоциации, в обстоятельном и аргументированном докладе показал основные направления движения за мир и безопасность на Средиземном море и Балканах в современную эпоху.

Д.и.н. В. Н. Виноградов выступил с сообщением «Экспедиции русского флота в Средиземном море и освободительное движение балканских народов». Д.и.н. Н. Д. Смирнова подробно остановилась на борьбе Советского Союза за победу принципов коллективной безопасности в районе Средиземного моря.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ	3
------------------------------------	---

ИСТОРИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Советов П. В.</i> Феодализм в Юго-Восточной Европе и османское завоевание (типологические сдвиги в Дунайских княжествах)	5
<i>Макова Е. С.</i> К характеристике экономического облика городов Юго-Восточной Европы в период позднего феодализма (по загребским материалам XVI—XVII вв.)	13
<i>Сванидзе М. Х.</i> Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцихского (Чилдырского) пашалыка	23
<i>Драгнев Д. М.</i> Об особенностях экономического развития Дунайских княжеств в конце XVII—XVIII в.	31
<i>Новичев А. Д.</i> Танзимат и балканские народы (1839—1853)	40

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

<i>Арш Г. Л.</i> Балканские проекты И. Каподистрии накануне греческой революции 1821 г.	48
<i>Гуськова Е. Ю.</i> Достижение Сербией автономии и национально-освободительное движение на Балканах	55
<i>Лециловская И. И.</i> Идеологическое развитие южнославянских народов Австрийской империи в период национального пробуждения	62
<i>Попылко Д. Ф.</i> О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму	71
<i>Гросул В. Я.</i> Генезис революционного социализма на Балканах и российское революционное движение (о существовании на Нижнем Дунае секции Первого Интернационала)	80
<i>Спиваковский Е. И.</i> Из истории распространения ленинизма коммунистическими партиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами	90

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Хитрова Н. И.</i> Россия и черногорско-герцеговинские события 50 — начала 60-х годов XIX в.	99
<i>Зуева Н. В., Шатохина Е. М.</i> Русские проекты реформ в Европейской Турции в 1867 г.	107
<i>Виноградов К. Б.</i> Позиция европейских держав в начале балканского кризиса 70-х годов XIX в.	116

<i>Кросс Б. В.</i> Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны	122
<i>Виноградов В. Н.</i> Вступление Румынии в первую мировую войну и разногласия в стане Антанты	130
<i>Смирнова Н. Д.</i> Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932—1934 гг.	140

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>Чубарьян А. О.</i> Из истории установления дипломатических отношений между Советским Союзом и странами Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы	147
<i>Зеленин В. В.</i> Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы	154
<i>Валев Л. В., Славин Г. М.</i> Отклики Сталинградской битвы на Балканах	160
<i>Гибянский Л. Я.</i> Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях (февраль — август 1945 г.)	167

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Нерознак В. П.</i> Палеобалканские языки. Ареальные и генетические отношения	179
<i>Откупщиков Ю. В.</i> Греческий язык и проблема догреческого субстрата	188
<i>Зеленчук В. С., Попович Ю. В.</i> Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — начало XX в.)	195
<i>Бернштейн С. Б.</i> Интерференция языков карпатского ареала	202
<i>Клепикова Г. П.</i> Балканские элементы в карпатской терминологии горного нашествия	209
<i>Демченко Н. А.</i> Связь традиционных форм пахотных орудий Молдавии и стран балкано-карпатского ареала	216
<i>Хынку И. Г.</i> Этнические черты в жилищах населения Молдавии (X—XIV вв.)	224
<i>Иванова Ю. В.</i> Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа	231
<i>Фрейдзон В. И.</i> К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи	238
<i>Маркова Л. В.</i> К изучению семейных обычаев болгарских горожан	246

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Литаврин Г. Г.</i> Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. (опыт исторической характеристики)	254
<i>Горина Л. В.</i> Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г. (к истории болгаро-русских культурных связей конца XIV — начала XVI в.)	265
<i>Рогов А. И.</i> Русско-византийские фрески в Польше и культурные связи восточных славян с балканскими странами	274
<i>Демина Е. И.</i> Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков	284
<i>Шептунов И. М.</i> Жанры хайдуцкого фольклора	292

<i>Гершкович А. А.</i> О некоторых типологических схождениях в формировании театра стран Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII — середина XIX в.)	300
<i>Львова Е. П.</i> О некоторых общих чертах болгарского, румынского и сербского изобразительного искусства конца XVIII — середины XIX в. (к постановке проблемы)	308
<i>Дороница Р. Ф.</i> О типологических разновидностях в сербском реализме конца XIX — начала XX в.	313
<i>Ильинская С. Б.</i> К. Кавафис и гуманистическая традиция в греческой поэзии XX в.	322
<i>Пономарева Н. Н.</i> О некоторых особенностях современной болгарской драмы	330
ЛИТЕРАТУРА ПО БАЛКАНИСТИКЕ, ИЗДАННАЯ В СССР (1973—1974)	338
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ БАЛКАНИСТОВ	344

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы истории и культуры

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор *Г. В. Шелудько*. Художественный редактор *В. Н. Тихонов*

Технический редактор *Ф. М. Хенов*

Корректоры *Е. Н. Белоусова, Л. И. Харитонова*

Сдано в набор 17/XI 1975 г. Подписано к печати 19/III 1976 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 22 Уч.-изд. л. 25,6 Тираж 1550 Т-02767
Тип. зак. 3183 Цена 1 р. 77 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

19.11.20

Национална библиотека Србије - Београд

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ